мф 801-85
12059-0

Великая реформа.

19 февраля

1861.
1911.

И 45/224
т. 4

И 45/224
201-85
12059-Q

ИСТОРИЧЕСКАЯ КОМИССІЯ УЧЕБНАГО ОТДѢЛА
О. Р. Т. З.
Редакція А. К. ДЖИВЕЛЕГОВА, С. П. МЕЛЬГУНОВА, В. И. ПИЧЕТА.

[22 илл = 18 вкл + 4 накл.]

Великая реформа.

РУССКОЕ ОБЩЕСТВО и КРЕСТЬЯНСКІЙ ВОПРОСЪ ВЪ ПРОШЛОМЪ и НАСТОЯЩЕМЪ.

ЮБИЛЕЙНОЕ ИЗДАНІЕ.

Томъ IV.

Изданіе Т-ва И. Д. Сытина.

ПРИНИМАЮТЪ УЧАСТІЕ:

В. П. Алексѣевъ, В. И. Анисимовъ, Н. Ѳ. Анненскій, акад. К. К. Арсеньевъ, В. П. Батуринскій, П. Д. Боборыкинъ, В. А. Боголюбовъ, проф. М. М. Богословскій, В. Я. Богучарскій, В. Д. Бончъ-Бруевичъ, В. Н. Бочкаревъ, Н. Л. Бродскій, И. П. Бѣлоконскій, Н. П. Василенко, Е. И. Вишняковъ, В. В. Водовозовъ, прив.-доц. А. Э. Вормсъ, В. Е. Вѣтринскій, А. М. Гнѣвушевъ, прив.-доц. Ю. В. Готье, А. К. Дживелеговъ, проф. М. В. Довнаръ-Запольскій, Е. А. Ефимова, Д. А. Жариновъ, П. А. Зеленый, акад. Н. Н. Златовратскій, И. И. Игнатовичъ, И. Н. Игнатовъ, Н. И. Іорданскій, В. В. Каллашъ, И. М. Катаевъ, проф. А. А. Кизеветтеръ, прив.-доц. М. В. Клочковъ, С. А. Князьковъ, акад. А. Ѳ. Кони, А. А. Корниловъ, В. Г. Короленко (предположительно), В. П. Кранихфельдъ, проф. В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, акад. А. С. Лаппо-Данилевскій, А. А. Леонтьевъ, проф. А. С. Лыкошинъ, проф. М. К. Любавскій, проф. А. А. Мануиловъ, С. П. Мельгуновъ, Ѳ. Ѳ. Нелидовъ, В. П. Обнинскій, д-ръ А. Павловскій, прив.-доц. В. И. Пичета, А. З. Попельницкій И. И. Поповъ, С. Н. Прокоповичъ, А. С. Пругавинъ, прив.-доц. А. Е. Прѣсняковъ, А. В. Пѣшехоновъ, В. А. Розенбергъ, Н. С. Русановъ, прив.-доц. П. Н. Сакулинъ, проф. В. И. Семевскій, Н. П. Сидоровъ, И. М. Соловьевъ, В. Н. Сторожевъ, прив.-доц. Б. И. Сыромятниковъ, В. Г. Танъ, кн. О. Н. Трубецкая, проф. М. И. Туганъ-Барановскій, В Я. Улановъ, С. В. Фарфаровскій, кн. Д. И. Шаховской, проф. Н. Н. Ѳирсовъ и др.

2007056889

Всесоюзная библиотека имени В. И. Ленина

до 23576-38

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., с. д.
Москва. — 1911.

ОГЛАВЛЕНІЕ IV ТОМА.

Стр.

Крѣпостное право въ народной поэзіи. Н. Л. Бродскаго. 1

Изображеніе крѣпостного права въ произведеніяхъ Т. Г. Шевченко. А. М. Гнѣвушева. 34

Крѣпостное право въ поэзіи Некрасова. И. Н. Игнатова. 43

Крѣпостная старина въ художественной сатирѣ Салтыкова (Щедрина). Ѳ. Ѳ. Нелидова. 52

Изъ воспоминаній о крѣпостномъ правѣ.

I. Крѣпостные развиватели. П. Д. Боборыкина. 76

II. О послѣднихъ пяти годахъ крѣпостного состоянія. П. А. Зеленаго. . . . 86

Крестьянскій вопросъ въ юго-западномъ и сѣверо-западномъ краѣ при Николаѣ I и введеніе инвентарей. Н. П. Василенко. 94

Русское общество и реформа 1861 г. Проф. А. А. Кизеветтера. 110

Ходъ крестьянской реформы.

I. Начало законодательныхъ работъ. Е. И. Вишнякова. 138

II. Губернскіе дворянскіе комитеты 1858—1859 гг. А. А. Корнилова. . . . 146

III. Главный Комитетъ и редакціонныя комиссіи. Е. И. Вишнякова. . . . 166

«Колоколъ» и крестьянская реформа. Ч. Вѣтринскаго (Чешихина.). 194

Н. Г. Чернышевскій и крестьянская реформа. Н. Ѳ. Анненскаго. 220

Крѣпостное право въ народной поэзіи.

Н. Л. Бродскаго.

Ежегодно число сборниковъ народныхъ пѣсенъ увеличивается, но среди новыхъ записей почти совсѣмъ не встрѣчается отголосковъ крѣпостного времени, пѣсенъ „крепацкихъ“, про панщину, ея отмѣну, пѣсенъ о волѣ, наступившей для крестьянъ съ уничтоженіемъ крѣпостничества. Да и въ массѣ пѣсеннаго матеріала, давно извѣстнаго изслѣдователямъ, эти пѣсни рѣдко встрѣчались, своимъ страннымъ отсутствіемъ невольно поражая интересующихся народнымъ творчествомъ. Великорусская пѣсня, откликнувшаяся на разнообразнѣйшіе случаи личной и общественной жизни русскаго народа, впитавшая въ себя горе и радость, смѣхъ и слезы народныя, съ рѣдкой памятливостью сохранившая слѣды глубокой старины и каждодневно творящая, отзывающаяся на многоразличныя событія современности,—эта же пѣсня словно прошла мимо крѣпостного времени, скупо обмолвилась о столѣтіяхъ народнаго рабства, изрѣдка выдавивъ стонущій звукъ, глухой ропотъ. Можетъ показаться, что народъ привыкъ къ крѣпостнымъ отношеніямъ, сжился съ рабствомъ, какъ съ бытовымъ явленіемъ, уже не возмущавшимъ его нравственнаго чувства, что долгіе годы приниженія и безправнаго существованія омертвили его душу, вытравили и чувство недовольства подневольной жизнью и желаніе лучшей доли, и что потому крѣпостная эпоха и не отразилась въ народной поэзіи? Но

стоитъ только вспомнить народныя волненія, мятежи, бѣгство крестьянъ, самоубійства ихъ — и станетъ ясно, что народъ никогда не мирился съ своимъ положеніемъ, что въ душѣ его всегда жило стремленіе избавиться отъ рабства. И не только въ бунтахъ заявлялъ онъ о своемъ недовольствѣ, право на другую жизнь: народъ пользовался всѣми доступными средствами, чтобы напомнить о себѣ, о своей горемычной долѣ. Такъ, „барскіе люди“ подбрасывали Петру Великому подметныя письма съ просьбой услышать „гласъ плача усерднаго“, страдающихъ отъ „волковъ свирѣпыхъ“, „змій ехидныхъ“: „просимъ и молимъ и умильно вопіемъ,—били челомъ эти „сироты“:—да та на милость преклонимъ о свободствѣ, дабы намъ із Содому и Гомору отраднѣе было“...

Въ разсказахъ, слухахъ и легендахъ, упорно бродившихъ по крѣпостнымъ деревнямъ, народъ также выражалъ свое отношеніе къ крѣпостному праву, всегда враждебное къ помѣщикамъ, полное ожиданій, что вся земля будетъ отдана крестьянамъ, что получены „указы“ итти истреблять пановъ и т. д. Мы еще многаго не знаемъ о настроеніяхъ народной массы въ эпоху крѣпостного права, многіе документы, характеризующіе психологію крестьянства того времени, еще погребены въ разныхъ „древлехранилищахъ“. Въ архивѣ канцеляріи Военнаго Министерства, напр., имѣется интересная тетрадка „Московскія новости или новые правдивые и ложные слухи, которые послѣ виднѣе означатся, которые правдивые, а которые лживые, а теперь утвердить не однихъ не могу, но рѣшился на досугѣ списывать для дальняго время незабвеннаго, именно 1825 года, съ декабря 25 дня“. Эти слухи, числомъ 51, записанные дворовымъ человѣкомъ Ѳедоромъ Ѳедоровымъ, рѣзко отражаютъ, по словамъ Шильдера, народный протестъ противъ крѣпостного права, а отстраненіе великаго князя Константина Павловича отъ престолонаслѣдія является въ народной фантазіи какъ бы слѣдствіемъ его намѣренія освободить крѣпостныхъ; цесаревичъ является жертвой своего заступничества за народъ. Встрѣчается, между прочимъ, такой разсказъ, что великій князь, „видя такое неустроенное въ Россіи варварское на все россійское простонародіе, самовластное и тяжкое притѣсненіе“, вознамѣрился по возможности уничтожить оное и для этой цѣли обратился за помощью къ австрійскому императору, который обѣщалъ двинуть 150 тысячъ войска (28 слухъ, 8 февр. 1826).

Нѣтъ нужды, что одинъ изъ проповѣдниковъ вольности и независимости крѣпостныхъ людей — дворовый Тимоѳей Кирилловъ, громко произносившій на улицѣ „неприличныя и даже бранныя слова“ насчетъ помѣщиковъ, былъ наказанъ розгами, („онаго Кириллова за столь буйственный и дерзновенный поступокъ слѣдовало бы наказать наистрожайшимъ образомъ и публично“,) — несмотря на всѣ запреты, наказанія, жажда воли проявлялась въ крѣпостномъ крестьянствѣ все чаще и

могущественнѣе. Въ концѣ 50 годовъ о свободѣ говорила крестьянину даже телеграфная проволока, только что протянувшаяся по уѣздному тракту; по свидѣтельству Фета, крестьяне говорили тогда, что это тянутъ имъ изъ Петербурга волю. Неужели же эти народныя настроенія не отразились въ его поэзіи? И если они должны были сказаться въ ней, то почему у насъ такъ мало пѣсенныхъ отраженій крѣпостной эпохи? Главной причиной малаго количества народно-поэтическихъ откликовъ на панщину [1]) является та „инквизиціонная опека“, которая долго тяготѣла надъ народной пѣснью, народнымъ сатирическимъ творчествомъ. Внѣшнія неблагопріятныя условія мѣшали какъ сложенію подобныхъ пѣсенъ, такъ и появленію ихъ въ печати. Еще въ Московской Руси духовная и свѣтская власти дружно объявили походъ противъ народной пѣсни, запрещали „глумы и кощуны“, предписывали „не чинить

Деревенскія сцены (рис. Мартынова 20 гг.).

скаредныхъ и смѣхотворныхъ укоризнъ“, грозили батогами и ссылкой въ украйные города тѣмъ, кто въ пѣснѣ осмѣивалъ духовенство, вышучивалъ барство, нападалъ на власть имущихъ. Что скоморохи — эти единственные представители старорусскаго „мірского“ искусства—съ развитіемъ крѣпостного права стали глумиться надъ помѣщиками, разжигать народную ненависть къ боярамъ, показываетъ хотя бы слѣдующій фарсъ, чрезвычайно популярный въ Великороссіи въ XVII столѣтіи: на сцену выходилъ бояринъ въ карикатурѣ, на головѣ у него была горлатная шапка изъ дубовой коры, самъ онъ былъ надутый, чванливый, съ оттопыренной губой. Къ нему шли челобитчики и несли посулы въ лукошкахъ — кучи щебня, песку, свертокъ изъ лопуха и т. п. Челобитчики земно кланяются, просятъ правды и милости,

[1]) Говоримъ сравнительно, имѣя въ виду массу откликовъ на другія событія народной жизни.

но боярин ругаетъ ихъ и гонитъ прочь. Ой, боринъ, ой, воевода, любо было тебѣ надъ нами издѣваться, веди же насъ теперь самъ на расправу надъ самимъ собой,—говорятъ челобитчики и начинаютъ тузить боярина, грозятъ его утопить. Затѣмъ являются двое лохмотниковъ, которые и принимаются гонять толстяка прутьями, приговаривая:

— Добрые люди, посмотрите, какъ холопы изъ господъ жиръ вытряхиваютъ.

Въ слѣдующей сценѣ является купецъ и начинаетъ считать камешки, изображающіе деньги. Лохмотники бросаются на него и тормошатъ.

— Дѣлись съ нами! — кричатъ ему. — Награбилъ съ народа за гнилой товаръ.

Отобравъ деньги и расправившись съ боярином и купцомъ, добрые молодцы отправляются какъ бы во „царевъ кабакъ“, пьютъ и поютъ:

Ребятушки! Праздникъ, праздникъ! На матушкѣ Волгѣ—праздникъ!
У батюшки праздникъ, праздникъ! Сходится голытьба на праздникъ!
Готовьтесь, бояре, на праздникъ!

Представленіе заключалось обращеніемъ къ толпѣ: „Эхъ, вы, купцы богатые, бояре тароватые! Ставьте меды сладкіе, варите брагу пьяную, отворяйте ворота растворчаты, принимайте гостей голыхъ, босыхъ, оборванныхъ, голь кабацкую, чернь мужицкую, неумытую“. Подобныя сцены, будившія народное недовольство, сыграли не малую роль въ смутахъ и мятежахъ и, несомнѣнно, вызывали усиленныя гоненія противъ скомороховъ. Не способствовали появленію сатирическихъ пѣсенъ и петровскіе указы, гласившіе, что „за составленіе сатиры сочинитель ея будетъ подвергнутъ злѣйшимъ истязаніямъ“.

И впослѣдствіи „сочинители“ эти продолжали находиться „подъ страхомъ жестокаго отвѣта и безпощаднаго штрафованія“. Народная пѣсня вынуждена была обходить молчаніемъ печальныя стороны русской жизни. Пѣвцы и пѣвицы зачастую подвергались тяжелымъ наказаніямъ за пѣсни, въ которыхъ касались барства. Одинъ лирникъ, со словъ котораго записаны были крепацкія пѣсни, печально признавался: „Божому человѣку добре за сю пѣсню досталось, знавъ и я, и голова моя, и спина моя!“

Если пѣсни про панщину вообще вытравлялись самими помѣщиками, не нуждавшимися въ этомъ случаѣ въ особыхъ правительственныхъ указахъ, то цензурныя власти, въ свою очередь, ревниво оберегали читателя отъ появленія подобныхъ пѣсенъ въ печати, исправляя и калѣча памятники народнаго творчества иногда до неузнаваемости. Въ самыхъ невинныхъ текстахъ подозрительное око цензуры видѣло крамолу. Въ 40 годахъ подверглась строгому запрещенію лубочная картинка, „какъ быкъ не захотѣлъ быть быкомъ“. Текстъ въ срединѣ картинки—„быкъ не захотѣлъ быть быкомъ, да и сдѣ-

лался мясникомъ, когда мясникъ сталъ бить въ лобъ, то, не стерпя его удара, ткнулъ рогами въ бокъ, а мясникъ съ ногъ долой свалился,—то быкъ выхватить топоръ у него потщился; отрубимши ему руку, повѣсилъ его вверхъ ногами, и сталъ таскать кишки съ потрохами“,—текстъ этотъ казался тогдашнимъ цензорамъ намекомъ на расправу крѣпостныхъ крестьянъ со своими господами „за жестокое обращеніе“. Что подъ ударами, сыпавшимися съ разныхъ сторонъ, безвозвратно погибло много сатирическихъ пѣсенъ, въ этомъ нельзя сомнѣваться. Но не только въ неблагопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ кроется причина того, что намъ извѣстно сравнительно ничтожное количество „крѣпостныхъ“ пѣсенъ. Съ уничтоженіемъ крѣпостной неволи цензурныя препоны уже не мѣшали появленію въ печати подобныхъ произведеній народной поэзіи. Думается, вина отчасти лежитъ и на этнографахъ, бросившихся съ 60 годовъ преимущественно на сѣверъ, въ край старинокъ,

Деревенскія сцены (рис. Мартынова).

и слишкомъ мало обратившихъ вниманія на тѣ пѣсни, сказки, въ которыхъ народъ касался крѣпостной эпохи и которыя, несомнѣнно, бытовали въ центральной Россіи. Малорусскихъ изслѣдователей народная поэзія заинтересовала не только своей „эпичностью“, не только „своей плѣнительной младенческой наивностью, теплой любовью къ природѣ и обаятельной силой чудеснаго“ (какъ это было у Аѳанасьева и другихъ великорусскихъ ученыхъ): въ первые же годы крестьянской свободы они дали въ журналахъ, газетахъ цѣлый рядъ записей на интересующую насъ тему, и потому инвентарь ихъ пѣсенъ, преданій, сказокъ неизмѣримо богаче великорусскаго. Конечно, особыя условія, въ которыхъ жило малорусское крестьянство [1]), испытывавшее гнетъ со стороны чуждой, не русской и иновѣрной національности, должны

[1]) А также и бѣлорусское.

былп сказаться въ большей яркости изображенiй крѣпостной эпохи и созданiи большаго количества пѣсенъ по данному вопросу. Но и въ Великороссiи ходили въ народѣ разсказы о помѣщикахъ, раздавались пѣсенные стоны, выражалось ожиданiе волп и радость прп ея наступленiи!.. Пока не поздно, надо спасать остатки народной поэзiи крѣпостного перiода. И теперь еще появляются новыя записи пѣсенъ съ характерной помѣтой: „изъ ходячей рукописи“, въ печати встрѣчаются указанiя, что среди крестьянъ продолжаетъ существовать литература стихотворныхъ памфлетовъ на крѣпостную эпоху. Много любопытнаго матерiала, вѣроятно, лежитъ въ нашихъ губернскихъ архивахъ, въ старыхъ дѣлахъ изъ цикла помѣщичье-крестьянскихъ отношенiй.

Набросаемъ сейчасъ картину этихъ отношенiй, заглянемъ въ дореформенную деревню, прислушаемся, что сказалъ самъ народъ о своей подневольной жизни—въ тѣхъ памятникахъ своей поэзiи, которые извѣстны намъ въ настоящее время.

О! Горе намъ, холопемъ, за господами жить!
И не знаемъ, какъ ихъ свирѣпству служить!..
О! Горе намъ, холопемъ, отъ господъ и бѣдство!..
Пройди всю подселенную—нѣтъ такова житья мерзкова!..
Во весь вѣкъ сколько можемъ мы, безсчастные, пожить,
И всегда будемъ мы, безсчастные, тужить,—

слышится горе народное въ „плачѣ холоповъ“. Брань и побои, безраздѣльная власть помѣщика надъ личностью и собственностью крестьянина, забитость и страхъ мужицкiе, сознанiе неизбывности страданiй до конца жизни—ярко выступаютъ въ этомъ замѣчательномъ произведенiи XVIII вѣка.

Противны стали нынѣ закону господа,
Не вѣрятъ слугамъ ни въ чемъ и никогда!
Безъ выбору насъ, бѣдныхъ, ворами называютъ,
«Напрасно хлѣбъ ѣдимъ»—всечасно попрекаютъ.
А если украдемъ господскiй одинъ грошъ,
Указомъ повелятъ его убить, какъ вошь.
А баринъ украдетъ хоть тысячъ десять,
Никто не присудитъ, что надобно повѣсить...
На власть Создателя перестали уповать
И нами, какъ скотомъ, привыкли обладать...
Боярин умертвитъ слугу, какъ мерина,—
Холопьему допосу и въ томъ вѣрить не велѣно.
Неправедны суды составили указъ,
Чтобъ сѣчь кнутомъ тирански за то насъ...

Крестьянская свадьба.

(Лубочная картина *изъ коллекцій Бахрушина въ Историческомъ музеѣ*).

Знать мы всѣ безсчастны на свѣтъ рождены,
Что подъ власть такимъ тиранамъ вовѣкъ утверждены!
За что намъ мучиться и на что вѣкъ тужить?..
Лучше намъ жить въ темныхъ лѣсахъ,
Нежели быть у сихъ тирановъ въ глазахъ:
Свирѣпо на насъ глазами глядятъ
И такъ, какъ бы ржа желѣзо, ѣдятъ...
Пропали наши бѣдныя головы
За господами лихими и голыми!
Всѣ мы въ немилосердныхъ рукахъ связаны,
Какъ будто такимъ татствомъ обязаны.

Страхъ передъ помѣщикомъ наполнялъ крестьянскую жизнь сплошнымъ ужасомъ:

Плачъ, крикъ, слезы льютьця, Вси боятьця, вси трясутьця —

говоритъ пѣсня. „Тарасовицкій Данило“, памфлетъ котораго на крѣпостное право приведенъ ниже, вспоминаетъ, что до 1854 года „пановъ боялись хуже черта“... Малорусскій крестьянинъ передъ тѣмъ, какъ войти къ помѣщику, читалъ молитву, стоя передъ дверью: „Миколай угодникъ, скорый помощникъ, поможи и пособи мені грішному и въ полі, и въ домі, и въ путі, и въ дорозі—одъ злихъ людей, одъ поганыхъ очей, одъ нечистыхъ речей и одъ поганої тварюки“. Послѣ же этихъ словъ, не переводя духу, трижды произносилъ, переступая порогъ: „якъ порігъ мовчить, якъ сволокъ мовчить, такъ и ты, папе, мовчи!“

И не даромъ онъ боится, вѣдь „барская милость — что кисельная сытость“, „пану девить разъ услужіў, а разъ ни ўслужіў—усе и прапала“; вѣдь за малѣйшую оплошность крестьянинъ можетъ подвергнуться жестокому наказанію:

300 (палокъ) дали Емельяну, Что не скоро снялъ шапку пану.

Этотъ же страхъ передъ панами проходитъ красной нитью и въ пословицахъ: „хвали рожь въ стогу, а барина— въ гробу“, „чортъ душу выме, а панъ шкуру здыме“, „пана повѣсюць, три дня передъ нимъ шапку знимай, часомъ оторвецца“.

Помѣщики, что хотѣли, то и дѣлали („панъ що хоче, те й робить“; „господинъ, что плотникъ, что захочетъ, то и вырубитъ“; „панска воля— наша доля“). И конца не было ихъ издѣвательствамъ, не щадили ни чести женской, ни возраста, ни силъ мужицкихъ:

Всѣ они были панами,
Начальниками надъ нами.
Они были и за судей,
Насъ не чтили за людей,
Крѣпостными насъ имѣли,
Сами смачно пили, ѣли,
Роскошничали, гуляли,
Насъ на скотину мѣняли:

Гонипревскій Булгаку
3 души далъ за собаку.
Мучили насъ хуже скотины:
Не было березки,
Съ которой бы не ломали розги,
На нашу-то грѣшну спину
Ломали лозу и осину.
Вмѣсто борща ѣли снытки,
Сорочки грубы, какъ рогожки,
А что касается сапогъ,
Мужикъ и думать о ихъ не могъ,—
Ноги ихъ вѣчно въ лаптяхъ гнили;
Тѣла грѣшнаго не мыли...
Безъ вины били, карали,
Насильно замужъ отдавали:
Хоть какъ дѣвица не хочетъ,
Съ кѣмъ захочетъ,
Обвѣнчаетъ. Молодые паничи
Брали дѣвокъ для ночи.
Чуть только 15 лѣтъ,
Каждая сама идетъ.
А если сама не явится,—
Имѣлъ надъ нею власть,
Разовъ первую сотню за то дастъ.
Замужнюю, когда захочетъ,
Каждую къ себѣ волочетъ,
Мучитъ ее цѣлую ночь,
А мужа отгоняетъ прочь.
Зато мужья и молодки
Носили на ногахъ колодки,
И въ желѣзы еще ковали,—
Такъ-то сильно горевали!
Трудно было подъ панами;
Смѣялись они надъ нами,
Терпѣли отъ боя боли,
На рукахъ были мозоли,
Не было изъ насъ человѣка,
Чтобъ безъ бою доживъ вѣка.
Бывало, въ кровавомъ потѣ,
Въ сильный холодъ на болотѣ,
Межъ купья, въ водѣ по колѣно,
Для пановъ косили сѣно,
А бабы и дѣвки рядами
Загребали сѣно за нами.
Гдѣ лѣсъ рубили и косили,
Дѣти обѣдъ туда носили,
Верстъ за 5 или за 7,
Голодные и холодные совсѣмъ.
Тамъ волки ихъ пожирали
И, заблудившись, умирали,
Бывало, стараго калѣку
И слабаго человѣка,
Послѣдняго работника съ хаты,
Кого хотя, сдаютъ въ солдаты,—
Къ спасенію не было надежды.
Голодные, безъ одежды
Зимой дрова панамъ возили,
Руки и ноги морозили
И, какъ ничтожные рабы,
Сбирая ягоды и грибы,
Лѣтомъ имп себя питали.
Тогда мы были дурны,
Хаты были курны,
И въ горькомъ дыму
Корчились въ дому.

Произволъ и насилье барскіе на каждомъ шагу.. Вотъ пѣсня о томъ, какъ „плакала, тужила наша Обозерска свобода“, какъ „разорилъ нашу сторонку злодѣй бояринъ, господинъ“, какъ „повыбралъ онъ, злодѣй, молодыхъ нашихъ ребятъ во солдатушки, а насъ, крестьянскихъ дѣвушекъ, во служаночки, молодыхъ молодушекъ во кормилочки, а матушекъ съ батюшками на работушку“.

Въ другой пѣснѣ еще болѣе ужасныя подробности о раззорѣ цѣлой семьи:

...батюшку съ матушкой за Волгу везуть,
Большаго-то брата въ солдаты куютъ,
А середняго-то брата въ лакеи стригутъ,
А меньшого брата въ прикащики.

Пословица также отмѣтила тяжесть господской власти: „барская просьба—строгій приказъ“, „неволя—боярскій дворъ: ходя наѣшься, стоя выспишься“

„душа—Божья, голова—Царская, спина—барская“. Но въ чемъ особенно рѣзко сказались крѣпостныя отношенія помѣщика и крестьянина, — это въ барщинѣ и другихъ хозяйственныхъ повинностяхъ, и народная пѣсня подробно изображаетъ условія трудовой жизни деревни, чаще всего останавливается на „работушкѣ тяжелой“:

Пропали наши головы
За боярами, за ворами.
Гонятъ стараго, гонятъ малаго
На работушку тяжелую,
На работушку ранешенько,
А съ работушки позднешенько.

Пословица говоритъ: „нужда учитъ, а барщина мучитъ“. Дѣйствительно, мучительныя картины одна за другой встаютъ изъ народныхъ пѣсенъ, изображающихъ крестьянина на полѣ, за работой:

Деревенскія сцены (рис. Мартынова).

Добрый нашъ панъ, добрый нашъ панъ,
Добрый до работы:
Ой якъ займе съ понедѣлка,
Робе до суботы.

Въ другой пѣснѣ, какъ бы на тему великорусской пословицы: „господской работы не переработаешь“, панъ Поганьскій (въ другихъ варіантахъ— просто панычъ) набрасывается на рабочихъ, только что сѣвшихъ отдохнуть:

Та кого бье, кого лае,
Кого такъ питае:
Ой, чего жъ вы, хлопци, сілы,
Чомъ вы снопивъ не носыли?

Оказывается—

Ой, тимъ же мы не носыли,
Що ше нивка мокра,
Буде жито росле.

Работа тянулась изо дня въ день, ей не было конца, и эта непрерывность ея, подъ постояннымъ присмотромъ всевозможныхъ управляющихъ помѣщиковъ — войтовъ, атамановъ, есауловъ, десятниковъ и пр. [1]),—особенно усиливала тяжесть подневольнаго труда.

Вотъ пѣсня, записанная Костомаровымъ въ Волынской губерніи: наступила черная туча, настала еще и сизая. Была Польша, была Польша, а вотъ стала Россія! Не отбудетъ отецъ за сына, ни сынъ за отца. Живутъ люди, живутъ слободою, идетъ мать на ниву, идетъ вмѣстѣ съ дочкой. Пришли онѣ на нивушку: помогай намъ, Боже и святой воскресный день, господинъ великій! Сѣли пообѣдать — горекъ нашъ обѣдъ. Оглянулись назадъ—экономъ ѣдетъ.

Пріѣхавъ вонъ до ланочку, нагай роспускае:
— Ой, чомъ же васъ, вражихъ людей, по трое не мае?
Ой, зачавъ же ихъ окономъ лаяти да бити.
Ой, чомъ же вамъ, вражимъ людямъ, сноповъ не носити?
А въ нашого окономa—червонная шапка:
Якъ пріѣде до панщины—скаче явъ та жабка.
А въ нашого окономa шавковѣ онучи,
Плачутъ, плачутъ бѣднѣ люди изъ панщины идучи,
Пооблазили воламъ шіѣ, бѣднымъ людямъ руки...

Въ другомъ варіантѣ этой пѣсни поется: „Отца гонятъ въ степь косить, сына молотить, дочку-дѣвицу садить табакъ, а невѣстку со свекровью на ниву рожь жать. Сѣли они обѣдать: горекъ ихъ обѣдъ; осмотрятся они позади себя—ѣдетъ экономъ... Подъѣхалъ, расправилъ нагайку, говоритъ: а зачѣмъ васъ, вражьихъ дѣтей, нѣтъ здѣсь всѣхъ?—Экономъ батюшка, что намъ дѣлать, мы покинули малыхъ дѣтей, некому ихъ приглядѣть.—Я велю малыхъ дѣтей въ прудѣ потопить, а вамъ, вражьимъ людямъ, всѣмъ приказываю ходить на работу“. Мужики говорятъ, что имъ пришелъ чередъ ходить на работу въ винокурню; работать придется цѣлую недѣлю:

Ой, пойшовъ я въ понедѣлокъ, пойшовъ и во второкъ,
Ажъ выѣхавъ панъ Комисаръ—давъ нагаевъ сорокъ.
Ой, ходивъ я увесь тыждень, ходивъ до суботы,
Ажъ выѣхавъ и самъ дѣдичъ [2]): чортъ-ма съ васъ работы!..

Мужикамъ даже нѣтъ времени сходить въ церковь. Рано утромъ въ воскресенье „дзвоны дзвонятъ“, хотѣлъ было мужикъ пойти въ церковь, да есаулъ, погнавшій всѣхъ на работу, схватилъ его за голову, „бье кіемъ по ушахъ“. О томъ же поется въ другой пѣснѣ:

---

[1]) Что значили въ крѣпостномъ хозяйствѣ эти барскіе помощники, видно хотя бы изъ слѣд. пословицъ: «не такъ докучна адъ паноу, якъ адъ панятъ», «Богъ—высоко, панъ далеко, а пидпаньки дадутъ драньки», «войтъ, панъ ня Бохъ, а увялитца — жить ни дась».

[2]) Владѣлецъ.

Ходить поникъ по церковці,
Святу книжечку читавъ;
Питается людей божихъ:
«Чомъ васъ богато въ церкві не буває?»

— Ой, чи жъ есть часъ намъ, батюшка,
До церкви ходити?
Якъ чорний вілъ въ свято и неділю
Мусишъ панщину робити.

„Вража панщина“ ненавистна мужику: „за панами було жить погано“, вспоминаетъ бѣлоруссъ пана Шидловскаго. Стонетъ пѣсня:

Ой, горе—не біда, не гетьманщина,
Надокучила мені вража панщина.

Я на панщину йду—торбу хліба несу,
А изъ панщины йду—спотыкаюся,
Дрібненькими слізоньками умываюся...

Сельская харчевня (La Bussie historique 1861 г.).

Отъ непосильной работы гибнутъ сила, красота:

Молодая дивчынонька,
Чого зъ лиця спала?

— Така теперъ, козаченьку,
Панщина настала...

Отъ помѣщика приходится все сносить, разоряться благодаря распущенной жизни пана, напряженно работать, чтобы удовлетворять барскія прихоти. Панъ Письменскій, напр., задолжалъ сорокъ тысячъ грошей, выстроилъ себѣ хорошія хоромы—

А за тіи та хоромы
Взялы у насъ коровы,
А за тіи схидци,

Позаймалы й вивци...
Доживемся мы до кинця,
Не буде й сорочки.

Раешникъ, сопровождая картинки разными, иногда замысловатыми присказками, остановился, между прочимъ, и на барскихъ вояжахъ за границу: „А вотъ андермапиръ штукъ—другой видъ, городъ Палерма стоитъ; барская фамилія по улицамъ чинно гуляетъ и нищихъ тальянскихъ русскими деньгами щедро надѣляетъ“.

Больше мужицкой работы — больше доходовъ помѣщику; пословица говоритъ: „земля любитъ навозъ, конь—овесъ, а бояра—приносъ“. Но, по пословицѣ же, какъ утинаго зоба не накормишь, такъ господскаго кармана не наполнишь. Мало того, что „добри паны де булы степы, дибровы,—то все подплыли“, что они захватили для своихъ стадъ „стены добри“,—они силой захватываютъ и то, что принадлежитъ крестьянину: „а когда прогнѣвишь господъ, такъ отымутъ и отцовское наслѣдство“, жалуются холопы XVIII в. Нѣтъ нужды, что мужикъ, у котораго ни въ полѣ ни дома нѣтъ ни хлѣба ни снопа, насилу-то накосилъ себѣ зеленаго сѣна—панъ прислалъ „плавневого“, тотъ и забралъ все сѣно. А когда мужикъ (въ другой пѣснѣ) узналъ, что „вражи паны“ забрали у него рожь еще зеленую на сѣчку, и пошелъ просить объ уплатѣ—

А вонъ мене выбивъ добре, да й выпхавъ изъ хаты.

Стоило ли заботиться въ условіяхъ такой жизни объ увеличеніи своего достатка? Пословица отвѣчаетъ: „не шей дубленой шубы, оброку прибавятъ“. Тяжелое положеніе народа въ эпоху крѣпостного хозяйства, выступающее во всѣхъ приведенныхъ примѣрахъ, особенно полно и ярко освѣщается въ памфлетѣ Тарасовицкаго Данила. Здѣсь какъ бы сведены въ одну картину всѣ подробности, характерныя для крѣпостныхъ отношеній усадьбы и деревни. Прислушаемся къ его воспоминаніямъ о прошломъ:

И всѣ мы въ большёй нуждѣ жили,
Панамъ пригонъ служили
По 3 дня въ недѣлю съ души.
Одни ѣли куляши,
А хлѣбъ ѣли съ одной мякины...
Эконома, старосты и войта
Мы боялись хуже черта.
Припомнить теперь, ажъ дивно!
Они, бывало, безпрерывно
Бичами на насъ махали,
Никогда мы не отдыхали.
Наготой, голодомъ морили,
Постоянно говорили:
«Т.-е. пшѣкленто [1]) кровь хамська
Нѣхъ кажды зна воля паньска!..»
Кромѣ тяжкаго пригону,
Служили панамъ еще сгону,
Да еще служили гвалту,—
По очереди на варту
Фольварокъ стеречь ходили
И всю-ночь-дрова-рубили
У кухню и панскія печи.
Спать нельзя было прилечи:
Съ пригону домой,
А тутъ плочь и вой,—
Дѣти повстрѣчаютъ,
Плачутъ и голосятъ,
Пищи себѣ просятъ.
Имъ сказала мать,
Что нѣтъ чего дать,
Пока пошлетъ сына
Взять изъ магазина.
И такъ дѣти сохнутъ,
Животныя дохнутъ;

[1]) Проклятый.

Голодная кошка
Кричитъ, смотря въ окошко.
Но не успѣемъ сѣсти
Пищи постной съѣсти,
По закатѣ солнца,
Войтъ стучитъ въ оконце:
«Мужчины съ цѣпами,
Женщины съ серпами,
Завтра на пригонъ!
Гасите огонь!»
Вставай до зари,
Обѣдать вари,—
Некогда прясти нитки
На сорочки и свитки,
Думай чѣмъ одѣваться
И гдѣ отъ бѣды дѣваться.
Съ голоду болѣвши,
Рубище надѣвши,
Водицы напись,
На пригонъ торопись,
До солнца приди
И цѣпомъ крути.
А тутъ войтъ экономy
Покажетъ солому,
Чуть зерно найдетъ,
Драть кожу кладетъ.
Всѣ, что на пригонъ опоздали,
По одной сотнѣ палокъ достали.
Сѣрый волъ захромалъ,—
Двѣ сотни за то попалъ.
Павлюка заболѣли глаза,
И ему дали 123 раза.
Савки свинью волки схватили
И за то лозой колотили.
40 разъ дали Денису,
Что продавъ корову лысу.
Гришка посѣкъ 5 березъ,—
50 дали лозъ,
И 120 лозъ дали Харламу—
На полѣ вырывъ яму.
Хмельному бывши Михалку
Поломали на спинѣ палку.
Данило поздно явился,—
Ободъ колеса сломился,—
За то ему на томъ же мѣстѣ
Влѣпили палокъ двѣсти [1]).
Беременныя женщины на пригонъ ходили,
Пока тамъ же и родили.
А оттуда, накрывши полой,
Тащи, больная, домой,
А изъ дома до недѣли
Таскай дитя въ колыбели.
А въ недѣлю скрести,
Да и нужно пану отнести
Курицу или яицъ,
Или поляницъ
Корецъ, а не то хоть полотенца,
Да и запиши въ книги младенца.
Но на эту же душу
Не прибавитъ куляшу,
А жуетъ ему мать картошку,
Въ ротъ суетъ понемножку,
А чуть подрастетъ,—
У пана свиней пасетъ...
Пановъ боялись хуже черта:
Отъ ихъ, бывало, безъ паспорта,
Куда видно удерешь,
За трудъ платы не берешь,
Но какъ безъ письменнаго вида
Просишь шляхтича иль жида:
«Прими работать, панечекъ,
Хотя за хлѣба кусочекъ!»
Но скоро паны найдутъ,
Сотни три за то дадутъ.
Не снимали закона и вѣры,
А жили хуже, чѣмъ звѣри,
Ибо и звѣри во всякомъ родѣ
Имѣли пріятность на...

Трудно было жить деревнѣ, нерадостно жилось и дворнѣ. Крестьянамъ, изнемогавшимъ отъ работы въ полѣ, въ лѣсу, не знавшимъ отдыха отъ разныхъ барскихъ повинностей, казалось, что трудно придумать что-либо лучше жизни дворовыхъ:

---

[1]) Ср. бѣлорусскую поговорку о тѣлесныхъ наказаніяхъ: «сыпали зъ верьхамъ».

А крестьяне завидуютъ Онъ и пашенки не пашетъ,
Что дворовому житью: Сохи въ руки не беретъ,
Въ оброкъ денегъ не кладетъ.

Но не такъ смотрятъ на свою жизнь сами дворовые, сложившіе пѣсню „про горюшко свое“:

Ахъ, вы, глупые крестьяне, Куда крикнутъ—бѣги скоро,
Поживите-ка съ нами! Чтобы дѣло было споро.
Ужъ и нѣтъ хуже на свѣтѣ, Обернулся назадъ,
Какъ дворовaго житье: А мнѣ палкою грозятъ.

Въ другой пѣснѣ новая подробность:

Холопъ скоро прибѣжалъ. Не успѣлъ онъ кончить рѣчи,—
Стали жарить ему плечи...

Дворовые указываютъ, что ихъ „на работу рано посылаютъ, кускомъ хлѣба попрекаютъ“, что „хлѣба даютъ мало, а послѣ того пеняютъ, что мало работаемъ“, въ то время, какъ они „работали, не гуляли,—въ насъ потъ, вода тяке со бѣлова со лица“. Въ „Плачѣ холоповъ“ подробно изображенъ день дворовaго, ярко схвачена та обстановка, въ которой приходилось жить этимъ „безсчастнымъ“:

Какъ холопемъ на господъ не сердиться? Если жъ кто небреженіемъ застучитъ,
Я думаю, скоро съ досады станутъ бѣситься. Тотъ несносные побои получитъ.
Чистую рожь купцамъ всю продаютъ, Не выходитъ изъ головъ господскій страхъ,
А намъ ужъ, какъ свиньямъ, невѣйку даютъ. Будто нѣкакой сидитъ за плечами врагъ.
Несытые господа и въ постъ мясо ѣдятъ, Сколько намъ, братцы, ни рваться,
А холопемъ и въ мясоѣдъ пустыя щи варятъ.— Знать, до смерти намъ ихъ бояться!
О! горе, братцы, наше: А когда холопей въ яму покладутъ,
Всегда намъ, безсчастнымъ, аржаная каша. Тогда и вольный абшитъ въ руки дадутъ.
Господа пьютъ, веселятся, Нѣтъ холопемъ никакой надежды,
А холопемъ не велятъ и разсмѣяться. Не выслужить намъ себѣ хорошей одежды...
Лягутъ спать на канопе, ни кричать, Только ихъ и веселитъ съ табакомъ рогъ
Велятъ тихо ходить и ничѣмъ не стучать. Да въ чистомъ полѣ зеленый горохъ.
Хотя бы выпилъ съ горя чарку винца,
Да взять негдѣ и кислаго пивца.

Наступилъ праздникъ—разсказываетъ пѣспя: „намъ (дворовымъ) хочется погулять. Мы спросимось—не велятъ“. Дождались почи, когда баринъ легъ спать.

Погуляли молодцы, А велятъ намъ раздѣваться,
Что до утра, до зари. Рубашечки скинемъ съ плечъ,
Пришли домой поутру, Велитъ баринъ больно сѣчь.
Припасъ баринъ по кнуту. «Ахъ, ты барская душа!
Ужъ мы стали оправдаться, Али нѣтъ тебѣ суда?»

Этотъ судъ надъ барствомъ и былъ произнесенъ прежде всего самимъ народомъ. Въ различныхъ формахъ, но приговоръ осуществлялся, и обитателямъ дворянскихъ гнѣздъ не разъ приходилось видѣть рѣзкія вспышки народнаго недовольства, чувствовать безпощадную ненависть мужицкой толпы. Деревня всѣми силами стремилась къ „свободѣ отъ рабства“ и по-своему отвѣчала на стремленія рабовладѣльцевъ убить въ ней душу живую. На-

„Русская пляска“ (рис. Орловскаго).

родная поэзія, зарисовавшая страдныя страницы въ жизни крѣпостной массы, отмѣтила и народную тягу къ волѣ и разнообразныя формы протеста противъ панщины, въ разсказахъ и легендахъ высказала взглядъ крестьянина на помѣщика, передала мечты деревни о будущемъ, ея отклики на новую, свободную жизнь, возвѣщенную манифестомъ 61 года.

Народъ не могъ не видѣть рѣзкой разницы между сытой привольной барской жизнью и своимъ полуголоднымъ, безправнымъ существованіемъ. Пѣсня рѣзко подчеркиваетъ этотъ контрастъ:

А у того вельможнаго пана билия онучи—
Заплакали хлопы, заридали на панщину идучи!
А у того вельможнаго пана хорошіи дочки,
Ходятъ его хлопи голи, безъ сорочки.
А у того вельможнаго пана прехороша пані,
Ходятъ хлопи на работу трохи не безъ штані.

Если крестьянинъ поетъ „про горюшко свое“,—панъ не понимаетъ даже, что значитъ слово „лихо“. Чуетъ, бывало, что его люди часомъ скажутъ: „охъ, лихо! оце лихо! ой, лишечко прибігло!“, а самъ „не зна, що воно за лихо. Звісно, панъ!—говорится въ сказкѣ.—Що ему? Люде на его роблятъ, а вінъ спитъ, та пье, та лежитъ. Дежъ ему лихо знати!..“ [1]). Вотъ это-то сознаніе, что „мужицкими мозолями бары сыто живутъ“, что „кабы не хлопъ да не волъ, не було бъ пановъ“, придавало крестьянину силы, вѣру въ себя, въ свою могучесть, заставляло временами смотрѣть на барина свысока. И какъ бы властно ни пригнетали его, но чувство человѣческаго достоинства оставалось при немъ. Холопу XVIII вѣка стыдно, что въ Россіи „всякая честь побродамъ отдана“, что крестьянами иногда владѣютъ люди, не достойные быть съ ними равными:

Какъ намъ, братцы, не досадно
И коль стыдно и обидно,
Что иной и равный намъ никогда быть не довлѣетъ,
И то видимъ: множество насъ въ своей власти имѣетъ.

Малорусской дѣвушкѣ причиняетъ страданіе не боль отъ удара: она тоскуетъ отъ обиды, отъ нанесеннаго оскорбленія:

Ой, ударівъ панъ по лицю,
Отаманъ батюгомъ,
Не такъ то йій те боліло,
Якъ то йій бувъ соромъ.

На рѣчь шляхтича о любви дѣвица отвѣчаетъ отказомъ и предпочитаетъ жить въ бѣдности, чѣмъ ходить въ золотѣ:

Шукай соби въ Люблині,
Дай мени покуй, дівчині;
Шукай собі въ Варшаві,
Не робі мні славп,
Шукай собі въ злаці,
Дай мнѣ покуй сироці.

Гордостью и смѣлымъ вызовомъ пану Каневскому дышатъ слова Бондаровны, презрѣвшей ласки всесильнаго магната. Вотъ онъ съ своей ватагой подъѣзжаетъ къ дѣвушкамъ, собравшимся повеселиться у сельской корчмы. Понравилась ему одна изъ нихъ, дочь бондаря.

Обійнявъ вонъ Бондаривну, та поцилувавъ.
Якъ ся маешь Бондаривна, нехъ ту буду знаты
Сподобилась мени, пани, пидешъ зо мной спаты...

[1]) Ср. пословицу: «зажить бы паномъ—все придетъ даромъ».

Но дѣвушка стала защищаться отъ непрошеныхъ ласкъ и зацѣпила рукой пана:

А молода Бондаривна еще жарту не знала,
Та старого Каневскаго по лицю затяла.
Не годенъ ты, панъ Каневский, мене цилуваты,
Тилкы годенъ, панъ Каневскій, мене раззуваты...

Старые люди посовѣтовали ей бѣжать отъ пана, но панскіе гайдуки схватили ее и привели къ пану. Спрашиваетъ панъ: что для нея лучше—медъ-вино пити или въ сырой землѣ гнити? „Лучше смерть, чѣмъ позоръ“, отвѣтила дѣвушка.

Ой, волю я десять разы въ сырой землѣ гнити,
Нѣжъ съ тобой, мой паночку, да медъ-вино пити!

Не стерпѣлъ панъ такого пренебреженія къ себѣ, выстрѣлилъ въ нее изъ ружья и убилъ сразу...

Такія сцены барскаго произвола, несомнѣнно, вызывали броженіе въ народной массѣ, нестерпимый помѣщичій гнетъ долженъ былъ прорывать народное терпѣніе... Вотъ хлопцы бѣгутъ отъ папщины за Дунай:

Лягай спаты, панъ проклятый,
Ще й ничого не думай,
А мы хлопцы—молодци,
Выберемся за Дунай.

Вотъ пять человѣкъ сговорились убить своего помѣщика, пана Шидловскаго, подстерегли его въ лѣсу, когда онъ въ Троицынъ день возвращался изъ церкви, и убили, бросивъ потомъ тѣло за колоду... Дознались, кто убилъ пана, и „взяли тыхъ людзей въ Сибиръ копаць руду въ Уральскихъ горахъ“. Цѣлой громадой Турбаевцы [1]) бросились въ усадьбу пановъ Базилевскихъ, не по праву завладѣвшихъ крестьянской землей.

Ой, хотилы Базилевци весь світъ пережиты,
Та не далы Трубоиды и вику дожиты.

Первой жертвой кроваваго самосуда пала Маріанна, сестра Базилевскихъ.

А у тіи Маріяни риднесенка маты,
Ой, куда неслы Маріяну—той стежечку знаты;
А у тіи Маріяни въ подолахъ мережка,
Куды неслы Маріяну—кривавая стежка.
Въ недиленьку пораненько уси дзвоны дзвонять,
Ой уже жъ тую Маріяну тай у гробъ хоронять.

За шутками старосты скрывается деревенская злоба, выразившаяся въ поджогѣ барской усадьбы. Приходитъ староста къ помѣщицѣ, и на ея вопросъ: „Все ли въ усадьбѣ благополучно?“ отвѣчаетъ: „Все, матушка, слава

[1]) Село Турбаи.

Богу! только любимой вашъ воронъ объѣлся падали".—„Да гдѣ же онъ ее нашелъ?"—„Да жеребецъ вороной палъ".—„Какъ такъ?"—„А усадьба горѣла, такъ на немъ воду возили, да загнали".—„Отчего жъ пожаръ сдѣлался?"—„Да какъ хоронили матушку вашу со свѣточами (факелами), такъ невзначай подожгли".

Нѣкоторые не выносили барскаго угнетенія и призывали смерть, какъ единственную избавительницу отъ „тирановъ":

Господи нашъ Боже!
Даждь въ небесномъ твоемъ полѣ ложе!
Ты бо намъ Творецъ:
Сдѣлай бѣднымъ одинъ конецъ!

Другіе шли въ разбой, образовывали „вольницы" и мстили „злымъ господамъ":

Ахъ, когда бъ намъ, братцы, учинилась воля,
Мы бъ себѣ не взяли ни земли ни поля,
Сдѣлали бъ между собою дружбу,
Всякую неправду стали бъ выводить
И злыхъ господъ корень переводить.

Грозный крикъ мщенія панамъ слышится въ малорусской пѣснѣ:

Ой, ходимо, миле браття,
У степъ въ разбишаки:
Колись, може, своимъ панамъ
Далося у знаки.
Ой, ходимо, миле браття,
За крутіи гори,
А тутъ нехай наплодятся
Круки та ворони.

Случаи побѣга возбуждающе дѣйствовали на односельчанъ. Подмывающіе разсказы о „новыхъ земляхъ", „вольныхъ поселеніяхъ", о городахъ, гдѣ „господъ нѣтъ и въ заводѣ" и гдѣ „бѣглые живутъ своими домами" или „на вольныхъ работахъ", дразнили народное воображеніе. Въ 40 годахъ XIX в. въ Саратовской губ. распространялась пѣсня крайне возбуждающаго содержанія. Можно думать, что она составлена съ исключительной цѣлью пропаганды бродяжничества, побѣга отъ господъ, вольной жизни и разбоя. Вотъ эта пѣсня, приштая къ одному архивному дѣлу о побѣгахъ среди другихъ бумагъ, отобранныхъ отъ Абутина, подстрекателя крестьянъ къ бѣгству, „на линію":

Какъ за барами житье было привольное,
Сладко попито, поѣдено, похожено,
Вволю корушки безъ хлѣбушка погложено,
Босикомъ снѣгу потоптано,
Спинушку кнутомъ попобито,
Нагишомъ за плугомъ спотыкался,
Допьяна слезами напивался,
Во солдатушкахъ послужено,
Во острогахъ взять посижено,
Что въ Сибири перебывано,
Кандалами ноги потерты,
До мозолей душа ссажена.
А теперь за баръ мы Богу молимся:
Божья церквя—небо ясное,
Образа вить—звѣзды частыя,
А попами волки сѣрые,
Что поютъ про наши душеньки.
Темный лѣсъ—то наши вотчины,
Трактъ проѣзжій—наша пашенка,
Пашню пашемъ мы въ глухую ночь,
Собираемъ хлѣбъ не сѣявши,
Не цѣпомъ молотимъ—слёгою

По дворянскимъ по головушкамъ
Да по спинушкамъ купеческимъ:
Свистнетъ слегушка—кафтанъ сошьетъ,
А вдругорядъ—сапоги возьметъ,
Свистнетъ втретьи—шапка съ поясомъ,
А еще разъ золота казна.

Съ золотой казной мы вольные:
Куда глянешь—наша вотчина,
Отъ Козлова до Саратова,
До родимой Волги-матушки,
До широкаго раздольица—
Тамъ намъ смерти нѣтъ, ребятушки.

Въ 40 же годахъ много шуму надѣлала небольшая шайка атамана „Никиты Удалого“. Это былъ крестьянинъ пензенскаго помѣщика Дурова, изъ поваровъ отданный въ рекруты; бѣжалъ изъ рекрутской партіи и орга-

низовалъ шайку, которая и дѣлала набѣги на двѣ сосѣднія губерніи. Къ слѣдственному дѣлу о „Никитѣ Удаломъ“ подшито стихотворное письмо, писанное не чернилами, а какимъ-то грязно полинявшимъ составомъ, который сочинитель письма называетъ своею кровью. Письмо, повидимому, было адресовано помѣщику. Вотъ это атаманское посланіе:

Симъ письмомъ, пущеннымъ въ люзанскомъ лѣсу [1]),
Я моему барину повинную несу,
И всенижайше тебя увѣдомляю,
Что я доселѣ твоихъ милостей не забываю
И въ скорости самъ у тебя въ гостяхъ побываю.
Извини, что чернила у меня въ лѣсу пѣту,

[1]) «Люзанскій лѣсъ»—по объясненію Мордовцева, это лѣсъ около татарскаго селенія Елюзани, гдѣ скрывался атаманъ.

Чтобы онымъ написать тебѣ грамотку эту,
Только я изъ превеликой къ тебѣ любови
Не пожалѣлъ своей горячснькой крови,
Кою ты изъ меня не всю высосалъ
И жилы изъ меня не всѣ вытянулъ,
Что я тебѣ и на дѣлѣ докажу,
Когда тебя на острый ножъ посажу,
А домъ твой по вѣтру пущу,
Какъ ты меня безъ ничего оставилъ,
Когда подъ красную шапку поставилъ.
Остаюсь твой поваръ Никита,
Въ солдаты забритый.
И хоть лыкомъ шитый,
Да вышелъ изъ меня купецъ именитый.
Мѣсяца и числа, живши въ лѣсу съ волками, не знаю,
Годъ же сей послѣднимъ въ твоей жизни называю.

Любопытно, что разбойники изъ крестьянъ большею частью нападали только на помѣщичьи усадьбы. Григорій Аввакумовъ, изъ крестьянъ помѣщика Рылѣева, пьянствуя въ Міусѣ съ товарищами, хвастался своей свободой и при этомъ упрекалъ крестьянъ: „Дураки вы, мужики, гнете спины передъ барами напрасно: если бы всѣ господскіе хрестьяне обзавелись ружьями да сѣли бы на лошадей, то и господъ бы въ заводѣ не было“. Въ народной драмѣ—„Лодка“ -одинъ изъ разбойниковъ разсказываетъ о своемъ „опасномъ промыслѣ“:

Взойдетъ ли мѣсяцъ среди небесъ,
Мы изъ подполья—въ темный лѣсъ,
Притаимся и сидимъ,
И на дорогу все глядимъ:
Кто ни йдетъ по дорогѣ,
Жидъ богатый
Или баринъ брюхатый,—
Всѣхъ бьемъ,
Всѣхъ себѣ беремъ!

Драма заканчивается приказомъ атамана итти „въ гости къ богатому помѣщику“, отказъ котораго дать деньги разбойникамъ вызываетъ грозный крикъ: „Эй, молодцы! жги, пали богатаго помѣщика“. Множество разсказовъ о Кармелюкѣ — знаменитомъ разбойникѣ 30—40 годовъ — непзмѣнно подчеркиваетъ его страшную злобу къ панамъ и въ то же время благожелательное отношеніе къ крестьянамъ. Этотъ легендарный герой малорусской поэзіи разбойнпчаетъ чуть не во имя опредѣленныхъ соціальныхъ убѣжденій.

Молодосте-радосте, единая сило!—

говоритъ онъ:—

Порадь меня, якъ скарати неправое дило.

Въ другой пѣснѣ онъ произноситъ не менѣе характерныя слова:

А що визьму въ багатого,
То вбогому даю,
А такъ гроши подиливши,
Вже-жъ гриха не маю.

Этотъ взглядъ, оправдывающій насиліе, даже убійство врага крестьянства, неоднократно выступаетъ въ народныхъ разсказахъ. Если месть крестьянъ была безпощадна къ помѣщикамъ, то совершенно не знала границъ народная ненависть, презрѣніе и злоба къ помѣщичьимъ слугамъ—отаманамъ,

есауламъ, сипакамъ, слѣдившимъ за исполненіемъ работъ и чинившимъ расправу надъ провинившимся, по распоряженію пана или по личному желанію. Ежедневныя истязанія, производимыя этими мучителями, въ глазахъ народа казались болѣе преступными, чѣмъ разбойничество по профессіи, и потому убійство такого „великаго грѣшника" заглаживаетъ передъ Богомъ самыя тяжкія вины. На эту тему о „великомъ грѣшникѣ" есть любопытное бѣлорусское преданіе.

Жилъ на свѣтѣ очень большой грѣшникъ. Такой грѣшникъ, что не было того грѣха, какого бъ онъ не согрѣшилъ. Такой былъ злодѣй, какого и

ПѢСНЯ.

Волузѣхъ, волузѣхъ
Волузѣхъ, зеленыхъ лузѣхъ
Выросла выросла
Выростала трава шелковая
Разцвѣли, разцвѣли,
Разцвѣли цвѣты лазоревыя

Съ той травы съ тои травы,
Я съ той травы выкормлю коня,
Выкормлю, выкормлю
Я я выкормлю выглажу его,
Поведу поведу,
Поведу я коня къ батюшки

Батюшка батюшка
Ахъ ты батюшка, родимои мой
Ты прими, ты прими,
Ты прими слово ласковое
Не отдай, не отдай,
Не отдай меня за старова за мужъ

Старова старова
Я старо насмерть не люблю
Со старымъ со старымъ
Со старымъ гулять не пойду
Ты отдай меня за ровню
А я съ ровню гулять пойду

свѣтъ не видалъ: онъ и кралъ, и разбой чинилъ, губилъ людей безъ покаянья. Бога даже забылъ, чорту душу продалъ; чаровалъ во время воровства, оборачивался волкодавомъ, пускалъ моровыя повѣтрія—и не было счету его грѣхамъ. Пришлось ему помирать. Тутъ такой страхъ его обнялъ, что не могла его душа покинуть тѣло. Нѣтъ ему смерти, да и только. Вспомнилъ онъ тогда Бога. Захотѣлъ исповѣдаться, душу очистить. Сколько ни приводили къ нему поповъ, ксендзовъ, — какъ разскажетъ имъ свои грѣхи,—не даютъ отпущенія. Такой онъ былъ грѣшникъ. А смерть все не приходитъ, а душа его мучится, съ тѣломъ не можетъ разлучиться. Роздалъ онъ свое богатство убогимъ и пошелъ по свѣту искать такого угодника, который замолилъ бы его грѣхи, разлучилъ душу съ тѣломъ. Идетъ, разспрашиваетъ...

Посовѣтовали ему люди довѣдаться къ одному пустынпику, что цѣлую жизнь жилъ въ пустынѣ, постился, ѣлъ только хлѣбъ съ водой, молился — душу спасалъ и угоденъ былъ Богу. И пошелъ онъ къ нему. Приходитъ,—такъ и такъ, говоритъ,—я дюже великій грѣшникъ, спаси, говоритъ, меня, — испо вѣдуй. Ты—угодный Богу,—можешь отпустить мои грѣхи. Сталъ исповѣды-ватѣся. Выслушалъ его тотъ пустынникъ и сказалъ: „Ты такой грѣшникъ, что тебя смерть не возьметъ, земля не приметъ, покуда ты свои грѣхи на этомъ свѣтѣ не отстрадаешь, покуда ты не сдѣлаешь столько добра, чтобы оно перевѣсило твои грѣхи. А до тѣхъ поръ ты будешь мучиться на этомъ свѣтѣ“.—И пошелъ тотъ грѣшникъ заслуживать спасенья Ходилъ онъ по обѣтамъ, ходилъ на колѣняхъ, морилъ голодомъ свое тѣло, нанимался въ сердитымъ господамъ на работу, чтобъ его били, ложился за другихъ подъ розги, служилъ хворымъ и убогимъ,—смерть не приходитъ. Хотѣлъ на себя руки наложить: топился, вѣшался, рѣзался—все нѣтъ ему смерти, только даромъ муки принималъ. И такъ прошло много лѣтъ. Разъ идетъ онъ полемъ. Идетъ и проклинаетъ свою долю. Взяла его злость, что нѣтъ ему смерти. „Доколѣ я буду мучиться?“ думаетъ онъ. А былъ первый день Пасхи. Идетъ онъ и видитъ много, много народу на полѣ—пашутъ, боронятъ. „Что жъ бы это значило,—думаетъ онъ.—Первый день Пасхи, такой святой день, что и птички праздпуютъ—гнѣздъ не вьютъ, а тутъ народъ крещеный зѣваетъ“. Подходитъ ближе—видитъ: войтъ похаживаетъ между работниками, кричитъ и нагайкой ихъ подгоняетъ. Тѣ плачутъ, жалуются: „Что это, говорятъ, ты насмѣхаешься надъ нами? Неуж-то у тебя въ сердцѣ нѣтъ Бога? Бьешь насъ, мучишь въ будни, да и въ святой день не даешь отдыху... На вотъ, и сегодня въ Великій день вышелъ на пригонъ!“ А войтъ реветъ словно помѣшанный, лупитъ нагайкой. Глядѣлъ, глядѣлъ тотъ грѣшникъ: „Во, думаетъ, окаянный, не хуже меня! Подумать, какъ народъ-то онъ мучитъ!“ Подошелъ онъ къ войту и говоритъ: „Что ты это дѣлаешь? За что ты людей мучишь?“ А войтъ, ни слова не сказавъ, какъ хлыснетъ его по лбу нагайкой,—ажъ искры изъ глазъ посыпались. Озвѣрѣлъ нашъ грѣшникъ, схватилъ камень, да какъ пуститъ имъ въ войта... И раз-билъ ему черепъ. Войтъ и не вскрикнулъ — умеръ. А грѣшникъ на томъ мѣстѣ сейчасъ же разсыпался; кончились его страданія, и пошла его душа на тотъ свѣтъ.—Тотъ же мотивъ, только ослоенный другими подробностями, встрѣчается въ небольшомъ малорусскомъ разсказѣ. Былъ разбойникъ, убивалъ все людей, годовъ, можетъ, двѣнадцать. Пришелъ однажды къ батюшкѣ, поздоровался. „Хочу, говоритъ, открыть вамъ грѣхи; такъ и такъ—я 12 годовъ убивалъ людей, разбивалъ, а теперь пришелъ, чтобъ вы спасли мою душу отъ грѣховъ“. Вотъ батюшка взялъ и наложилъ на него 12 камней. „Носи, говоритъ, эти камни, пока не отпадутъ, а какъ отпадутъ, тогда и грѣхи твои отпадутъ“. Носилъ, носилъ тотъ камни, должно-быть, лѣтъ пять; даже въ тѣло врѣзались отъ тряски, такъ какъ были навѣшены поперекъ и

сквозь. „Умру, должно-быть, съ этими камнями“. Ходитъ день, ночь, все ходитъ; говоритъ: „Либо умру, либо отстрадаю грѣхъ, пойду въ ночи, куда глядятъ очи; можетъ, еще ночью отпадутъ“. Идетъ и слышитъ—гамъ, крикъ раздается гдѣ-то. „Пойду туда, думаетъ, подивлюсь; все равно умирать, одинъ разъ мать родила, однажды и умирать“. Приходитъ на кладбище, а тамъ сипака пьяный напился, нагонявшись людей въ селѣ на панщину, пришелъ еще и мертвыхъ колошматить. „Вставайте, кричитъ, таки-сяки души, будетъ лежать-то, идите на работу!“ да палкой стукъ, стукъ. „Да ты чего это? Гонялъ, гонялъ живыхъ-то, еще и мертвыхъ пришелъ?“ Стали

ПѢСНЯ.

Небрани меня родная
Что я такъ люблю его
Скучно скучно дорогая.
Жить одной мнѣ безнего
Я незнаю что такое
Въ другъ случилося сомной.

Что такъ рвется ретивое
И терзаюся тоской
Все оно во мнѣ изныло
Все горю я какъ вогнѣ
Все немило все пастыло
Истрадаю я по немъ

Въ ясный день и темны ночи
И во снѣ и на яву
Слезы мнѣ туманятъ очи
Все летелабъ я къ нему
Мнѣ ненужны все наряды
Ленты камни и парчи

Кудри молодца и взгляды
Сердце бѣдное зажгли
Зжалься зжалься же родная
Перестань меня бранить
Знать судьба моя такая
Что должна его любить

драться; то этотъ ударитъ того, то тотъ этого. Разбойникъ какъ ударитъ сипаку камнемъ, такъ и убилъ его. А камни вдругъ и отпадали съ него. „Что же мнѣ теперь дѣлать?“ думаетъ разбойникъ, а камни все отпадаютъ. „Пойду къ батюшкѣ; что онъ мнѣ скажетъ?“ Приходитъ; такъ и такъ говоритъ: „что мнѣ теперь дѣлать?“—„Ну,—говоритъ батюшка,—отпали отъ тебя твои грѣхи, перешли на другого, болѣе грѣшнаго, чѣмъ ты...“ Сипака—величайшій грѣшникъ именно потому, что онъ издѣвается надъ мертвыми, призывая ихъ на ненавистную панщину; оскорбляетъ народныя вѣрованія, уничтожая ту послѣднюю надежду, что всегда теплилась въ народѣ,—надежду вѣчнаго успокоенія въ загробной жизни, гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханія... Въ крестьянскихъ „Газетахъ изъ Ада“ живетъ именно эта вѣра, что простому

народу, много выстрадавшему на землѣ отъ разныхъ „бояръ“, „немилосердныхъ дворянъ“, „гордыхъ господъ“, въ будущей жизни уготовано царствіе небесное. Когда къ Сатанѣ пришли въ адъ гордые купцы и боляре господа, Сатана самъ слѣзъ съ престола и сталъ кланяться имъ низко, привѣтствуя словами: „Честнѣйшіе господа, пожалуйте, и вы къ намъ сюда! Я буду васъ самъ угощать.

Я велю вамъ чаи грѣть въ самоварѣ.
Но для роскошныхъ вашихъ жирныхъ тѣлъ
Есть у меня въ адѣ большой котелъ:
Извольте промочить тамъ вашу душу!
Прошу кушать кипящее олово вмѣсто пуншу!

„Еще прикажу подноспти вамъ сладкія водки, чтобы наполнить ваши несытыя глотки“... Косой бѣсъ, облапивъ тѣхъ господъ, потащилъ ихъ.. Пришли нищіе и смиренніе духомъ, съ голоднымъ своимъ брюхомъ. Сказалъ Сатана: „Вы зачѣмъ сюда пришли? Куда вы, убогіе, зашли? Али вы въ царствіе небесное пути не нашли? И вы о грѣхахъ своихъ болѣли день и ночь и во адѣ себѣ мѣста готовить не велѣли. Здѣсь всѣ мѣста заняли люди непростые, богатые и толстые: боляре и вельможи, что завсегда мнѣ были угожп“. Нищіе въ ту же минуту, ухватя свои кошели, въ царствіе небесное побрели...—Покой и радость, добро и не-страданіе наступятъ только съ момента ухода изъ этой жизни... Штрихъ, чрезвычайно характерный для народнаго міровоззрѣнія, обнаруживающій всю глубину народнаго отчаянія при видѣ того, что творится на землѣ, гдѣ такъ много „немилосердыхъ дворянъ“, „работушки тяжелой“, „дрібненькихъ слезъ“...

Выше указаны были тѣ разнообразныя формы, въ которыхъ выливалось народное возмущеніе крѣпостными порядками. На помощь помѣщикамъ, не имѣвшимъ силъ справиться съ крестьянскими волненіями, обычно приходило правительство, водворявшее въ деревняхъ спокойствіе военной силой. Въ одной пѣснѣ встрѣчается указаніе, какъ помѣщичьи крестьяне укрывались въ лѣсу отъ военной команды, присланной для приведенія ихъ въ повиновеніе:

Какъ во городѣ, во Устюжинѣ,
Во деревнѣ, во Денисовой,
У крестьянъ Долгогрѣевыхъ
Проявилась экзекуція...
Подходили храбры воины,
Храбры воины гарнизонные.
Квартирушки порасписаны,
Солдатушки поразставлены.
Не на долгое время,—на два мѣсяца.
И прошло красное лѣто,
Не явилось не одной душеньки.
Скрывались добрые молодцы
По темнымъ лѣсамъ;
Кинули свои хижинки,
Оставили малыхъ дѣтушекъ,
Молодыхъ женъ—на позоръ людской.
«Вы терпите, малыя дѣтки,
«Вы крѣпитесь, молодыя жены,
«Вы потерпите, послѣ вамъ слюбится»...

Офеня.

(Картина *Пещелева*).

Но и водворивъ спокойствіе, заставивъ крестьянъ опять итти на „подневольную работушку“, „вражью панщину“, помѣщики снова чувствовали, какъ вокругъ нихъ сгущается атмосфера народной злобы, недовѣрія... Эти настроенія крестьянской массы сказывались постоянно, давали знать о себѣ на каждомъ шагу. Вотъ одинъ изъ примѣровъ, иллюстрирующихъ взаимныя отношенія барина и крѣпостного слуги въ обычной повседневной жизни. По лѣсу идетъ панъ съ лакеемъ. Лакей, идя впереди, отодвинулъ мѣшавшую вѣтку, а затѣмъ нарочно пустилъ ее такъ, что она больно ударила по лицу пана. „А чтобъ тебѣ!..“ закричалъ панъ. „Э, панъ! Я еще попридержалъ вѣтку, а то она ударила бы еще больнѣе“, отвѣтилъ лакей. Упоминаніе о панахъ словно обжигаетъ разсказчика-крестьянина, онъ не въ силахъ устоять противъ искушенія надѣлить барина бранным эпитетомъ [1]), выставить его въ непривлекательномъ свѣтѣ, бросить слово, полное угрозы, ненависти... Вотъ нѣсколько характерныхъ разсказовъ.—Встрѣтились два мужика-односельчанина, одинъ изъ нихъ давно не былъ въ своемъ селѣ, скрывался отъ пановъ. Встрѣтилъ знакомаго, разбалакались: „А що, каже, чи нема якихъ слухів?“—„Да що? кажуть, Богъ помер!“—„Ощо! хто же теперь буде миром управляти?“—„Кажуть, Богородиця, а иншіі—Микола, угодник Божий“.—„Де там Богородиця! не жіноцьке діло! Миколай... ні! він молебні дуже любить“.—„А то, кажуть, Юрко [2])“.—„От се було б добре! він би сіх чортових панів тее“... И разошлися...

Дворня пришла поздравлять пана по случаю рожденія сына. Экономъ учитъ старшину, старосту и парубка, что надо говорить, подпося гостинцы пану. Онъ начнетъ говорить первымъ, старшина долженъ сказать: „со всѣмъ дворомъ“; „а ты, староста, скажи: съ дѣтьми и съ женкой; а ты, паробокъ скажи: со всѣмъ имуществомъ“. Пришли въ покои къ пану. У эконома отвязалась у лаптя веревка, а парубокъ невзначай наступилъ на нее да задержалъ ногой; экономъ упалъ, въ досадѣ крикнулъ: „пропадай ты пропадомъ!..“ Старшина, услышавъ, что экономъ сказалъ уже, въ свою очередь, сказалъ „со всѣмъ дворомъ“, а староста: „съ дѣтьми и женкой“, а парубокъ сказалъ: „со всѣмъ имуществомъ“. Панъ, какъ услыхалъ эти „поздравленія“, прогналъ ихъ палкой вонъ, какъ собакъ.

Баринъ спрашиваетъ старосту: „а собралъ ли съ крестьянъ муку?“ - „Собралъ, собралъ, батюшко-баринъ!“—„Куда жъ ты ее дѣвалъ?“—„Вамъ да свиньямъ 50 четвертей; черному псу да твоему родному отцу 40 четвертей;

---

[1]) Пѣсня, записанная, между прочимъ, въ имѣньѣ Салтыкова для государыни Анны Іоанновны, начинается:

Какъ у насъ въ сельцѣ Поливановѣ
Боярин дуракъ въ рѣшетѣ пиво цѣдилъ,
А дворецкій въ сарафанѣ пиво сливалъ...

Св. Юрій.

уткамъ да курамъ, сестрамъ твоимъ дурамъ 20 четвертей".—„Что ты, дуракъ, ругаешься?"—„Батюшка-баринъ, пословица така!"—Баринъ спрашиваетъ мужика: „Что, мужичекъ, всѣ ли деньги я тебѣ отдалъ?"—„Да не всѣ, кажись, баринъ".—„А ну, давай сюда, я еще пересчитаю!" Баринъ надѣлъ очки и сталъ считать. „Е, правда твоя!—говоритъ.—На жъ тебѣ, чего не додалъ". — „Ну, спасибо, баринъ,—клапяется мужикъ. — Спасибо этимъ глазамъ, а тѣ хоть бы повылѣзли"... Крестьянинъ мститъ обидѣвшему его барину и, давъ слово трижды наказать пана за то, что тотъ отнялъ у него пирогъ, гуся, въ третій разъ убиваетъ его до смерти... [1]).—Все, что связано съ помѣщичьей усадьбой, что шло отъ господъ, все несло мужику однѣ непріятности, бѣдствія, скорбь.

Двѣ сестры вышли замужъ—одна за пана, другая за крестьянина. Что же? „Та, шо съ паномъ, бідуе, та, шо съ хамомъ, пануе". Умирая, старикъ даетъ сыну завѣщаніе: „не братайся съ паномъ" и, когда сынъ однажды нарушилъ отцовскій завѣтъ, то вскорѣ же убѣдился, что панъ—названый братъ его—способенъ изъ-за пустяковъ свершить надъ нимъ самое ужасное, и на предложеніе сознавшаго свою ошибку пана вновь считаться братьями мужикъ отвѣчаетъ согласіемъ быть только хорошими знакомыми. Иногда завязывались романическія связи — барыня и холопъ любили другъ друга, но въ народныхъ пѣсняхъ и эта любовь обычно для холопа заканчивалась трагически. Панъ уѣхалъ Вельможная пані пять разъ посылала за своимъ возлюбленнымъ, въ шестой разъ сама поѣхала къ нему.

«Покінь, Петруню, сіять та орати,
Ходімъ до покою, будемъ пановати;
Покінь, Петрупо, пшеницю молотити,
Ходімъ до покою, будемъ медъ, вино пити».
— Боюся, пані, медъ, вино пити,
Хвалився вельможній зъ туга лука вбити.
«Не бійся, Петруню, нема кому вбити,
Поіхавъ вельможній до суда судити».

Только что сѣли „медъ-вино кружати", вдругъ пріѣхалъ панъ, которому донесли, что у пані гості... Какъ ни пыталась пані спасти своего милаго, тотъ погибъ: панъ приказалъ бросить его въ рѣку... Мать Петруня узпала о несчастіи, стала плакать. Пані утѣшаетъ, но что старухѣ въ этихъ утѣшеніяхъ?

«Не плачь, матуню, нехай я плачу,
Черезъ твого сына свое панство трачу».
— Ти будешъ, пані, будешъ пановати,
А мені, староі, треба горевати;
Ти будешъ, пані, медъ, вино пити,
А мій сынъ Петрусь въ сирій землі гнити.

---

[1]) Ср. пословицу: «мужикъ—дуракъ: ты его кулакомъ, а онъ тебя топоромъ».

Народная сказка, подчеркивая отчужденность мужицкаго и барскаго міра, караетъ мужика только за намѣреніе подражать панамъ, за попытку перенять панскую рѣчь. Жили три богатыхъ брата... таки багати воны було, а не вмилы по-панскому балакать, а какъ хотѣлось говорить имъ. Пошли однажды подслушивать у барскаго окошка, какъ бары разговариваютъ. Младшій братъ подбѣжалъ подъ окно, слышитъ одно слово—мы; подбѣжалъ средній братъ. слышитъ—ни за се, ни за то; старшій братъ подслушалъ—такъ тому и быть. Пошли домой. Идутъ. Вдругъ на дорогѣ видятъ мертваго человѣка. около трупа становой. Онъ спросилъ братьевъ: „Не вы ли убили человѣка?“

А братья между собой переговариваются: „какъ ему отвѣчать, по-панскому, что ли?“—„По-панскому“, рѣшили они. Вотъ младшій братъ и говоритъ становому: „Мы“.—„За что же вы его убили?“ А средній братъ отвѣчаетъ: „Ни за се, ни за то“.—„Въ Сибирь васъ!“ Старшій братъ говоритъ: „Такъ тому и быть“. И схватили тѣхъ братьевъ и погнали въ Сибирь...

Видя въ панахъ только враговъ своихъ, крестьяне-малороссы особеннымъ неуваженіемъ окружали пановъ-поляковъ. Народные разсказы чорта рядятъ въ платье пана, чорта же называютъ словомъ „панычъ“, изображаютъ пана поросенкомъ („порося, якъ завъязне въ тину, то кричитъ: „мужикъ, мужикъ!“ а свини позбігаються до его, та: „ляхъ, ляхъ, ляхъ, ляхъ, ляхъ!“),

происхожденіе поляка ведутъ отъ собаки [1]). Впрочемъ, и великорусская сказка не менѣе опредѣленно выражаетъ отношеніе мужика къ барину. На вопросъ барина: „кто лучше? изъ поповъ, или изъ судей, или изъ нашего брата — изъ бариней?“ — мужикъ думалъ-думалъ, да и сказалъ: „Изъ поповъ половина дураковъ, изъ судей двѣ трети, а изъ вашего брата двѣ трети дураковъ да треть безумниковъ“.

Словомъ, при всякомъ удобномъ случаѣ крестьянинъ-разсказчикъ старается очернить пана, разжечь въ слушателяхъ ненависть къ всему панскому, показать, что между деревней и усадьбой нѣтъ ничего общаго и примиренія быть не можетъ. Но не только враждой къ панамъ насыщена народная поэзія, помѣщики изображаются не только въ видѣ „злыхъ господъ“, „тирановъ“. Въ народныхъ разсказахъ часто прорывается благодушная шутка надъ барином, многіе анекдоты, сказки, прибаутки дышатъ насмѣшкой и издѣвкой надъ нимъ, тонкой проніей, иногда злымъ сарказмомъ. Вывесть барина дурачкомъ, поставить его въ глупое положеніе, обмануть и, насмѣявшись, дождаться новаго случая позабавиться надъ нимъ—было громаднымъ наслажденіемъ для разсказчика да и для слушателей, конечно.

Вотъ одинъ изъ такихъ анекдотовъ. По селу проходилъ кто-то. Скучающій отъ бездѣлья баринъ послалъ парнишку узнать, что это за птица идетъ черезъ его село. Кинулся хлопецъ догонять проѣзжаго, кричитъ, чтобъ обождали. Остановился тотъ. Подбѣгаетъ хлопецъ, оказывается, ѣхалъ какой-то панъ. „Чего тебѣ?“ спрашиваетъ проѣзжій. „Та послали панъ спитати, що ви за птиця така тутъ ідете?“ — „Скажи жъ своему панові, — отвѣчаетъ проѣзжій, що и ти дурень, и панъ твій дурень“. Вернулся хлопецъ. А панъ: „А що?“ — „Та то, якийсь знакомій“. — „Якъ?“ — „Та такъ и васъ знае, и мене знае“. — „Якъ же вінъ знае?“ — „Та казавъ, що й ви дурень, й я дурень“. — Давъ же ему панъ дурня!

Въ одной сказкѣ мужикъ выпросилъ у барыни на свадьбу къ своему сыну свинью, его жены сестру. Та нарядила свинью въ шубу, приказала запрячь въ повозку пару лошадей. Мужикъ посадилъ съ собой свинью и поѣхалъ. Баринъ, вернувшись съ охоты, разсердился, что барыню обманули, и бросился въ погоню за мужикомъ. Слышитъ мужикъ, что баринъ его нагоняетъ, запряталъ лошадь съ повозкой въ лѣсную чащу; самъ вышелъ на дорогу, выбралъ мѣстечко у ручья, поскорѣй нагребъ коровьяго дерма, на-

---

[1]) Творилъ Господь разные народы. Когда дошло дѣло до поляковъ, не хватило глины. Господь слѣпилъ тогда изъ тѣста и поставилъ всѣхъ сохнуть рядомъ, а самъ ушелъ. Бѣжитъ собака, нюхъ одного—глина, нюхъ другого—глина. Нюхнула поляка, ажъ хлѣбъ—она его и съѣла. Пришелъ Господь, дунулъ—и вышелъ москаль, дунулъ—вышелъ французъ, всѣ народы вышли, а поляка нѣтъ. «Гдѣ полякъ?»—«Собака съѣла». Пошелъ Господь, на мосту догналъ ее; какъ схватитъ за ухо да ударитъ о мостъ—выскочилъ панъ Мостовицкій, какъ ударитъ о землю—вышелъ панъ Земпацкій, какъ «вчеше татарина по брюху» -выскочилъ панъ Брюховецкій; такъ и пошли...

крылъ своей шляпой, и сидитъ—барина поджидаетъ. Вотъ катитъ баринъ въ коляскѣ. „Эй, мужичокъ! не видалъ ли ты, какъ провезли свинью въ повозкѣ?“—„Видѣлъ“.—„Можно догнать?“—„Отчего не догнать, только бъ не заплутать!“—„А ты что за человѣкъ?“—„Охотникъ“.—„Что жъ у тебя подъ шляпою?“—„Заморская птица; сейчасъ накрылъ“.—„Когда же ты ее изъ-подъ шляпы вынимать будешь?“—„А вотъ погоди, успетъ!“—„Давай, я присмотрю за твоей птицей, а ты садись въ коляску да поймай мнѣ того мужика, что́ свинью увезъ. Коли поймаешь—я тебя деньгами награжу“.—„Изволь, баринъ!“ Мужикъ взлѣзъ на козлы и погналъ лошадей, а баринъ съ кучеромъ сѣли сторожить заморскую птицу. Долго баринъ сидѣлъ. Наконецъ, надоѣло

ПѢСНЯ.

Ай во полѣ! ай во полѣ!
Ай во полѣ липонька!
Подъ липою, подъ липою
Подъ липою бѣлъ шатеръ
Въ томъ шатрѣ столъ стоитъ,
За тѣмъ столомъ дѣвица

Рвала цвѣты со травы
Вила вѣнки съ городы
Кому вѣнокъ носити
Носити вѣнокъ старому
Старому вѣнокъ не сносить

Мою молодость не сберечь
Ай во полѣ липонька!
Подъ липою бѣлъ шатеръ
Въ томъ шатрѣ столъ стоитъ
За тѣмъ столомъ дѣвица

Рвала цвѣты со травы
Вила вѣнки съ городы
Кому вѣнокъ носити
Вогити вѣнокъ молодцу
Молодецъ тотъ вѣнокъ сносить
Мою молодость сбережетъ

ему: „Должно-быть, этотъ мужикъ надулъ меня! По крайней мѣрѣ, хоть птица дорогая осталась. Ну, кучеръ! я стану шляпу подымать, а ты лови птицу“.—„Эхъ, баринъ! у меня рука тяжела, пожалуй, задавлю ее; ужъ лучше ты лови, а я шляпу подыму“. Сталъ ловить баринъ птицу, и вымаралъ себѣ руки.

Въ глупомъ же положеніи остается баринъ, купившій за 300 рублей овцу, умѣющую (по словамъ мужика-продавца) ловить волковъ. Когда по дорогѣ встрѣтились волки и баринъ выпустилъ на нихъ овцу, та бросилась бѣжать, волки догнали ее въ лѣсу и разорвали. Кучеръ утѣшаетъ барина: „Ахъ, сударь, хороша овца! Вся изорвалась, а волкамъ не поддалась“

Въ бѣлорусской сказкѣ помѣщикъ подходитъ на базарѣ къ мужику, торгующему тыквами. „Что ты продаешь?“—„Яйца“.—„Что жъ изъ нихъ можно

сдѣлать?“—„Если хочешь ѣздить на хорошихъ лошадяхъ, сядь на эти яйца да на высокой ели и высидишь себѣ такихъ лошадей, какихъ никогда не видывалъ“. Купилъ помѣщикъ нѣсколько штукъ и говоритъ мужику: „На тебѣ сто рублей, сведи на эту елку“. Мужикъ зналъ елку, подъ которой лежалъ заяцъ. „Садись и не слѣзай, пока изъ-подъ тебя не вылѣзутъ лошади“. Сѣлъ на елку помѣщикъ. Два дня барыня посила ему ѣду, на третій забыла принести. Захотѣлось ему ѣсть, сталъ онъ поворачиваться да какъ загремѣлъ съ елки, заяцъ выскочилъ, помѣщикъ побѣжалъ вслѣдъ и кричитъ: „Ай, не досидѣлъ я лошадей себѣ!..“ Дома сталъ бранить барыню: она де виновата, онъ уже сталъ высиживать лошадей, она не принесла ему ѣды, онъ упалъ и видѣлъ недосиженнаго конька, теперь опять придется ѣздить на плохихъ лошадяхъ и т. д.

Въ сказкахъ баринъ часто выводится то хвастуномъ, то лжецомъ, и всегда надъ нимъ слышится народный смѣхъ, всегда мужикъ возвышается надъ нимъ, побѣждая своей смѣтливостью, спокойствіемъ, находчивостью. Какъ-то, проѣзжая степью, баринъ указалъ кучеру на одно мѣсто, гдѣ убилъ зайца, изъ котораго потомъ натопилъ 30 фунтовъ жиру. А кучеръ говоритъ своему барину: „А тутъ, пане, скоро буде мостокъ“.—„Какой?“ „Та такой, шо брехунівъ бере“.—Отъ переіхали гонп.—„А што далеко этотъ мостокъ?“—„Та тамъ, пане, за горою“.—„Знаешь што, тридцять, не тридцять, а двадцять будетъ“. Зъіхали вже на гору.—„А што далеко мостокъ?“—„Та онъ видно“.—„Знаешь што, двадцять, не двадцять, а хунтовъ десять будетъ“.—Отъ уже въ долину спустились.—„А што де мостокъ?“—„Та заразъ зъідемъ“.—„Знаешь што, не било въ томъ зайці ні капли жиру: просто какъ дохлий. А мостокъ де?“—„Та розійшовсь, пане, якъ заячий жиръ“.

Панскую насмѣшку мужикъ немедленно отпарируетъ мѣткимъ словомъ, а иногда такъ остро скажетъ, что отвѣтъ попадетъ противнику не въ бровь, а въ глазъ...

Приведу два характерныхъ малорусскихъ анекдота.

Шелъ по базару панъ и зашелъ туда, гдѣ продаютъ свиней. Увидѣлъ, что у каждаго мужика на возу лежитъ свинья, и сказалъ: „что мужикъ, то свинья“. А мужикъ, замѣтивъ, что какъ панъ идетъ, такъ за нимъ и собака бѣжитъ, отвѣтилъ сейчасъ же: „что панъ, что собака“.

Это было на Волыни. У одного пана—ляха было много имѣній. Разъ пріѣхалъ панъ въ свою слободу, а управляющій и прислалъ къ нему казака съ бумагами изъ другой слободы. Гляпувъ панъ на казака—здивувався: мовъ вилитий другий вінъ, самъ стоітъ передъ нимъ. Онъ и питае казака: „Чи не була твоя мати прачкою у горницяхъ за мого батька?“—„Ні, не була,—озвався казакъ,—тілько мій батько вісімъ літъ топивъ у горницяхъ грубн, за староі пані“.

Тонкой ироніей, затаенной насмѣшкой полонъ бѣлорусскій разсказъ о войтѣ.—Баба шла въ городъ по мало знакомой дорогѣ; она принуждена была

обращаться ко встрѣчнымъ съ безпрестанными разспросами о своемъ дальнѣйшемъ пути. Между обыкновенными прохожими баба встрѣтила войта и спрашиваетъ: „Скажи, мужичокъ, какъ идетъ дорога въ городъ?“ — „Развѣ я тебѣ мужикъ!“ крикнулъ войтъ. „Ну, кто тебя тамъ знаетъ: мужикъ ли ты, десятскій ли, сотскій, али можетъ дозорецъ, али лавникъ [1]), — все равно — покажи дорогу“... — „Я не мужикъ и не сотскій, а я войтъ!“ крикнулъ на неразумную бабу ея важный спутникъ. Услышавъ, что передъ нею стоитъ войтъ, баба упала на колѣни и проговорила: „А святой же войтинька! покажи мнѣ дороженьку“ Войтъ смягчился поведеніемъ бабы и указалъ ей дорогу.

Мы набросали картину положенія народа въ крѣпостную эпоху, — крестьянина-земледѣльца и слуги-двороваго, очертили взаимныя отношенія барской усадьбы и деревни, указали тѣ многоразличныя формы, въ которыя выливалось народное недовольство своимъ положеніемъ. Намъ остается познакомиться съ настроеніями крѣпостной массы въ моментъ перехода къ свободной жизни, въ тѣ годы, когда совершалась реформа.

Манифестъ 61 года былъ для народа той радостной вѣстью, что́ ожидалась давно, по которой стосковалась, изболѣлась крестьянская душа. Въ свои

[1]) Дозорными назывались надсмотрщики за работами отдѣльной группы пригонныхъ крестьянъ; должность лавника была исключительно экзекуторская, или, правильнѣе, сѣкуторская.

нѣсни народъ вложилъ и чувство радости при вѣсти о волѣ, и благодарность Освободителю, и вѣру въ наступленіе новой, настоящей жизни безъ возврата къ страшному прошлому.

Слава Богу, слава Богу,—
Што я вольный стаў!—

громко звучитъ народная радость.

Не удалось панамъ отговорить царя отъ его великаго дѣла; а чего только они ни говорили: что безъ пана мужикъ никакъ не можетъ жить, что стоитъ лишь дать мужикамъ свободу, какъ они передерутся, „побьютца, поколютца“, перепьются, ни съ одного „хама“ нельзя будетъ получить „ничóга“, что мужикъ только и можетъ жить подъ постояннымъ надзоромъ помѣщика, подъ страхомъ кнута да розогъ. „Вотъ, братка,—бесѣдуютъ два бѣлорусса,—якъ яны падлыга́ць умѣюць, передъ царо́мъ ў во́чи на насъ плесьцй смѣю́ть! Имъ гэта не сма́чна, ко́стка у го́рлѣ стане, якъ мужи́къ отъ ца́ра вольнасьци достане“... И тѣмъ благодарнѣе народъ царю, освободившему отъ „панской муки“:

Дай-же, Боже, здоровья нашому цареви,
Що намъ зробивъ вольность, нашому краеви.
Дай же, Боже, здоровья нашой царивни,
Що зробила зъ мужика, що зъ панами ривный.
Дай же, Боже, здоровья ще царевымъ дитямъ,
Що намъ вильно заробляти, де самому хотити.

Въ пѣсняхъ, изображающихъ паденіе крѣпостного права, свобода и барщина олицетворяются—первая образомъ кукушки, вторая дикой уткой.

Свобода гонитъ панщину въ лѣсъ, въ дебри, чтобы она тамъ пропала. „Утикала панщинонька, ажъ горы тряслися“. Паны бѣгутъ за ней, просятъ вернуться. На крыльцо вышла старая госпожа, „беззубая, безгубая“, также проситъ барщину вернуться хоть до вечера. Но та отказываетъ: „Не вернуся,—я съ того не винна, що царя ты прогнивыла—я тому не вчинна“. Господа умоляютъ панщину вернуться: они не умѣютъ косить, молотить, жены ихъ—жать, прясть[1]), некому будетъ болѣе на нихъ отбывать барщину, развѣ итти учиться красть по дорогамъ?.. Въ другой пѣснѣ поется, какъ пріѣхали становые пристава и мировые посредники и объявляютъ народу, что болѣе не надо работать на барщину и снимать шапокъ передъ панами. Громада гонитъ барщину, олицетворяемую дикой уткой, въ лѣсныя дебри, гдѣ

[1]) Оскудѣніе дворянства, разореніе безъ крѣпостного хозяйства подмѣчено народомъ въ игрѣ-комедіи «Объ Алешкѣ маломъ и баринѣ голомъ», зло осмѣивавшей обѣднѣвшаго помѣщика. Комедія эта, по свидѣтельству Опочинина, разыгрывалась въ 70 годахъ, въ Ярославской губерніи.

та и сгинула... Панъ поѣхалъ на село гнать на панщину, но его никто и слышать не хочетъ, никто не обращаетъ никакого вниманія на его грозные взгляды. Народъ сознаетъ себя равнымъ съ господами. Царь Александръ „дѣло разобралъ, що Иванъ и Степанъ съ тен-жъ глины, що и панъ". Малорусскій крестьянинъ не прочь поучить горделивую шляхту, что надо уважать человѣка независимо отъ его соціальнаго положенія.

Їхавъ ляшокъ изъ Варшавы,
Надивъ сьіни шароварп
И шабенъку у боке,
Не бояться мужике.
Їхавъ ляшокъ по-надъ лугомъ,
Ажъ тамъ оре мужикъ плугомъ,
Ляшокъ шапкы не здыймавъ,
«Помогай Богъ» не сказавъ.
Мужыкъ ёго прывитавъ,
За чупрыну похытавъ.
— Та беры ты, хлопче, пу́гу,
Та научы ляшугу,
Якъ шапе́ику здыйматы,
Помогай Богъ казаты...
Їде ляшекъ дорогою,
Ажъ такъ плыве гусь водою—
«Помогай Богъ», била гусь!
Навчыла мя здѣшня Русь
Якъ шапо́ику здыйматы,
«Помогай Богъ» казаты...

Радостное сознаніе, что наконецъ-то царь избавилъ отъ „панской муки", наполняетъ всѣ пѣсни, связанныя съ первыми годами крестьянской свободы. Теперь благодаря „батькѣ-царю" „лютымъ" панамъ ужъ нельзя бить насъ, нашихъ хлопцевъ и дѣвокъ не будутъ насильно вѣнчать, не посмѣютъ разлучать, святая недѣля не застанетъ насъ на полѣ; теперь наша душа властна, вже панъ ін не продасть и вражій ляхъ безпапрасно за собаку не виддасть; теперь можно добрымъ людямъ и въ корчмѣ посидѣть, экономы не будутъ ходить подъ хаты, будить на панщину; теперь работать можно, сколько кому надо, будетъ сало и крупа, и Кулиньки башмачки, а Прокопу сапожки, а Дорички шлянка, а Леваньки скрипка...,—вотъ что радуетъ крестьянина, что краситъ теперь его жизнь и чего онъ не имѣлъ прежде.

Вѣсть о волѣ, однако, была встрѣчена не безъ недоразумѣній. Крестьянину все казалось, что власть имущіе, разные „мировые срединки", тянутъ руку помѣщика, и что отъ нихъ не будетъ „запомоги". Выкупные платежи представлялись чѣмъ-то страннымъ, ненужнымъ. Малоруссъ возмущается (въ 1862 г.) и не понимаетъ, что же это за воля такая, когда платить оброкъ все равно приходится. „І чортъ зна що выходить: одно на лихо коять! Підмовляють на якийсь то оброкъ, по іх—плати та выкупай, та тількі те й роби, що плати. Який оброкъ? та й съ чого его заплатишь? зъ шкури? та ії й такъ доволі драли, зовсім облупили, не дурно кажуть теперь: волна! Хму! А зъ землі? за вищо жъ то за свою землю, да еще й платити? Богъ ії намъ давъ, Богъ и візьме". И не вѣрится ему, трудно допустимой кажется мысль, что придется „свою землю, своею кровью политу, выкупляти".

Н. Бродскій.

Автопортреты Шевченко.

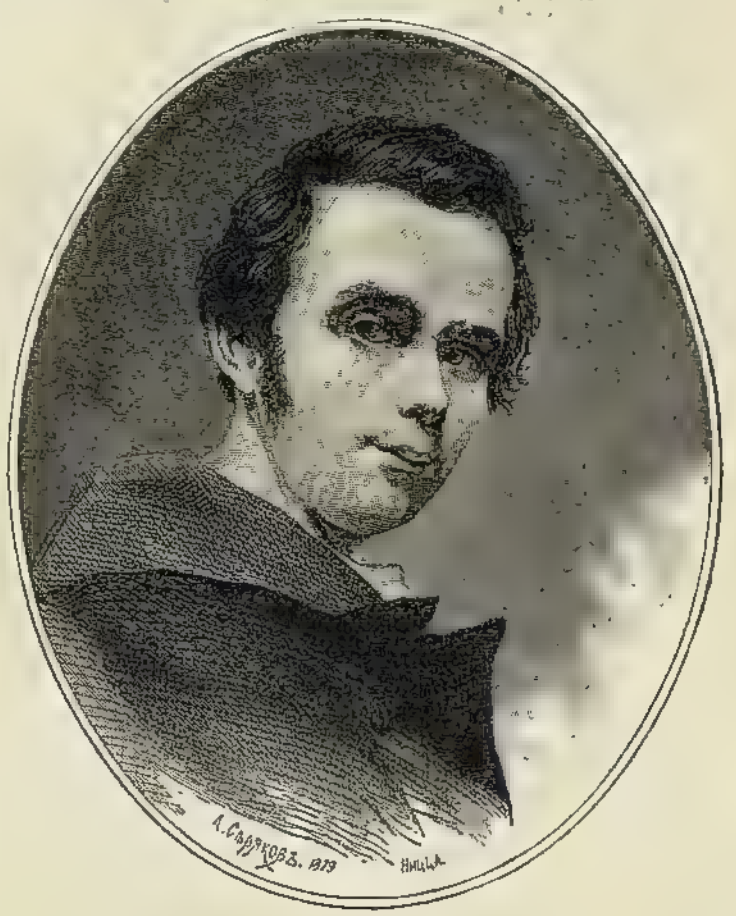
Изображеніе крѣпостного права въ произведеніяхъ Т. Г. Шевченко.

А. М. Гнѣвушева.

Литературная дѣятельность Т. Г. Шевченко охватываетъ приблизительно два послѣднихъ десятилѣтія дореформеннаго строя, т.-е. то именно время когда отживавшій порядокъ прилагалъ наибольшее количество усилій для своего сохраненія и тѣмъ сильнѣе обнаруживалъ свои отрицательныя стороны. Шевченко самъ въ своей личной жизни испыталъ и тяжесть крѣпостной зависимости и политическій режимъ николаевскаго времени. Судьба ему послала барином Энгельгардта, не слишкомъ крупнаго самодура, но человѣка насквозь проникнутаго крѣпостническими взглядами, и поэту пришлось, уже будучи вполнѣ сознательнымъ и развитымъ человѣкомъ, пережить очень тяжелыя минуты во время хлопотъ его друзей о его выкупѣ; а вскорѣ послѣ своего выкупа онъ могъ на своемъ опытѣ убѣдиться, что и свободный человѣкъ въ Россіи его времени не имѣлъ ни малѣйшей возможности обладать такой роскошью, какъ свои собственныя сужденія о современномъ порядкѣ вещей, не подвергаясь за это жестокимъ гоненіямъ. Поэтому наблюденія Шевченко надъ характерными чертами крѣпостной зависимости не были только наблюденіями: всѣ отрицательныя черты русской жизни, нашедшія свое художественное выраженіе въ его произведеніяхъ,

были взяты изъ жизни, хорошо ему знакомой по личному опыту, были имъ глубоко перечувствованы, тѣмъ болѣе, что нельзя отрицать присутствія значительной доли автобіографическаго элемента во многихъ его произведеніяхъ. Чтобы яснѣе понять отношеніе Шевченко къ окружавшей его дѣйствительности, необходимо остановиться нѣсколько на его міровоззрѣніи. Тогда противоположность между его идеалами и дѣйствительностью, доставлявшая ему столько терзаній, станетъ ярче.

Основной чертой, проникающей все міровоззрѣніе Шевченко, былъ гуманизмъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Заповѣди истинно христіанской любви были ему близки и дороги. Братская, христіанская любовь между людьми—вотъ идеалъ, которому былъ всю свою жизнь вѣренъ Шевченко, къ осуществленію котораго онъ не уставалъ призывать людей. Только тогда люди будутъ вести правильную, свободную и радостную жизнь, когда братская любовь воцарится на землѣ. Какъ истинный христіанинъ, Шевченко былъ врагомъ всякаго ханжества и лицемѣрія и жестоко клеймилъ въ своихъ произведеніяхъ людей, внѣшне исповѣдующихъ христіанскіе принципы, а въ жизни допускающихъ и оправдывающихъ притѣсненія и обиды „меньшей братіи“. Другой чертой міровоззрѣнія Шевченко была его горячая любовь къ Украйнѣ, его пламенный патріотизмъ. Но патріотизмъ никогда не выливался у него въ форму шовинизма: этому препятствовало его демократическое настроеніе. Для Шевченко народъ въ видѣ низшихъ слоевъ общества, „простой народъ“, былъ носителемъ лучшихъ идеаловъ мира и любви. Онъ признавалъ братскую любовь не только по отношенію къ людямъ своей національности, но и по отношенію къ національностямъ другимъ. Низшіе слои населенія неповинны въ той ненависти, которая нерѣдко существуетъ между народами. Даже по отношенію къ полякамъ, въ которыхъ Шевченко видитъ враговъ и поработителей своей родины, онъ не высказываетъ осужденія, какъ къ цѣлой націи. И украинцы и поляки жили бы мирно, въ братской любви, но ихъ добрыя отношенія были испорчены, съ одной стороны, духовенствомъ и его католической пропагандой и шляхтой, съ другой. Ненависть между націями создается высшими кругами. Скорбя о притѣсне-



Тарасъ Шевченко (портр. 1840 г.).

ніяхъ, которыя переноситъ Украйна отъ своихъ враговъ, Шевченко не могъ не скорбѣть и о притѣсненіяхъ, испытываемыхъ другими народностями. Эти свои симпатіи къ угнетаемымъ народностямъ онъ выразилъ, между прочимъ, въ своемъ стихотвореніи „Кавказъ“, гдѣ онъ отстаиваетъ права горцевъ на самобытное существованіе и оправдываетъ ихъ борьбу съ Россіей. Эти основныя черты міровоззрѣнія отразились въ изображеніи крѣпостного права у Шевченко. Его гуманизмъ, связанный съ глубокимъ демократизмомъ, привелъ къ тому, что изображеніе отрицательныхъ сторонъ крѣпостного права вылилось въ болѣе острыя формы, чѣмъ простое изображеніе зависимости крѣпостныхъ отъ помѣщиковъ и злоупотребленія послѣднихъ своею властью Не оставляя въ сторонѣ такихъ отдѣльныхъ, частныхъ случаевъ, онъ смотрѣлъ на вопросъ гораздо глубже. Для него ненормальность крѣпостного строя не выражалась только въ эксплуатаціи труда одного человѣка другимъ, въ издѣвательствахъ одного надъ личностью другого, — онъ выдвигалъ разлагающее вліяніе крѣпостного права на все общество.

Порабощеніе огромной части народа высшими его слоями наложило свой отпечатокъ на психологію всего правящаго класса. Общество раздѣлилось на два класса: угнетенныхъ и угнетателей, и у каждаго изъ этихъ классовъ выработалась своя психологія; притомъ черты классовой психологіи должны были стирать черты психологіи индивидуальной. Оба эти класса совершенно противоположны одинъ другому. Высшій далеко ушелъ отъ первобытной простоты правовъ и связанныхъ съ нею высокихъ душевныхъ качествъ. Представители его лживы и неискренни, неспособны ни къ глубокой любви, ни къ сильной ненависти; въ погонѣ за наживой, за удовольствіями, преимущественно низменными, они готовы потерять и свое человѣческое достоинство. И это не вина отдѣльныхъ личностей,—виновата та среда, въ которой они живутъ и воспитываются. Наоборотъ, низшій классъ населенія, классъ порабощенный, сохранилъ первобытную чистоту правовъ; здѣсь люди отличаются простой жизнью, не гоняются за ея улучшеніемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сохраняютъ въ себѣ человѣческое достоинство. Они удержали въ своей душѣ лучшія качества своихъ свободныхъ и вольнолюбивыхъ предковъ: они уважаютъ и въ себѣ и въ другихъ человѣческое достоинство. Но эти лучшія качества подавлены въ огромномъ большинствѣ случаевъ тяжелой крѣпостной неволей и не могутъ проявиться въ жизни активно. Раздѣленіе общества на двѣ половины привело къ тому, что для Шевченко понятіе націи отождествлялось съ низшими слоями населенія. Поэтому-то, въ связи, конечно, съ своей любовью къ родинѣ, Шевченко почти никогда не говоритъ объ угнетеніи части націи, низшихъ слоевъ населенія. Для него центръ тяжести въ томъ, что угнетена вся страна, вся Украйна. Впрочемъ, это такъ и должно было быть. Украинская интеллигенція въ глазахъ Шевченко измѣнила своему народу, своей національности. Она либо

Т. Г. Шевченко.

(Съ портрета *Трошенко*).

ополячилась, либо пошла въ науку къ нѣмцамъ, и не можетъ считаться частью украинскаго народа. То здоровое, что таится въ народѣ, лучшія его чувства и мысли она бросила изъ презрѣнія къ своему родному, а изъ другихъ національностей взяла только дурное. Представители этой части народа не украинцы, они выдѣлили сами себя изъ націи, отреклись отъ нея и изъ сыновъ родины сдѣлались ея врагами. Такая измѣна своей родинѣ — худшее, что можетъ случиться съ страной. Въ своемъ обращеніи къ землякамъ Шевченко выражаетъ эту мысль такими словами:

«Доборолась Украина Гірше ляха свої дітп
До самого краю, Її розпинають».

Молодица (рис. И. И. Соколова).

Поэтому-то въ глазахъ Шевченко гнетъ крѣпостной зависимости падалъ на весь украинскій народъ въ его цѣломъ. Помимо этого, мысли Шевченко и потому еще обращались къ угнетенію всей Украйны, что для него крѣпостное право было неразрывно связано съ политическимъ порабощеніемъ народностей. На первомъ планѣ у него стоитъ, конечно, порабощеніе Украйны. Политика Богдана Хмельницкаго, приведшая къ подчиненію Москвѣ Украйны, дѣятельность Петра Великаго и Екатерины Второй вызываютъ у него суровое осужденіе, и, описывая современное положеніе, онъ не можетъ отдѣлить крѣпостного права отъ общаго угнетенія украинскаго народа, какъ націи, имѣющей право на свою національную самостоятельность. Постепенный упадокъ политической самостоятельности Украйны сопровождался въ его глазахъ и экономическимъ порабощеніемъ народа. Но это политическое порабощеніе имѣло въ глазахъ Шевченко и свои самостоятельныя отрицательныя стороны. Оно приводило къ тому, что связанный тяжелыми цѣпями двойной неволи украинскій народъ постепенно терялъ свои силы, забывалъ свое славное прошлое и постепенно мирился съ печальной дѣйствительностью. Въ минуты тяжелаго настроенія у Шевченко являлась мысль о безполезности проповѣди любви, проповѣди освобожденія. Она врядъ ли сможетъ найти доступъ въ измученныя сердца. Великія слова любви и свободы, вырывающіяся у поэта, не смогутъ найти себѣ отклика.

«Кому-жъ ii покажу я
И хто тую мову
Привитае, угадае
Великее слово?
Всі оглухли, похилились
Въ кайданахъ байдуже»...

Слишкомъ порабощены люди, чтобы услышать и понять слова поэта. Это обстоятельство должно было заставить его постоянно напоминать своему народу о прошломъ величіи Украйны. Почти всюду въ произведеніяхъ Шевченко мы встрѣчаемъ сравненіе положенія Украйны въ его время съ положеніемъ ея во времена гетманщины Запорожья, во времена свободной, вольной и могучей народной жизни. Для него было ясно, что эти времена минули безвозвратно, и это налагало на его любовь къ своей родинѣ тихую непрестанную скорбь. Почти всегда, сравнивая прошлое величіе Украйны съ современнымъ ея положеніемъ, онъ грустно повторяетъ мысль о невозвратности прошлаго, о томъ, что отъ былого остались только могилы. Ему было безконечно тяжело, что это прошлое не живетъ даже въ памяти современниковъ. Онъ подчеркиваетъ въ посланіи къ своимъ землякамъ необходимость помнить минувшую славу своей родины. Эта память о прежней славѣ, это знаніе славнаго историческихъ судебъ своей родины должны дать людямъ силу къ тому, чтобы стремиться къ лучшему въ настоящемъ. Пробужденіе національнаго самосознанія, какъ слѣдствіе знанія славнаго прошлаго, Шевченко ставилъ одной изъ своихъ задачъ, такъ какъ только этимъ путемъ можно было разсчитывать поднять угасавшій народный духъ. Такую попытку необходимо было сдѣлать, потому что окружавшая поэта дѣйствительность была слишкомъ мрачна. Положеніе вещей во времена николаевскаго режима было таково, что не оставляло надеждъ на лучшее будущее, и эта мрачная дѣйствительность нашла свое выраженіе въ слѣдующихъ словахъ поэта:

Лирникъ (Л. М. Жемчужникова).

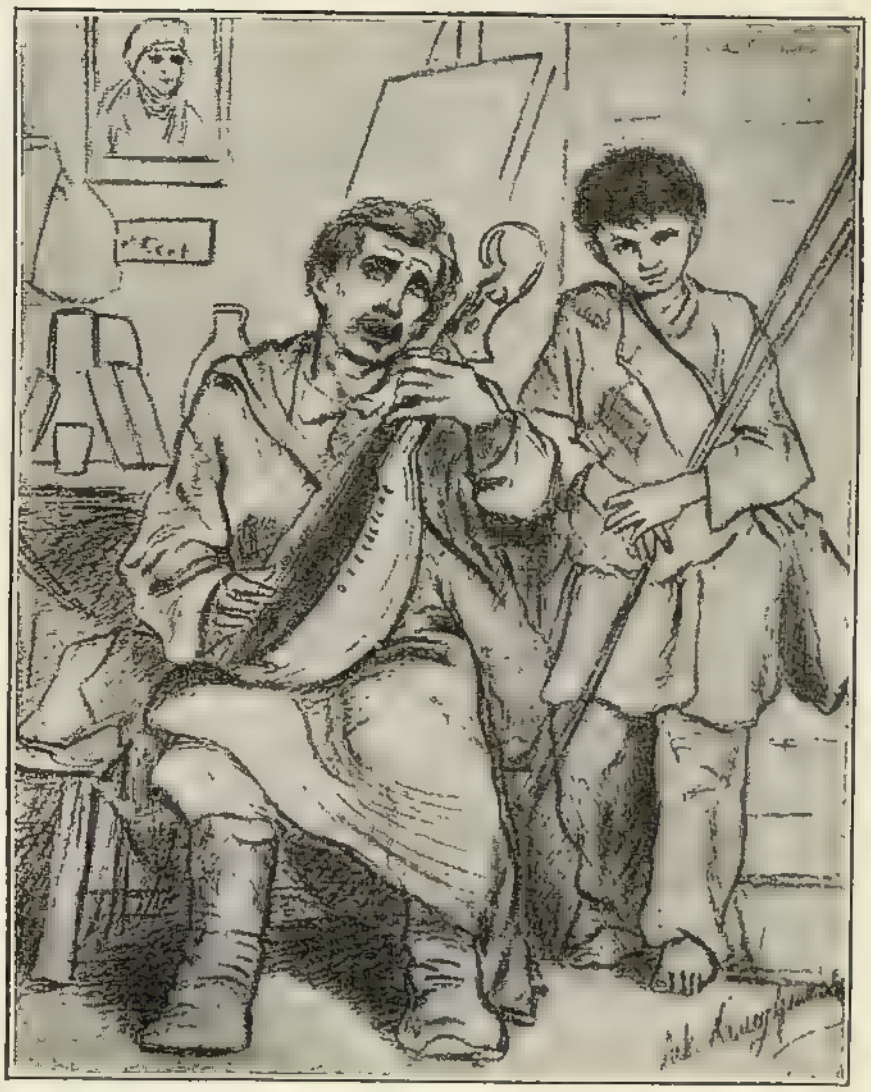
«Скрізь неправда, де не гляну
Скрізь Господа лають!»
«Оттаке-то... не здивуйте
Що ворономъ крячу,
Хмара сонце заступила,
Я світи не бачу».

Эта „хмара“ не могла разсѣяться скоро. Шевченко не видѣлъ конца страданьямъ украинскаго народа, а потому и его призывы къ борьбѣ звучали мало энергично. Онъ едва ли былъ убѣжденъ, что ему придется увидѣть лучшее время. Онъ высказываетъ только очень слабую падежду на это:

«Може ще разъ сонце правды Хочь крізь сонъ побачу»,

говоритъ онъ въ своей „Пусткѣ“ 1846 года. Надежды на освобожденье было очень мало, а между тѣмъ положеніе Украйны было крайне тяжелымъ. Народъ стопалъ подъ гнетомъ крѣпостного права, вся страна была задавлена тяжелыми политическими условіями, и по ея адресу у поэта вырываются такія слова:

«Мій краю прекрасний, роскошній, богатий,
Хто тебе не мучивъ? Якъ бы разсказать
Про якого небудь одного магната
Исторію—правду, то перелякать
Саме-бъ пекло можно, а заита старого
Полупанкамъ нашимъ можно здивувать!»



Бандуристъ. (Живоп. Украйна, 1861 г.).

Въ результатѣ этихъ многолѣтнихъ мученій жизнь для простого народа въ этомъ роскошномъ, богатомъ краѣ сдѣлалась адомъ.

Вспоминая свое дѣтство, материнскія ласки и пѣсни, смерть матери, загнанной въ могилу непосильной работой, и смерть отца на „панщинѣ“, Шевченко резюмируетъ свои впечатлѣнія дѣтства такими словами:

. . . «въ тимъ гаю Работа тяжкая; николи
У тій хатини—у раю И помолиться не дають».
Я бачивъ пекло... Тамъ неволя

И это „пекло“ было не только въ его хатѣ. Поѣздка его на Украйну принесла ему только горе: разоренье крестьянъ, вызванное тяжелымъ крѣпостнымъ трудомъ, обезобразило прекрасный край. Свое родное село онъ засталъ наполовину запустѣлымъ: ни пѣсенъ, ни смѣха, ни радостныхъ сча-

стливыхъ лицъ онъ не встрѣтилъ тамъ. И у него въ заключеніи вырываются слова, характеризующія положеніе не только родного села, но и всей Украйны

«І не въ однимъ отім селі,
А скризь на славній Україні
Людей у ярма запрягли
І Дніпро и гори,
І потече сторіками
Кровъ у сине море
Дітей вашихъ»...
Пани лукави. Гинуть, гинуть
У ярмахъ лицарски сили»...

И вмѣстѣ съ этимъ гибнетъ и то хорошее, что составляетъ неотъемлемую принадлежность простого народа. Переходя къ конкретнымъ указаніямъ враговъ украинскаго народа, Шевченко видитъ ихъ въ полякахъ — „панахъ“, которые мучатъ простой народъ, какъ помѣщики, великороссовъ— „москалянъ“, которые притѣсняютъ цѣлую націю, являясь на Украйнѣ представителями администраціи, какъ высшей, такъ и низшей, и, наконецъ, въ высшемъ классѣ самого украинскаго народа, который, оставивъ простую сельскую жизнь и обратившись за наукою къ „нѣмцамъ“, не сдѣлался отъ этой науки лучше въ нравственномъ смыслѣ и попрежнему „деретъ шкуру съ братівъ незрячіхъ гречкосіевъ“.

Гдѣ же найти выходъ изъ создавшагося положенія? Шевченко видѣлъ возможность того, что народныя страданія превзойдутъ, въ концѣ-концовъ, мѣру народнаго терпѣнья, что народная скорбь найдетъ свой исходъ, въ концѣ-концовъ, въ жестокомъ кровавомъ возстаніи. Ему было тяжело предвидѣть, что въ этомъ случаѣ въ средѣ самого украинскаго народа можетъ вспыхнуть братоубійственная междоусобица, и онъ обращается къ своимъ землякамъ, чтобы они вспомнили великіе завѣты любви къ низшимъ классамъ общества, чтобы они стали людьми въ лучшемъ смыслѣ этого слова.

«Схаменіться! будьте люди,
Бо лихо вамъ буде:
Разкуються незабаромъ
Заковані люди;
Настане судъ, заговорить
І Дніпро и гори,
І потече сторіками
Кровъ у сине море
Дітей вашихъ»...

Надо оставить мысль о томъ, что высшіе классы живутъ на свѣтѣ только для того, чтобы быть панами, чтобы притѣснять меньшую братію.

«Не дуріте дітей вашихъ,
Що вони на світі
На те тілько, щобъ панувать»...

Пока еще не поздно, пока народъ еще не проснулся и не разорвалъ своихъ цѣпей, необходимо слиться съ народомъ, позаботиться о его нуждахъ, и тогда освобожденіе отъ крѣпостныхъ и политическихъ цѣпей будетъ легче. Но можетъ ли это освобожденіе произойти вообще легко, безъ крови, путемъ мирнымъ? Несмотря на свое врожденное отвращеніе къ насилію, Шевченко, видимо, мало вѣрилъ въ возможность такого выхода. Слишкомъ огрубѣли сердца высшихъ классовъ, чтобы на нихъ могло подѣйствовать слово хри-

Малороссійская дѣвушка (Л. М. Жемчужникова).

стіанской любви. Они не откажутся добровольно отъ своихъ привилегій, и народу нужно самому добиваться своего освобожденія.

Въ своемъ „Завѣщаніи“ Шевченко указываетъ на необходимость такого именно выхода изъ создавшагося положенія. Обращаясь съ просьбой похоронить его на берегу Днѣпра, поэтъ указываетъ на то, что нужно дѣлать потомъ:

«Паховайте та вставайте,
Кандали порвіте
І вражою злою кровью
Волю окропіте».

И только тогда, когда это будетъ сдѣлано, поэтъ будетъ увѣренъ въ томъ, что воля добыта народомъ, и сможетъ примириться съ Богомъ.

«Якъ понесе у Укріин
У синее море
Кровь ворожу—отоді я
. . . . . .
Все покину і полину
До самаго Бога
Молитися».

Только самъ народъ можетъ освободить себя отъ своихъ враговъ путемъ прямого возстанія, въ другіе способы освобожденія Шевченко совер-

шенно не вѣрилъ. Цитированное мѣсто относится къ 1845 году, когда не было никакихъ надеждъ на уничтоженіе крѣпостного права въ такой формѣ, въ какой оно произошло. Но и въ болѣе позднее время, уже наканунѣ освобожденія, Шевченко не былъ охваченъ вѣрой въ наступленіе свѣтлаго будущаго для своего народа. Его стихотворенія, относящіяся къ послѣднему періоду его жизни, совершенно не отразили въ себѣ общаго ликованья прогрессивной части общества по поводу близкаго освобожденія крестьянъ. Эти радужныя надежды не коснулись Шевченко. Онъ не обольщался ими. И въ этомъ случаѣ на него, вѣроятно, оказали вліяніе двѣ причины. Съ одной стороны онъ, близко и хорошо знавшій и перечувствовавшій всю тяжесть прошлаго режима, могъ питать очень слабое довѣріе къ искренности враговъ народа въ проведеніи реформы въ пользу народа. Народные враги врядъ ли могли сдѣлать для народа что-либо хорошее. Съ другой стороны во второй половинѣ своей жизни Шевченко все чаще и чаще останавливался на значеніи въ народной жизни не крѣпостного права самого по себѣ, а тяжести политическихъ условій жизни, политическаго порабощенія всего государства, которое особенно тяжко отзывалось на народѣ украинскомъ. А о полномъ политическомъ раскрѣпощеніи страны и рѣчи въ это время не было. Не было замѣтно и какихъ бы то ни было стремленій къ уравненію народностей въ правахъ, къ прекращенію національныхъ притѣсненій. Все это, видимо, ясно сознавалъ Шевченко, и поэтому общій энтузіазмъ не затронулъ его. Но въ то же время онъ не выступалъ и съ указаніями на неполноту или несовершенства предполагавшейся реформы. Ея приближеніе совершенно не отразилось на его произведеніяхъ. Онъ ясно чувствовалъ, что до свободы украинскаго народа въ его цѣломъ еще очень и очень далеко, что все государство должно быть совершенно переустроено, чтобы осуществилась его мечта.

«Щобъ братъ брата не різали
Та не окрадали
Та въ москали вдовиченка
Щобъ не оддавали».

А до этого было еще далеко.

Шевченко умеръ почти наканунѣ объявленія манифеста 19 февраля, не примирившись съ дѣйствительностью и оставшись врагомъ всего построеннаго на насиліи и неправдѣ порядка вещей.

А. Гнѣвушевъ.

Крѣпостное право въ поэзіи Некрасова.

И. Н. Игнатова.

Карамзинъ писалъ когда-то куплеты для „сельской комедіи“, представленной въ свое время благородными любителями сцены. Этими куплетами хоръ помѣщичьихъ крестьянъ выражалъ довольство своимъ существованіемъ:

Какъ не пѣть намъ? Мы щастливы!
Славимъ барина-отца.
Наши рѣчи некрасивы,
Но чувствительны сердца. Ихъ искусство говорить.
Горожане насъ умнѣе, Что жъ умѣемъ мы? Сильнѣе
Благодѣтелей любить.

Какое „щастье“ надо было имѣть въ собственной душѣ, чтобы такъ изображать житье крѣпостныхъ. Droits de l'homme были уже провозглашены, Радищевъ уже успѣлъ съѣздить изъ одной столицы въ другую и поплатиться за свое путешествіе, а „щастливое“ воображеніе русскаго историка рисовало

безмятежное состояніе земледѣльцевъ, хоромъ воспѣвающихъ свою любовь къ благодѣтелямъ помѣщикамъ. И тѣ, къ кому онъ обращался,—слушатели куплетовъ и благородные любители, ихъ исполнявшіе,—также безмятежно вѣрили въ силу любви, отличавшей „щастливыхъ“ земледѣльцевъ отъ умныхъ горожанъ. Они не только вѣрили: въ спокойномъ признаніи существующаго неизмѣннымъ они и не задумывались надъ возможностью иныхъ чувствъ и другихъ отношеній.

Въ этой наивной вѣрѣ самихъ благодѣтелей не было, конечно, ничего удивительнаго. Удивительнѣе было другое. Какъ ни противоестественно, какъ ни выдумано кажется намъ восторженное славословіе рабами „барина-отца“, оно до нѣкоторой степени соотвѣтствовало истинѣ, и Карамзинъ во всякомъ случаѣ не цѣликомъ его выдумалъ. Конечно, не вся масса счастливыхъ земледѣльцевъ славословила; конечно, слова „вы — наши отцы, мы—ваши дѣти“ произносились часто съ трепетомъ негодованія въ душѣ; но встрѣчалось и иное отношеніе, было и неподкрашенное лицемѣріемъ восхищеніе своимъ рабствомъ. Крѣпостное право коверкало душу рабовъ, нерѣдко изгоняло изъ нея благородные элементы и создавало удивительную человѣческую разновидность восхищеннаго раба. Съ изображеніемъ такой исковерканной крѣпостной души мы не разъ встрѣчаемся у Некрасова.

Для „поэта мести и печали“ крѣпостное право совершенно не имѣло свѣтлыхъ сторонъ. Все, что можетъ представить себѣ человѣческое воображеніе дикаго, страшнаго, нелѣпаго, соединялось для Некрасова съ тѣмъ временемъ, „когда свободно рыскалъ звѣрь, а человѣкъ бродилъ пугливо“. Страшныя мученія прошлыхъ вѣковъ, огромныя гекатомбы человѣческихъ жертвъ, стоны замученныхъ въ угоду римской толпѣ или во славу католической церкви, — все это было не страшнѣе того, что представляла изъ себя крѣпостная Россія, не плачевнѣе жалобъ, которыми оглашались смиренные храмы русскихъ селъ.

Храмъ воздыханья, храмъ печали,
Убогій храмъ земли твоей,—
Тяжеле стоновъ не слыхали
Ни римскій Петръ ни Колизей.

Но въ этомъ сплошномъ морѣ слезъ, коверканья человѣческихъ жизней самое безотрадное впечатлѣніе производили опустошенныя души тѣхъ, которыя, подобно карамзинскимъ „щастливымъ земледѣльцамъ“, искренно и восторженно воспѣвали милости „барина-отца“ и щедроты „благодѣтелей“. Чѣмъ ближе къ „благодѣтелямъ“ стоялъ крѣпостной, тѣмъ большая кастрація производилась надъ нимъ, тѣмъ совершеннѣе исчезалъ человѣкъ и получалось странное, карикатурное существо, лишенное человѣческаго образа и подобія. Для этого кастрированнаго субъекта міръ не существовалъ безъ барина и внѣ барина. Страшнымъ процессомъ опустошенія души дворовый дошелъ до пол-

Н. А. Некрасовъ.

(Съ портрета *Крамского*).

паго самоисчезновенія, до того состоянія, въ которое впадаютъ люди, находящіеся подъ исключительно однообразными впечатлѣніями: ихъ опустошенная душа не знаетъ уже никакой инпціативы, никакого дѣйствія внѣ инпціативы и дѣйствій приказывающихъ. Извѣстенъ примѣръ якутскихъ солдатъ, приводимый, между прочимъ, Михайловскимъ въ „Герояхъ и толпѣ". Взводъ солдатъ былъ выведенъ на ученье. Впереди шелъ командиръ, за нимъ солдаты; остановился командиръ, остановились и они. До сихъ поръ все шло благополучно. Но вотъ командиръ скомандовалъ, и вмѣсто того, чтобы исполнить слова команды, солдаты повторили ихъ. Удивленный командиръ сталъ браниться; солдаты повторили брань. Онъ продолжалъ, продолжали и они; они повторяли все то, что говорилъ и дѣлалъ онъ. Думали, что это бунтъ; на самомъ дѣлѣ это была болѣзнь, тяжелая болѣзнь, зависѣвшая отъ однообразія впечатлѣній, которыми жили якутскіе солдаты, и заключавшаяся въ полномъ исчезновеніи личности, въ опустошеніи души. У массы дворовыхъ, ближе другихъ испытывавшихъ на себѣ отраву барскаго гнѣва и барской любви, производилось такое же опустошеніе души, и Некрасовъ даетъ примѣры жестокаго обезличенія, когда внѣ барина жизнь дворового становится невозможной, и никакая воля неспособна вернуть человѣку его истиннаго образа.

Рис. къ стих. Некрасова (изд. Сепьковскаго 1865 г.).

Вотъ дворовый человѣкъ князей Утятиныхъ Ипатъ („Кому на Руси жить хорошо"). Въ издерганной, исковерканной душѣ его не осталось уже ни одного живого мѣста ни одного чувства, не связаннаго съ барскимъ гнѣвомъ или съ барскими милостями. Съ самаго дѣтства онъ не существовалъ для самого себя, и въ его воспоминаніи проносятся только картины тѣхъ или иныхъ забавъ, предметомъ которыхъ былъ онъ для князя. Сначала его запрягали въ телѣжку, чтобы возить маленькаго князька. Потомъ пошли другія забавы. Князь возросъ и телѣжка не могла его больше забавлять; въ пья-

номъ видѣ онъ купалъ Ипата въ двухъ прорубяхъ: „въ одну опуститъ въ неводѣ, въ другую мигомъ вытянетъ и водки поднесетъ“. Когда Ипатъ „сталъ уже клониться къ старости“, князь сажалъ его зимой въ качествѣ „фалетура“ на переднюю лошадь и заставлялъ въ стужу и метель играть на скрипкѣ; падалъ „фалетуръ“ въ сугробы и подолгу лежалъ въ снѣгу, готовясь къ смерти. Но всѣ эти непріятности стирались въ памяти дворового передъ однимъ отраднымъ воспоминаніемъ, какъ, проѣхавъ санями черезъ Ипата и бросивъ его на произволъ судьбы въ снѣгъ, князь, въ концѣ-концовъ, вернулся, поднялъ вѣрнаго Ипата, „одѣлъ меня, согрѣлъ меня и рядомъ, недостойнаго, съ своей особой княжеской въ саняхъ привезъ домой“.

Мужики, слушающіе у Некрасова восторженныя воспоминанія Ипата, смѣются, но за карикатурнымъ настоящимъ Ипата тантся мучительный процессъ прошлаго обезличенія и превращенія человѣка въ ласковую собачку. Несмотря на состоявшееся уже превращеніе, этотъ процессъ всплываетъ наружу, и въ лакейской, псковерканной и пздерганной душѣ поднимается смутный протестъ, тяжелая неопредѣленная тоска, которая иногда приводитъ къ неожиданно страшному рѣшенію. Дворовый Ивапъ всю жизнь провелъ въ господской передней или кухнѣ, „не умытъ, угрюмъ, оплеванъ, вѣчно полупьянъ“. Повидимому, для него все совершается, какъ должно въ жизни. Онъ не имѣетъ никакихъ претензій,

...Грубитъ, воруетъ;
Божится и вретъ,
И за рюмочку цѣлуетъ
Ручки у господъ.

„Господа давно рѣшили, что души въ немъ нѣтъ“. Но псковерканная душа Ивана внезапно заявляетъ о себѣ: „Чуть живого сняли съ петли; передъ тѣмъ грустилъ“.

Господамъ конфузно было:
—Что съ тобой, Иванъ?—
„Такъ подъ сердце подступило“,
И глядятъ, не пьянъ.

Приниженный, забитый, потерявшій свою личность, дворовый иногда проявлялъ себя еще страшнѣе, и сказаніе „про холопа примѣрнаго—Якова вѣрнаго“ особенно ярко рисуетъ темную душу восторженнаго и вѣрнаго раба. Яковъ имѣлъ господина, который билъ его „походя“. Но „люди холопскаго званія — сущіе псы иногда. чѣмъ тяжелѣй паказаніе, тѣмъ имъ милѣй господа“.

Яковъ такимъ объявился изъ младости,
Только и было у Якова радости
Барина холить, беречь, ублажать
Да племяша малолѣтка качать.

Когда баринъ лишился ногъ, Яковъ ухаживалъ за нимъ со всей преданностью „холопскаго“ сердца, а баринъ звалъ его „братомъ“. Но это братство не воспрепятствовало помѣщику отдать племянника Якова въ солдаты, несмотря на просьбы вѣрнаго слуги. Яковъ смирился и приготовилъ страшную

месть. Въ глухомъ лѣсу, прямо надъ санями, гдѣ спдѣлъ безногій помѣщикъ, Яковъ повѣсился на соснѣ:

Экія страсти Господни! виситъ
Яковъ надъ бариномъ, мѣрно качается;
Мечется баринъ, рыдаетъ, кричитъ.
Эхо одно откликается.

Вотъ одна разновидность крѣпостныхъ, изображенная Некрасовымъ. Среди дворовыхъ есть, впрочемъ, еще болѣе несчастные, и, по странной волѣ судебъ, этими болѣе несчастными являются тѣ, на которыхъ вылилась наибольшая доза барской любви: въ условіяхъ несправедливыхъ отношеній всякое, даже самое гуманное, движеніе становится источникомъ зла. Стихотвореніе „Въ дорогѣ“,—то стихотвореніе, за которое Бѣлинскій, по словамъ Панаева,

„Однако надобно, чтобы больше пилъ народъ“ (карик. Неваховича 1855).

чуть не со слезами обнялъ Некрасова и назвалъ его „истиннымъ поэтомъ“,— разсказываетъ, словами ямщика, судьбу одной изъ несчастныхъ, удостоенной барскихъ милостей. Она смолоду „въ барскомъ домѣ была учена вмѣстѣ съ барышней разнымъ наукамъ“, „и не то, чтобъ нашъ братъ, крѣпостной, то-нсь сватался къ ней благородный“. А когда подоспѣло время и дворянская барышня вышла замужъ, то ея образованную, изнѣженную крѣпостную подругу отдали за крѣпостного мужика, заставили отъ книжки, музыки, богатой обстановки, радужныхъ мечтаній перейти къ барщинѣ, къ тяжкой деревенской работѣ, къ людямъ, не понимавшимъ ни книжки, ни тихихъ мечтаній барышни, ни тайныхъ слезъ о потерянныхъ надеждахъ.

Для Некрасова помѣщичье существованіе въ крѣпостное время представлялось однимъ сплошнымъ насиліемъ, гибельно вліявшимъ и на властителей и на рабовъ. Не было просвѣта ни для тѣхъ ни для другихъ, ибо жизнь помѣщиковъ была „безплодна и пуста“, она текла „среди пировъ, безсмысленнаго чванства, разврата грязнаго и смѣлаго тиранства“, а основаніемъ для этой безсмысленной и отвратительной жизни было существованіе „роя подавленныхъ и трепетныхъ рабовъ“, который „завидовалъ житью послѣднихъ барскихъ псовъ“. Некрасовъ показалъ, что насиліе крѣпостного режима не могло выразиться только во внѣшней приниженности, только въ физическихъ тягостяхъ и во временныхъ моральныхъ терзаніяхъ. Для него было ясно, что съ паденіемъ крѣпостного права страшная язва крѣпостныхъ отношеній надолго останется въ народной душѣ, что во всемъ нравственномъ обликѣ деревенскаго жителя она оставитъ глубокіе слѣды, придавъ ему черты неустойчивости и растлѣнія.

Уличные типы (Рихау 1860).

Некрасовъ изобразилъ много „русскихъ богатырей“, начиная отъ Власа, богатаго огромной нравственной силой, отъ „типа величавой славянки“, отъ огородника, смѣлаго и сильнаго, до Савелія, у котораго „цѣпями руки кручены, желѣзомъ ноги кованы, спина... лѣса дремучіе прошли по ней, сломалися“. Но масса крестьянства не обладала нравственной мощью Власа и „сила, вся душа великая“ у нея не „въ дѣло Божіе ушла“. Крѣпостное право развивало, по Некрасову, въ народной массѣ или безволіе и безсиліе, или силу обмана и волю, направленную лишь на стойкое перенесеніе униженій. Захотѣла ли бабушка Непила починить развалившуюся избенку, полюбилъ ли Наташу хлѣбопашецъ вольный, обидѣлъ ли мужиковъ лихоимецъ жадный, — у мужиковъ нѣтъ воли, нѣтъ силы помочь бѣдѣ, выйти изъ затрудненія; у нихъ одно упованіе: „Вотъ пріѣдетъ баринъ, баринъ насъ разсудитъ“. Равнодушіе къ собственной судьбѣ, безсиліе, безволіе таковы слѣды крѣпостного режима, надолго остающіеся въ душѣ русскаго

крестьянина. „Безъ наслажденья онъ живетъ, безъ сожалѣнья умираетъ“, и единственнымъ житейскимъ идеаломъ, который крѣпостное наслѣдство можетъ устами няньки подсказывать маленькому Еремушкѣ, это жизнь безъ усилій и напряженій воли: и „привольная и праздная жизнь покатится шутя“... Но это идеалъ, по большей части неисполнимый. Безъ воли и усилій все-таки прожить нельзя. Въ чемъ же проявляется воля и усилія? Крѣпостные крестьяне помѣщика Шалашникова, чтобы не платить большой оброкъ, выдерживаютъ истязанія, жестокія розги до „потрясенія мозговъ“, почти что „сдираніе шкуры начисто“. Деньги у нихъ есть, заплатить они могутъ, но они предпочитаютъ порку, истязанія, униженія, лишь бы не разставаться съ деньгами. Помѣщикъ Шалашниковъ поролъ, крестьяне понемногу сдавались, помѣщикъ уставалъ, сдѣлка налаживалась, и, въ концѣ-концовъ, обѣ стороны оставались довольны. Помѣщикъ получалъ кое-что, крестьяне уносили домой гораздо больше, чѣмъ разсчитывали. Лежа подъ розгами, они думали: „какъ ни дери, собачій сынъ, а всей души не вышибешь, оставишь что-нибудь“; а когда, избитые „до потрясенія мозговъ“, они возвращались по знакомой дорогѣ, они дѣлили барыши, приговаривая: „Что денегъ-то осталося! Дуракъ же ты, Шалашниковъ!“ „И тѣшилась надъ барином Корега (деревня) въ свой чередъ“. А разсказчикъ, русскій богатырь Савелій, повѣряя слушательницѣ исторію шалашниковскихъ истязаній, съ гордостью говорилъ о выносившихъ порку мужикахъ: „Вотъ были люди гордые!“ и прибавлялъ: „Зато купцами жили мы“!..

Рис. къ стих. Некрасова (1865 г.).

Эта способность выносить истязаніе и сила обмана остались свойствами освобожденныхъ крѣпостныхъ. Раскрѣпощеніе измѣнило внѣшнія условія жизни деревни, но уничтожить слѣды вѣковой зависимости въ духовномъ обликѣ бывшаго раба оно не могло. Освобожденные, уже независимые отъ помѣщика, крестьяне принимаютъ на себя рабскую личину ради возможности

взять въ свою пользу поемные луга помѣщика. „Луга-то эти самые, да водка, да съ три короба посуловъ то и сдѣлали, что міръ рѣшилъ“—играть комедію, представляться покорными рабами предъ „послѣдышемъ“, обманывать и притворяться, какъ притворялись въ прежнія времена. Ложь, воспитанная вѣками, осталась и у свободныхъ деревенскихъ жителей, и бывшіе крѣпостные „послѣдыша“ врали, какъ врали рабы Шалашникова. Ихъ, правда, не порол, по комедію порки продѣлывали надъ собой и важные солидные мужики. „Отцы! –притворяясь и ломаясь, кричалъ, восхваляя помѣщиковъ, староста Климъ,—

Отцы-руководители!
Не будь у насъ помѣщиковъ,
Не наготовимъ хлѣбушка,
Не запасемъ травы:
Хранители! радѣтели!
И міръ давно бы рушился
Безъ разума господскаго,
Безъ нашей простоты.
Вамъ на роду написано
Блюсти крестьянство глупое,
А намъ работать, слушаться,
Молиться за господъ.

Чѣмъ отличается эта рѣчь отъ пѣснопѣнія „щастливыхъ“ карамзинскихъ крестьянъ? Только чувствомъ, которое ее подсказывало: карамзинскіе земледѣльцы „славили барина-отца“ отъ простоты умиленной и восхищенной души, Климъ притворяется и лицемѣритъ. Некрасовъ нарисовалъ фантастическаго „послѣдыша“, фантастическія отношенія уже освобожденныхъ крестьянъ къ желающему продолжать крѣпостничество помѣщику, фантастическую слѣпоту „послѣдыша“ относительно чувствъ крестьянъ. Но въ основаніи этой фантазіи положено дѣйствительное отношеніе между бывшими владѣльцами и бывшими рабами: лицемѣріе со стороны крестьянства, невѣрное пониманіе выражаемыхъ чувствъ со стороны помѣщика. И когда Некрасовъ спрашивалъ: „Народъ освобожденъ, но счастливъ ли народъ?“ онъ подразумѣвалъ не одну только матеріальную тяготу, но и гнетъ тяжелаго нравственнаго недуга, унаслѣдованнаго отъ злополучныхъ временъ крѣпостничества.

Для Некрасова примиренныхъ отношеній между крѣпостнымъ и владѣльцемъ существовать не могло. Возможно было или восхищеніе опустошенной души Ипата, или лицемѣріе Клима, или отупѣніе, озлобленность и затаенная вражда огромной массы безыменныхъ. Эта затаенная вражда проявлялась иногда въ жестокихъ дѣйствіяхъ, въ страшной расправѣ съ „отцами-благодѣтелями“, въ самосудѣ надъ тѣми, кому только что передъ тѣмъ говорили:

Кого же намъ и слушаться?
Кого любить? Надѣяться
Крестьянству на кого?
Бѣдами упиваемся...
Слезами умываемся,
Куда намъ бунтовать?
Все ваше, все господское...

Савелій, богатырь русскій, у котораго „лѣса дремучіе“, принятые отъ помѣщиковъ и нѣмцевъ управляющихъ, прошли по спинѣ, 18 лѣтъ терпѣлъ

истязанія; его могучая сила „подъ розгами, подъ палками по мелочамъ ушла“, и, наконецъ, послѣ долгихъ-долгихъ лѣтъ терпѣнія онъ вмѣстѣ съ другими односельчанами

...Въ землю нѣмца Фогеля,
Христьяна Христіаныча,
Живого закопалъ.

Такъ практически жизнь рѣшала вопросъ объ отношеніяхъ между „отцами-благодѣтелями“ и дѣтьми. А когда жизнь государства предъявляла неожиданно свои требованія къ рабу, какъ къ гражданину, онъ реагировалъ на это, въ изображеніи Некрасова, такъ, какъ можетъ реагировать только рабъ.

Краснорѣчивымъ воззваньемъ
Не разогрѣешь рабовъ,
Не озаришь пониманьемъ
Темныхъ и грубыхъ умовъ.

Поздно! Народъ угнетенный
Глухъ передъ общей бѣдой.
Горе странѣ разоренной!
Горе странѣ отсталой!

Этимъ заключительнымъ аккордомъ можно кончить искапіе отзвуковъ въ поэзіи Некрасова на злополучныя времена крѣпостничества.

И. Игнатовъ.

Крѣпостная старина въ художественной сатирѣ Салтыкова (Щедрина) [1]).

Ѳ. Ѳ. Нелидова.

I.

Пороковые годы въ воспоминаніяхъ современниковъ представляются временемъ оживленной умственной дѣятельности, которая обнаружилась почти внезапно въ нашей литературѣ подъ вліяніемъ свѣжей струи, прорвавшейся изъ Франціи. Это было время перехода отъ идеализма къ реализму, отъ туманныхъ отвлеченныхъ теорій къ живымъ вопросамъ дѣйствительной жизни, — время поворота къ естественнымъ наукамъ и пробужденія соціальныхъ интересовъ [2]). По условіямъ нашей жизни, соціальный интересъ естественно направляется тогда у насъ главнымъ образомъ и прежде всего на порабощенныя и угнетенныя народныя массы. Литература въ то время становилась

---

[1]) Крѣпостное право въ произведеніяхъ Салтыкова изображено и трактовано такъ широко, что собрать и уложить весь этотъ матеріалъ въ тѣсныя рамки небольшого популярнаго очерка представляется дѣломъ невозможнымъ, да притомъ и ненужнымъ. Тема эта давно использована и прекрасно разработана компетентнымъ въ этомъ вопросѣ историкомъ В. И. Семевскимъ. Его обстоятельный очеркъ подъ заглавіемъ: «Крѣпостное право и крестьянская реформа въ произведеніяхъ М. Е. Салтыкова» былъ напечатанъ въ «Сборникѣ правовѣдѣнія и общественныхъ знаній» еще въ 1893 году, а въ 1905 году перепечатанъ вновь съ дополненіями въ отдѣльномъ дешевомъ изданіи «Донской Рѣчи». Читателямъ, интересующимся этимъ вопросомъ въ такихъ болѣе широкихъ рамкахъ, мы рекомендуемъ обратиться къ этой работѣ.

[2]) См. выпускъ II «Историко-литературной Библіотеки»: «Западники 40-хъ годовъ». Изд. Сытина, 1910 г.

все болѣе и болѣе смѣлою въ обличеніяхъ злоупотребленій помѣщичьей властью. Нарождалась мужицкая беллетристика: мужикъ являлся героемъ современности. И въ кружкахъ молодежи, гдѣ уже обсуждались вопросы о свободѣ слова, о судѣ присяжныхъ, о децентрализаціи управленія и т. п., вопросъ объ освобожденіи крестьянъ выдвигался на первый планъ. И въ знаменитомъ письмѣ Бѣлинскаго къ Гоголю, въ то время получившемъ широкое распространеніе, а въ тогдашнихъ кружкахъ пріобрѣтшее значеніе „духовнаго завѣщанія“ умершаго великаго вождя русской интеллигенціи, вопросъ объ уничтоженіи крѣпостного права ставился на первое мѣсто. Вспоминая время своей юности въ „Кругломъ годѣ“, Салтыковъ говоритъ: „Я помню „Деревню“, помню „Антона Горемыку“, помню такъ живо, какъ будто все это совершилось вчера. Это былъ первый благотворный весенній дождь, первыя хорошія человѣческія слезы, и съ легкой руки Григоровича мысль о томъ, что существуетъ мужикъ-человѣкъ, прочно залегла и въ русской литературѣ и въ русскомъ обществѣ. А съ половины пятидесятыхъ годовъ эта мысль сдѣлалась господствующею въ русской жизни. Все, что ни есть въ Россіи мыслящаго и интеллигентнаго, отлично поняло, что, куда бы ни обратились взоры, вездѣ они встрѣтятся съ проблемой о мужикѣ“...

М. Е. Щедринъ (портр. Крамского).

Воспитанный западнической литературой и французскими соціалистами, Салтыковъ уже съ первыхъ шаговъ своей дѣятельности занялъ опредѣленную позицію въ этомъ вопросѣ. Въ то время, когда онъ былъ еще начинающимъ

литераторомъ и писалъ небольшія рецензіи въ „Отечественныхъ Запискахъ“ (1847 и 48 гг.), его отношенія къ дореформенному строю и лежавшему въ основѣ его крѣпостному праву были уже совершенно ясны. Такъ, при разборѣ одного плохого учебника логики, возражая противъ преувеличеннаго значенія силлогизма, онъ дѣлаетъ попутно вылазку противъ крѣпостного права. „Намъ случалось слышать,—говоритъ онъ,— какъ одинъ господинъ весьма серьезно увѣрялъ другого, весьма почтенной наружности, но посмирнѣе, что тотъ долженъ ему повиноваться, дѣлая слѣдующій силлогизмъ: я—человѣкъ, ты—человѣкъ; слѣдовательно, ты рабъ мой. И смирный господинъ повѣрилъ (такова ошеломляющая сила силлогизма) и отдалъ тому господину все, что у него было: и жену, и дѣтей, и самого себя, и вдобавокъ остался даже очень доволенъ собой“. Очевидно, крѣпостническая логика была глубоко ненавистна Салтыкову. Онъ уже въ то время отрицательно относился ко всему строю дореформенной жизни. что показываетъ напечатанная въ 48 году его повѣсть „Запутанное дѣло“ съ замѣчательной страницей, на которой изображена грандіозная пирамида изъ живыхъ человѣческихъ тѣлъ, давящихъ другъ друга,— пирамида, тяжело обрушившаяся, къ несчастію, на голову самого автора. Въ крѣпостномъ правѣ его возмущали не только самыя отношенія между помѣщиками и крѣпостными людьми, но и та нравственная зараза, которую распространяли вокругъ себя эти отношенія, обильно насыщая ею семейную и общественную атмосферу. Эта зараза пропикала всюду, даже среди дѣтей. Салтыковъ откровенно признается, что крѣпостническая терминологія въ раннемъ дѣтствѣ осквернила его дѣтскій языкъ.

II.

Врядъ ли кто изъ русскихъ писателей такъ хорошо зналъ и помнилъ крѣпостную старину, какъ Салтыковъ. „Я слишкомъ близко видѣлъ крѣпостное право, чтобы имѣть возможность забыть его, — говоритъ онъ въ „Хищникахъ“ („Признаки времени“). —Картины того времени до того присущи моему воображенію, что я не могу скрыться отъ нихъ никуда. Я видѣлъ разумныя существа, которыя, зная, что въ данную минуту ихъ ожидаетъ истязаніе или позоръ, шли сами, или собственными ногами, чтобы получить это истязаніе или позоръ. Я видѣлъ глаза, которые ничего не могли выражать, кромѣ испуга; я слышалъ вопли, которые раздирали сердце, но за которыми не слышалось ничего, кромѣ физической боли; я былъ свидѣтелемъ звѣрскихъ вожделѣній, которыя разгорались исключительно по поводу куска хлѣба. Въ этомъ царствѣ испуга, физическаго страданія и желудочнаго деспотизма нѣтъ ни одной подробности, которая бы минула меня, которая въ свое время не причинила бы мнѣ боли“...

Крѣпостное право, по словамъ Салтыкова, распространилось широко, проникало во всѣ формы общежитія, втягивало всѣ сословія „въ омутъ унизительнаго безправія, всевозможныхъ изворотовъ лукавства и страха передъ перспективою быть ежечастно раздавленнымъ“...

Можно сказать безъ малѣйшаго преувеличенія, что никто изъ русскихъ писателей не проникалъ такъ глубоко, какъ Салтыковъ, въ самую сущность крѣпостничества и не показалъ такъ ясно въ живыхъ образахъ и во всю ширь его глубокаго и тлетворнаго вліянія на нашу семейную, общественную и государственную жизнь. „Крѣпостное право,—по словамъ Салтыкова,—это цѣлый громадный строй, который слишкомъ жизненъ, пропикающъ и силенъ, чтобы исчезнуть по первому мановенію. Обыкновенно говоря о немъ, раз-

Господинъ и слуга (кар. Неваховича).

умѣютъ только отношенія помѣщиковъ къ бывшимъ крѣпостнымъ людямъ, но тутъ только одна капля его. Эта капля слишкомъ специфически пахла, а потому и приковала къ себѣ вниманіе всѣхъ. Капля устранена, а крѣпостное право осталось. Оно разлилось въ воздухѣ, освѣтило нравы; оно изобрѣло путы, связывающія мысль, поразило умы и сердца дряблостью. Наконецъ оно же вызвало цѣлую орду прихлебателей - хищниковъ, которыхъ дѣятельность такъ блестяще выразилась въ безчисленныхъ воровствахъ, банкротствахъ и всякаго рода распутствахъ“. („Сборникъ: Похороны“).

Крѣпостное право, поразившее пошехонскіе умы и сердца дряблостью,—самое больное мѣсто Салтыкова. Онъ говоритъ о немъ во многихъ своихъ произведеніяхъ, говоритъ часто — то мелькомъ, попутно, задѣвая его, то бо-

лѣе или менѣе подробно, надолго останавливаясь на той или другой сторонѣ этого „трагическаго“ прошлаго нашей жизни. Горячо интересуясь текущимъ моментомъ жизни, внимательно наблюдая каждое новое общественно-политическое ея теченіе и постоянно отзываясь на нихъ, Салтыковъ, однако, всю жизнь не могъ отдѣлаться отъ картинъ крѣпостной старины: онѣ были „присущи его воображенію“ и безпокоили, мучили до тѣхъ поръ, пока онъ не изобразилъ ихъ въ своемъ послѣднемъ высоко-художественномъ произведеніи, назвавъ его „Пошехонской старинной“. За два года до смерти, борясь съ жестокимъ недугомъ, мучительно страдая отъ него, онъ принялся за эту работу и, несмотря на усталость и замученность, создалъ крупное, цѣльное и цѣнное въ художественномъ и общественномъ отношеніяхъ произведеніе. И что въ особенности удивительно,—оно написано спокойнѣе другихъ его произведеній: обычно негодующая Щедринская сатира почти совсѣмъ отсутствуетъ въ немъ, здѣсь нѣтъ ни преувеличеній, ни экскурсій въ область фантазіи. Авторъ самъ говоритъ: „На склонѣ лѣтъ охота къ преувеличеніямъ пропадаетъ и является непреодолимое желаніе высказать правду, одну только правду“... Историкъ В. И. Семевскій справедливо замѣчаетъ, что „Пошехонская старина“ навсегда останется однимъ изъ лучшихъ источниковъ для исторіи дворянства и крѣпостного права въ первой половинѣ XIX вѣка, и она тѣмъ болѣе драгоцѣнна, что Салтыковъ вовсе не старается налагать мрачныя краски, а рисуетъ правдиво, что ему пришлось видѣть на своемъ вѣку“...

III.

Въ „Пошехонской старинѣ“, вызывая къ суду человѣческой совѣсти тѣни прошлаго, онъ руководится чувствомъ любви и жалѣнія къ тому же самому человѣку, который за вѣчную страду получаетъ кусокъ мякинnаго хлѣба; но здѣсь это чувство жалѣнія еще болѣе ширится и растетъ, охватывая почти всѣхъ: и угнетенныхъ и угнетателей. Читая эту эпопею крѣпостного быта, вы чувствуете, что здѣсь совсѣмъ не было свободныхъ людей: даже самые властные изъ угнетателей находились въ фаталистической зависимости отъ крѣпостныхъ порядковъ. Но Салтыковъ не впадаетъ въ излишнюю чувствительность: онъ всегда трезвъ и реаленъ въ изображеніи крѣпостной старины. Онъ не сгущаетъ красокъ, не скрываетъ положительныхъ чертъ въ характерахъ дѣйствующихъ лицъ, не затушевываетъ нѣкоторыхъ, правда немногихъ, свѣтлыхъ явленій этого быта, но у него нѣтъ ни малѣйшей склонности къ идеализаціи послѣднихъ. Этимъ „Пошехонская старина“ значительно отличается отъ предшествующихъ ей художественныхъ бытописаній крѣпостной эпохи. Въ пустынѣ крѣпостной жизни предшественники Салтыкова часто рисовали какіе-то рѣдкіе въ немъ оазисы. Авторъ „Поше-

хонской старины“ не отрицаетъ ихъ существованія, но изображеніе ихъ не его дѣло. Онъ разсказываетъ намъ о томъ, что происходило на всемъ обширномъ пространствѣ, по которому разлилось крѣпостное право.

Это обширное царство было дѣйствительно царствомъ всяческой лжи, насилія и страданія. Все было въ немъ грубо, безсмысленно, жестоко, все оскорбляло человѣческое достоинство, начиная съ положенія барскихъ дѣтей, которое представляется крайне безотраднымъ. Въ „Пошехонской старинѣ“, гдѣ многое имѣетъ, несомнѣнно, автобіографическое значеніе, Салтыковъ изображаетъ подробности своего печальнаго дѣтства.

„Непрошеная гостья“—Ѳемида. Кар. 50 гг. на дореформенный судъ (изъ колл. А. И. Станкевича).

Помѣщичьи нравы были вообще грубы; ихъ вліяніе губительно отзывалось на нравственности дѣтей. Какъ въ „Пошехонской старинѣ“, такъ и въ „Господахъ Головлевыхъ“ сатирикъ чрезвычайно ярко рисуетъ грубыя семейныя отношенія, господствовавшія въ тогдашнихъ дворянскихъ гнѣздахъ. Здѣсь мы видимъ непрерывныя ссоры между родителями въ присутствіи дѣтей. Старшіе при дѣтяхъ вообще не воздерживаются отъ грубыхъ и непристойныхъ выраженій и поступковъ. Дѣтей раздѣляютъ на „постылыхъ“ и „любимчиковъ“, оскорбляя и озлобляя первыхъ и развращая и тѣхъ и другихъ. Несправедливыя, доходившія часто до безчеловѣчной жестокости

отношенія къ крѣпостнымъ, въ основаніи которыхъ лежалъ исключительно грубый матеріальный расчетъ, съ раннихъ лѣтъ заражали дѣтскія души и калѣчили ихъ. Религія не спасала. „Религіозный элементъ,—говоритъ Салтыковъ,—былъ сведенъ къ простой обрядности. Ходили къ обѣднѣ аккуратно каждое воскресенье, а наканунѣ большихъ праздниковъ служили въ домѣ всенощныя и молебны съ водосвятіемъ, при чемъ строго слѣдили, чтобы дѣти усердно крестились и клали земные поклоны... Но во всемъ этомъ царствовала полная машинальность и не чувствовалось ничего, что напоминало бы возгласъ: „горѣ имѣемъ сердца“. Колѣни пригибались, лбы стукались объ полъ, но сердца оставались нѣмы. Только въ Свѣтлый праздникъ домъ своей тишиной напоминалъ объ умиротвореніи и умиленіи сердецъ“... Вліяніе церкви было ничтожно, потому что „церковь, какъ и все остальное, была крѣпостная“. Отношеніе къ священнику было „полупрезрительное“. Онъ находился въ полной зависимости отъ воли помѣщика. „Захочетъ помѣщикъ — у попа будетъ хлѣбъ, не захочетъ—попъ безъ хлѣба насидится“.

Глава IV „Пошехонской старины“ изображаетъ день въ помѣщичьей усадьбѣ. Это долгій лѣтній день крѣпостной страды. Онъ начинается пощечинами въ дѣвичьей, чаще достающимися на долю подростковъ, которые только что пріучаются къ барскимъ работамъ и часто портятъ ихъ. Затѣмъ слѣдуетъ разговоръ съ поваромъ. Анна Павловна Затрапезная—очень расчетливая хозяйка: у нея на первомъ планѣ экономія, отъ которой больше всѣхъ страдаютъ дѣти и слуги. Учитывается каждый кусокъ мяса, оставшійся отъ вчерашняго дня, каждая капля соуса, происходитъ длинный споръ съ поваромъ изъ-за лишняго яйца или куска сахару. Далѣе барыня выслушиваетъ секретные доклады приближенныхъ (ключницы или горничной) о томъ, что происходитъ во дворѣ тайно отъ господъ. Разсказываютъ, что Липка съ Прошкой связалась, что во ржи проявился бѣглый солдатъ и т. п. Особенно настойчиво, по словамъ Салтыкова, выслѣживали дворовыхъ дѣвокъ. „У большинства помѣщиковъ было принято за правило не допускать браковъ между дворовыми людьми. Говорилось прямо: „разъ вышла дѣвка замужъ—она уже не слуга; ей впору дѣтей родить, а не господамъ служить“... Съ дѣвки всегда спрашивалось больше, чѣмъ съ замужней женщины... былъ прямой расчетъ, чтобы дѣвичье цѣломудріе не нарушалось. Процедура выслѣживанія была омерзительна до послѣдней степени. Устраивали засады, подстерегали по ночамъ, рылись въ грязномъ бѣльѣ“. Виновную насильно выдавали замужъ въ деревню преимущественно за бѣднаго мужика или за вдовца съ большимъ семействомъ, или за мальчишку-гаденка (см. въ „Пошехон. стар.“ гл. XXII, „Безсчастная Матренка“). Тутъ происходили потрясающія трагедіи, часто кончавшіяся самоубійствомъ несчастной дѣвушки. Но „никто и не подозрѣвалъ, что это трагедія,—говоритъ Салтыковъ,—а разсуждали резонно, что съ „подлянками“ иначе поступать нельзя. И мы, дѣти, были свидѣтелями этихъ

трагедій и глядѣли на нихъ не только безъ ужаса, но совершенно равнодушными глазами, и мы не прочь были думать, что съ „подляпками“ иначе нельзя“... Далѣе въ той же главѣ Салтыковъ изображаетъ жестокую расправу съ поймапнымъ бѣглымъ солдатомъ—забиваніе въ колодки и отправленіе въ городъ. Дѣти наблюдаютъ и эту сцену равнодушными глазами. Но вотъ уже вечеръ. Дѣти гуляютъ послѣ вечерняго чая по селу въ сопровожденіи гувернантки. Они бесѣдуютъ между собою. Старшій, слывшій въ семьѣ Степкой-балбесомъ, указывая на одну хорошую избу, разсказываетъ, какъ вдругъ разбогатѣлъ хозяинъ ея, мужикъ, благодаря добытой откуда-то чудотворной

Бонъ - жанръ (кар. Неваховича).

иконѣ, и какъ барыня Затрапезная отняла у него эту икону. Мужикъ сталъ тосковать, пить и разорился. Изба стоитъ пустая, а онъ съ семействомъ сзади въ хибаркѣ живетъ. Сестра разсказчика, глядя на избу бывшей дворовой дѣвушки, отданной насильно замужъ за мужика, разсказываетъ о своей встрѣчѣ и разговорѣ съ ней. На вопросъ: „хорошо ли ей за мужикомъ?“ та отвѣчаетъ: „Ничего, буду-таки за вашу маменьку Бога молить. По смерть ласки ея не забуду“. Нѣтъ ни одной избы, которая не вызвала бы замѣчанія: за всякой числится какая-нибудь исторія барскаго хищничества или простого озорства. Но дѣти на сторонѣ своей маменьки, Анны Павловны Затрапезной. Благодаря ея хозяйственной предпріимчивости, способности пріобрѣтать и

энергіи, у нихъ теперь три тысячи душъ крестьянъ, вмѣсто прежнихъ отцовскихъ трехсотъ шестидесяти. Они одобряютъ мать, называютъ „молодцомъ“ и часто разсуждаютъ о томъ, что кому достанется въ наслѣдство, чему вполнѣ сочувствуетъ и гувернантка.

Зараза дѣйствовала сильно, постоянно, на каждомъ шагу. Спасались отъ нея немногія изъ дѣтей, благодаря какимъ-нибудь случайнымъ благотворнымъ вліяніямъ со стороны.

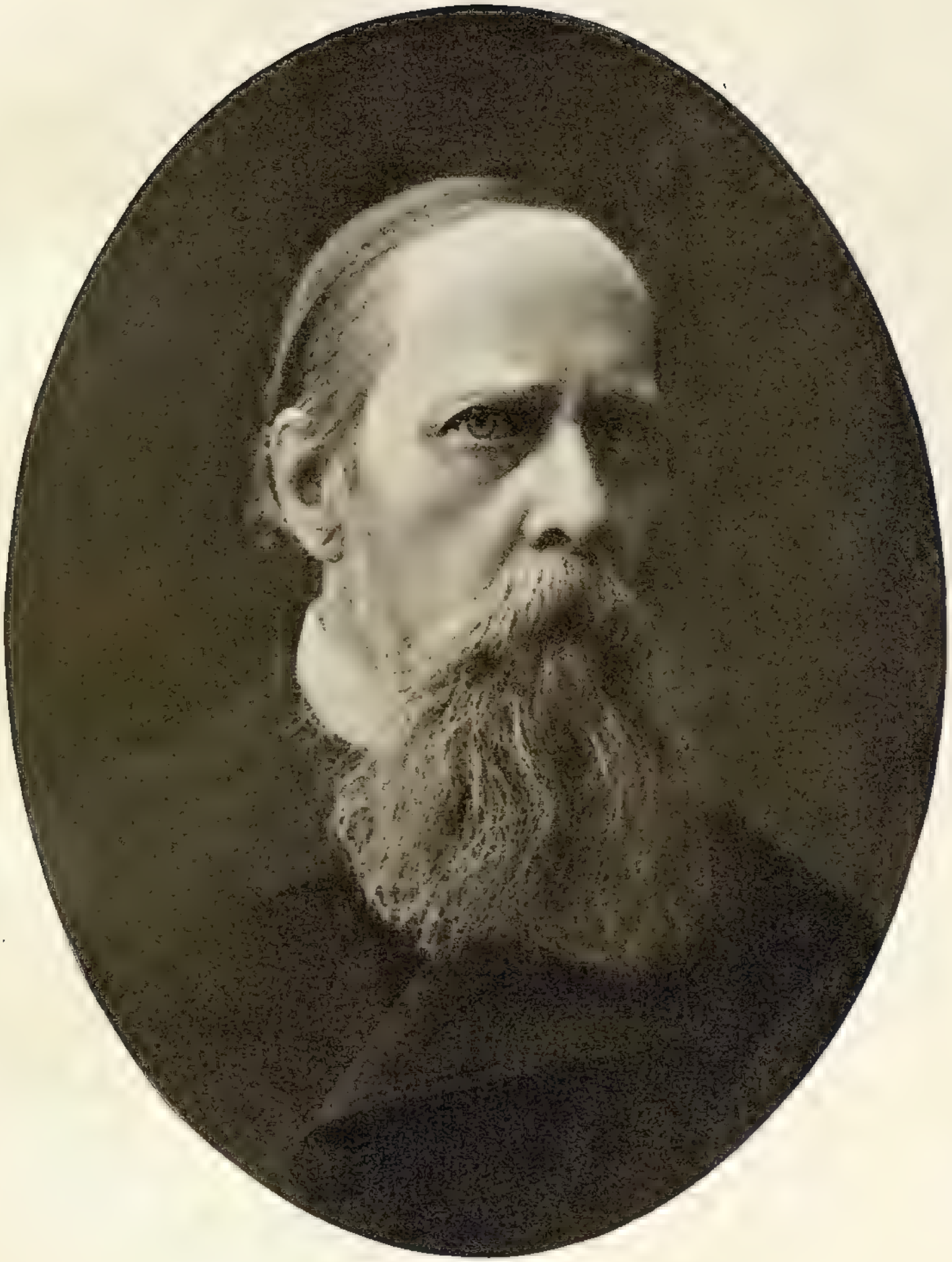
IV.

Духомъ крѣпостничества была насыщена и вся казенная школа. Припоминая въ „Письмахъ къ тетенькѣ“ обученіе въ школѣ, Салтыковъ говоритъ: „Свѣдѣнія доходили до насъ коротенькія, безсвязныя, почти безсмысленныя. Они не ассимилировались, а механически зазубривались... Ни о какомъ фондѣ, могущемъ послужить отправнымъ пунктомъ для будущаго, и рѣчи быть не могло... Это было не знаніе, а составная часть привилегіи, которая проводила въ жизни рѣзкую черту; надъ чертою значились мы съ вами, люди досужіе, правящіе; подъ чертою стояло одно только слово: мужикъ. Вотъ, чтобы не очутиться на одномъ уровнѣ съ мужикомъ, и нужно было знать, что Парижъ стоитъ на рѣкѣ Сенѣ и что Калигула однажды велѣлъ привести въ сенатъ своего коня. Мужикъ, вѣдь это что-то до того позорное, что достаточно одного сравненія съ нимъ, чтобы заставить правящаго младенца сгорѣть со стыда. Что локти на столъ положилъ — точно мужикъ! что въ носу ковыряешь — точно мужикъ! смотри, какой кусокъ въ ротъ запихалъ — точно мужикъ!—такъ и гвоздили со всѣхъ сторонъ... Холопъ высшей школы внушалъ, что цѣль знанія есть исполненіе начальственныхъ предписаній... Понятно, какое несмѣтное воинство шалопаевъ должно было оказаться въ результатѣ этой изумительной воспитательной муштровки, счастливо сочетавшей невѣжественность съ системой поощренія и премій за оную“. Отсюда ясно, что школа, какъ и вся система воспитанія, была тоже крѣпостная.

Многіе изъ этой рати опомнились, но ихъ раскаяніе было безрезультатно. И даже лучшіе изъ нихъ, вслѣдствіе легкости научнаго багажа и закваски легкомыслія, „которую привела за собой безазбучно-взлелѣянная молодость“, не могли вступить въ борьбу съ главнымъ зломъ, господствовавшимъ тогда всюду, проникавшимъ весь жизненный строй. Изъ ихъ устъ слышались лишь трогательныя жалобы на безсиліе. Безсодержательная эстетика, въ основѣ которой лежала почти болѣзненная, но скоро преходящая чувствительность, не могла замѣнить собою дѣйствительнаго труда и знанія и приводила часто неожиданно туда, гдѣ быть совсѣмъ не слѣдовало. При повадливости и позывѣ къ „шалостямъ“, жизнь опомнившагося большинства раздваивалась: съ одной

М. Е. Салтыковъ (Щедринъ).

(Съ фотографіи).



стороны, предъявляли свои требованія справедливость и стыдъ, съ другой— все еще чувствовался позывъ къ „шалостямъ“ прошлаго, которыя были такъ въѣдчивы, что извлечь ихъ и бросить было трудно, тѣмъ болѣе, что и окружающее общество смотрѣло на нихъ нестрого и называло „шалостями“, а не преступленіями.

Такимъ образомъ воспитаніе, не имѣвшее въ виду ничего, кромѣ привилегій, недостатокъ настоящихъ знаній, вліяніе невѣжественнаго и развращеннаго общества исключали для огромнаго большинства молодыхъ образованныхъ людей всякую возможность служенія общему благу. Жалуясь на безсиліе, утѣшая себя „романтикой“, оно мирно уживалось съ крѣпостнымъ правомъ и со всѣми безобразіями окружающей жизни; оно даже благодушествовало за счетъ перваго. Въ „Письмахъ къ тетенькѣ“ Салтыковъ, обращаясь къ ней (т.-е. къ обществу), мучительно вспоминаетъ время крѣпостного права. „Мы съ вами, молодые, здоровые и довольные, ходили рука въ руку по аллеямъ парка,—говоритъ онъ,—и трепетно прислушивались къ щелканью соловья...

Слышишь въ рощѣ зазвучали
Пѣсни соловья;
Звуки ихъ, полны печали,
Молятъ за меня...

„Такъ пѣли и вздыхали мы съ вами, отнюдь не подозрѣвая, что окружающій насъ міръ есть міръ куроцаповъ. Были тогда куроцапы осѣдлые, которые жили въ своихъ гнѣздахъ и куроцапствовали въ границахъ, указанныхъ планами генеральнаго межеванія, и были куроцапы кочующіе, облеченные довѣріемъ, которые разъѣзжали по дорогамъ и наблюдали, чтобы основы осѣдлаго куроцапства пребывали незыблемыми. Ничего мы этого не понимали, потому что совсѣмъ не о томъ намъ пѣлъ соловей. Мы стояли какъ очарованные и все слушали, пока, наконецъ, потеревъ ручкой то мѣсто, гдѣ у куколокъ полагается желудочекъ, вы не произнесли: „а не пойти ли на скотную къ Анфисѣ сливокъ покушать?“ И мы уходили... Но какъ хороша была старая Анфиса, когда, подавая чашку, наполненную палевой массой, она восклицала: „кормильцы вы наши!“ А оттуда въ оранжерею: персики, сливы, вишни—всего вдоволь, и опять старый садовникъ Архипъ (ахъ, какъ онъ былъ хорошъ!): „кормильцы вы наши!“ Но вотъ, наконецъ, и обѣдъ. „Сонечка, не лучше ли супцу тебѣ покушать? У тебя, кажется, животикъ болитъ?“ — „Ахъ, пѣтъ, maman, я — ботвиньи!..“ И все это счастье, всю эту сытость, миръ и благоволеніе охраняли и обезпечивали намъ облеченные довѣріемъ куроцапы, зорко слѣдившіе за тѣмъ, чтобы Анфисушка называла насъ именно кормильцами, а не идолами“... (Письмо 5-е). Въ послѣднемъ письмѣ Салтыковъ снова, терзаясь душевно, уносится воображеніемъ въ то же далекое прошлое: „Цѣлое организованное неистовство прошло передъ

нами, цѣлая туча мрака, безъ просвѣта, безъ надеждъ. А мы прогуливались подъ сѣнью тѣнистыхъ древесъ, говорили о возвышающихъ душу обманахъ и внимали пѣнью соловья. Какъ назвать насъ за это?.. „Мы были молоды“, скажете вы; но вѣдь это-то именно и страшно. Въ молодости человѣкъ болѣе чуткъ къ страданіямъ ближняго, молодое сердце легче раскрывается, молодая мысль быстрѣе усвоиваетъ внѣшнія впечатлѣнія. А насъ точно заколодило. Земля подъ нами разрывалась отъ стоповъ, а мы ходили, какъ по паркету; хлѣбъ, который мы ѣли, вопіялъ, а мы ѣли да похваливали... Право, что-то проклятое было въ этой молодости... Самые лучшіе изъ насъ ограничивались тѣмъ, что умывали руки или роптали другъ другу на ухо; средніе старались избѣгать „зрѣлищъ“, чтобы не свидѣтельствовать объ нихъ; заурядные не только не роптали и не избѣгали, но прямо, съ виртуозностью и злорадствомъ, окунались въ самый омутъ непотребствъ“...

V.

Написанная живо и классически просто, „Пошехонская старина“ представляетъ цѣлый рядъ разнообразныхъ картинъ дореформенной дворянской жизни. Авторъ рисуетъ захолустную русскую провинцію, гдѣ рядомъ со сплошнымъ мучительствомъ идетъ по зимамъ пошехонское раздолье. Затѣмъ переноситъ читателя въ уѣздный городъ, гдѣ устраивается грандіозный танцовальный вечеръ и folle journée у предводителя дворянства, и, наконецъ, въ старую дворянскую Москву съ ея театрами, балами, вечерами, визитами, куда съѣзжалось тогдашнее дворянство на зиму съ разныхъ сторонъ. „Игроки находили тамъ клубы, купцы дневали и ночевали въ трактирахъ и у цыганъ, богомольные люди радовались обилію церквей; наконецъ, дворянскія дочери сыскивали себѣ жениховъ“.

Раздолье начиналось, когда сельско-хозяйственныя работы приходили къ концу и наступала зима. Помѣщики цѣлыми семьями переѣзжали отъ сосѣдей къ сосѣдямъ, гостя по нѣскольку дней. Пили, ѣли безпрерывно, плясали до-упаду; люди постарше играли въ карты, а молодежь—въ фанты, жмурки и въ „сижу-посижу“. Послѣдняя игра довольно характерна для тогдашней молодежи. Участвующіе разсаживались по стульямъ, а играющій съ завязанными глазами, садясь по очереди каждому на колѣни, долженъ былъ угадывать, у кого онъ сидитъ. „Эту игру,—говоритъ сатирикъ,—особенно любили барышни-невѣсты (а иногда и молодыя женщины замужнія), которыя подолгу засиживались на колѣняхъ у кавалеровъ. При этомъ нерѣдко кто-нибудь изъ дѣтей цинично восклицалъ: „Что, словно налимъ о плотину, трешься! Небось, отлично знаешь, у кого на колѣнкахъ сидишь!“ Иногда игры и танцы прерывались. Барышня или офицеръ садились за клавикорды

и пѣли романсы: „Прощаюсь, ангелъ мой, съ тобою“, или „Не шей ты мнѣ, матушка“, или „Черную шаль“ и т. п. „Пѣли до крайности вычурно: глотали и коверкали слова, картавили, закатывали глаза и вообще старались дать понять, что, въ случаѣ чего, недостатка по части страстности опасаться нѣтъ основанія“. „За пѣніемъ слѣдовали танцы солистокъ. У всякой барышни есть какой-нибудь танецъ, въ которомъ она спеціально отличается“... Дочки показывали товаръ лицомъ, маменьки хлопали въ ладоши и поздравляли другъ друга съ успѣхомъ.

„Помилуй, Ваня, какъ же это ты безъ перчатокъ; это совсѣмъ не ком-иль-фо“.
(Кар. Неваховича).

Говоря о помѣщичьихъ правахъ, Салтыковъ замѣчаетъ: „Крайне возмутительнымъ фактомъ являлась гаремная жизнь и вообще неопрятные взгляды на взаимныя отношенія половъ. Язва эта была достаточно таки распространена и нерѣдко служила поводомъ для трагическихъ развязокъ“. Помѣщикъ Савельцевъ, старый уже человѣкъ, содержалъ у себя цѣлый гаремъ. Главную роль въ немъ играла дебелая, кровь съ молокомъ, экономка Улита, мужняя жена, которую старикъ оттягалъ у собственнаго мужика. Другой помѣщикъ Петръ Антоновичъ Грибковъ, котораго не даромъ звали Псомъ Антоновичемъ, имѣлъ также цѣлый гаремъ. Это былъ, по словамъ Салтыкова, въ

полномъ смыслѣ слова, извергъ, и подробности его гаремной жизни были настолько возмутительны, что даже никто изъ сосѣдей не водилъ съ нимъ знакомства. Весьма характерно для тогдашней администраціи и суда, что Грибковъ безчинствовалъ безнаказанно до тѣхъ поръ, пока съ нимъ не расправились сами крестьяне, предавъ его лютой казни. Нѣсколько разъ онъ былъ судимъ: его высылали, на имѣніе налагали опеку, а онъ продолжалъ спокойно жить въ своемъ помѣстьѣ и тиранствовать попрежнему, потому что и опекуны и предводитель дворянства ему мирволили. Легкость, съ которою удовлетворялось сластолюбіе помѣщика, имѣвшаго возможность, не справляясь съ существующимъ закономъ, взять во дворъ любую изъ крестьянокъ, и поблажка мѣстныхъ властей, всегда отстаивавшихъ во что бы то ни стало своего брата дворянина, много способствовали распространенію этого зла. Гаремы, конечно, были не у всѣхъ. Но почти у каждаго холостого или вдовца помѣщика (а иногда и у женатаго) была своя „сударка“, или „краля“. Порѳирій Владимировичъ Головлевъ (знаменитый Іудушка въ „Господахъ Головлевыхъ“) въ молодости имѣлъ связь съ дворовой дѣвушкой, овдовѣвъ, завелъ новую „кралю“, къ которой относился самымъ возмутительнымъ образомъ. Но этого мало. Съ усердіемъ помолившись однажды передъ иконой, этотъ святоша пытался соблазнить молоденькую дѣвушку, свою родную племянницу.

Въ „Господахъ Головлевыхъ“ Салтыковъ изображаетъ три поколѣнія одного и того же дворянскаго рода, живущихъ исключительно въ атмосферѣ „накопленія“, насыщенной „кровопійствомъ“, тяжкими „увѣчьями“ и „умертвіями“. Наслѣдственные психическіе недостатки во второмъ и третьемъ поколѣніи головлевской семьи, не встрѣчая въ воспитаніи и окружающихъ условіяхъ препятствій, развиваются на полномъ просторѣ, и гибель цѣлаго рода, безъ остатка, представляетъ неизбѣжный трагическій конецъ такой жизни. Самый процессъ „накопленія“, въ который уходятъ вся энергія, всѣ силы главныхъ дѣйствующихъ лицъ головлевской семьи, совершается жестоко и безсмысленно, безъ всякаго раздумья о томъ, кто и какъ воспользуется накопленнымъ. Не глупая отъ природы, всецѣло отдавшаяся этому процессу, старуха Головлева, размышляя о будущемъ семьи и предугадывая ея печальный конецъ, трагически восклицаетъ: „И для кого я всю эту прорву коплю...“ И самъ Іудушка, главный, хотя и безсознательный виновникъ происходящихъ вокругъ него „умертвій“, когда пробудилась въ немъ „одичалая совѣсть“, задаетъ себѣ тотъ же мучительный вопросъ: зачѣмъ онъ лгалъ, пустословилъ, притѣснялъ, скопидомствовалъ?.. Кто воспользуется результатами этой жизни?..

Іудушка—чисто русскій, національно-бытовой, широкій типъ, созданный могучимъ художественнымъ талантомъ и выдающимся умомъ, глубоко изучившимъ русскую жизнь. Онъ сложился подъ вліяніемъ всей совокупности

условій, дѣйствовавшихъ вѣка въ русской жизни и частью дожившихъ до нашихъ дней. Отъ Іудушки отдаетъ еще допетровской Русью: на немъ отражаются вліянія во-плоти понятой религіи, церковнаго формализма и домостроевскаго склада понятій. Онъ—жертва невѣжества, неразлучныхъ съ нимъ предразсудковъ и барской праздности, обусловленной рабовладѣніемъ. Весь опутанный старинными изреченіями, безъ всякаго нравственнаго мѣрила, безъ всякихъ вообще основъ, онъ лжетъ и пустословитъ всю жизнь, спокойно кровопійствуя, нанося тягчайшія „увѣчья“ самымъ близкимъ людямъ. Правда осіяла его совѣсть слишкомъ поздно, когда изъ головлевскаго гнѣзда осталась лишь одна племянница, явившаяся для того лишь, чтобы сложить

На улицѣ въ день Свѣтлаго Христова Праздника (карик. 50 гг.).

въ Головлевѣ свою несчастную голову, надругаться надъ главнымъ виновникомъ всѣхъ несчастій и докопать его.

Коснѣя въ невѣжествѣ и предразсудкахъ, помѣщики и хозяйство свое вели самымъ рутиннымъ способомъ. „Однажды заведенные порядки, — говоритъ Салтыковъ,—служили закономъ, а представленіе о безконечной растяжимости мужицкаго труда лежало въ основаніи всѣхъ расчетовъ“. Отсутствіе знанія, терпѣнія, привычки къ труду привело къ весьма печальнымъ результатамъ. При освобожденіи крестьянъ, помѣщики, возмнивъ себя знатоками въ сельскомъ хозяйствѣ, растратили выкупныя ссуды на покупку сельскохозяйственныхъ машинъ и орудій, за которыя не умѣли взяться, и, въ концѣ-

концовъ, бѣжали изъ своихъ помѣстій, предоставивъ ихъ эксплоатацію Деруновымъ, Разуваевымъ и Колупаевымъ. Такимъ образомъ, слабость и неподготовленность привилегированнаго сословія обнаружились тотчасъ послѣ эмансипаціи.

Мы не остановимся болѣе на изображеніи дворянской жизни и помѣщичьихъ типовъ, ярко и правдиво нарисованныхъ въ „Пошехонской старинѣ“ и другихъ произведеніяхъ Салтыкова, которыми онъ, по мѣткому и справедливому выраженію В. П. Кранихфельда [1]), поставилъ „памятникъ россійскому дворянству“, и перейдемъ къ изображенію жизни и типовъ крѣпостныхъ людей.

VI.

Крестьянамъ при крѣпостномъ правѣ, по словамъ Салтыкова, жилось легче, чѣмъ дворовымъ людямъ. Не говоря уже объ оброчныхъ, даже барщинные и тѣ „не до конца претерпѣвали“. Ихъ жизнь проходила не на глазахъ помѣщика: они имѣли свое хозяйство и свои избы, въ которыхъ могли укрыться отъ барскаго глаза и уберечься отъ случайности, хотя и тутъ бывали нерѣдкія исключенія. Встрѣчались помѣщики, томившіе крестьянъ на барской работѣ всѣ шесть недѣльныхъ дней, оставляя для работы на себя лишь праздничные дни, хотя законъ и запрещалъ такую барщину. Но законъ, какъ говорили крѣпостные, господа отвоевали въ свою пользу. Въ большинствѣ случаевъ такая барщина существовала у мелкопомѣстныхъ дворянъ. Салтыковъ зналъ такого помѣщика, у котораго крестьяне жали свой хлѣбъ и косили траву лишь урывками по ночамъ, а днемъ дѣти и подростки вязали снопы и сушили сѣно. Даже приготовленіе пищи крестьянамъ разрѣшалось у него въ страдное время только разъ на цѣлую недѣлю, въ воскресенье. И никто не называлъ его мучителемъ, а всѣ указывали на него, какъ на образцоваго хозяина.

Оброчнымъ крестьянамъ жилось лучше, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда въ управители попадалъ излюбленный барскій лакей, выслужившійся часто при помощи разныхъ зазорныхъ услугъ. По одному капризу такому управителю ничего не стоило въ самое короткое время разорить зажиточнаго крестьянина, „а ради удовлетворенія минутныхъ вспышекъ любострастія, отнять у мужа жену или обезчестить крестьянскую дѣвушку. Жестоки они были непомѣрно, но такъ какъ въ то же время строго блюли барскій интересъ, то никакія жалобы на нихъ не принимались. Много горя приняли отъ нихъ крестьяне, но зато и глубоко ненавидѣли ихъ, такъ что зачастую приходилось слышать, что тамъ-то или тамъ то укокошили управителя... При

[1]) См. статью: «Памятникъ россійскому дворянству» Вл. Кранихфельда. «Міръ Божій», 1906 г., кн. 10 и 11.

Пріѣздъ гувернантки.

(Картина *Ѳедотова*).

такихъ извѣстіяхъ вся помѣщичья среда обыкновенно затихала, но спустя короткое время забывала о случившемся и вновь съ легкимъ сердцемъ принималась за старые подвиги".

Что же касается дворовыхъ, они находились въ большинствѣ случаевъ въ положеніи, болѣе тяжеломъ, чѣмъ крестьяне. Они жили въ господскомъ домѣ или въ такъ называемой „людской"; за ними постоянно наблюдалъ барскій глазъ. Услуги ихъ, не требовавшія большой затраты умственныхъ и физическихъ силъ, цѣнились низко: ихъ называли „дармоѣдами", „лежебоками", „хлѣбогадами". Они лишены были всякой самостоятельности. У расчетливыхъ, хотя и богатыхъ помѣщицъ, какъ Затрапезная, находили болѣе выгоднымъ кормить всѣхъ дворовыхъ за общимъ столомъ, въ „застольной" чѣмъ выдавать мѣсячное содержаніе („мѣсячину") на руки каждому отдѣльно, и такимъ образомъ лишали ихъ возможности вести свое маленькое хозяйство. Въ „застольной" кормили скудно и не всегда давали доброкачественную пищу. Вообще съ дворовыми не церемонились. Во всякой усадьбѣ ихъ было много: сгинетъ одинъ „лежебокъ" — его легко замѣнить другимъ. Болѣе дорожили обученными въ Москвѣ мастерами и мастерицами („дай ему плюху, а онъ тебѣ цѣлую штуку матеріи испортитъ"), но и то больше на словахъ, чѣмъ на дѣлѣ: порядки были установлены для всѣхъ одни и тѣ же. Но хуже всѣхъ жилось женской прислугѣ. Такъ называемая „дѣвичья", по словамъ Салтыкова, положительно могла назваться убѣжищемъ скорби. По всему дому раздавались оттуда крикъ и гамъ, и неслись звуки, свидѣтельствовавшіе о расходившейся барской рукѣ. Сѣнныя дѣвушки работали, не покладая рукъ но цѣлымъ днямъ; ночью спали въ душныхъ, вонючихъ помѣщеніяхъ. „Кажется, и домъ былъ просторный, - говоритъ Салтыковъ, и мѣста для всѣхъ вдоволь, но такъ въ этомъ домѣ все жестоко сложилось, что на каждомъ шагу говорило о какой-то преднамѣренной системѣ изнуренія". Были, конечно, помѣстья, въ которыхъ дворовые люди содержались лучше и относились къ нимъ мягче. Салтыковъ приводитъ и такіе примѣры, но они встрѣчались рѣдко. Крѣпостной режимъ усадьбы Затрапезныхъ представлялъ собою типичное явленіе дореформенной помѣщичьей жизни. И сама Анна Павловна Затрапезная не была, по мнѣнію окружающихъ, тиранкой, мучительницей, а слыла просто хорошей хозяйкой и умницей. Никому не представлялись жестокими ея отношенія къ дворовымъ, несмотря на такія распоряженія, какъ переводъ съ „мѣсячины" въ „застольную" и запрещеніе вступать въ бракъ. Это послѣднее, по выраженію Салтыкова, „низвело дворовыхъ на степень вѣчно вожделѣющихъ звѣрей".

Въ „Мелочахъ жизни" (см. „Введеніе") онъ разсказываетъ, какъ „людей продавали, дарили и цѣлыми деревнями и поодиночкѣ; отдавали въ услуженіе друзьямъ и знакомымъ; законтрактовывали партіями на фабрики, заводы, въ судовую работу (бурлачество); торговали рекрутскими квитанціями и проч.".

Людей, обученныхъ какому-нибудь мастерству (поваровъ, портныхъ, кучеровъ и т. п.) и искусныхъ въ немъ, продавали по очень высокой цѣнѣ, и притомъ, несмотря на запрещеніе закономъ, поодиночкѣ. А на „дѣвокъ“ цѣна стояла низкая. Салтыковъ приводитъ живую сцену продажи дѣвушки сосѣду-помѣщику „на выводъ“, для отдачи замужъ въ чужую деревню. Помѣщица-кулакъ дорожится; при этомъ она какъ будто жалѣетъ дѣвушку, которой придется итти за вдовца съ кучей дѣтей. „За шестьдесятъ рублей (на ассигнаціи) я дѣвку несчастной должна сдѣлать!“ восклицаетъ она. Но когда сосѣдъ накидываетъ пять рублей, она соглашается. „На другой день дѣвкѣ объявляли черезъ старосту, что она невѣста вдовца и должна навсегда покинуть родной домъ и родную деревню. Поднимался вой, плачъ, но задатокъ былъ уже взятъ—не отдавать же назадъ“.

Рекрутчина представляла для помѣщиковъ болѣе серьезную статью дохода. Не дозволяя торговать рекрутами, законъ, однако, разрѣшалъ продавать рекрутскія квитанціи. Это несчастіе падало также чаще всего на дворовыхъ людей,—среди нихъ всегда было достаточно такихъ, которыми не дорожили или были недовольны. Ихъ можно было отдавать не въ очередь въ солдаты и получать зачетныя за нихъ квитанціи, которыя выгодно продавались. Зажиточные крестьяне, спасая свою семью отъ рекрутчины, покупали эти квитанціи. Большая часть ихъ расходилась между своими, а лишнія продавались на сторону.

„Передъ отводомъ людей въ рекрутское присутствіе сохранялась глубокая тайна относительно назначенныхъ въ рекруты. Послѣднихъ даже приголубливали, выказывали имъ удовольствіе (Ванька! Да никакъ ты ужъ и пить пересталъ! Молодецъ, братъ!). Но нѣкоторые чутьемъ угадывали ожидающую ихъ участь и скрывались, несмотря на строгій надзоръ. Большинство не уходило дальше своего лѣса и скиталось тамъ, несмотря на зимній холодъ, все время, пока длилась процедура отвоза. Тѣмъ, которыхъ застигали врасплохъ или изловливали, набивали на ноги колодки, надѣвали желѣзные поручни или приковывали къ стулу (такъ называлось толстое бревно, сквозь которое продѣта была желѣзная цѣпь, оканчивавшаяся желѣзнымъ ошейникомъ)“...

Къ концу царствованія Николая I, по свидѣтельству В. И. Семевскаго, количество дворовыхъ людей значительно увеличилось. Помѣщики нашли выгоднымъ превращать крестьянъ въ дворовыхъ. Салтыковъ вспоминаетъ помѣщика Клубкова, обладавшаго прозорливымъ умомъ и предпочитавшаго „дѣло“, т.-е. матеріальную выгоду, „мечтаніямъ“, подъ которыми разумѣлъ все, что мѣшаетъ наживѣ. „Онъ еще задолго до эмансипаціи устроилъ у себя при усадьбѣ „фаланстеръ“, въ который и заточилъ всѣхъ крестьянъ (80 душъ) и вслѣдъ за тѣмъ записалъ ихъ въ ревизію подъ наименованіемъ дворовыхъ. Выдумка была выгодная и удалась вполнѣ. Во-первыхъ, и крестьянскія избы

и крестьянскіе животы—все пошло въ пользу Клубкова; а во-вторыхъ, вся рабочая сила имѣнія была у него теперь подъ рукой, и урвать хоть минуту изъ принадлежащаго помѣщику времени не стало возможности. Правда, что съ этихъ поръ крестьяне клубковскіе получили наименованіе „каторжныхъ", но самого Клубкова большинство сосѣднихъ помѣщиковъ звало „умницей" и „дѣлягой", и только очень немногіе называли „злодѣемъ" („Пошехонскіе разсказы". V. „Пошехонское дѣло"). Знакомый уже намъ помѣщикъ Савельцевъ поступилъ точно также: воспользовавшись одной изъ народныхъ переписей,

Сладкая дремота (Трутовскаго).

онъ всѣхъ крестьянъ превратилъ въ дворовыхъ людей. Избы, скотъ, земля ихъ остались въ его пользу. Для новообращенныхъ онъ выстроилъ въ своей усадьбѣ большую просторную казарму. Крестьяне жаловались, сопротивлялись, но были усмирены полицейскими мѣрами. Сосѣди „не то иронически, не то съ завистью" называли его молодцомъ. И никто изъ нихъ, конечно, не оказалъ крестьянамъ никакой помощи. Этотъ способъ экспропріаціи крестьянскаго имущества былъ довольно-таки распространенъ, что показываетъ увеличеніе числа дворовыхъ людей по 10 ревизіи, происходившей уже въ царствованіе Александра II. Рѣшивъ освободить крестьянъ съ землею, прави-

тельство, опасаясь обезземеленія ихъ съ помощью перевода въ дворовые, издало въ 1858 г. указъ, воспрещавшій помѣщикамъ такой переводъ послѣ подачи ревизскихъ сказокъ.

VI.

Для портретной галлереи рабовъ Салтыковъ беретъ матеріалъ почти исключительно въ близко знакомой ему средѣ дворовыхъ людей: крестьянскій бытъ онъ зналъ „поверхностно“. Изъ девяти главъ „Пошехонской старины“, въ которыхъ мы находимъ изображеніе крѣпостныхъ типовъ, только въ одной мы встрѣчаемся съ крестьяниномъ—старостой Ѳедотомъ (гл. XXV „Смерть Ѳедота“), вѣрнымъ и честнымъ барскимъ слугою, представляющимъ собою какъ бы переходъ отъ мужика къ дворовому. Это былъ единственный человѣкъ во всей вотчинѣ, къ которому сама властная барыня, Анна Павловна, была душевно расположена; она подолгу бесѣдовала съ нимъ и слушала его совѣты. Соблюдая барскій интересъ, онъ и за крестьянъ умѣлъ заступиться и послѣдніе любили его. Его усердіе было безмѣрно. Это былъ преданный рабъ, служившій не только за страхъ, но и за совѣсть. Даже передъ смертью, „окутанный облакомъ агоніи“, онъ безпокоился о томъ, что пріостановилась барщинная работа. Но психологія беззавѣтно преданнаго крѣпостного слуги давно намъ знакома. Разновидности этого типа изображались самыми крупными художниками нашего слова. Болѣе интересенъ у Салтыкова типъ искателя смысла жизни и правды Божіей. Здѣсь мы видимъ, какъ работала мысль раба и какъ реагировала она на прочно установившіеся крѣпостные порядки.

Хотя смиреніе было широко распространенной чертой въ крѣпостной массѣ, отличавшейся косностью мысли, однако нерѣдко встрѣчались въ ней и протестанты. Среди дворовыхъ изъ мужской прислуги могли постоять за себя такіе люди, которые наиболѣе были необходимы въ домашнемъ хозяйствѣ и хорошо знали себѣ цѣну. Они-то и грубили, говоритъ авторъ. Но кромѣ этой грубой, иногда нелѣпо-шутовской формы протеста, какъ у Ваньки-Капна, существовала и была широко распространена другая - болѣе мягкая, тонкая, мирная, которая больно уязвляла господскую совѣсть и часто обезоруживала расходившуюся барскую руку, нѣсколько умѣряя такимъ образомъ помѣщичій произволъ. Съ такого рода протестомъ знакомятъ насъ разсказы объ Аннушкѣ и Сатирѣ-Скитальцѣ („Пошехонская старина“, гл. XVII и XXIII). Это люди, твердо убѣжденные въ наступленіи момента, когда осіяетъ ихъ правда вмѣстѣ съ другими униженными и оскорбленными, — люди горячей вѣры въ побѣду добра надъ зломъ и торжество перваго въ будущей жизни. По мнѣнію Аннушки, рабство есть временное испытаніе, предоставленное лишь избраннымъ, которыхъ ожидаетъ за это въ томъ мірѣ великая награда.

„Христосъ-то для черняди съ небеси сходилъ,— говорила она,— чтобы черный народъ спасти, и для того благословилъ его рабствомъ. Сказалъ: рабы, господамъ повинуйтеся, и за это сподобитесь вѣнцовъ небесныхъ“... Ученіе это (Аннушка любила поучать дворовыхъ), разумѣется, не нравилось господамъ: они понимали, что для нихъ предназначались вѣнцы другого рода, и возмущались „хамскими умствованіями“, однако все-таки мотали себѣ на усъ. Особенно подозрительно относились помѣщики къ такъ называемымъ „тихонямъ“, у которыхъ, что съ ними ни дѣлай, чѣмъ ни грози,—одинъ отвѣтъ: „вся воля ваша“. „Кто знаетъ, что у нихъ на умѣ?“

Сатиръ-Скиталецъ съ юности рѣзко выдѣлялся изъ массы дворовыхъ своимъ мягкимъ характеромъ, набожностью и особымъ образомъ жизни. Онъ трижды находился въ бѣгахъ и приносилъ, по возвращеніи, значительныя суммы денегъ, собранныя имъ на церковь. „Глубокая задумчивость охватывала все его существо,—говоритъ авторъ,—сердце рвалось и тосковало, хотя онъ и самъ не могъ опредѣленно объяснить, куда и о чемъ“. Молитва, постъ и страсть къ скитальчеству отличали его отъ окружающихъ. Въ бесѣдахъ съ Аннушкой, которая, по сочувствію, ухаживала за нимъ во время его болѣзни, онъ объяснялъ происхожденіе рабства по-своему: по его мнѣнію, прежде всѣ вольные были, а потомъ продали свою волю за деньги. За этотъ-то великій грѣхъ и будутъ судить на томъ свѣтѣ. „Кругомъ насъ неволя окружала, клещами сжала. Райскія двери передъ нами навѣки закрыла“, говоритъ онъ съ страстнымъ волненіемъ. Завѣтнымъ его желаніемъ было поступить, хоть передъ смертью, въ монастырь, чтобы въ ангельскомъ чинѣ на вышній судъ явиться. Но это желаніе исполнилось лишь въ сновидѣніи: умирая онъ видѣлъ, будто стоитъ окутанный свѣтлымъ облакомъ и слышитъ голосъ, называющій его инокомъ Серапіономъ.

Балъ. (Рис. Степанова. „Иллюстр. Альманахъ“, изд. Панаева и Некрасова 1848 г.).

Въ „Пошехонскихъ разсказахъ“ есть у Салтыкова еще искатель правды изъ народа, Андрей Курзановъ, развивавшійся при нѣсколько болѣе благопріятныхъ условіяхъ. (См. разск. IV „Пошехонскіе реформаторы“). Онъ былъ сыномъ крѣпостного живописца, отпущеннаго барином на волю. Окруженный съ дѣтства иконами и церковными книгами, Андрей естественно пристрастился къ божественному. Но мысль этого набожнаго и даровитаго юноши всецѣло сосредоточилась на земныхъ человѣческихъ злоключеніяхъ и не искала небесныхъ вѣнцовъ. Андрей мучительно думалъ о томъ, какъ устроить земную жизнь такъ, чтобы всѣмъ было хорошо, какъ жить здѣсь, на землѣ, по-божески. Любилъ онъ объ этомъ и поговорить съ кѣмъ-нибудь по душѣ. Когда его спрашивали, что значитъ жить по-божески, онъ отвѣчалъ просто: „А вотъ что: тебѣ кусокъ и ему кусокъ, и всѣмъ прочимъ по куску“. Говорилъ онъ также о томъ, что надо душу полагать за ближняго, поясняя это положеніе примѣрами изъ дѣйствительной жизни. Мысль его забѣгала иногда далеко впередъ: въ 40 годахъ онъ уже предвидѣлъ необходимость гласнаго суда, земства и свободы печати. Разсуждая такимъ образомъ, Андрей Курзановъ, будучи дѣтски наивнымъ человѣкомъ, и не предполагалъ, что въ его словахъ есть что-нибудь опасное для современнаго государства, колеблющее его „основы“, тѣмъ болѣе, что онъ никого не нудилъ жить по его указаніямъ и не шелъ противъ дѣйствующаго закона. Можешь жить по-божески—живи, а не можешь—живи по закону. Курзановъ полагалъ, что онъ просто говоритъ справедливыя слова, которыя никому вреда нанести не могутъ. Однако, съ наступленіемъ эпохи просвѣщенія, разсказываетъ сатирикъ, справедливыя слова вскорѣ были изъяты изъ общаго употребленія. Газета „Уединенный Пошехонецъ“, получавшая впушенія чуть не изъ самаго городническаго правленія, въ своей передовицѣ разъяснила, что „слова этой категоріи не только у насъ, въ Пошехоньѣ, но и въ прочихъ образованныхъ странахъ міра находились и находятся въ вѣдѣніи подлежащихъ вѣдомствъ и особо препоставленныхъ на сей предметъ учрежденій“. Мѣстное пошехонское начальство пыталось образумить Курзанова, но тщетно. Его били, сажали въ кутузку, онъ все-таки не унимался. Дѣло кончилось — обычнымъ въ такихъ случаяхъ—„фюить“.

Въ слѣдующихъ главахъ „Пошехонской старины“, представляющихъ продолженіе портретной галлереи домочадцевъ, передъ нами проходитъ цѣлый рядъ несчастныхъ жертвъ крѣпостныхъ порядковъ. Мы ясно видимъ, какъ жестокая крѣпостная неволя калѣчитъ и часто приводитъ къ трагической развязкѣ людей, повинныхъ развѣ только въ томъ, что появились на свѣтъ въ такое жестокое время, когда царилъ помѣщичій произволъ, и въ такомъ сословіи, которое лишено было всякихъ правъ. Вслѣдствіе невозможно тяжелыхъ условій жизни, окруженные безпросвѣтной тьмой, они либо становятся безпутными, теряя человѣческій образъ, впадаютъ въ преступленіе, какъ Вапька-

Каинъ, Сережка, и гибнутъ подъ красной шапкой, либо страдаютъ безъ вины виноватые отъ безсердечія и безчеловѣчныхъ отношеній къ нимъ окружающихъ, какъ Мавруша и Матренка, и, не находя ниоткуда ни защиты ни поддержки, кончаютъ жизнь самоубійствомъ. И все это происходитъ въ помѣстьѣ, которымъ управляетъ помѣщица вовсе не злонравная, но испорченная неограниченностью и безконтрольностью помѣщичьей власти. Изъ всѣхъ изображенныхъ въ картинной галлереѣ крѣпостныхъ только отупѣлый лакей Конопъ да вѣрный слуга, староста Ѳедотъ, болѣе или менѣе тихо и спокойно доживаютъ до конца своей жизни. Даже усердная и покорная раба Аннушка, безпрекословно творившая волю господъ, и та вытерпѣла не мало гоненій, преслѣдованій и издѣвательствъ, а разъ ее даже постегали. Чѣмъ выше въ нравственномъ отношеніи стоялъ человѣкъ надъ окружающей средой, тѣмъ глубже впивались въ его душу „вериги рабства“. Одна лишь смерть избавляла его отъ жестокихъ душевныхъ терзаній.

Послѣдній взяточникъ, посаженный въ банку, чтобы память о немъ сохранилась въ отдаленномъ потомствѣ.
(„Развлеченіе“, 1859 г.).

Авторъ въ самомъ началѣ своего повѣствованія ставитъ вопросъ, какъ могли жить люди въ этомъ „омутѣ унизительнаго безправія“ и какъ могло итти рядомъ съ „этимъ сплошнымъ мучительствомъ... пошехонское раздолье“? Краснорѣчивымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ служитъ живое, яркое изображеніе, съ одной стороны, низкаго умственнаго и нравственнаго уровня помѣщичьей среды, съ другой—изображеніе такихъ крѣпостныхъ людей, какъ Кононъ, типичный представитель отупѣлой, косной дворовой массы. Кононъ вполнѣ олицетворялъ міросозерцаніе этой массы. Онъ мирился со всякимъ положеніемъ: его обучали сначала портновскому мастерству, потомъ сдѣлали лакеемъ; пошлите его пасти стадо—онъ и пастухомъ будетъ. „Факты,—говоритъ Салтыковъ,—представляются его уму безповоротными, и причина появленія ихъ въ той или другой формѣ, съ тѣмъ или инымъ содержаніемъ, никогда не пробуждала его любознательности. Какое-то гнетущее равнодушіе было написано на его лицѣ... Точно это было не лицо, а застывшая маска. Глядитъ, мор-

гаетъ, носомъ шевелитъ, волосами встряхиваетъ, а какой внутренній процессъ скрывается за этими движеніями — отгадать невозможно". Копонъ былъ настоящій, природный дворовый; можетъ-быть, многія поколѣнія его предковъ жили и умирали дворовыми людьми, и лицо его получило наслѣдственный отпечатокъ тяготѣвшаго надъ ними крѣпостного права. Онъ былъ молчаливъ, даже съ прислугой не вступалъ въ разговоры, хотя почти вся дворня была ему родней. „Впрочемъ, это никого не удивляло, потому что на остальной дворнѣ, въ громадномъ большинствѣ, лежала та же печать молчанія, обусловившая своего рода „modus vivendi", которому всѣ безсознательно подчинялись". Даже разсказы Аннушки о подвижникахъ первыхъ временъ христіанства не производили на Копона никакого впечатлѣнія: „Слушаетъ—слушаетъ, и вдругъ на самомъ интереснымъ мѣстѣ зѣвнетъ, перекреститъ ротъ, вымолвитъ: „Господи Іисусе Христе" и уйдетъ дремать въ лакейскую"... „Вообще, вся его жизнь, — говоритъ Салтыковъ,—представляла собой какъ бы непрерывное и притомъ безсвязное сновидѣніе".

VII.

Салтыковъ не отрицалъ, что встрѣчалась и тогда другого рода дѣйствительность, мягкая и даже сочувственная, и онъ не обошелъ ея.

Въ послѣднихъ главахъ „Пошехонской старины" читатель встрѣчается съ рѣдкими въ то время примѣрами миролюбиваго отношенія къ крѣпостнымъ людямъ, въ видѣ исключенія существовавшими рядомъ съ сплошнымъ мучительствомъ. Салтыковъ изображаетъ здѣсь добрыхъ старпковъ Бурмакиныхъ и ихъ сына, молодого образованнаго человѣка, идеалиста 40 годовъ, ученика Грановскаго, страстнаго почитателя Бѣлинскаго (гл. XXIX, „Валентинъ Бурмакинъ"); за ними слѣдуютъ тоже добрыя, но бѣдныя помѣщицы (гл. XXX, „Словущенскія дамы"): Золотухина и Слѣпушкина; сюда же можно отнести предводителя Струнникова (гл. XXVII), который, при скверной привычкѣ вызывать каждаго изъ лакеевъ присвоеннымъ ему свистомъ, однако вообще обращался съ крѣпостными мягко. Здѣсь нѣтъ и рѣчи объ изнуреніи крестьянъ и дворовыхъ работой или о какихъ-либо истязаніяхъ. Указываются даже два случая барскаго великодушія: Словущенскія помѣщицы послѣ своей смерти отпустили своихъ немногихъ крѣпостныхъ на волю и отказали собственныя усадьбы и земли имъ въ вѣчное владѣніе.

Но такія отношенія къ рабамъ были очень рѣдки и не вызывали въ окружающей помѣщичьей средѣ ни подражанія ни даже одобренія. Поэтому изображаемыя здѣсь свѣтлыя явленія дореформеннаго быта представляются каплею въ широко разлившемся морѣ крѣпостного зла и мало смягчаютъ тяжелое впечатлѣніе отъ развертывающейся передъ читателемъ ужасающей картины дореформенной жизни. Самъ авторъ предвидѣлъ это и хорошо зналъ,

Щикарный балъ на Нижегородской ярмаркѣ.

что существуютъ еще люди, чувствующіе влеченіе къ такъ называемому „доброму“ старому времени, которые могутъ сказать ему: „Но вы описываете не дѣйствительность, а какой-то вымышленный адъ. Что описываемое мною похоже на адъ, объ этомъ я не спорю,— отвѣчаетъ онъ имъ,— но въ то же время утверждаю, что этотъ адъ не вымышленъ мною. Это „пошехонская старина“ — и ничего больше. И, воспроизводя ее, я могу, положа руку на сердце, подписаться: „съ подлиннымъ вѣрно“. Салтыковъ предвидѣлъ и другое возраженіе, сдѣланное ему еще въ 60 годахъ, когда онъ выпускалъ въ свѣтъ свои „Невинные разсказы“, изображающіе ту же крѣпостную старину. Молодой критикъ, Писаревъ, находилъ тогда совершенно излишнимъ разсказывать о томъ, что уничтожено правительственнымъ распоряженіемъ. Тѣмъ болѣе, повидимому, было основаній отнестись отрицательно къ „Пошехонской старинѣ“, появившейся уже во второй половинѣ 80 годовъ, и авторъ зналъ, что многіе найдутъ неинтереснымъ и даже страннымъ изображеніе того, что было такъ давно и „быльемъ поросло“. Но онъ весьма основательно возражаетъ на это: „Знаю я и самъ, что фабула этой были... поросла быльемъ; но почему же, однако, она и до сихъ поръ такъ ярко выступаетъ передъ глазами отъ времени до времени? Не потому ли, что, кромѣ фабулы, въ этомъ трагическомъ прошломъ было нѣчто еще, что далеко не поросло еще быльемъ, а продолжаетъ и до сихъ поръ тяготѣть надъ жизнью? Фабула исчезла, а въ характерахъ образовалась извѣстная складка, въ жизнь проникли извѣстныя привычки“... Устами своего вымышленнаго друга Глумова онъ еще въ „Недокончепныхъ Бесѣдахъ“ (гл. III) говорилъ, что старая крѣпостническая закваска живетъ въ насъ, и если мы не имѣемъ смѣлости открыто обнаруживать ее, то это приводитъ насъ „не къ тому, чтобы разстаться съ нею, а только къ тому, чтобы дѣйствовать исподтишка — потихоньку блудить и пакостить въ руку старинѣ“.

Салтыковъ правъ: крѣпостное право „въѣдчиво“ и „крѣпко засѣло въ насъ“. Оно создало новыя цѣпи взамѣнъ проржавѣвшихъ старыхъ,—цѣпи не менѣе тяжелыя; оно и сейчасъ опутываетъ новые ростки жизни цѣлой сѣтью тяжкихъ принужденій—экономическихъ и „внѣ-экономическихъ“.

Ѳ. Нелидовъ.

Въѣздъ инкогнито чиновника особыхъ порученій въ городъ („Карик. Листокъ“ Данилова. 1858).

П. Д. Боборыкинъ.

Изъ воспоминаній о крѣпостномъ правѣ.

I. Крѣпостные развиватели.

П. Д. Боборыкина.

Въ моихъ воспоминаніяхъ, принимавшихъ форму газетныхъ разсказовъ, я говорилъ не мало о тѣхъ дворовыхъ, которые были часто нашими настоящими „развивателями“. Это было уже давно.

На мою долю выпалъ очень большой выборъ крѣпостныхъ — и мужчинъ и женщинъ — въ такой именно роли.

У меня самого не было „рабовъ“. Я вступилъ (послѣ моего дѣда со стороны матери) во владѣніе двумя деревнями, но не крѣпостныхъ, а „временно-обязанныхъ“, когда уже дѣйствовали мировые посредники. Но все мое дѣтство, отрочество и первая молодость, до писательства — считая ученье въ трехъ университетахъ, значитъ, цѣлая четверть вѣка (1836—1861 гг.)—совпали съ крѣпостной эпохой.

И тутъ я сейчасъ же скажу, что крѣпостные—въ лицѣ дворовыхъ—были связующимъ звеномъ нашимъ съ „народомъ“, т.-е. съ крестьянами. Вѣдь

всѣ дворовые, безъ исключенія — по крайней мѣрѣ, въ томъ домѣ, гдѣ я воспитывался—вышли изъ мужиковъ. Мы, дѣтьми, знали хорошо, кто откуда: нянька Настасья изъ Обуховки, лакей Павелъ изъ Лаптева, горничная Домна изъ Лавровки. И такъ вся дворня, а ея было, даже и въ послѣдніе годы, незадолго до „эмансипаціи“, болѣе сорока человѣкъ въ городѣ.

И съ самаго младенчества моими „развивателями“ были дворовые, и въ Нижнемъ, гдѣ я родился, и въ подгородной деревнѣ Анкудиновкѣ, куда мы переѣзжали на лѣто каждый годъ неизмѣнно и оставались тамъ съ мая до августа. Эту Анкудиновку я описалъ въ романѣ „Въ путь-дорогу“ подъ именемъ „Липки“. И всегда меня тянуло къ „людямъ“, но это не поощрялось. Барскому дитяти не полагалось водиться съ дворовыми. А играть со мною никого не брали, потому что въ домѣ не было почти совсѣмъ маленькихъ дѣтей. Кромѣ дѣвичьей и лакейской, меня всегда влекло въ „людскую“—не въ то ея помѣщеніе, гдѣ жила стряпуха и гдѣ обѣдали дворовые, а въ „столярную“. И въ городѣ имѣлась мастерская. Мальчишекъ-учениковъ въ ней не было; зато цѣлыхъ три „столяра“, какъ произноситъ народъ и до сихъ поръ. Тамъ работали цѣлыхъ трое столяровъ. И у меня, съ ранняго дѣтства, была склонность къ столярному дѣлу — стругать, пилить, винтить. И я учился. Отъ моего пріятеля—молодого столяра Афанасія, бывшаго долго въ обученіи у кого-то въ городѣ, я узналъ мудреные термины, переиначенные съ нѣмецкаго для разныхъ видовъ рубанка: „шерхебель“, „зинцубель“ и другія такія же курьезныя слова. Но когда меня выпускали гулять по двору, то въ „людскія“ не позволялось заглядывать, еще менѣе въ кухню, гдѣ всегда было три повара и два поваренка. Кучера были также предметомъ сильнаго дѣтскаго интереса, потому что они ходили за лошадьми; а лошадь—это вѣдь самый плѣнительный предметъ дѣтскихъ симпатій. Въ конюшни тоже не пускали, но съ кучерами всего легче было завести разговоръ и узнать столько занимательнаго о лошадяхъ, ихъ прозвища, ихъ „поровъ“, за сколько куплены, у кого, когда ихъ нужно кормить, поить и „проваживать“, что дѣлалось тоже на нашемъ обширномъ дворѣ. Кучеровъ было человѣка четыре и лошадей стояло, въ двухъ конюшняхъ, до двадцати — у дѣда и у старшаго дяди. Прокатиться на „иноходцѣ“ („виноходцѣ“, какъ выговаривали дворовые) было верхомъ блаженства.

И весь этотъ крѣпостной ковчегъ жилъ разнообразной бытовой жизнью. Каждое помѣщеніе для дворовыхъ—мужчинъ и женщинъ—имѣло свою физіономію и свою исторію. И все это были, несомнѣнно, „рабы“. Но намъ, дѣтямъ, они такими не представлялись. Разумѣется, мы не могли тогда *сознательно* относиться къ крѣпостному праву. Таковъ былъ строй жизни. Но мы никогда не только не переставали считать всѣхъ этихъ лакеевъ, музыкантовъ, поваровъ, кучеровъ, столяровъ, горничныхъ за *людей* (въ хорошемъ смыслѣ),—но и жили съ ними одной жизнью и—что важнѣе—входили

всѣмъ сердцемъ и пониманіемъ въ ихъ жизнь. Я былъ настолько счастливъ, что у насъ, въ домѣ, гдѣ дѣдъ игралъ роль безусловнаго владыки, не видѣлъ ни грубыхъ ни отвратительныхъ фактовъ крѣпостного права: ни часто распущенныхъ барскихъ правовъ на счетъ женскаго пола, ни постояннаго тиранства мужского и женскаго персонала. До насъ доходило, и то очень рѣдко, что вотъ такого-то дворового „наказали“ въ полиціи или отдали за кражу въ солдаты, или даже въ арестантскія роты за что-нибудь чрезвычайное—въ родѣ, напр., дерзости дѣду. Такъ пошелъ сначала въ арестанты, а потомъ въ солдаты мой пріятель, буфетчикъ Петруша—артистическая натура, граверъ и рисовальщикъ—и я его оплакивалъ.

На женской половинѣ—старухи и молодыя—проводили жизнь съ нами и были нашими пѣстуньями, разсказывали намъ не только сказки и множество разныхъ эпизодовъ изъ своей деревенской жизни. Никто изъ нихъ не родился въ дворнѣ, а всѣ были изъ крестьянъ.

Эта бытовая связь съ народомъ драгоцѣнный вкладъ въ душу ребенка, особенно если судьбѣ угодно будетъ сдѣлать его впослѣдствіи „бытописателемъ“.

Няпька при мнѣ состояла недолго, но долго ходила за мной старуха Мироновна, такая, какъ я описалъ ее въ романѣ „Путь-дорога“. Кормила меня также крестьянка, простая баба изъ деревни Лаптево (Горбатовскаго уѣзда). Она пріѣзжала изъ деревни на побывку, когда я уже подросталъ, и это опять была сердечная связь съ деревней, и черезъ нее, и черезъ „молочныхъ“ братьевъ и сестеръ.

Повторяю: черезъ дворовыхъ мы привыкали входить въ жизнь деревенскаго народа, и я уже говорилъ не разъ, въ печати, къ мужикамъ мы относились вовсе не какъ къ какимъ-то „паріямъ“, а, напротивъ, съ интересомъ и уваженіемъ.

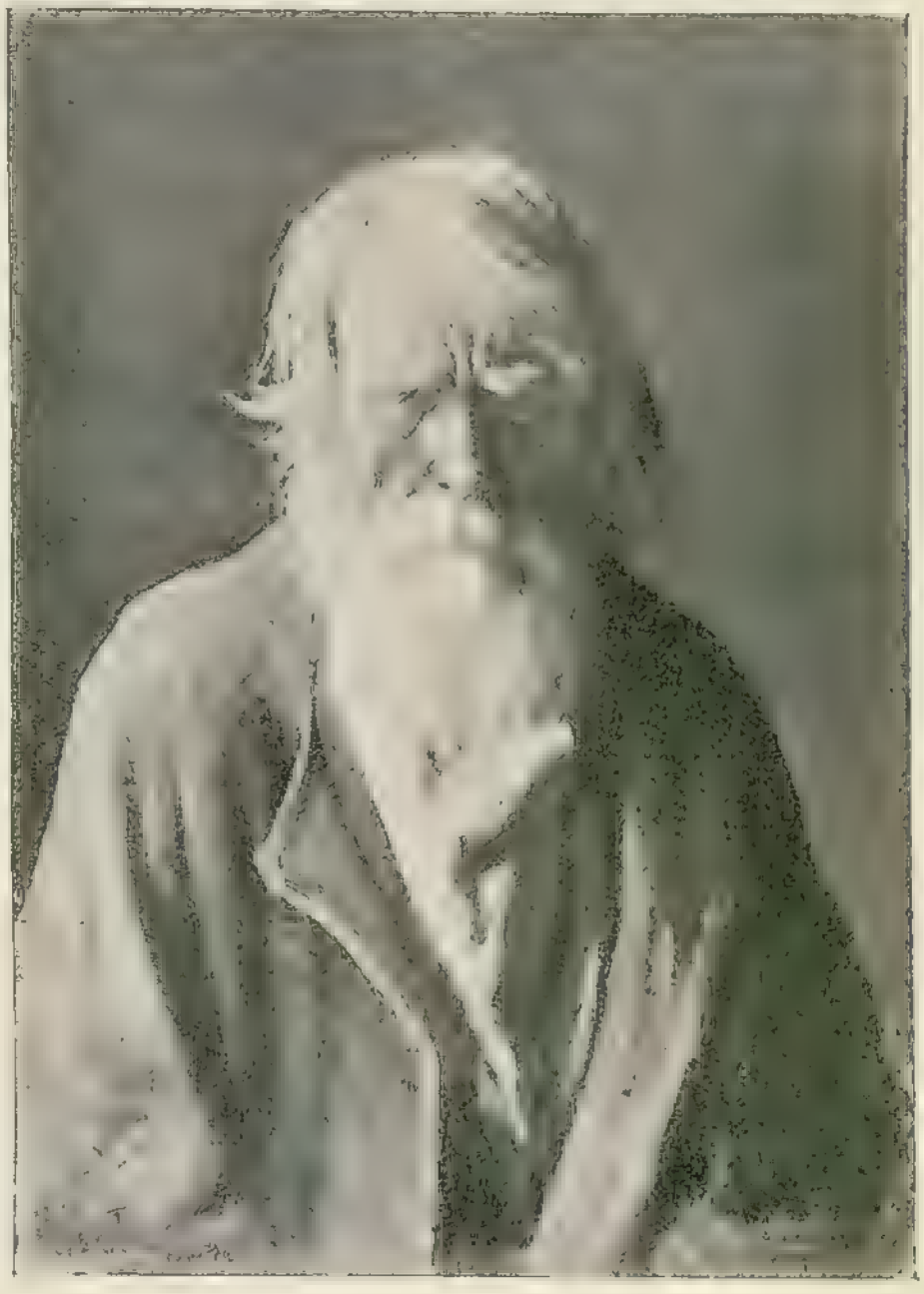
Изъ лакейской вышло нѣсколько моихъ развивателей.

Когда я былъ еще очень малъ, у насъ еще держали свой оркестръ музыкантовъ; отъ него, къ годамъ моего ученія въ гимназіи, оставалось только ядро; баловъ уже не давали и по вечерамъ не играли концертовъ. Но музыкантовъ было еще нѣсколько человѣкъ, и выѣздной лакей и „стремянный“ дѣда сталъ первый учить меня на скрипкѣ. Доживали еще и флейтистъ Григорій Кошкинъ, онъ же поваръ и кондитеръ, и настройщикъ фортепьянъ, и „Алешка“ контрабасистъ, и Антонъ волторнистъ, и Павелъ кларнетистъ и сапожникъ.

„Музыкантской“ называлась компата, позади хора (зала и теперь сохранилась въ домѣ, принадлежавшемъ въ 80 годахъ нѣкоему г. К. на Покровкѣ), гдѣ лежали ноты, стоялъ контрабасъ, старинный, четырехструнный (а не трехструнный, какъ теперь), съ львиной головой, настоящей

итальянской работы. Тамъ же учились музыкѣ, въ былое время, и мальчики. Какой импульсъ художественнаго интереса шелъ отъ дворовыхъ музыкантовъ! Григорій Кошкинъ былъ прямо артистъ, съ огромной памятью и съ своеобразной рѣчью. Отъ него впервые я услыхалъ такія имена, какъ Моцартъ, Бетховенъ, заглавіе оперъ, какъ „Свадьба Фигаро", „Возстаніе въ сералѣ", „Титово милосердіе", „Водовозъ" (Керубини), „Два слѣпыхъ", „Іосифъ" (Мегюля), „Іодойска", мелодіи изъ гремѣвшей въ старину фантастической оперы „Русалка", откуда мы напѣвали арію, цитируемую въ „Онѣгина":

«Приди въ чертогъ златой,
О князь мой дорогой».



Слѣпой старикъ (карт. Архипова).

Разговоры съ такимъ Григоріемъ Кошкинымъ, конечно, развивали больше, чѣмъ уроки въ гимназіи, съ сухой зубрежкой или скукой бездѣйственнаго сидѣнія на „партѣ".

Между дворовыми всегда бывали грамотеи и страстные читатели. Такими были у насъ камердинеръ дѣда Григорій и Лизавета Андреевна, о которой я уже вспоминалъ, когда печаталъ очерки изъ своихъ дѣтскихъ переживаній. Такой продуктъ крѣпостной эпохи никогда уже не повторится въ русской жизни.

Эта старая дѣвица жила въ домѣ на особомъ положеніи. Она была вольно отпущенная прабабушки, которую я уже не засталъ въ живыхъ.

Ея служба состояла, кажется, только въ томъ, что въ той закутѣ, гдѣ она жила, обѣдали горничныя, и она вынимала изъ чашки щей солонину и рѣзала ее на мелкіе куски, и когда они были опять опущены въ чашку, минутъ черезъ пять, давала сигналъ „таскать", послѣ того какъ достаточно „похлебали".

Я уже воздавалъ дань изумленія ея ненасытной любознательности и феноменальной памяти.

Не было книжки въ домѣ, которая бы не побывала въ ея рукахъ, и ни одного листка газетъ, котораго она, украдкой, не добывала бы у дѣдушкина камердинера. Можетъ-быть, читателямъ моихъ очерковъ, гдѣ я уже разсказывалъ о моихъ крѣпостныхъ учителяхъ и воспитателяхъ, показалось кое-что преувеличеннымъ въ томъ, что я говорилъ о начитанности и памяти Лизаветы Андреевны. Но я утверждаю и теперь, что она превосходно знала и помнила всѣ томы „Исторіи Государства Россійскаго“, знала имена маршаловъ Наполеона, разсказывала о сраженіяхъ 1812 года по сочиненію Михайловскаго-Данилевскаго и — что уже отзывалось маньячествомъ — знала титулы, имена, годы рожденія и вступленія на престолъ всѣхъ иностранныхъ коронованныхъ особъ обоего пола, изъ старыхъ календарей. Нетрудно сообразить, какъ разговоры съ этой вольноотпущенной (которой всѣ, кромѣ бабушки, говорили „вы“) развивали малолѣтка, и чѣмъ я больше подрасталъ, тѣмъ разговоры съ нею дѣлались для меня интереснѣе. Я уже нарочно „заводилъ“ ее на любимыя ея темы о Наполеонѣ, Иванѣ Грозномъ, Александрѣ „Благословенномъ“. Романовъ она перечла на своемъ вѣку множество и такихъ, которые найдешь теперь только въ каталогѣ Сопикова, въ родѣ „Алексисъ или мальчикъ у ручья“, но она не любила сентиментальныхъ темъ, а больше занимательныя, историческія или таинственныя, какъ романы Вальтеръ Скотта или г-жи Радклифъ, въ родѣ гремѣвшихъ когда-то „Юдольфскихъ Тайнъ“.

Въ жизни нашего стараго и строгаго дома случилось трагическое событіе, которое наложило на него еще болѣе тяжелую печать. Это приговоръ моего дяди „петрашевца“ Н. П. Григорьева (брата матушки), сосланнаго на каторжныя работы въ Забайкальскую область.

И отъ кого же я всего больше выслушалъ разсказовъ о его военной жизни, сначала въ провинціи, потомъ въ Петергофѣ, гдѣ онъ служилъ въ конно-гренадерскомъ полку? Отъ его камердинера, вернувшагося изъ Петербурга съ кое-какими вещами своего барина, спасшимися отъ тогдашней жандармеріи.

Его звали Андрей. Онъ былъ сдѣланъ вторымъ дворецкимъ. Въ полку онъ пріобрѣлъ обличье и говоръ денщика. Его я выспрашивалъ—какъ только увижу его—о дядѣ, о ихъ жизни въ Петергофѣ, о Петербургѣ, о самомъ „дѣлѣ“, начиная съ того момента, когда его арестовали по дорогѣ въ Петербургъ. Онъ ѣхалъ на собственной парѣ. И кучеръ Перфилъ тоже вернулся и долго служилъ въ дворнѣ, возилъ меня въ гимназію на „савраскѣ“.

Я былъ уже въ третьемъ классѣ гимназіи, когда разразилась эта гроза, а Андрея я еще оставилъ въ дворнѣ, передъ моимъ отъѣздомъ въ Казань. Стало-быть, я, по крайней мѣрѣ, около четырехъ лѣтъ, постоянно разговаривалъ съ нимъ все на тѣ же темы.

Онъ, кромѣ разсказовъ о „дяденькѣ“, знакомилъ меня и съ разными сторонами русскаго быта и въ столицѣ и въ разныхъ углахъ Россіи, куда переѣзжалъ съ барономъ, когда дядя служилъ еще въ армейскихъ уланахъ и перекочевывалъ изъ Чугуева во Владиміръ. Я до сихъ поръ помню, что онъ служилъ въ сибирскомъ уланскомъ полку и носилъ красивый мундиръ съ бѣлыми отворотами. Безъ Андрея отъ родныхъ я бы не узналъ и одной десятой того, что услыхалъ отъ него о Николаѣ Петровичѣ Григорьевѣ.

Бабушкины сказки (Максимова).

Въ Анкудиновкѣ мое общеніе съ дворовыми и крестьянами шло безъ болѣе строгаго городского надзора—особенно, когда я уже превращался въ подростка.

Гувернеры мало гуляли со мною, особенно тотъ Карлъ Ивановичъ Гекторъ, о которомъ я еще недавно вспоминалъ въ печати; а онъ оставался при мнѣ до моего перехода въ шестой классъ.

Гулялъ я съ дворовыми или съ деревенскими ребятишками, бродилъ съ ними по лѣсу, искалъ травъ и ягодъ, дѣлалъ „сикалки“ изъ толстыхъ стволовъ травы, которую мы звали „борщи“, ѣлъ дикій лукъ и дикую рѣдьку.

Охотники, псарня, весь ея побытъ, табунъ охотничьихъ лошадей — все это было такъ богато впечатлѣніями и такъ сближало опять-таки съ людьми

всякихъ возрастовъ — отъ старыхъ дворовыхъ, которые ѣздили съ бариномъ, въ родѣ толстѣйшаго повара Михаила Ивановича, знакомили съ ихъ нравами, съ ихъ богатѣйшимъ охотничьимъ языкомъ. Мнѣ дѣдъ подарилъ лошадку и меня лѣтъ съ двѣнадцати начали брать на охоту, разумѣется безъ своей собственной своры.

Ходилъ иногда я на большую псарню подъ гору, гдѣ жила стая гончихъ и штукъ до тридцати борзыхъ; тамъ на верху, на деревенскомъ „порядкѣ“ устроенъ былъ особый дворъ съ сарайчикомъ для щенковъ.

И тутъ было для меня раздолье. Щенятами — и гончими и борзыми — я восхищался, какъ впослѣдствіи произведеніями искусства.

Тутъ шли долгіе разговоры съ псарями, и ихъ жаргонъ такъ въѣлся въ мою память, что когда я писалъ разсказъ „Псарня“ (за что, кажется, какимъ-то милымъ собратомъ былъ прозванъ въ печати „собачій Золя“) тридцать лѣтъ спустя, то предо мною, какъ живые, всплывали всѣ: и люди и животныя, и въ ушахъ стоялъ говоръ псарей и „выжлятниковъ“ (т.-е. ѣздившихъ съ стаей гончихъ) и „борзятниковъ“.

И тотъ „Андрюша“, котораго я сдѣлалъ центральнымъ лицомъ „Псарни“, выросъ на моихъ глазахъ и рано умеръ отъ горловой чахотки, вѣроятно, отъ того, что при „порскапіи“ въ „острову“ (т.-е. въ лѣсу) слишкомъ усердно заливался „колокольчикомъ“.

Изъ меня не вышло охотника: я скоро сталъ слишкомъ сильно жалѣть зайцевъ (они кричали по-дѣтски, когда псарь перерѣзывалъ имъ горло); но общеніе съ охотниками сближало меня и съ природой, дѣлало милыми животныхъ, собакъ и лошадей, показывало мнѣ и крѣпостныхъ въ другомъ свѣтѣ. Въ полѣ они уже не были пассивными рабами, а сами дѣйствовали, какъ личности. „Доѣзжачій“—вѣдь это что-то въ родѣ полководца! И онъ и псари при стаѣ ѣздили лихо, поражали своей ловкостью и смѣлостью, спрыгивали въ овраги и пробирались сквозь чащу лѣса—и все это, продолжая „порскать“, т.-е. голосить во всю мочь.

Лѣсъ и поля сближали меня и съ другими крѣпостными, кромѣ охотниковъ. Это были и крестьянскіе парни изъ деревни и—главнымъ образомъ—пастухи и подпаски, такіе же подростки, какъ и я. Они ловили мнѣ зайчатъ, и къ концу лѣта у меня заводился цѣлый звѣринецъ. Одно время я ихъ такъ же страстно любилъ, какъ и щенятъ. Передъ отъѣздомъ въ городъ мы ихъ выпускали на волю, и каждый разъ это былъ моментъ, полный эмоціи, когда такой „русачокъ“ или „бѣлячокъ“, когда его выпускали изъ „кошелки“, у опушки лѣса садился на заднія лапы, поводилъ ушами, забавно косился и съ минуту недоумѣвалъ, можетъ ли онъ „дать стречка“, какъ говорили мои пріятели, пастухи и пастушонки...

Носили они мнѣ и голубей и разныхъ птицъ, даже и хищныхъ, которыхъ я побаивался. Любилъ особенно щеглятъ и снѣгирей.

Сколько всякихъ свѣдѣній набирался я отъ всѣхъ этихъ крѣпостныхъ „развивателей“! А дурнымъ я отъ нихъ ничѣмъ не заимствовался, никакимъ грязнымъ пѣсенкамъ они меня не учили, ничего не разсказывали

Великороссіяне (альбомъ Павлова).

грязнаго и даже просто неприличнаго. И дивчата не вызывали никакихъ барскихъ поползновеній, даже когда я уже дѣлался „большимъ“. А я изъ Анкудиновки, лѣтомъ 1853 года, отправился въ Казань поступать въ студенты, и мнѣ 15 августа минуло уже 17 лѣтъ.

Цѣлое особое царство были сады и огороды, съ оранжереями, теплицами и „грунтовымъ“ сараемъ для „шпанскихъ вишенъ“.

Передъ флигелемъ, гдѣ помѣщалась дѣтская,—когда я уже былъ гимназистъ,—садовникамъ приказано было развести мнѣ крошечный цвѣтничокъ съ клумбами. Я самъ поливалъ всѣ тѣ герани, гребешки, кавалерскія шпоры и астры, какія были тамъ насажены.

Изъ трехъ садовниковъ моимъ пріятелемъ былъ Павелъ, и черезъ него я ознакомился со всѣмъ обиходомъ садоваго дѣла. Лучшими часами нашихъ бесѣдъ были вечерніе, когда происходила поливка. Отъ него я—еще до поступленія въ гимназію—услыхалъ впервые, что есть такой городъ „Рыга“ (такъ онъ произносилъ Ригу), откуда выписываютъ всѣ сѣмена садовыхъ и тепличныхъ растеній. Отъ Павла и старшаго садовника (прозваннаго однимъ изъ моихъ дядей Финтилисъ) я наслушался много ботаническихъ названій, которыя они наивно перевирали, но далеко не всѣ, и я—даже на старости—вспоминаю иногда латинское слово, встрѣтивъ тотъ или иной цвѣтокъ.

Свободнѣе могъ я водить дружбу съ столярами и ходить, уже безъ всякаго надзора, въ ихъ сарай. Они въ деревнѣ, кромѣ столярныхъ подѣлокъ, несли и службу маляровъ.

И для меня не было большаго удовольствія, какъ растирать съ ними краски и потомъ что-нибудь мазать кистью. Отъ нихъ я узналъ множество всякихъ интереснѣйшихъ вещей по столярной и малярной части.

А старый столяръ Тимоѳей, кромѣ того, былъ „философъ“—стоическій мудрецъ, съ хмурымъ видомъ, но съ добрѣйшей душой и своеобразной лаской къ „барчонку“, безъ малѣйшаго подобострастія или развращающаго баловства.

Куда дѣвались всѣ эти развиватели внука „павловскаго“ генерала, бывшаго „гатчинца“, моего дѣда со стороны матери? Какъ они дожили свои вѣки? Я думаю, всѣ должны были получить надѣлъ, потому что они, хоть и значились „дворовыми“, но, при общинномъ хозяйствѣ, врядъ ли теряли свои права. Женщины, конечно, остались въ менѣе выгодномъ положеніи. Но я не помню, чтобы и по смерти дѣда старухи были брошены на произволъ судьбы. Многія горничныя остались при господахъ и послѣ воли.

Кромѣ того, дѣдъ мой (черта по тому времени рѣдкая, да еще въ бывшемъ „гатчинцѣ“—изъ-подъ начальства кого?—самого Аракчеева!) духовнымъ завѣщаніемъ своимъ,—а онъ умеръ до акта 19 февраля 1861 года—далъ волю крестьянамъ деревни Обуховки, съ хорошимъ надѣломъ, той самой Обуховки, которую онъ получилъ при воцареніи Павла; но тогда въ ней было всего сто душъ съ чѣмъ-то, а при смерти его—слишкомъ триста.

Изъ тѣхъ двухъ небольшихъ деревень, которыя оставлены мнѣ были по завѣщанію дѣда, дворовыхъ, сколько помню, не было.

Теперь, по прошествіи пятидесяти лѣтъ моего писательства, я, вспоминая моихъ „развивателей“, чувствую къ нимъ нелицемѣрную признатель-

ность. Отъ кого же я узналъ столько о жизни, и старой и той, когда я сталъ болѣе сознательно относиться ко всему окружающему — какъ не отъ нихъ?

И то, что я видѣлъ въ нихъ самихъ, и что они мнѣ разсказывали въ теченіе цѣлаго десятка лѣтъ, и ихъ языкъ, и ихъ житейскій опытъ, и очень тонкая наблюдательность, и любовь къ природѣ и животнымъ, и народное міросозерцаніе, складъ ихъ понятій, вѣрованій, правилъ, вся поэзія быта, гдѣ реальная правда такъ сливается съ народной фантазіей — все это ихъ даръ, ихъ наслѣдство!

Они воспитывали — сами того не зная — въ „барскомъ дитяти“ все возраставшій интересъ къ воспріятіямъ родной жизни. А когда пробудилась сознательная потребность откликаться на „откровенія бытія“, какъ писателю, я, въ запасѣ памяти, въ наслоеніи самыхъ яркихъ переживаній дѣтства и отрочества, нашелъ цѣлый богатый кладъ, хранившійся на днѣ души.

Они, мои крѣпостные развиватели, привлекая ребенка тѣмъ, что они собою представляли, чѣмъ занимались, что умѣли, о чемъ разсказывали, воздержали его отъ черствости и гордыни сословнаго чувства.

Временно-обязанные крестьяне Мокшанскаго уѣзда.
(альб. Павлова).

Они же связывали меня и съ деревней. Во многихъ изъ нихъ — и мужчинахъ и женщинахъ — деревня засѣла глубоко; они тамъ родились и были браны въ дворню уже взрослыми или подростками.

О томъ, что я выпесъ къ крестьянству, какъ къ особому классу, какъ къ сословію, я уже говорилъ въ своихъ печатныхъ воспоминаніяхъ и повторяю здѣсь еще разъ: какъ я счастливъ, что у насъ, барскихъ дѣтей, не только не нарастало высокомѣрнаго и брезгливаго чувства къ „мужику“, а, напротивъ, росло нѣчто діаметрально противоположное.

У дяди съ бабушкой было больше тысячи душъ, въ разныхъ уѣздахъ Нижегородской губерніи, половина крестьянъ сидѣли на барщинѣ, остальные были оброчные. Дядя считался строгимъ барином; но—какъ я сказалъ выше—возмутительныхъ и грязныхъ проявленій крѣпостничества мы не видали. И все-таки, даже и въ старшемъ поколѣніи—мать, тетка, дяди—и тогда уже пробуждалось сознаніе, что рабовладѣльчество должно, рано или поздно, пасть. Когда открылись губернскіе комитеты, я уже кончалъ курсъ въ Дерптѣ и каждый годъ наѣзжалъ въ Нижній. Дѣдъ мой—уже восьмидесятилѣтній старецъ—возбужденно слѣдилъ за работами мѣстнаго комитета, ему добывали протоколы засѣданій и докладныя записки дворянъ изъ обоихъ лагерей.

Онъ, понятно, какъ человѣкъ своего времени, долженъ былъ считать право дворянъ владѣть „душами“ такимъ же „священнымъ“, какъ и Вильгельмъ II считаетъ себя въ конституціонной Германіи властелиномъ „Божьей милостью“. Но это все-таки не помѣшало ему отпустить на волю потомковъ жалованныхъ крестьянъ, пріобрѣтенныхъ, такъ или иначе, за службу, а не въ силу наслѣдственнаго вотчиннаго права, стало-быть, и въ ущербъ своихъ прямыхъ, законныхъ наслѣдниковъ и наслѣдницъ.

Изъ дворовыхъ онъ никого не наградилъ такъ, чтобы это сохранилось въ моей памяти; и никого, кажется, не отпустилъ на волю, хотя бы и безъ земли. Можетъ-быть, оттого, что онъ уже видѣлъ неизбѣжность паденія ихъ крѣпостной зависимости.

Но врядъ ли онъ, умирая, могъ предположить, что его внукъ—будущій писатель—будетъ такъ обязанъ своимъ „крѣпостнымъ развивателямъ“.

П. Боборыкинъ.

II. О послѣднихъ пяти годахъ крѣпостного состоянія.

П. А. Зеленаго.

Въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка (и нѣсколько позднѣе) въ Харьковѣ существовалъ извѣстный и пользовавшійся отличной репутаціей „пансіонъ Ивана Алексѣевича Сливицкаго“, стяжавшаго славу выдающагося педагога. Такъ какъ преподаваніе велось въ немъ, строго соображаясь съ университетскими требованіями, то юноши, окончившіе полный курсъ у Сливицкаго (въ то время 16 и болѣе лѣтъ), легко выдерживали вступительный университетскій экзаменъ.

Пансіонерами были преимущественно сыновья состоятельныхъ и богатыхъ помѣщиковъ. Нѣкоторые изъ родителей входили въ особое соглашеніе съ И. А. Сливицкимъ: они привозили „надежныхъ“ дворовыхъ въ видѣ „дя-

Мальпостъ. (Музей Щукина).

декъ". Эти дядьки обязаны были „смотрѣть" за своими питомцами, ихъ одеждой и пр. Затѣмъ Сливицкій поручалъ имъ особо заботы о нѣсколькихъ посторонихъ воспитанникахъ. Кромѣ того, они исполняли не только всѣ служительскія обязанности по всему помѣщенію школъ (убирали классы, мели и чистили), но даже содержали въ порядкѣ дворъ и садъ при домѣ пансіона.

Число этихъ дядекъ, которые мѣнялись съ перемѣною учениковъ, было разновременно отъ 15 до 30.

Когда я поступилъ въ пансіонъ, въ серединѣ шестидесятыхъ годовъ, этихъ дядекъ было 26. Они занимали нѣсколько отведенныхъ имъ комнатъ въ подвальномъ этажѣ, гдѣ имъ было привольно, такъ какъ никто ихъ не стѣснялъ. Въ свободное время они могли уходить куда угодно и принимали тоже какихъ угодно посѣтителей.

Такъ какъ эти дядьки вполнѣ довѣрялись ученикамъ старшихъ классовъ— вели бесѣды (передавая многое и выспрашивая, въ свою очередь), то пансіонеры знали, что дядьки знакомы и находятся въ тѣсныхъ сношеніяхъ чуть ли не со всѣмъ „крѣпостнымъ" населеніемъ Харькова.—Такимъ образомъ дядьки знали своевременно многія новости съ театра войны[1]), и среди нихъ, а слѣдовательно, и среди крестьянъ ходилъ слухъ, что въ числѣ условій мирнаго договора Англія и Франція внесутъ непремѣнный пунктъ объ освобожденіи крестьянъ.

Во время засѣданій Парижскаго конгресса (съ 25 февраля по 30 марта 1856 года) дядьки у Сливицкаго и всѣ вообще „крѣпостные" въ г. Харьковѣ, которыхъ было не мало, находились въ страшномъ безпокойствѣ и волненіи, „ставится ли въ мирный договоръ (хотя бы и особой секретной статьей) освобожденіе русскихъ крестьянъ".

Наконецъ одинъ изъ пріѣзжихъ посѣтителей подвальнаго этажа привезъ извѣстіе, что „въ мирный договоръ включено", и радостямъ не было конца. Изъ подвала дома Сливицкаго радостная вѣсть, въ видѣ короткихъ писемъ, написанныхъ пансіонерами, пошла въ тѣ губерніи, откуда были пансіонеры, а оттуда, конечно, далѣе и далѣе...

Несмотря на царившій николаевскій гнетъ и страхъ, „лучъ свѣта, правды и добра" находилъ какія-то лазейки и напоминалъ о себѣ, ободряя пессимистовъ и отчаивающихся.—Такимъ лучомъ свѣта, неожиданно прорвавшимся, была публичная лекція профессора международнаго права Дм. Ив. Каченовскаго, прочитанная 10 ноября 1857 г.[2]) въ стѣнахъ Харьковскаго

---

[1]) Чтобы узнать, какія худыя или хорошія — вѣсти изъ Крыма, нѣкоторые дядьки ходили каждый день на почтовую станцію въ надеждѣ попасть во время перемѣны лошадей крымскихъ фельдъегерей и наблюдали выраженіе лицъ послѣднихъ: если фельдъегерь «весслъ или ничего себѣ»—вѣсти, значитъ, которыя онъ везетъ, порядочныя, а если выраженія лицъ такія, что «прямо хоть въ гробъ клади»—вѣсти скверныя.

[2]) Знаменитаго рескрипта генералу Назимову еще не было.

университета. Въ то время о крѣпостномъ правѣ нельзя было и заикаться, объ американскихъ неграхъ и ихъ владѣльцахъ нельзя было ничего писать. Какимъ образомъ молодой и пылкій ученый, любимецъ студентовъ, добился разрѣшенія прочесть публичную лекцію „о положеніи негровъ“—я сейчасъ не помню.

Нужно упомянуть, что, несмотря на всѣ мѣры предосторожности, предпринятыя для соблюденія въ 1857 году тайнъ, интеллигенція, молодежь, а за ними и крестьянство узнали объ образованіи особаго секретнаго комитета по вопросу объ освобожденіи крестьянъ. И вотъ лекція проф. Каченовскаго являлась какъ бы косвеннымъ подтвержденіемъ слуха.

Лекція проф. Каченовскаго, о которой въ печати нельзя было ничего сказать, сказанная съ величайшимъ одушевленіемъ, собравшая столько слушателей, что они не могли помѣститься въ залѣ и прилегающемъ коридорѣ, произвела потрясающее впечатлѣніе на всѣхъ слушателей и прежде всего, конечно, на молодежь. Когда Каченовскій сталъ описывать страданія негровъ, на многихъ лицахъ появились слезы, а кое-гдѣ въ аудиторіи послышались и всхлипыванія.

На другой день послѣ лекціи стало ходить по рукамъ стихотвореніе студента З., изъ котораго беру нѣсколько строкъ, какъ подтверждающихъ мои слова:

Я не забуду часъ: о неграхъ онъ читалъ;
Онъ предразсудки потрясалъ
Неотразимымъ убѣжденьемъ,
И всѣ внимали съ напряженьемъ
Его карающимъ словамъ...

И стало стыдно, страшно намъ!
Нашъ зараженный рабствомъ, смрадный,
Гнетущій воздухъ гнусенъ сталъ,
А выходъ изъ него отрадно
Звѣздой надежды засіялъ! [1]).

Нѣтъ нужды объяснять, что всякій слушатель ясно понималъ и чувствовалъ, что, разсказывая о страданіяхъ рабовъ, Каченовскій разумѣетъ бѣлыхъ, а не однихъ черныхъ. Фраза Каченовскаго, что „наука, какъ и религія, если она основана на правдѣ и добрѣ человѣчества, должна не допускать, уничтожить, а не укрѣплять рабство“ — вызвала такой восторгъ, что аудиторія долго не могла успокоиться.

На другой день проф. Каченовскій призывался къ начальству, но уволенъ не былъ...

На другой же день отъ дядекъ пансіона Сливицкаго посланы были письма о лекціи, какъ объ отрадномъ показателѣ близкой свободы.

Спустя нѣкоторое время, Каченовскій началъ получать письма отъ студентовъ другихъ университетовъ и анонимныя за подписью „крестьянъ“ изъ разныхъ мѣстъ. Въ нихъ коротко выражалась ему великая благодарность „за слова жгучей правды“ и „за геройское мужество откровенно сказать ее всѣмъ въ глаза“.

[1]) Стихи разошлись въ спискахъ по городу.

Нѣкоторые изъ крѣпостныхъ, живущіе „при своихъ господахъ“ въ Харьковѣ, ходили поодиночкѣ къ проф. Каченовскому, чтобы лично выразить благодарность и разспросить, если можно, кой о чемъ. Но эти личныя благодарности были скоро пресѣчены при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Одинъ изъ помѣщиковъ, отставной полковникъ, проходя мимо квартиры проф. Каченовскаго, натолкнулся на своего лакея, который выходилъ изъ калитки дома въ сопровожденіи другого лакея, принадлежащаго знакомому полковника. Полковникъ ихъ остановилъ и сталъ здѣсь же, на улицѣ, у воротъ, допрашивать: зачѣмъ они были въ этомъ дворѣ и у кого? И тотъ и другой мялись и путались въ своихъ объясненіяхъ. Дома они тоже не признались. Заподозрѣвъ неладное, оба владѣльца на другой день отправили своихъ лакеевъ въ полицію при особыхъ запискахъ, въ которыхъ требовалось дать нѣсколько десятковъ розогъ и выпытать причину посѣщенія извѣстнаго дома!

Переселенцы изъ Серпухова въ Острогожскомъ уѣздѣ (альб. Павлова).

Такимъ путемъ дѣло раскрылось. Слышно было, что лакеи сосланы въ деревню и имъ приказано было превратиться въ пастуховъ или сторожей.

Профессора, однако, по этому дѣлу его начальство не потревожило. Полиція—тоже. Впрочемъ, Дм. Ив. Каченовскій задолго еще до этого, какъ онъ узналъ и самъ говорилъ, занесенъ былъ въ особый списокъ „подозрительныхъ“...

Въ тѣ годы въ Харьковѣ въ январѣ мѣсяцѣ собиралась знаменитая крещенская ярмарка, продолжавшаяся почти мѣсяцъ и не уступавшая, по размѣрамъ торговли и вообще значенію, нижегородской. На эту ярмарку

собирался со всѣхъ концовъ Россіи всякій людъ и со всякими цѣлями: продать, купить, обмануть, надуть, пожуировать, повеселиться, поиграть въ крапленыя картишки и пр. и пр. Пріѣзжало, конечно, не мало помѣщиковъ со своей крѣпостной свитой, „дворовыми людьми“. Пріѣзжало не мало „оброчныхъ“, платившихъ помѣщикамъ сотенные и тысячные оброки и занимавшихся торговлей.

Весь крѣпостной людъ, конечно, сильно интересовался положеніемъ вопроса о волѣ, почему всякіе слухи о ней распространялись съ быстротой и жадно выслушивались. Во время крещенской ярмарки 1858 г. крестьянство знало о редакціонной комиссіи.

Однажды входитъ ко мнѣ одинъ изъ бывшихъ „дядекъ“, жильцовъ подвальнаго этажа пансіона Сливицкаго, Никита Сливаевъ, и говоритъ [1]):

— П. А.! Хотите узнать новости о волѣ? Я къ вамъ въ семь часовъ вечера зайду, только не надѣвайте студенческаго платья... На крещенскую пріѣхали „знающіе“ изъ Питера и изъ Москвы... Важныя новости... Воля таки будетъ! А паны супротивъ, но имъ не поможется!

Ровно въ 7 часовъ П. Сливаевъ зашелъ ко мнѣ со своимъ товарищемъ, студентомъ Кр., и мы отправились втроемъ на Сумскую улицу, въ частную квартиру, нанятую (по случаю недостатка гостинницъ во время ярмарки) какимъ-то богатымъ торговцемъ, недавно выкупившимъ свою волю за 10.000 руб.

Когда мы вошли въ залъ, онъ былъ уже полонъ разнообразной публикой, среди которой преобладали „крестьянскія лица“. Минутъ черезъ пять въ комнату вошелъ благообразный старикъ (не хозяинъ квартиры) и голосомъ, дрожащимъ отъ волненія и скрытаго негодованія, сталъ передавать, какимъ образомъ всюду, а въ особенности въ Питерѣ, помѣщики и чиновники стараются воспрепятствовать „крестьянской волѣ“, какъ они стараются „опутать“ царя. „Иные молятъ Бога, чтобы деревенскій народъ порѣзалъ и пожегъ съ десятка два ихняго же брата: авось царь одумается и хоть дастъ волю, да безъ земли“.

— Проды!—послышался за моей спиной возгласъ и затѣмъ вздохъ.

Передавъ еще нѣсколько свѣдѣній о томъ, какъ идетъ „крестьянское дѣло“,—свѣдѣній, изъ которыхъ нѣкоторыя лишь недавно появились въ печати, ораторъ, возвысивъ голосъ, со слезами на глазахъ, произнесъ:

— Такъ вотъ, чтобъ пересилить дворянскую злобу и каверзу—намъ и вамъ наказъ: сидѣть смирно, не бунтовать, ждать! Наши отцы и прадѣды

[1]) П. Сливаевъ, несмотря на то, что 1858 г. былъ послѣднимъ годомъ моего студенчества, отъ времени до времени заходилъ ко мнѣ, чтобы узнать что-либо и передать въ свою очередь. Это былъ умный, разсудительный крестьянинъ, который, зная, что я интересуюсь крестьянскимъ вопросомъ, разсказалъ мнѣ, по собственной инициативѣ, о нѣкоторыхъ обычаяхъ, просилъ записать и «пропечатать». Разсказы его подъ заглавіемъ: «Разсказы Ник. Сливаева» помѣщены въ «Московск. Вѣстникѣ» 1860 г.

ждали сотни лѣтъ... Можно намъ пождать года два... Не больше, а скорѣе меньше! Понимаете ли? Слышите ли?

— А отъ кого же это, дядюшка, наказъ? — спросилъ молодой крестьянинъ, выступившій впередъ и сжимавшій оба кулака.—Отъ самого царя, что ли?

— Не отъ царя, но онъ прошелъ передъ царемъ и царь видѣлъ его однимъ окомъ... Потерпите, милые! Потерпите маленько, родимые! И передайте, что слышали, всѣмъ и каждому... Кому говорите, а кому напишите... Пускай ждутъ! чтобъ не было хуже! Богъ несчастнымъ помогаетъ!..

Ярославль. Владимиръ. Н.-Новгородъ. Рязань. Орелъ. Тамбовъ.

Великороссы (Pauly).

Когда мы уходили, я спросилъ Н. Сливаева: не знаетъ ли онъ, кто этотъ старикъ, который говорилъ.

— Никто не знаетъ, да и знать не зачѣмъ! Развѣ и такъ не видно, что человѣкъ знающій и говоритъ сущую Божью правду? Вчера былъ въ пансіонѣ другой, молодой, а говорилъ то же самое... и просилъ ждать, хоть скрѣпя сердце, тихо, какъ ни въ чемъ..

— Скажите, пожалуйста, Никита,—въ другихъ городахъ тоже есть такія вотъ мѣста, гдѣ можно собраться и поговорить?

— А то какъ же? Развѣ одинъ городъ—Харьковъ?..

— А какъ же въ деревняхъ-то будутъ знать? Вѣдь въ деревню никто не сунется, чтобъ не запопалъ помѣщикъ.

— А ярмарки въ городахъ на что, да базары по мѣстечкамъ? Да и „народъ теперь ужъ больно чутокъ сталъ: за десять верстъ ухомъ слышитъ!“— Никита многозначительно засмѣялся.—Волею пахнетъ само собой, какъ лѣтомъ въ лѣсу сосною...

Въ 1859 г. лѣто и осень мнѣ пришлось пробыть въ нѣсколькихъ деревняхъ Херсонской и Екатеринославской губерній. Всюду, на всякомъ мѣстѣ и во всякое время у крестьянъ были одни и тѣ же разговоры, толки, соображенія: скоро ли объявится воля? съ землей или безъ земли? и всюду крѣпостные понимали волю не иначе, какъ фазу объявленную, безъ всякихъ временныхъ обязательствъ передъ помѣщиками. Роковымъ оказывается вопросъ: долго ли еще ждать?

Когда я, слушая эти всѣ разговоры, замѣтилъ одному крестьянину въ деревнѣ Марьяновкѣ (Елисаветградскаго уѣзда):

— А какъ вы думаете, что будетъ съ помѣщиками, если сразу да полная воля?

— Ничего не будетъ,—отвѣчалъ онъ,—а наймутъ насъ же и будутъ платить деньги за наши труды, а не сдирать съ насъ кожу на конюшняхъ...

Лѣтомъ слѣдующаго года мнѣ тоже пришлось побывать въ южныхъ деревняхъ. Я увидѣлъ то же самое, услышалъ то же, но нельзя было не замѣтить гораздо большаго возбужденія, остроты и какой-то тревоги, носившейся въ воздухѣ и сказывавшейся во всемъ... Мнѣ, неопытному юношѣ, но воспринимавшему чутко впечатлѣнія отъ всего окружающаго, казалось, чудилось, что вотъ, не сегодня—завтра, крѣпостная Русь не выдержитъ: долго уже заставляютъ ее ждать погоды у моря.

Кромѣ свиданій на ярмаркахъ и базарахъ, крестьяне, при полученіи болѣе или менѣе важной вѣсти, передавали ее по ночамъ, изъ деревни въ деревню, верховыми, которые мчались прямо стрѣлами. Часто лошади, секретно, конечно, брались у помѣщиковъ, что побуждало стараться выигрывать время.

Въ ноябрѣ 1860 г. я пріѣхалъ въ Херсонъ и пробылъ въ немъ почти весь 1861 годъ. Съ конца января 1861 г. изъ окрестностей Херсона (Херсонской и Таврической губ.) стали по праздничнымъ и базарнымъ днямъ наѣзжать крестьяне, которые заходили тайкомъ въ канцеляріи и коридоры разныхъ присутственныхъ мѣстъ и, вручая сторожамъ и служителямъ малую лепту, спрашивали — не получепъ ли указъ о волѣ, а если не получепъ, то что слышно о немъ?

Несомнѣнно, что въ концѣ февраля крестьяне навѣрное знали, что „манифестъ о волѣ“ (какъ его называли) подписанъ царемъ, но не знали никакихъ подробностей. Это заставляло ихъ пріѣзжать въ Херсонъ для развѣдокъ.

— Отчего вы не спросите вашего священника? Это скорѣе и вѣрнѣе,— говорю я одному „крѣпостному“.—Вѣдь манифестъ будетъ объявляться въ церквахъ...

— Попы, -прерываетъ онъ меня, —получаютъ отъ дворянъ сотни, а отъ насъ гроши! Скроетъ на время манифестъ: попу выгода... лишнее будемъ работать даромъ...

Больше половины помѣщиковъ „вѣровали“, что день освобожденія крестьянъ, несмотря на всѣ петербургскіе слухи, далекъ. Они не вѣрили даже своему губернскому предводителю дворянства С. А. Каспнову (впослѣдствіи минскому губернатору), который агитировалъ въ Петербургѣ за освобожденіе крѣпостныхъ безъ земли и съ этою цѣлію задавалъ тамъ, „кому нужно“, лукулловскіе обѣды и ужины, о которыхъ не мало печаталось въ газетахъ и даже въ „Современникѣ“ [1]).

— Помилуйте,—говорили помѣщики (и это мнѣ приходилось слышать не разъ и не въ одномъ мѣстѣ),—развѣ можно помыслить даже, чтобы царь допустилъ обидѣть свое вѣрное дворянство и ради кого? Кто былъ всегда опорою трона и порядка?—Дворяне! Вѣдь безъ крѣпостныхъ дворянство существовать не можетъ! Всѣ хозяйства уничтожатся, а крестьяне взбунтуются и не захотятъ работать; вѣдь пріятнѣе лежать на печи, ничего не дѣлая. Молодыя головы ничего этого не понимаютъ, но вѣдь въ Петербургѣ дѣлаютъ сѣдые старики...

Когда я пробовалъ на это возражать, мнѣ непзмѣнно отвѣчали въ большинствѣ:

— Вы молодой человѣкъ и не опытны! Дѣлъ столичныхъ вы не знаете и не слыхали, вѣрно, объ нихъ, а мы „старые воробьи и на мякинѣ насъ не проведешь!“ Всѣ эти комитеты, комиссіи, депутаціи—для отвода глазъ (чьихъ?— обыкновенно не поясняло сь)... Они будутъ засѣдать десятки лѣтъ... Дѣло само собою такъ и погаснетъ...

И послѣ такой твердой увѣренности—вдругъ манифестъ 19 февраля.

П. Зеленый.

---

[1]) На эти пиршества, какъ потомъ оказалось въ засѣданіи херсонскаго дворянства, было издержано дворянскихъ суммъ 30.000 руб.

Крестьянскій вопросъ въ юго-западномъ и сѣверо-западномъ краѣ при Николаѣ I и введеніе инвентарей.

Н. П. Василенко.

Русское правительство не вмѣшивалось обыкновенно во взаимныя отношенія между помѣщиками и ихъ крѣпостными. Только исключительныя обстоятельства, расточительность и чрезмѣрное злоупотребленіе властью помѣщиковъ, бунты и пасплія со стороны крестьянъ, обращали на себя въ отдѣльныхъ случаяхъ вниманіе правительственной власти и заставляли ее прпнпмать особыя мѣры. Но мѣры эти почти всегда носили полицейскій характеръ и мало касались положенія крестьянъ. Такъ было въ Малороссіи (губерніи Черниговская и Полтавская), такъ и въ остальной Россіи.

Иначе обстояло дѣло въ губерніяхъ украинскихъ, литовскихъ и бѣлорусскихъ, присоединенныхъ къ Россіи по польскимъ раздѣламъ 1772, 1793 и 1795 годовъ.

Въ первое время русское правительство и здѣсь придерживалось своей системы по отношенію къ крѣпостному праву, не вмѣшивалось въ отношенія между помѣщиками и крестьянами и только впослѣдствіи, благодаря политическимъ соображеніямъ, измѣнило свой образъ дѣйствій. Толчкомъ къ этому послужило польское возстаніе 1830—1831 годовъ.

Въ областяхъ, присоединенныхъ отъ Польши, помѣщиками были, въ большинствѣ случаевъ, поляки. Крѣпостное же населеніе принадлежало къ

украинской народности въ юго-западномъ краѣ, къ бѣлорусской и литовской — въ сѣверо-западномъ. Къ крѣпостнымъ отношеніямъ примѣшивались, такимъ образомъ, и національныя, а въ юго-западномъ краѣ и религіозныя, такъ какъ громадное большинство украинскаго населенія исповѣдывало православіе, поляки же помѣщики были католики.

Эта экономическая, національная и религіозная рознь повела къ тому, что крестьяне почти не участвовали въ возстаніи 1830—1831 годовъ, которое было польско-шляхетскимъ по преимуществу. Мало того: крестьяне не-

Имѣніе Грохольскаго, Подольской губ. (альб. Орда).

рѣдко выступали противниками повстанцевъ, старались парализовать ихъ дѣйствія и создавали для нихъ большія затрудненія. Въ интересахъ русскаго правительства было, поэтому, опереться на крестьянство при подавленіи возстанія. „Не вѣрьте имъ (т.-е. возставшимъ),—говорилъ въ своемъ воззваніи къ крестьянамъ отъ 19 мая 1831 года, которое читалось въ церквахъ, генералъ-фельдмаршалъ Остенъ-Сакенъ,—и тѣхъ, которые будутъ уговаривать и принуждать васъ къ бунту, старайтесь захватить и представить начальству. Вы никогда уже не будете принадлежать тѣмъ помѣщикамъ, которые возстанутъ противъ законной власти“.

Эти слова легче было сказать, чѣмъ исполнить. Обѣщаніе Остенъ-Сакена осталось мертвой буквой. Край былъ замиренъ. Большинство помѣщиковъ-поляковъ сохранило свои имѣнія. Началась жестокая помѣщичья реакція по отношенію къ крестьянамъ. О тяжкомъ положеніи крестьянъ постоянно твердили въ своихъ запискахъ и всеподданнѣйшихъ отчетахъ 1830-хъ годовъ генералъ-губернаторы и губернаторы юго-западнаго и западнаго края. Даже кіевскій митрополитъ Филаретъ представилъ въ началѣ 1840 года записку „Объ улучшеніи положенія крестьянъ въ присоединенныхъ отъ Польши губерніяхъ“ [1]), въ которой въ мрачныхъ краскахъ рисовалъ положеніе крестьянства. Въ то же самое время, особенно во второй половинѣ 1830-хъ годовъ, стало замѣчаться оживленіе революціоннаго движенія среди польскаго общества западнаго и юго-западнаго края. Политическія соображенія требовали, поэтому, отъ русскаго правительства связать надежды крестьянъ съ дѣятельностью правительства, выступить активно на защиту интересовъ крестьянства, облегчить его положеніе и ограничить власть помѣщиковъ. Наиболѣе дѣятельно, настойчиво и энергично въ этомъ отношеніи дѣйствовалъ Д. Г. Бибиковъ, бывшій съ 1838 по 1852 годъ генералъ-губернаторомъ юго-западнаго края. Въ дѣятельности его было не мало темныхъ сторонъ, произвола и беззаконій, но для крестьянства юго-западнаго края время его генералъ-губернаторства имѣло большое значеніе. Благодаря настоянію Бибикова, крестьяне были отобраны у католическихъ монастырей и духовенства и переданы въ казенное вѣдомство; казенные крестьяне были переведены на оброкъ; ссылка помѣщиками юго-западнаго края крестьянъ въ Сибирь была поставлена подъ надзоръ правительства; было запрещено помѣщикамъ, безъ законныхъ основаній, препятствовать бракамъ крестьянъ; экономамъ имѣній запрещено было наказывать крестьянъ тѣлесно, и самое назначеніе экономовъ въ помѣщичьи имѣнія было поставлено подъ контроль уѣздныхъ предводителей дворянства; были даны также секретныя инструкціи для огражденія помѣщичьихъ крестьянъ отъ жестокаго обращенія. Но наиболѣе важной изъ всѣхъ мѣръ было, конечно, фактическое введеніе обязательныхъ инвентарей въ имѣніяхъ юго-западнаго края.

Мысль о важности обязательныхъ инвентарей принадлежитъ собственно не Бибикову. Онъ нашелъ ее уже готовою. Ее мы встрѣчаемъ еще въ 1832 г. въ проектѣ объ улучшеніи быта крестьянъ, представленномъ кіевскому генералъ-губернатору Левашеву и кіевскому дворянству чигиринскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства Нечаемъ [2]). Объ обязательныхъ инвентаряхъ говоритъ и министръ государственныхъ имуществъ П. Д. Киселевъ въ

---

[1]) Записка эта приведена въ ст. О. И. Левицкаго «О положеніи крестьянъ юго-запад. края», «Кіев. Ст.», 1906 г., т. 93, стр. 247—253.

[2]) «Кіев. Стар.», 1899 г., т. 65, стр. 425.

своей перепискѣ въ 1837 г. съ виленскимъ генералъ-губернаторомъ кн. П. А. Долгорукимъ [1]).

Подъ именемъ инвентарей (inventarium—роспись) разумѣлись въ польско-литовскомъ государствѣ хозяйственныя книги, которыя заключали въ себѣ перепись имущества владѣльца и, между прочимъ, доходныхъ статей съ указаніемъ предполагаемой доходности каждой изъ нихъ. Инвентари очень давняго происхожденія. Древнѣйшіе изъ нихъ извѣстны съ XV вѣка [2]). Они составлялись обыкновенно при передачѣ воеводствъ въ управленіе воеводамъ, при переходѣ державы или замка отъ одного старосты къ другому, при переходѣ

Малороссійская деревня.

выморочныхъ имѣній къ королю, при обмѣнѣ королевскихъ имѣній на частно-владѣльческія, при пожалованіи имѣній и т. д. Инвентари служили основаніемъ, съ одной стороны, для провѣрки наличности имущества, съ другой—и, главнымъ образомъ, для опредѣленія платежей и повинностей тяглаго населенія въ пользу владѣльцевъ и казны [3]). По примѣру государственныхъ, инвентари составлялись и въ частныхъ имѣніяхъ, особенно когда имѣніе отдавалось въ залогъ или въ аренду, когда, слѣдовательно, была необходи-

---

[1]) А. П. Заблоцкій-Десятовскій, «Гр. Киселевъ и его время», т. II, стр. 221.

[2]) Нѣкоторые изъ древнѣйшихъ инвентарей напечатаны у проф. М. К. Любавскаго въ приложеніяхъ къ его книгѣ объ «Областномъ дѣленіи и мѣстномъ управленіи литовско-русскаго государства». Не мало ихъ напечатано и въ «Архивѣ юго.-зап. Россіи», напр., ч. VII, т. I, стр. 237, 414, 508, 510 и т. д.

[3]) Проф. М. В. Довнаръ-Запольскій, «Очерки по организаціи западно-русскаго крестьянства въ XVI в.», Кіевъ, 1905 г., стр. 166—167.

мость болѣе точно опредѣлить доходность имѣнія, а также платежи и повинности крестьянъ [1]).

Обыкновеніе составлять инвентари было широко распространено съ того времени, когда литовско-русское государство слилось съ Польшей, до самаго паденія Рѣчи Посполитой и послѣ него. Опредѣленной программы для составленія инвентарей не существовало. Инвентари государственныхъ имѣній составлялись чиновниками по данной формѣ, инвентари же помѣщичьихъ хозяйствъ—самими помѣщиками или ихъ управляющими по своему усмотрѣнію и произволу. Въ болѣе благоустроенныхъ имѣніяхъ они были полнѣй и подробнѣе, въ менѣе благоустроенныхъ—короче. Въ программу инвентарей входило обыкновенно географическое и статистическое описаніе помѣстья; затѣмъ подробная опись крестьянъ, населявшихъ помѣстье, съ обозначеніемъ всѣхъ ихъ платежей и повинностей въ пользу помѣщика; наконецъ, правила для отправленія повинностей. Эта программа, однако, далеко не всегда выполнялась [2]).

Цѣль инвентарей была чисто хозяйственная, но имъ иногда придавали въ польскомъ государствѣ и юридическое значеніе. Составленіе инвентаря требовалось въ извѣстныхъ случаяхъ судомъ при назначеніи опекуновъ и попечителей, а также при вводѣ истца во владѣніе имѣніемъ, подлежавшимъ взысканію [3]). На этомъ основаніи и русское правительство, послѣ раздѣловъ Польши, стремилось иногда сообщить инвентарямъ юридическую силу. Въ именномъ, напримѣръ, указѣ 23 марта 1818 года, имѣвшемъ въ виду облегчить бѣдственное положеніе крестьянъ въ губерніяхъ, присоединенныхъ отъ Польши, предписывалось, что „господскія работы должны отправляться крестьянами не болѣе, какъ въ положенные дни по инвентарямъ“ [4]). Но составленіе инвентарей въ помѣщичьихъ имѣніяхъ не было обязательно; поэтому, и указъ 23 марта 1818 года не имѣлъ серьезнаго практическаго значенія.

Вопросъ о введеніи обязательныхъ инвентарей въ сѣверо-западномъ и юго-западномъ краѣ впервые былъ поднятъ официально въ 1840 году тогдашнимъ министромъ государственныхъ имуществъ графомъ П. Д. Киселевымъ. Витебскій губернаторъ Львовъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1839 годъ говорилъ объ отягощеніи крестьянъ повинностями въ пользу помѣщиковъ. Отчетъ этотъ былъ разосланъ министромъ, и гр. Киселевъ въ своихъ замѣчаніяхъ по поводу него высказалъ мысль, что только точное обозначеніе въ инвентаряхъ повинностей крестьянъ можетъ оградить ихъ отъ

---

[1]) «Памятники Кіевской комиссіи для разбора древнихъ актовъ», 1-е изд., т. I, отд. II, стр. 75; 2-е изд., тт. I—II, стр. 163.

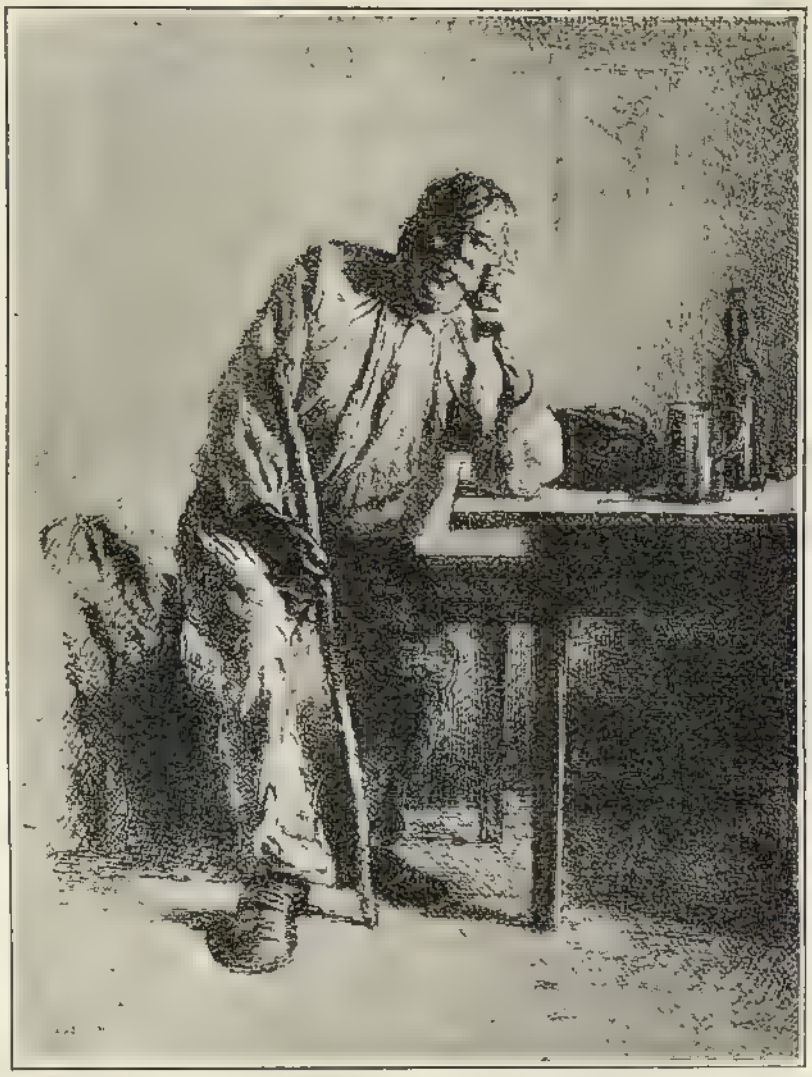
[2]) «Составъ и значеніе инвентарей», «Жур. М-ва Внутр. Дѣлъ», 1843 г., кн. I, стр. 242 и слѣд.

[3]) «Volumina legum», т. VI, стр. 239 и 271.

[4]) «Пол. Собр. Зак.», т. XXXV, № 27316.

разоренія. Гр. Киселевъ не находилъ, однако, возможнымъ ввести обязательные инвентари во всѣхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ, а сначала только въ тѣхъ, которыя будутъ взяты въ опекунское управленіе вслѣдствіе разоренія крестьянъ. Впослѣдствіи же можно будетъ ввести обязательные инвентари и во всѣхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ, а также опредѣлить власть помѣщиковъ и участіе ихъ въ судѣ и въ мѣстной расправѣ.

Записка Киселева была внесена въ существовавшій тогда комитетъ западныхъ губерній, который въ основныхъ чертахъ согласился съ мнѣніемъ министра государственныхъ имуществъ. Когда же журналъ комитета былъ представленъ государю, Николай I положилъ на немъ 27 марта 1840 г. такую резолюцію: „Полагаю, что можно рѣшительно велѣть ввести въ помѣщичьихъ владѣніяхъ тѣ инвентари, которыми само правительство довольствуется въ арендныхъ имѣніяхъ. Ежели отъ сего будетъ нѣкоторое стѣсненіе правъ помѣщиковъ, то оно касается прямо блага ихъ крѣпостныхъ людей и не должно останавливать благой цѣли правительства“. Въ виду такой резолюціи комитетъ намѣтилъ рядъ мѣръ для осуществленія воли государя. Мѣры эти получили одобреніе Николая I, который срокомъ обязательнаго введенія инвентарей назначилъ 1 сентября 1840 года.



„Хохолъ“ (В. Г. Маковскаго).

Дѣло, однако, оказалось болѣе сложнымъ, чѣмъ предполагали. Въ августѣ 1840 года были введены обязательные инвентари въ имѣніяхъ, взятыхъ въ опеку. Что же касается помѣщичьихъ имѣній вообще, то обнаружилась скоро невозможность примѣнить къ нимъ инвентари казенныхъ имѣній. Министерству Внутреннихъ Дѣлъ было поручено, поэтому, выработать общія правила, которыя содержали бы главныя основанія и порядокъ введенія инвентарей въ помѣщичьихъ имѣніяхъ. Императоръ Николай I продолжалъ торопить дѣло. „Дѣломъ симъ не медлить,—говоритъ его резолюція отъ 21 февраля 1841 г. на журналъ комитета западныхъ губерній:—я считаю его особенно важнымъ и ожидаю отъ сей мѣры большой пользы“.

Прошло около четырехъ лѣтъ, прежде чѣмъ правительство могло приступить къ практическому осуществленію своихъ плановъ. 15 апрѣля 1844 г. въ губерніяхъ: Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской, Витебской, Могилевской, Кіевской, Волынской и Подольской были учреждены губернскіе комитеты для разсмотрѣнія и составленія инвентарей въ помѣщичьихъ имѣніяхъ. Комитеты эти состояли, подъ предсѣдательствомъ губернаторовъ, изъ губернскаго предводителя дворянства, вице-губернатора, губернскаго прокурора, чиновника генералъ-губернатора, уѣзднаго предводителя дворянства губернскаго города и трехъ помѣщиковъ, извѣстныхъ благоустройствомъ своихъ имѣній, по избранію дворянства, но съ утвержденія генералъ-губернаторовъ. Въ комитеты разрѣшалось приглашать, въ случаѣ надобности, и предсѣдателей палатъ государственныхъ имуществъ. Комитеты должны были истребовать отъ помѣщиковъ существующіе инвентари, разсмотрѣть ихъ, исправить и дополнить и ввести ихъ по каждому имѣнію отдѣльно. Для тѣхъ имѣній, гдѣ инвентарей не существовало, комитеты сами должны были составить инвентари. Инвентари, такимъ образомъ введенные, имѣли временный характеръ и были дѣйствительны въ теченіе шести лѣтъ. За это время предполагалось издать полныя и положительныя правила объ инвентаряхъ. Пока же губернскимъ инвентарнымъ комитетамъ была дана 17 февраля 1845 года Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ въ руководство инструкція, а также разосланъ для замѣчаній и соображеній проектъ инвентарныхъ правилъ, выработанный въ министерствѣ [1]). Замѣчанія свои на проектъ губернскіе комитеты должны были представить генералъ-губернаторамъ, а эти послѣдніе, съ своими соображеніями, препроводить въ министерство.

Въ дѣйствительности, дѣло пошло иначе. Въ литовскихъ губерніяхъ (Виленская, Гродненская, Ковенская и Минская) при генералъ-губернаторѣ былъ образованъ особый комитетъ изъ губернаторовъ и представителей отъ губернскихъ инвентарныхъ комитетовъ. Этотъ особый комитетъ выработалъ правила для составленія инвентарей примѣнительно къ министерскому проекту и инструкціи 17 февраля 1845 года. Правила эти были утверждены генералъ-губернаторомъ. На основаніи ихъ губернскіе инвентарные комитеты приступили къ разсмотрѣнію и утвержденію частныхъ инвентарей, при чемъ на практикѣ бывали нерѣдко отступленія отъ правилъ. Инвентари въ литовскихъ губерніяхъ были введены не сразу, а по мѣрѣ ихъ утвержденія въ 1845, 1846 и въ 1847 годахъ. Послѣдній срокъ ихъ дѣйствія истекалъ, такимъ образомъ, въ 1853 году.

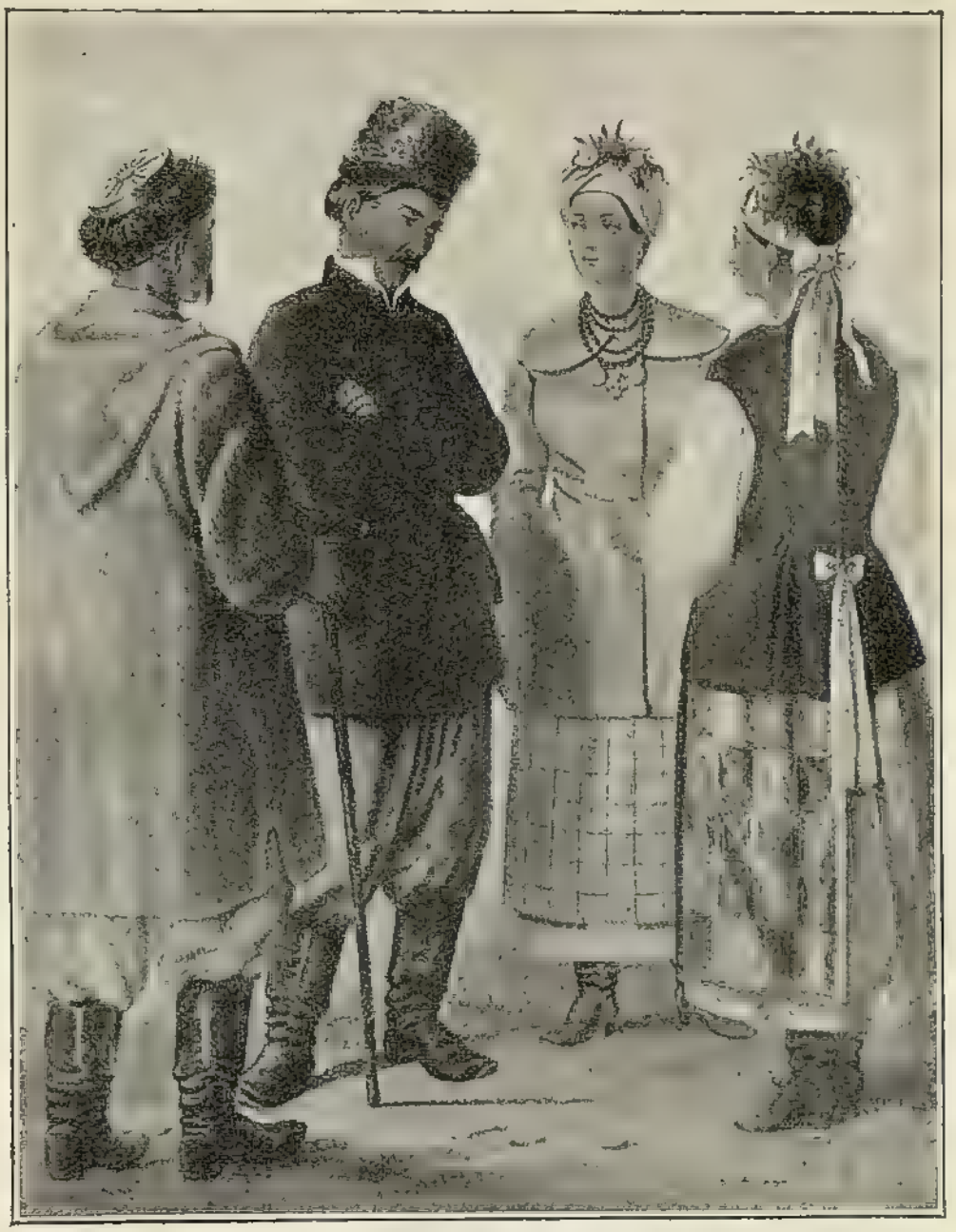
Въ бѣлорусскихъ губерніяхъ (Витебской и Могилевской) введеніе инвентарей встрѣтило сильную оппозицію среди помѣщиковъ. Правительство принуждено было взять на себя составленіе инвентарей, но на счетъ помѣщи-

---

[1]) «2-е Пол. Собр. Зак.», т. XV, № 13 745.

ковъ. Инвентари, такимъ образомъ составленные, оказались, однако, настолько неточными и не соотвѣтствующими дѣйствительности, что пришлось отказаться отъ мысли ввести ихъ въ дѣйствіе.

Встрѣтились большія затрудненія и при введеніи временныхъ инвентарей въ юго-западномъ краѣ. Ознакомившись съ краемъ, Бибиковъ понялъ значеніе инвентарей для улучшенія положенія крестьянства. Когда послѣдовала извѣстная резолюція Николая I отъ 27 марта 1840 года на журналъ комитета западныхъ губерній, Бибиковъ былъ въ Петербургѣ и немедленно же „секретно и конфиденціально“ сдѣлалъ распоряженіе о собраніи свѣдѣній объ инвентаряхъ и о положеніи крестьянъ въ Кіевской, Подольской и Волынской губерніяхъ [1]). Когда затѣмъ послѣдовалъ указъ 15 апрѣля 1844 года объ учрежденіи губернскихъ инвентарныхъ комитетовъ, Бибиковъ старался побудить ихъ къ болѣе спѣшной работѣ.



Малороссы (Pauly).

Къ іюню 1846 года губернскіе инвентарные комитеты юго-западнаго края доставили ему инвентари помѣщичьихъ имѣній. Ближайшее разсмотрѣніе ихъ убѣдило, однако, Бибикова, что платежи и повинности крестьянъ и способъ ихъ выполненія въ отдѣльныхъ инвентаряхъ настолько разнообразны, свѣдѣнія не точны и невѣрны, что ввести въ дѣйствіе подобные инвентари не представляется возможнымъ. Они не могли гарантировать крестьянъ отъ притѣсненій помѣщиковъ. Исправить же каждый инвентарь въ отдѣльности

[1]) О. Ц. Левицкій, «О положеніи крестьянъ юго-зап. края», «Кіев. Стар.», 1906 г., т. 93, стр. 254 и слѣд.

не было средствъ; не было также и чиновниковъ, знающихъ дѣло. Бибиковъ, поэтому, пришелъ къ мысли выработать однообразную форму для инвентарей юго-западнаго края, по ней составить инвентари по имѣніямъ и ввести ихъ въ дѣйствіе. Форма была выработана и представлена Бибиковымъ въ министерство. Послѣ переписки между вѣдомствами былъ образованъ особый комитетъ изъ чиновниковъ Министерствъ Внутреннихъ Дѣлъ и Государств. Имуществъ, который разсмотрѣлъ проектъ Бибикова и сдѣлалъ въ немъ нѣкоторыя измѣненія въ статьяхъ общаго инвентаря. Переработанный такимъ образомъ проектъ Бибикова былъ Высочайше утвержденъ 26 мая 1847 г. подъ названіемъ „Правилъ для управленія имѣніями по утвержденнымъ для оныхъ инвентарямъ въ кіевскомъ генералъ-губернаторствѣ“ [1]).

Основныя положенія этихъ правилъ сводились къ слѣдующему. Земля, находившаяся въ пользованіи крестьянъ въ моментъ составленія инвентаря, должна была оставаться безъ измѣненія. Уменьшать ея количество было запрещено, но увеличивать разрѣшалось. Барщина крестьянъ въ пользу помѣщиковъ за землю была строго опредѣлена; переносить ее съ одной недѣли на другую не дозволялось. Количество работы было опредѣлено урочнымъ положеніемъ. Опредѣлены были также дополнительныя работы, отдача крестьянъ на заработки, отпускъ на оброкъ, плата съ огородниковъ, бобылей и др. безземельныхъ крестьянъ. Запрещено было переводить крестьянъ въ дворовые и установлены условія для перевода въ дворовые безземельныхъ. Подати крестьяне должны были платить сами за себя. Расправа между крестьянами и взысканіе съ нихъ за проступки производились помѣщиками и крестьянами на основаніи существующихъ узаконеній [2]).

Опубликованіе правилъ 26 мая 1847 года въ юго-западномъ краѣ сопровождалось, по мысли Бибикова, особою торжественностью. Для этого назначался по преимуществу праздничный день. Въ каждомъ имѣніи собирали крестьянъ, служили молебенъ и, въ присутствіи уѣзднаго предводителя дворянства, исправника, помѣщика и приходскаго священника, читали правила. Одинъ экземпляръ ихъ оставлялся для храненія въ церкви, другой вручался помѣщику. Священникъ, если крестьяне къ нему обращались, обязанъ былъ разъяснять общій смыслъ правилъ, но ему запрещалось вдаваться въ толкованіе и разсужденіе по поводу ихъ. За уклоненіе отъ точнаго исполненія инвентарныхъ правилъ грозилъ военный судъ [3]). Впрочемъ, его ни разу не пришлось примѣнить, хотя недоразумѣній было не мало. Помѣщики старались противодѣйствовать инвентарнымъ правиламъ; крестьяне невѣрно понимали и толковали ихъ. Не разъ дѣло доходило до крестьянскихъ бунтовъ; не разъ крестьянъ пороли, и ихъ недоразумѣнія разрѣшались путемъ поли-

[1]) А. П. Заблоцкій-Десятовскій, «Гр. Киселевъ и его время», т. IV, стр. 234.
[2]) В. И. Семевскій, «Крестьянскій вопросъ», т. II, стр. 495—497.
[3]) «Рус. Арх.», 1881 г., кн. III, стр. 31.

Группа крестьянъ с. Сторожеваго Коротоякскаго уѣзда.

(Альбомъ *Павлова*).

цейскихъ экзекуцій, по жалобамъ помѣщиковъ [1]). Въ общемъ же введеніе инвентарныхъ правилъ удалось сравнительно легко.

Правила 26 мая 1847 года скоро подверглись измѣненію, по иниціативѣ мѣстной администраціи. 29 декабря 1848 года была Высочайше утверждена новая редакція ихъ. Устанавливался нормальный размѣръ крестьянскихъ участковъ, опредѣленіе которыхъ зависѣло отъ мѣстныхъ условій; были измѣнены, въ интересахъ крестьянъ, нѣкоторыя постановленія относительно повинностей. Допускался, съ согласія крестьянъ и съ вѣдома начальства, обмѣнъ земли, находившейся во владѣніи крестьянъ, на другую. Впослѣдствіи это постановленіе имѣло очень вредные результаты и дало возможность нѣкоторымъ помѣщикамъ замѣнить хорошую землю крестьянъ плохою [2]). Какъ и правила 1847 года, измѣненная ихъ редакція 29 декабря 1848 г. подчеркивала, что земля, находившаяся въ пользованіи крестьянъ въ теченіе шести послѣднихъ лѣтъ, не можетъ быть отобрана и уменьшена; она является неприкосновенною мірскою, но составляетъ неотъемлемую собственность помѣщика.

Малорос. бандуристъ („Худ. лист.“ Тимма 1859).

Съ изданіемъ правилъ 29 декабря 1848 года были измѣнены инвентари, составленные раньше на основаніи правилъ 26 мая 1847 года. На это губернскимъ инвентарнымъ комитетамъ потребовалось четыре года. Только въ сентябрѣ 1852 года инвентари были утверждены генералъ-губернаторомъ съ оговоркой, чтобы они не противорѣчили правиламъ 29 декабря 1848 г. Сдѣлано было одно только исключеніе, на основаніи особаго Высочайшаго повелѣнія, для тѣхъ случаевъ, когда барщина въ имѣніяхъ и урочныя работы были меньше, чѣмъ по правиламъ 29 дек. 1848 г. Они должны были оставаться безъ измѣненія.

Вслѣдъ за утвержденіемъ инвентари, съ приложеніемъ правилъ 29 дек. 1848 г., были разосланы помѣщикамъ черезъ уѣздныхъ предводителей дворян-

---

[1]) Сочиненія Ю. Ѳ. Самарина, т. II, стр. 2—4. Шульгинъ въ «Древ. и новой Росс.» 1879 г., кн. VI, стр. 98—99. «Рус. Арх.», 1884 г., кн. III, стр. 33—34. Семевскій, т. II, стр. 500.

[2]) Шульгинъ въ «Древ. и нов. Россіи» 1879 г., кн. VI, стр. 101—102.

ства. Самыя правила „въ отвращеніе превратныхъ толковъ“ объявлены крестьянамъ не были. Это было важное отступленіе отъ правилъ 26 мая 1847 года, которыя объявлялись крестьянамъ въ очень торжественной обстановкѣ. Возможно, что въ этомъ случаѣ сыграли роль и политическія событія на Западѣ въ 1848 году, и перемѣна въ отношеніяхъ русскаго правительства къ усмиреннымъ помѣщикамъ - полякамъ, и личный составъ инвентарнаго отдѣленія въ канцеляріи кіевскаго генералъ-губернатора [1]).

Что касается значенія инвентарей для крестьянства юго-западнаго края, опредѣлить его болѣе или менѣе точно въ настоящее время, при отсутствіи

„Трезвый міру утѣха, хмельный же и малымъ и бабамъ потѣха“ (карт. Трутовскаго. Лист. Тимма 1861).

данныхъ, не представляется возможнымъ. Хомяковъ относился отрицательно къ инвентарной системѣ Бибикова, находя, что главный недостатокъ ихъ заключается въ закрѣпленіи существующаго порядка вещей безъ всякой надежды выйти изъ него. „Дѣятельность крестьянина,—по мнѣнію Хомякова,—заключена въ безвыходно тѣсномъ кругѣ; ему даже не дано права требовать замѣны барщины оброкомъ; пусть бы лучше наложили высокій оброкъ, лишь

[1]) В. Шульгинъ, «Древ. и новая Россія» 1879 г., кн. VI, стр. 100—102. В. И. Семевскій, «Крестьянскій вопросъ», т. II, стр. 503.

бы крестьянинъ видѣлъ, что когда-нибудь да прекратится барщина“ [1]). Не большое значеніе въ дѣлѣ улучшенія положенія крестьянъ приписывалъ инвентарямъ и А. П. Кошелевъ въ запискѣ, поданной Александру II въ 1858 г. [2]). Ю. Ѳ. Самаринъ, служившій въ Кіевѣ съ 1849 по 1852 г. въ годы провѣрки инвентарей по правиламъ 29 декабря 1848 г., говоритъ объ инвентаряхъ, что „для перваго опыта они составлены недурно и нравственное ихъ вліяніе огромно и въ высшей степени благотворно“. „Съ точки зрѣнія научной,—писалъ Самаринъ позднѣе въ 1863 году,—проектъ правилъ генералъ-губернатора Бибикова не выдерживаетъ критики. Это была работа самая грубая и топорная, но она имѣла то огромное достоинство, что содержала въ себѣ два или три положенія простыхъ, всѣмъ понятныхъ, которыя должны были немедленно улучшить бытъ крестьянъ и, по своей общности и опредѣлительности, никакъ не могли быть перетолкованы или искажены исполнителями дѣла“ [3]). Сдержанно объ инвентаряхъ говоритъ и современникъ ихъ введенія кіевскій профессоръ В. Я. Шульгинъ, историкъ генералъ-губернаторства Бибикова: „Какъ ни кричали помѣщики о крутости мѣръ при введеніи инвентарей, но мѣры дѣйствительно энергическія были приняты только въ началѣ дѣла, а потомъ самая благородная мѣра была искажена злоупотребленіями и земскихъ полицій и дворянскихъ представителей при наблюденіи за точнымъ исполненіемъ инвентарныхъ правилъ помѣщикамп... Главный начальникъ края былъ, во-первыхъ, не всевѣдущъ, а, во-вторыхъ, надо правду сказать, при введеніи инвентарей, какъ и во всемъ, у него на первомъ планѣ стояла цѣль политическая; но, тѣмъ не

Роды въ полѣ (рис. 40—50 гг.).

[1]) В. П. Семевскій, «Крестьянскій вопросъ», т. II, стр. 392.
[2]) Записки А. П. Кошелева, приложенія, стр. 101—102. В. П. Семевскій, стр. 506—507.
[3]) Сочиненія Ю. Ѳ. Самарина, т. I, стр. 314; т. II, стр. 1.

менѣе, достигалось и улучшеніе хозяйственнаго быта крестьянъ, и было бы несправедливо утверждать, что у виновника этой мѣры вовсе не шевелили сердце страданія угнетеннаго паномъ мужика“ [1]). Много лѣтъ спустя послѣ введенія инвентарной системы, ревизовавшій въ 1880—1881 гг. Кіевскую губернію сенаторъ А. А. Половцевъ писалъ объ инвентаряхъ въ своей „Запискѣ о положеніи крестьянскаго дѣла въ Кіевской губерніи“: „Несмотря на всю важность этой законодательной мѣры (введенія инвентарей), которая стремилась къ тому, чтобы, не нарушая помѣщичьихъ правъ, оградить бытъ крестьянъ отъ произвола, цѣль эта не была вполнѣ достигнута, главнымъ образомъ, потому, что инвентари составлялись самими помѣщиками, не утратившими своей власти надъ крестьянами. Въ виду сего, до составленія инвентарей, тѣ изъ нихъ, которые не считали себя достаточно связанными выданными подписками о дѣйствительной принадлежности крестьянамъ предназначенныхъ имъ надѣловъ, могли безпрепятственно показывать мірскую землю въ уменьшенномъ размѣрѣ, тѣмъ болѣе, что никакой повѣрки правильности составленія инвентарей не производилось. Хотя послѣ введенія инвентарей размѣры крестьянскаго пользованія и охранялись отъ нарушеній со стороны помѣщиковъ, но жалобы на подобныя нарушенія лишь въ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ доходили до надлежащей власти, тѣмъ болѣе, что самые инвентари находились на рукахъ у помѣщиковъ и въ случаѣ необходимости могли бы всегда считаться утраченными“ [2]).

Такимъ образомъ, всѣ, кому приходилось близко знакомиться съ дѣломъ введенія инвентарей въ юго-западномъ краѣ, не придаютъ имъ большого значенія въ дѣлѣ улучшенія положенія крестьянъ. Но это нисколько не уменьшаетъ самой важности этой мѣры. „Нужно помнить, – говоритъ В. И. Семевскій,—это все-таки самая энергичная мѣра въ пользу крѣпостныхъ крестьянъ изъ всего, что было сдѣлано для нихъ въ эпоху императора Николая I“ [3]).

Инвентарная система не осталась безъ вліянія и при осуществленіи реформы 19 февраля 1861 года. Согласно 3 статьѣ мѣстнаго положенія для губерній Кіевской, Волынской и Подольской, „мірская земля, Высочайше утвержденными правилами 26 мая 1847 года и 29 декабря 1848 года признанная неизмѣнною и неприкосновенною“, оставалась въ прежнемъ размѣрѣ въ постоянномъ пользованіи крестьянъ. Это правило проводилось положеніемъ настолько послѣдовательно, что 4-ой его статьей крестьянамъ дозволялось, въ теченіе шести лѣтъ послѣ изданія Положенія 19 февраля 1861 г., ходатайствовать о предоставленіи въ ихъ пользованіе даже вакантной земли,

---

[1]) «Древ. и новая Россія» 1879 г., кн. VI, стр. 101—102.

[2]) Записка сенатора Половцева, стр. 2—3.

[3]) В. И. Семевскій, «Крестьянскій вопросъ», т. II, стр. 504.

Северинки. Имѣніе Потоцкаго, Херсонской губ. („Старые Годы“).

т.-е. такой, которая поступила обратно къ помѣщику по законнымъ, исчисленнымъ въ инвентарныхъ правилахъ, причинамъ“ [1]).

Выкупъ крестьянскихъ земель въ юго-западномъ краѣ предполагалось сначала произвести на общихъ основаніяхъ. Но польское возстаніе 1863 года заставило правительство снова, по политическимъ соображеніямъ, заняться крестьянскимъ вопросомъ въ юго-западномъ краѣ и связать интересы крестьянъ въ дѣятельностью правительства. Высочайшими повелѣніями 30 іюля и 8 сентября 1863 г. и 4 апрѣля 1865 года было опредѣлено произвести въ краѣ обязательный выкупъ крестьянскихъ надѣловъ, съ правомъ отысканія всѣхъ вакантныхъ, а равно и отобранныхъ помѣщиками послѣ введенія инвентарныхъ правилъ земель. Выкупные платежи были понижены на 20% противъ оброковъ. Дальнѣйшія облегченія относительно выкупа были сдѣланы Высочайшими повелѣніями 2 сентября 1864 и 28 апрѣля 1865 годовъ. Разрѣшалось мѣстной власти понижать, въ случаѣ необходимости, выкупные платежи до 15%, а центральной власти—и болѣе; допускался, по жалобамъ крестьянъ, пересмотръ выкупныхъ договоровъ, еще не вошедшихъ въ силу. Съ 1 сентября 1863 года крестьяне юго-западнаго края изъ временно-обязанныхъ стали крестьянами-собственниками. Что касается количества земли, то сенаторъ А. А. Половцевъ, по крайней мѣрѣ, относительно Кіевской губерніи, пришелъ къ за-

[1]) Записка сенатора Половцева, стр. 4.

ключенію, что крестьяне „получили приблизительно то самое поземельное владѣніе, которымъ въ дѣйствительности пользовались при введеніи инвентарей и послѣ того“ [1]).

Въ 1852 году Д. Г. Бибиковъ былъ назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Въ томъ же году истекалъ шестилѣтній срокъ для инвентарей, введенныхъ въ сѣверо-западномъ краѣ согласно закону 15 апрѣля 1844 г. Бибиковъ не принялъ во вниманіе отличій литовскихъ и бѣлорусскихъ губерній и добился 22 декабря 1852 года распространенія на нихъ, съ небольшими измѣненіями, инвентарныхъ правилъ, изданныхъ 29 декабря [2]).

Помѣщики встрѣтили, однако, эти правила очень враждебно. Ихъ жалобы нашли поддержку у наслѣдника престола и послужили началомъ разлада между нимъ и Бибиковымъ, окончившагося, какъ извѣстно, отставкой министра внутреннихъ дѣлъ немедленно по вступленіи Александра II на престолъ. Подъ вліяніемъ наслѣдника престола, Николай I вопросъ объ инвентарныхъ правилахъ подвергъ обсужденію въ секретномъ комитетѣ и затѣмъ повелѣлъ подвергнуть ихъ пересмотру при участіи депутатовъ, избранныхъ дворянствомъ [3]). Въ мартѣ 1855 года проектъ измѣненія инвентарныхъ правилъ былъ внесенъ въ Государственный Совѣтъ. Вслѣдствіе разногласія въ департаментахъ, дѣло поступило въ общее собраніе Государственаго Совѣта, который выдѣлилъ вопросъ объ инвентарныхъ правилахъ для литовскихъ губерній, рѣшивъ собрать еще предварительныя свѣдѣнія, и утвердилъ 14 мая 1855 г. общія начала инвентарей для бѣлорусскихъ губерній (Витебской и Могилевской) [4]).

На основаніи этихъ правилъ, инвентари должны быть составлены по каждому имѣнію, провѣрены губернскими инвентарными комитетами и затѣмъ введены въ дѣйствіе не позже 1 января 1856 года. Крестьянамъ они объявлены не были. Черезъ каждые три года помѣщики обязаны были доставлять относительно инвентарей дополнительныя свѣдѣнія по опредѣленной формѣ. На практикѣ, конечно, были отступленія отъ этихъ правилъ [5]).

Пересмотръ инвентарныхъ правилъ для литовскихъ губерній не былъ приведенъ къ концу. Своимъ результатомъ онъ имѣлъ, однако, ходатайство могилевскаго дворянства объ уничтоженіи крѣпостного состоянія и извѣстный рескриптъ 20 ноября 1857 г. на имя генералъ-губернатора Назимова объ открытіи губернскихъ комитетовъ и общей комиссіи въ Вильнѣ для

---

[1]) Записка Половцева, стр. 8.

[2]) Первое изданіе матеріаловъ редакціонныхъ комиссій, т. IV. Инвентар. полож., стр. 42, 47—48.

[3]) Тамъ же. «Матеріалы для исторіи упраздненія крестьянскаго состоянія», т. I, стр. 67. В. П. Семевскій, «Крестьянскій вопросъ», т. II, стр. 512.

[4]) Заблоцкій-Десятовскій, «Киселевъ и его время», т. IV, стр. 235—239. Первое изданіе матеріаловъ редакц. ком., т. IV. Инвент. положенія, стр. 48—59.

[5]) Первое изданіе матеріаловъ редакц. комиссій, т. IV. Инвентари. полож., стр. 59.

Праздникъ въ Малороссіи.

(Картина *Трутовскаго*).

улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ [1]). Такимъ образомъ, въ литовскихъ губерніяхъ инвентари, введенные въ теченіе 1845 — 1847 года, продолжали сохранять силу до самаго освобожденія крестьянъ.

Мѣстное положеніе 19 февраля 1861 г. о крестьянахъ бѣлорусскихъ губерній и губерній, называвшихся раньше литовскими, укрѣпило за крестьянами тѣ усадебныя и полевыя земли, которыя были въ ихъ пользованіи до этого года. Но количество земли у крестьянъ уменьшилось сравнительно съ тѣмъ, какимъ они пользовались до введенія инвентарей. Дѣло въ томъ, что, когда шелъ вопросъ о пересмотрѣ инвентарей и возбужденъ былъ вопросъ объ уничтоженіи крѣпостного права, помѣщики отняли у многихъ хозяевъ ихъ родовые участки и роздали ихъ крестьянамъ въ аренду. Это дало право считать эти участки при введеніи Положенія 1861 г. въ числѣ помѣщичьихъ земель. Вслѣдствіе подобнаго „скасованія“ количество безземельныхъ крестьянъ увеличилось.

Д. Г. Бибиковъ (Ист. М. Вн. Д.).

Какъ и въ юго-западномъ краѣ, польское возстаніе 1863 года привело и въ сѣверо-западныхъ шести губерніяхъ къ расширенію крестьянскаго землевладѣнія и къ пониженію выкупныхъ платежей. Указами 1 марта и 2 ноября 1863 года выкупъ былъ сдѣланъ обязательнымъ, а 28 апрѣля 1865 г. выкупные платежи понижены на 20%, а въ извѣстныхъ случаяхъ и на 15% оброка. Особыя повѣрочныя комиссіи, какъ и въ юго-западномъ краѣ, повѣряли совершонные раньше выкупные договоры. Виленскій генералъ-губернаторъ М. Н. Муравьевъ замѣтилъ, что безземельные крестьяне легче пристававали къ повстанцамъ. Поэтому онъ принялъ мѣры къ уменьшенію количества безземельныхъ крестьянъ. Тѣмъ крестьянскимъ семействамъ, которыя были обезземелены помѣщиками до 1857 года, было предоставлено право на полученіе трехдесятинныхъ участковъ; тѣмъ же, которыя были обезземелены послѣ этого срока, предоставлялось право получить обратно отобранную у нихъ землю [2]).

Ник. Василенко.

---

[1]) Тамъ же, стр. 47. С. С. Татищевъ, «Императоръ Александръ II», Спб., 1903 г., т. I, стр. 311—314.

[2]) С. «Крестьяне въ сѣверо-западномъ краѣ», «Устои», 1882 г., кн. I, отд. II, стр. 97—99.

Русское общество и реформа 1861 г.

Проф. А. А. Кизеветтера.

I.

е шевелиться, хотя и мечтать; не показать виду, что думаешь; не показать виду, что не боишься; показывать напротивъ, что „боишься“, трепещешь,— тогда какъ для этого и основаній никакихъ нѣтъ: вотъ что выработали эти годы въ русской толпѣ. Надо постоянно бояться — это корень жизненной правды, все остальное можетъ быть, а можетъ и не быть, да и не нужно всего этого остального, еще наживешь хлопотъ, — вотъ что носилось тогда въ воздухѣ, угнетало толпу, отшибало у нея умъ и охоту думать... Увѣренности, что человѣкъ имѣетъ право жить, не было ни у кого; напротивъ, именно эта-то увѣренность и была умерщвлена въ толпѣ... Атмосфера была полна страховъ; „пропадешь“ кричали небо и земля, воздухъ и вода, люди и звѣри. И все ежилось и бѣжало отъ бѣды въ первую попавшуюся нору“.

Нельзя лучше охарактеризовать состояніе широкихъ круговъ русскаго общества за долгіе годы царствованія императора Николая I, нежели это сдѣлано въ только что приведенныхъ словахъ Глѣба Успенскаго. — Печать безнадежной пришибленности и вытекающаго изъ нея равнодушія къ вопросамъ общественнаго блага лежала тогда на всемъ складѣ русскаго общежитія. „Какъ бы чего не вышло“ — таковъ былъ господствующій лозунгъ общественнаго поведенія всѣхъ и каждаго. И неумолимая дѣйствительность слишкомъ

больно наказывала отдѣльныхъ смѣльчаковъ, которые отваживались выйти изъ-подъ дѣйствія этого лозунга. — Составившееся, напр., въ 40-хъ годахъ общество „петрашевцевъ“ представляло собою самую невинную организацію,

Карикатура на Наполеона III по поводу Севастопольской кампаніи (Неваховича).

не задававшуюся никакими практическими планами; просто люди собирались вмѣстѣ читать интересовавшія ихъ книги и обсуждать почерпнутые въ этихъ книгахъ вопросы.—Но припомните, какая страшная расправа обрушилась на головы этихъ людей, только за то, что они собирались для умныхъ разго-

воровъ, а не для картъ и жертвоприношеній Венерѣ и Бахусу.—Легко понять послѣ этого, что въ обществѣ того времени не могло возникнуть и мысли о какихъ-либо широкихъ соединеніяхъ вокругъ практическихъ общественныхъ задачъ. И общественная масса, боясь не только дѣйствовать, но даже мыслить, дичала, уходила съ головой въ чисто растительную жизнь, а не перебродившіе молодые идеалисты застывали въ красивой позѣ уѣздныхъ Гамлетовъ, „лишнихъ людей“, пока не приходилъ ихъ чередъ разстаться съ фантазіями молодости и примириться съ ролью пассивнаго удобренія для какихъ-то будущихъ, отдаленныхъ идейныхъ всходовъ.

Разумѣется, и въ тѣ времена въ странѣ не могла совершенно замереть сознательная умственная дѣятельность. Но она по необходимости принимала оранжерейное, тепличное направленіе. Она сосредоточивалась въ тѣсныхъ кружкахъ передовыхъ мыслителей, которые, въ своей невольной оторванности отъ широкихъ массъ и отъ живого практическаго дѣла, увлекались тончайшими извилинами отвлеченной діалектики, усердно заостряли всѣ оттѣнки своихъ умозрительныхъ построеній и въ этой борьбѣ словесныхъ формулъ находили себѣ подмѣну той настоящей борьбы реальныхъ интересовъ, которая только и сообщаетъ жизни подлинное движеніе, неподдѣльную драматическую красоту и содержательность. Изъ-за различныхъ оттѣнковъ въ толкованіи формулъ гегельянской философіи добрые люди торжественно разрывали другъ съ другомъ, крѣпко цѣловались на прощанье и переставали навѣщать другъ друга съ сознаніемъ исполненнаго гражданскаго долга. Нельзя безъ почтительнаго и любовнаго уваженія вспоминать объ этихъ искреннихъ идеалистахъ 40-хъ годовъ, вкладывавшихъ столько души въ свои отвлеченныя диспутаціи; и нельзя въ то же время не пожалѣть о нихъ, обреченныхъ на одну только словесную борьбу; больно чувствовавшихъ, что ихъ благородныя общественныя стремленія замкнуты въ четырехъ стѣнахъ какого-нибудь гостепріимнаго салона; что ихъ блестящія импровизаціи не вызываютъ сочувственнаго эха изъ глубины общественныхъ массъ.

Въ такихъ условіяхъ протекала жизнь этихъ тѣсныхъ передовыхъ кружковъ той эпохи, изъ среды которыхъ сформировались два философско-политическихъ направленія — западническое и славянофильское, не сдѣлавшіяся двумя общественными партіями только за отсутствіемъ той арены, на которой могла бы развернуться ихъ практическая общественная дѣятельность.

Эта умственная аристократія той поры вела упорную мыслительную работу, спорила, волновалась и кипѣла. И все же ея голоса не могли скрасить жуткой тишины всеобщаго молчанія за предѣлами этого избраннаго меньшинства. Страна молчала и не двигалась. Точно летаргія сковала весь общественный составъ великаго народа.

Но это была только летаргія и не болѣе. Подъ обманчивымъ покровомъ вынужденнаго оцѣпенѣнія въ разнообразнѣйшихъ слояхъ общества таилось

все возраставшее влеченіе къ дѣятельности и движенію. Нѣмой параличъ по предписанію начальства опротивѣлъ всѣмъ. Нужепъ былъ лишь первый внѣшній толчокъ со стороны, чтобы все всколыхнулось и загудѣло.

Такимъ толчкомъ послужила военная гроза, столь самонадѣянно вызванная Николаемъ Павловичемъ, который не отдавалъ себѣ отчета въ истинномъ состояніи государственныхъ силъ своей, „казенной“ Россіи.

Война началась, и по мѣрѣ ея развитія быстро спадало очарованіе показного могущества „колосса на глиняныхъ погахъ“. И вотъ словно электрическая искра пробѣжала по мыслящей Россіи.—Въ душахъ лучшихъ людей громко заговорилъ тотъ настоящій патріотизмъ, котораго такъ боится власть,

„Что за разумный ребенокъ! И забавы-то у него не дѣтскія. Посмотришь, вѣдь это онъ въ Крымъ затѣялъ ѣхать. Какой проказникъ!“ (кар. Степанова на Наполеона III).

оторванная отъ народа. Севастопольская трагедія явилась въ глазахъ этихъ людей искупительной жертвой за грѣхи прошлаго и призывомъ къ возрожденію. Искреннѣйшіе патріоты стали возлагать свои надежды на пораженіе Россіи отъ внѣшняго врага. Въ августѣ 1855 г. Граповскій писалъ: „Вѣсть о паденіи Севастополя заставила меня плакать. А какія новыя утраты и позоры готовитъ намъ будущее. Будь я здоровъ, я ушелъ бы въ милицію безъ желанія побѣды Россіи, но съ желаніемъ умереть за нее. Душа наболѣла за это время“. Объясненіе подчеркнутымъ нами словамъ этого письма найдемъ въ другихъ заявленіяхъ той же поры, принадлежащихъ людямъ иного лагеря, чѣмъ Граповскій. Тотчасъ послѣ паденія Севастополя Юрій Самаринъ писалъ: „Съ самаго начала восточной войны, когда еще никто не могъ пред-

видѣть ея несчастнаго исхода, громадныя приготовленія нашихъ враговъ озабочивали людей, понимавшихъ положеніе Россіи, гораздо меньше, чѣмъ наше внутреннее неустройство. Событія оправдали ихъ опасенія. Мы сдались не передъ внѣшними силами Западнаго Союза, а передъ нашимъ внутреннимъ безсиліемъ. Это убѣжденіе, видимо проникающее всюду, досталось намъ дорогою цѣною, но мы готовы принять его, какъ достойное вознагражденіе за всѣ наши жертвы и уступки". Иванъ Аксаковъ утверждалъ, что Севастополь долженъ былъ пасть, „чтобы явилось въ немъ дѣло Божье, т.-е. обличеніе всей гнили правительственной системы, всѣхъ послѣдствій удушающаго принципа". Въ запискахъ Кошелева читаемъ: „Высадка союзниковъ въ Крымъ въ 1854 г., послѣдовавшія затѣмъ сраженія при Альмѣ и Инкерманѣ и обложеніе Севастополя насъ не слишкомъ огорчили; ибо мы были убѣждены, что даже пораженія Россіи сноснѣе для нея и даже полезнѣе того положенія, въ которомъ она находилась въ послѣднее время. Общественное и даже народное настроеніе, хотя отчасти безсознательное, было въ томъ же родѣ".— И дѣйствительно, въ то время люди самыхъ различныхъ положеній, направленій и настроеній, словно сговорившись, въ одинъ голосъ указывали въ своихъ письмахъ на то, что изъ развалинъ Севастополя должно будетъ подняться обновленіе и возрожденіе къ лучшей жизни всей Россіи. — Такъ, въ одномъ письмѣ Ивана Серг. Тургенева отъ 5 сентября 1855 г. также читаемъ указаніе на то, что паденіе Севастополя должно стать для Россіи тѣмъ, чѣмъ стало для Пруссіи пораженіе при Іенѣ.

Первымъ признакомъ приближающагося возрожденія явилось необычное ранѣе оживленіе общественнаго интереса къ очереднымъ, насущнымъ вопросамъ государственной жизни.—Въ отвѣтъ на тяжелыя вѣсти съ театра войны усиленно заработала общественная мысль. Въ обществѣ стала обращаться масса рукописныхъ политическихъ записокъ, на страницахъ которыхъ развертывались яркія картины разстройства всѣхъ сторонъ государственной жизни Россіи, и выводъ, къ которому приходили авторы всѣхъ этихъ записокъ, могъ бы быть формулированъ въ одной фразѣ: „Такъ больше жить нельзя".— Нѣкоторыя изъ этихъ записокъ представляли собою выдающіеся трактаты по зрѣлости мысли, по богатству фактическихъ наблюденій надъ различными сторонами русской жизни, по блестящей талантливости изложенія. Такова была, напр., извѣстная записка Юрія Самарина о крѣпостномъ правѣ, представляющая поистинѣ мастерской анализъ внутренняго состоянія Россіи въ концѣ царствованія Николая I; таковы были записки Погодина, писанныя имъ для представленія государю и если и уступавшія Самаринской запискѣ по широтѣ захвата разсматриваемыхъ явленій, то не менѣе замѣчательныя по силѣ вложеннаго въ нихъ чувства и по той смѣлости, съ какой Погодинъ обращался прямо къ государю, рѣзко обличая самыя коренныя основы николаевской системы внутренняго управленія.—Изобразивъ въ этихъ запискахъ

показной характеръ благосостоянія Россіи и глубину ея дѣйствительнаго упадка. Погодинъ говоритъ, обращаясь къ государю: „Разсѣй лучами милости и благости эту непроницаемую атмосферу страха, скопившуюся въ продолженіе столькихъ лѣтъ, войди въ соприкосновеніе съ народомъ, призови на работу всѣ таланты,—мало ли ихъ на Святой Руси!—освободи отъ излишнихъ стѣсненій печать, въ которой не позволяется теперь употреблять даже выраженіе общее благо, вели раскрыть настежь ворота во всѣхъ университетахъ, гимназіяхъ и училищахъ... Не свѣтъ опасенъ, а тьма".—Это была цѣлая

Отъѣздъ парубковъ, поступающихъ въ рекруты (П. И. Соколовъ. Худ. лист. Тимма 1860 г.).

программа, діаметрально противоположная тому, во что вѣровалъ и что исповѣдовалъ императоръ Николай Павловичъ. Во краю угла этой программы, конечно, становилась отмѣна крѣпостного права. Тотъ же Погодинъ писалъ въ этихъ запискахъ: „Мирабо для насъ не страшенъ, но для насъ страшенъ Емелька Пугачовъ: на сторону Маццини не перейдетъ никто, а Степька Разинъ—лишь кликни кличъ! Вотъ гдѣ кроется наша революція, вотъ откуда грозятъ намъ опасности, вотъ съ какой стороны стѣна наша представляетъ проломы".

Надо думать, что и самъ Погодинъ въ глубинѣ души не предполагалъ, чтобы эта программа, сводившаяся къ отрицанію всего николаевскаго режима,

могла быть усвоена императоромъ Николаемъ Павловичемъ. Но внѣ этихъ началъ не видѣлось выхода изъ создавшагося положенія.

И вотъ почему кончина Николая Павловича была принята многими современниками, какъ крупный поворотный пунктъ въ историческомъ развитіи Россіи. „Въ настоящихъ обстоятельствахъ, — отмѣтилъ Никитенко въ своемъ дневникѣ,—смерть его является особенно важнымъ событіемъ, которое можетъ повести къ неожиданнымъ результатамъ. Для Россіи, очевидно, наступаетъ новая эпоха. Императоръ умеръ, да здравствуетъ императоръ! Длинная и, надо-таки сознаться, безотрадная страница въ исторіи русскаго царства дописана до конца, новая страница перевертывается въ ней рукою времени". „Важная миновала эпоха,—писалъ тогда же Хомяковъ, — что бы ни было, а будетъ уже не то".

Возможно быстрая ликвидація войны и немедленный приступъ къ рѣшительнымъ внутреннимъ преобразованіямъ — такова была ближайшая задача новаго царствованія, неотложность которой ясно сознавали наиболѣе просвѣщенные представители какъ общественныхъ, такъ и правительственныхъ круговъ.

Постановка на первую очередь вопроса объ отмѣнѣ крѣпостного права какъ рукой сняла общественную дремоту. И подъ вліяніемъ этого произошелъ важный переломъ какъ въ жизни передовыхъ общественныхъ кружковъ, такъ и въ жизни рядовой общественной массы. Передовымъ кружкамъ открывалась возможность вывести свою дѣятельность за тѣсные предѣлы отвлеченныхъ, умозрительныхъ споровъ. Ихъ ожидало теперь живое, практическое и въ высшей степени отвѣтственное дѣло. „Уже не церковь съ своими догматами и учрежденіями,—писалъ тогда одинъ славянофилъ,—не философія нѣмецкая, не община съ своими обычаями и установленіями занимала насъ преимущественно. Грозныя событія приковали къ себѣ все наше вниманіе. Мы всѣ чувствовали, что бѣдствія, которыя испытывала Россія, вполнѣ заслужены, и по этому поводу Хомяковъ съ особеннымъ жаромъ и увлеченіемъ говорилъ о томъ, что безнаказанно нельзя ни стѣснять, ни подавлять духъ человѣческій, ни допускать его стѣсненіе и подавленіе".

Но впервые поставивъ передовые круги общества лицомъ къ лицу съ практической задачей гражданскаго служенія, работа надъ крестьянской реформой въ то же время всколыхнула до самыхъ глубинъ и всю рядовую общественную массу, которая начала быстро и нервно откликаться на развертывающіяся событія, задѣтая за живое въ своихъ ближайшихъ реальныхъ практическихъ интересахъ. Зашумѣла и заговорила вся Россія, сверху и донизу, и разнообразные слои общества спѣшили внести свое слово и свое вліяніе въ ходъ общей работы. Такъ, подготовка реформы 19 февраля 1861 г. стала *первымъ дебютомъ общественнаго мнѣнія новой Россіи* въ широкомъ смыслѣ этого слова.

Роды въ полѣ.

(Картина *Соколова*).

Посмотримъ же теперь, какъ отразилось участіе въ этомъ дебютѣ на внутренней жизни самого общества. Взглянемъ поочередно 1) на то, что сталось съ прежними передовыми кружками послѣ того, какъ они были вовлечены въ практическую государственную работу, и 2) на то, какъ реагировала на совершавшіяся событія рядовая общественная масса.

II.

Перемѣна царствованія вызвала еще болѣе усиленный подъемъ всеобщаго интереса къ предстоящимъ преобразованіямъ во внутренней жизни Россіи. Потокъ всевозможныхъ „записокъ“, посвященныхъ различнымъ преобразовательнымъ вопросамъ, хлынулъ съ новой силой. Но теперь содержаніе этихъ „записокъ“ все болѣе начало сосредоточиваться около крестьянскаго вопроса. Вкладчиками въ эту рукописную публицистическую литературу явились представители различныхъ общественныхъ лагерей. Такъ, среди записокъ, получившихъ тогда наибольшую извѣстность, встрѣчаемъ записки славянофиловъ Самарина, Кошелева; близкаго къ славянофиламъ, хотя и не раздѣлявшаго всѣхъ ихъ воззрѣній кн. Черкасскаго и западника Кавелина. Западники и славянофилы поспѣшили выступить на арену гласнаго обсужденія общественныхъ вопросовъ не только въ лицѣ своихъ отдѣльныхъ представителей, но и сплоченными корпораціями. Тѣ и другіе воспользовались первою же возможностью для того, чтобы получить разрѣшеніе на изданіе журналовъ, которые и должны были стать органами опредѣленныхъ политическихъ группъ. Такъ появились западническій „Русскій Вѣстникъ“ и затѣмъ славянофильская „Русская Бесѣда“. Кружки 40 годовъ выступали теперь сплоченными рядами на открытую общественную арену и готовились пустить въ ходъ то оружіе, которое такъ долго натачивалось въ тишинѣ интимныхъ бесѣдъ. Но при этомъ произошло слѣдующее. Старыя общественныя партіи, которыя вели столь обостренную полемику въ то время, когда имъ приходилось разбирать занимавшіе ихъ вопросы въ ихъ отвлеченной постановкѣ, теперь, скрестивъ оружіе въ открытомъ бою изъ-за практическаго дѣла, тотчасъ почувствовали себя болѣе союзниками, нежели непріятелями. Они попрежнему расходились въ отправныхъ посылкахъ, но оказывались нерѣдко согласными въ заключительныхъ выводахъ по наиболѣе крупнымъ, основнымъ вопросамъ очередныхъ преобразованій. А если между ними и возникали существенныя разногласія, то всего чаще эти разногласія уже выходили за рамки ихъ прежней кружковой группировки и опирались не столько на былые философскіе споры, сколько на тѣ практическія соображенія, которыя сами собой выдвигались на первый планъ при конкретной постановкѣ соотвѣтствующихъ вопросовъ. Такъ общественная работа при под-

готовкѣ реформы 1861 г. повлекла за собою постепенную ликвидацію старыхъ кружковыхъ направленій и ихъ замѣну новыми общественными группировками.

Конечно, и западники и славянофилы принимались первоначально за новое дѣло еще подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ своей былой розни, еще всѣ обвѣянные отзвуками недавней междоусобной борьбы. Грановскій за два дня до своей смерти писалъ Кавелину (письмо отъ 2 октября 1855 г.): „Эти люди (т.-е. славянофилы) противны мнѣ, какъ гробы. Отъ нихъ пахнетъ мертвечиною. Ни одной свѣтлой мысли, ни одного благороднаго взгляда. Оппозиція ихъ безплодна, потому что основана на одномъ отрицаніи всего, что сдѣлано у насъ въ полтора столѣтія новѣйшей исторіи". А черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ Грановскій написалъ это письмо, Хомяковъ, извѣщая Самарина о смерти Грановскаго, выразился такъ: „Бѣдный Грановскій! Вы, вѣроятно, о немъ пожалѣли. Мнѣ очень жаль его, хоть и знаю, что онъ себя пережилъ и что въ нихъ, даже лучшихъ, нѣтъ ничего такого, что бы отвѣчало требованіямъ Россіи, особенно современной".—Такъ западники и славянофилы взаимно отпѣвали направленія другъ друга какъ разъ въ тотъ моментъ, когда имъ противъ ихъ собственнаго ожиданія предстояло протянуть другъ другу руки для общаго дѣла. При основаніи „Русскаго Вѣстника" была сдѣлана попытка привлечь къ участію въ этомъ западническомъ журналѣ нѣкоторыхъ славянофиловъ въ цѣляхъ сближенія; такъ, дали свои имена для публикаціи о журналѣ всѣ Аксаковы—Сергѣй Тимоѳеевичъ и его сыновья Константинъ и Иванъ. Хомяковъ, однако, приглашенъ не былъ. Но это была лишь эфемерная попытка. Уже въ октябрѣ 1856 г. старикъ Аксаковъ писалъ сыну Ивану: „Статья Гилярова о моей книгѣ не принята въ „Русскій Вѣстникъ", ибо содержитъ въ себѣ рѣзкія славянофильскія убѣжденія... Итакъ, Катковъ выведенъ на свѣжую воду и наши имена должны быть выключены изъ числа участниковъ". Какъ уже было сказано, славянофилы затѣяли свой собственный журналъ „Русскую Бесѣду", и у насъ есть положительныя указанія на то, что это предпріятіе было вызвано именно желаніемъ поднять свое знамя въ противовѣсъ „Русскому Вѣстнику". 5 августа 1855 г. Кошелевъ писалъ Погодину: „...считаю долгомъ нашимъ непремѣннымъ теперь основать въ Москвѣ сильную оборону и живое наступленіе въ пользу началъ православія и народности, нами исповѣдуемыхъ, безъ чего цивилизація Русскаго Лѣтописца (такъ первоначально предполагали назвать будущій „Русскій Вѣстникъ". А. Кнз.) захватитъ все и сдѣлаются Катковъ, Грановскій и К° представителями Москвы". А вотъ голосъ изъ противоположнаго лагеря, указывающій на то, какъ отнеслись западники къ предстоящему появленію „Русской Бесѣды". 2 октября 1855 г. Грановскій писалъ Кавелину: „Я до смерти радъ, что славянофилы затѣяли журналъ... я радъ потому, что этому воззрѣнію надо высказаться до конца, выступить наружу во

всей красотѣ своей; придется поневолѣ снять съ себя либеральныя украшенія, которыми морочили такихъ дѣтей, какъ ты; надобно будетъ сказать послѣднее слово системы, а это послѣднее слово—православная патріархальность, несовмѣстимая ни съ какимъ движеніемъ впередъ... Изъ всей этой безобразной партіи только у Петра Кирѣевскаго и у Ивана Аксакова есть живая душа и безкорыстное желаніе добра".

Казалось, такимъ образомъ, что старые идейные враги готовились дать другъ другу послѣдній, рѣшительный бой. Полемика между новыми органами, на самомъ дѣлѣ, не замедлила вспыхнуть. Временами она принимала весьма запальчивый характеръ. Но вотъ что необходимо отмѣтить. Столкновенія были тѣмъ острѣе, чѣмъ отдаленнѣе отъ текущихъ практическихъ задачъ стояли дебатируемые вопросы. Немалые споры были подняты, напримѣръ, по вопросу о сельской общинѣ. Но любопытно, что все острее спора было направлено не на обсужденіе роли общиннаго землевладѣнія въ современной Россіи, а на разрѣшеніе вопроса объ историческомъ происхожденіи общины. Что такое наша община — продуктъ правительственной фискальной политики или исконное бытовое явленіе русской жизни?— Вотъ вопросъ, по которому западникъ и славянофилъ готовы были къ самымъ пылкимъ взаимнымъ схваткамъ, какъ будто дѣло шло о животрепещущей злобѣ дня, а не о кабинетно академической, научной проблемѣ. И тѣ же идейные враги очень гладко столковались другъ съ другомъ въ редакціонныхъ комиссіяхъ по дѣйствительно актуальному вопросу о томъ, какъ должно отнестись законодательство къ установленію тѣхъ или иныхъ формъ землепользованія въ освобождаемой русской деревнѣ: тѣ и другіе одинаково сошлись на томъ, что законодательство просто должно стать на почву признанія существующаго факта. Горячая полемика вспыхнула тогда же между двумя названными лагерями по поводу появившейся въ „Русской Бесѣдѣ" статьи Тертія Филиппова о женской долѣ по русскимъ народнымъ пѣснямъ. Не менѣе жгучимъ поводомъ для журнальныхъ схватокъ послужила допущенная на страницы той же „Русской Бесѣды" некрасивая выходка оріенталиста В. В. Григорьева

А. А. Закревскій (съ портр. Дау).

противъ покойнаго уже Грановскаго. Конечно, и самый фактъ расхожденія по вопросамъ такого рода и тѣ воззрѣнія, которыя высказывались при этомъ представителями названныхъ теченій, съ ясностью обозначали все различіе направленій, вкусовъ, пріемовъ мысли и психическихъ организацій людей того и другого лагеря. И все же, какъ ни глубока была эта пролегавшая между ними раздѣльная борозда, она не могла заслонить собою того важнѣйшаго факта, что по самому главному и основному очередному вопросу русской жизни—по вопросу объ отмѣнѣ крѣпостного права—западники и славянофилы оказывались не врагами, а товарищами по оружію. По общему складу всего своего міросозерцанія они отталкивались другъ отъ друга; но властные запросы текущаго дня, быть-можетъ, непримѣтно для нихъ самихъ, смыкали ихъ ряды. Они никогда не могли бы столковаться относительно общихъ историческихъ судебъ Россіи и ея роли во всемірной цивилизаціи, но непосредственныя, с е г о д н я ш н і я задачи превращали ихъ въ согласныхъ сотрудниковъ совмѣстнаго дѣла. А между тѣмъ эти непосредственныя задачи были такъ громадны, такъ глубоко было тогда ихъ жизненное значеніе, что поневолѣ точки соприкосновенія между двумя привыкшими къ взаимной борьбѣ общественными группами брали рѣшительный перевѣсъ надъ всѣми ихъ теоретическими разногласіями и междоусобными личными счетами. И трудно сказать, какъ вѣрнѣе было бы назвать западниковъ и славянофиловъ въ этотъ знаменательный моментъ русской жизни: союзниками поневолѣ или непріятелями по недоразумѣнію? Быть-можетъ, всего правильнѣе очерчена сущность ихъ взаимныхъ отношеній въ великолѣпномъ по своей художественной образности опредѣленіи Герцена: „Мы, какъ двуглавый орелъ, смотрѣли въ разныя стороны, но сердце у насъ билось одно“.

Мы только что видѣли, какъ устами Грановскаго и Хомякова обѣ партіи обмѣнялись взаимными эпитафіями. Это было при самомъ начальномъ выступленіи тѣхъ и другихъ на поприще практической общественной работы. Но, выйдя на это поприще, и западники и славянофилы скоро почувствовали потребность стать плечо о плечо. И въ пылу совмѣстной работы они научились обоюдно цѣнить положительныя стороны другъ друга въ большей мѣрѣ, нежели во время своихъ прежнихъ словесныхъ діалектическихъ дуэлей.

Надо сказать, что эти объединительныя наклонности въ виду грандіозной важности предстоящей общей задачи не ограничились кругомъ славянофиловъ и западниковъ. Концентрація общественныхъ силъ шла и дальше, захватывая круги, расположенные и правѣе и лѣвѣе двухъ крупныхъ центральныхъ общественныхъ группъ. Западникъ Кавелинъ не задумался протянуть тогда руку стороннику „официальной народности“ и своему давнему антагонисту по научной полемикѣ—Погодину только потому, что онъ подмѣтилъ у послѣдняго живое и даже горячее отношеніе къ вопросу о необходимости преобразованій и прежде всего отмѣны крѣпостного права. Замѣча-

тельно въ этомъ отношеніи письмо Кавелина къ Погодину отъ 3 ноября 1855 г. „Время теперь такое,—пишетъ Кавелинъ,—что всѣмъ честнымъ и благомыслящимъ людямъ въ Россіи надобно забыть о взаимныхъ неудовольствіяхъ, личныхъ, литературныхъ и научныхъ и оставить несогласіе въ образѣ мыслей на второй планъ, а на первый—единство, довѣріе взаимное, соглашеніе хоть въ томъ, въ чемъ согласиться можно, а такихъ пунктовъ гораздо больше, чѣмъ кажется съ перваго взгляда. Теперь больше, чѣмъ когда-нибудь, можетъ-быть, столько же, сколько въ 1612 г., Россія требуетъ вѣрной службы отъ своихъ сыновъ и знать не хочетъ ихъ маленькихъ несогласій... Много и много надо бы перетолковать, особенно людямъ разномыслящимъ, чтобъ не поддерживать духа раздвоенія, ненависти и подозрѣній въ теперешнее трудное и многозначительное время. Мнѣ все такъ кажется, что большая часть людей у насъ на Руси враждуетъ по недоразумѣнію, оттого, что въ споры входитъ много личнаго, чего можно избѣгнуть, если переговорить серьезно и съ любовью, въ твердомъ намѣреніи уважить справедливыя притязанія противной стороны. Думаю, что вы всего легче могли бы это сдѣлать съ своей стороны, Михаилъ Петровичъ! Я разумѣю, что вы всего бы лучше и рѣшительнѣе могли бы быть звеномъ примиренія“. Этотъ призывъ, очевидно, не остался безъ отклика, потому что между Кавелинымъ и Погодинымъ съ той поры завязалась оживленная переписка.

М. Н. Катковъ (Дашк. собр.).

Нельзя объяснять этого шага Кавелина его личнымъ прекраснодушіемъ: во-первыхъ, „прекраснодушіе“ вовсе не было Кавелину свойственно; во-вторыхъ, приведенное письмо—лишь одинъ изъ многихъ симптомовъ подобнаго настроенія, проявлявшагося тогда въ разнообразныхъ общественныхъ кругахъ. Если западникъ Кавелинъ протягивалъ руку сторонникъ „официальной народности“ Погодину, то, съ другой стороны, славянофильская „Русская Бесѣда“ при своемъ появленіи была привѣтствуема съ крайняго лѣваго фланга тогдашней журналистики. Вотъ что писалъ тогдашній органъ нарождавшагося соціалистическаго народничества — „Современникъ“: „Мы можемъ ошибиться, но у насъ есть твердое убѣжденіе, что „Русской Бесѣдѣ“ такъ или иначе суждено играть благородную и благотворную роль въ русской литературѣ. Какъ бы ни проявились убѣжденія людей, соединя-

ющихся въ „Бесѣдѣ“, въ основѣ ихъ убѣжденій лежитъ начало животворящее—безкорыстная и глубокая любовь къ Россіи; а такая основа уже сама собою исключаетъ апатію, разрѣшающуюся въ дѣятельность рутинную, безплодную“.

Со стороны редакціи „Современника“, во главѣ которой стоялъ тогда Чернышевскій, это не было сознательнымъ закрываніемъ глазъ на разницу въ убѣжденіяхъ; это было лишь трезвое пониманіе того, что для даннаго момента, для интересовъ того текущаго, очереднаго дѣла, которое пріобрѣтало для страны первенствующую важность, пункты соприкосновенія между сторонниками эмансипаціи получали гораздо болѣе высокую общественную цѣнность, нежели всѣ разъединявшія ихъ разногласія. Эта мысль съ полной отчетливостью была выражена „Современникомъ“ уже послѣ того, какъ ему пришлось не разъ полемизировать съ „Русской Бесѣдой“ по различнымъ отдѣльнымъ вопросамъ. „Всѣ статьи („Русской Бесѣды“), — писалъ „Современникъ“, — сколько-нибудь выражающія духъ журнала, таковы, что ни одна не могла бы быть напечатана ни въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, ни въ „Отечественныхъ Запискахъ“, ни въ „Современникѣ“... и однакоже, мы отъ искренняго сердца повторяемъ свое привѣтствіе „Русской Бесѣдѣ“, желаемъ ей долгаго, полнаго силы существованія... Разногласіе между убѣжденіями славянофиловъ, органомъ которыхъ хочетъ быть „Русская Бесѣда“, и убѣжденіями людей, противъ которыхъ они возстаютъ, касается многихъ очень важныхъ вопросовъ... Но въ другихъ, еще болѣе существенныхъ стремленіяхъ противники совершенно сходятся, мы въ томъ убѣждены... Согласіе въ сущности стремленій такъ сильно, что споръ возможенъ только объ отвлеченныхъ и потому туманныхъ вопросахъ; какъ скоро споръ переносится на твердую почву дѣйствительности, касается чего-нибудь практическаго въ наукѣ или жизни,—кореннному разногласію нѣтъ мѣста“ [1]). Съ своей стороны, и наиболѣе чуткіе къ практическимъ запросамъ жизни славянофилы обнаруживали готовность признать положительныя заслуги своихъ идейныхъ противниковъ. Писалъ же Иванъ Аксаковъ въ октябрѣ 1855 г.: „Требованія эмансипаціи, желѣзныхъ дорогъ и проч. и проч., сливающіяся теперь въ одинъ общій гулъ по всей Россіи, первоначально возникли не отъ насъ, а отъ западниковъ“.

Объясняются ли эти объединительныя стремленія тѣмъ взрывомъ энтузіазма, который охватилъ передовые круги общества послѣ изданія первыхъ рескриптовъ по крестьянскому дѣлу? Я склоненъ думать, что въ основѣ этихъ взаимныхъ сближеній лежалъ вовсе не порывъ чувства, а естественное слѣдствіе того, что мы называемъ „силою вещей“.

[1]) Курсивъ нашъ. А. К.

Дѣйствительно, велико было то оптимистическое одушевленіе, которое почувствовали при первыхъ рѣшительныхъ шагахъ правительства по крестьянскому дѣлу всѣ передовые общественные элементы безъ различія партійныхъ оттѣнковъ, отъ Погодина и Аксаковыхъ и до Герцена и Чернышевскаго включительно. — Въ этотъ моментъ Аксаковъ восклицалъ въ стихахъ: „Дню вчерашнему—забвенье, дню грядущему—привѣтъ"; Герценъ писалъ восторженную статью съ эпиграфомъ „Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!" и даже Чернышевскій, отложивъ въ сторону всякія сомнѣнія и критическія оговорки, привѣтствовалъ рескриптъ на имя Назимова одушевленнымъ панегирикомъ: „Благословеніе, обѣщанное миротворцамъ и кроткимъ,—писалъ онъ,— увѣнчаетъ Александра II счастьемъ, какимъ не былъ увѣнчанъ еще никто изъ государей Европы,— счастьемъ одному начать и совершить освобожденіе своихъ подданныхъ".

Р. А. Кокоревъ (изъ Бахр. собр. въ Ист. Музеѣ).

Конечно, этотъ довѣрчивый энтузіазмъ не могъ быть долговременнымъ. Лишь только началась черная работа по подготовкѣ сложной реформы, вскрылись противоположные интересы затронутыхъ реформою общественныхъ классовъ и группъ, и пошла тяжелая и затяжная борьба около каждаго параграфа обсуждаемыхъ проектовъ, — праздничные восторги тотчасъ смѣнились будничными заботами, тревогами и разочарованіями. Но эта-то именно черная работа надъ великой реформой и выдвинула основанія для тѣхъ новыхъ общественныхъ группировокъ, въ которыхъ растворились старыя партіи, уже утрачивавшія такимъ образомъ былыя побужденія къ взаимной борьбѣ во имя прежнихъ лозунговъ.

Напротивъ, въ моментъ восторговъ прогрессивнаго общества передъ первыми рескриптами еще свѣжи были предшествующія теоретическія разногласія, и попытки къ объединенію, тогда уже начавшіяся, все еще встрѣчали съ разныхъ сторонъ сдержанный холодокъ. Всѣ ликовали, но каждый—въ своемъ приходѣ.

Это обстоятельство наглядно выразилось въ исторіи того обѣда, который былъ устроенъ въ Москвѣ 28 декабря 1857 г. съ цѣлью ознаменовать изданіе рескрипта 20 ноября. Устроители обѣда—западники Кавелинъ и Катковъ—

очень желали придать этой общественной манифестаціи междупартійный и возможно болѣе широкій характеръ. Съ этою цѣлью Кавелинъ привлекъ къ участію и Погодина. Однако московскіе славянофилы въ полномъ своемъ составѣ отказались отъ участія въ обѣдѣ. Обѣдъ прошелъ прекрасно и произвелъ сильное впечатлѣніе, какъ первая серьезная общественная политическая манифестація. Погодинъ такъ и записалъ тогда же въ своемъ дневникѣ: „Обѣдъ имѣлъ значеніе, какъ первое выраженіе свободы чувствъ мимо правительства“... Тосты на обѣдѣ были произнесены Катковымъ, Станкевичемъ, Павловымъ, Погодинымъ, Бабстомъ, Кавелинымъ и Кокоревымъ. Катковъ говорилъ первымъ и началъ свою рѣчь съ выраженія радости по случаю того, что ему и его современникамъ довелось жить въ одну изъ такихъ эпохъ, когда люди „съ усиленнымъ біеніемъ сердца“ сливаются въ общемъ дѣлѣ и въ общемъ чувствѣ. Онъ говорилъ далѣе о томъ, что единодушіе охватило всю мыслящую Русь и что такая минута не можетъ пропасть даромъ и не забудется въ исторіи. Павловъ провозгласилъ тостъ за того, кто призываетъ свою вѣрную Россію на подвигъ правды и добра. Погодинъ говорилъ о дворянствѣ и его всегдашней готовности къ жертвамъ на общее благо государства и высказывалъ увѣренность въ томъ, что дворянство и теперь не останется равнодушнымъ къ предоставляющемуся ему новому великому гражданскому и человѣческому подвигу. Бабстъ первый поставилъ точку на і и вмѣсто употребленныхъ предшествовавшими ораторами описательныхъ выраженій о „святомъ дѣлѣ“ или „подвигѣ правды и добра“ прямо произнесъ слова—„уничтоженіе крѣпостного труда“, и посвятилъ свою рѣчь выясненію того, какое великое значеніе получитъ свободный трудъ для всей жизни государства. Кавелинъ говорилъ о томъ, какъ давно уже лучшіе люди многихъ поколѣній ожидали отмѣны рабства, и кончилъ призывомъ къ смягченію сердецъ и водворенію повсюду любви и мира. Въ заключеніе краткое слово сказалъ Кокоревъ, выразившій пожеланіе, чтобы процессъ мыслей, ведущихъ ко благу крестьянъ, не прерывался у всѣхъ и по возвращеніи съ этого торжества въ свои жилища. Черезъ нѣсколько дней Кокоревъ напечаталъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ другую рѣчь, болѣе обширную, которую онъ приготовилъ для обѣда, но не произнесъ и въ которой онъ призывалъ купцовъ и другихъ капиталистовъ собрать путемъ пожертвованій капиталъ для выкупа земельныхъ надѣловъ въ пользу крестьянъ. Въ январѣ 1858 г. Кокоревъ уже у себя устроилъ второй обѣдъ, тоже посвященный обсужденію крестьянскаго дѣла, и затѣмъ онъ замышлялъ цѣлую банкетную кампанію, предполагая послѣдовательно пріурочивать такіе банкеты къ отдѣльнымъ событіямъ въ области движенія крестьянскаго дѣла. Этому плану не суждено было осуществиться. Недреманное око графа Закревскаго тотчасъ обратило вниманіе на этотъ „непорядокъ“, и на продолженіе банкетовъ было наложено грозное начальственное veto. Любопытно, что въ числѣ мотивовъ

этого запрещенія Закревскій подчеркивалъ то обстоятельство, что иниціаторъ обѣдовъ Кокоревъ не принадлежитъ къ дворянскому сословію, которое по Высочайшей волѣ призвано рѣшить вопросъ объ уничтоженіи крѣпостного права, и потому, по мнѣнію Закревскаго, устройство обѣдовъ Кокоревымъ оскорбляетъ достоинство всего сословія дворянъ. Разумѣется, этимъ, во всякомъ случаѣ характернымъ для своего времени, мотивомъ прикрывался простонапросто испугъ власти передъ самостоятельными проявленіями общественнаго мнѣнія.

Помѣщики-политики (Трутовскаго).

Но почему же славянофилы отказались отъ участія въ обѣдѣ 28 декабря? Вѣдь по существу они могли только присоединиться ко всему тому, что было высказано въ этомъ собраніи. Доводы, приведенные самими славянофилами въ объясненіе ихъ поступка, представляются мнѣ неискренними. По словамъ Юрія Самарина, они считали, что банкетная демонстрація повредитъ крестьянскому дѣлу, подчеркнувъ сочувствіе этому дѣлу со стороны передовой интеллигенціи, находящейся на подозрѣніи у правительства, а по словамъ Кошелева — столь важное дѣло вообще надлежало начинать „не съ кулебякой во рту и не съ бокаломъ шампанскаго, а съ молитвой“. Несерьез-

ность всѣхъ этихъ отговорокъ доказана была, однако, уже тѣмъ, что славянофилы въ полномъ составѣ явились на второй обѣдъ, устроенный Кокоревымъ, и тамъ произнесли рѣчи и Юрій Самаринъ и Кошелевъ. —Ни кулебяка, ни шампанское на этотъ разъ не шокировали Кошелева, а тактическія соображенія Самарина могли бы быть выставлены по отношенію ко второму обѣду, такъ же какъ и по отношенію къ первому; не даромъ именно послѣ второго обѣда участники были приглашены въ полицію для отобранія отъ нихъ подписки въ непроизнесеніи впредь рѣчей. И вотъ я прихожу къ заключенію, что 28 декабря славянофилы просто-напросто не пожелали поддержать предпріятіе, затѣянное западниками, доказавъ тѣмъ, что общій взрывъ энтузіазма послѣ изданія ноябрьскихъ рескриптовъ не заслонилъ еще сразу преданій старой кружковщины.

Напротивъ того, послѣдующая работа надъ реформой въ губернскихъ комитетахъ, въ редакціонныхъ комиссіяхъ быстро перетасовала старые кружки и партіи по совершенно новымъ группировкамъ. Этотъ процессъ, быть-можетъ, всего лучше символизировался тѣснымъ сотрудничествомъ, установившимся ко времени открытія редакціонныхъ комиссій между Юріемъ Самаринымъ и Николаемъ Милютинымъ, который передъ открытіемъ этихъ комиссій, по свидѣтельству Ивана Аксакова, „числился западникомъ“.

Въ журнальныхъ статьяхъ своихъ партійныхъ изданій („Русская Бесѣда“, „Молва“, „Парусъ“) славянофилы развивали во всей чистотѣ свою политическую теорію: „правительству—сила власти, землѣ—сила мнѣнія“; но эта теорія уже не задавала тона идейному движенію, и центръ тяжести идейной борьбы перемѣстился въ другую плоскость. Славянофильское народничество быстро заслоняется народничествомъ соціалистическимъ, которое вдвигаетъ нѣкоторыя изъ славянофильскихъ темъ (напр., тему объ общинѣ) въ совершенно иную идейную оправу и соединяетъ ихъ съ совершенно иной соціально-политической программой. И прежняя борьба западничества и славянофильства смѣняется съ этого момента борьбой либеральнаго конституціонализма, демократическаго радикализма и соціалистическаго народничества („Русскій Вѣстникъ“, „Русское Слово“, „Современникъ“). А надъ всѣми этими разнообразными теченіями общественной мысли властно, порывисто и красиво носятся мощные звуки Герценскаго „Колокола“. „Колоколъ“ несомнѣнно имѣлъ ближайшія точки соприкосновенія съ каждымъ изъ названныхъ теченій и отъ каждаго изъ нихъ въ отдѣльности существенно отличался. Главная сила его заключалась все-таки въ той захватывающей, увлекательной вибраціи, съ какой разносилъ онъ повсюду негодующій протестъ противъ пережитковъ „стараго порядка“.

Такъ въ непосредственной связи съ разработкой крестьянской реформы совершилась ликвидація старыхъ общественныхъ партій, и возникли зародыши новыхъ общественныхъ направленій.

III.

Теперь съ вершинъ передовой интеллигентской мысли того времени спустимся къ рядовой общественной массѣ и посмотримъ, каковы были ея отклики на послѣдовательный ходъ событій, связанныхъ съ подготовкой крестьянской реформы. Здѣсь передъ нами развертывается знаменательная картина. И столичное и провинціальное общество, первоначально встрѣтившее наступленіе новаго царствованія въ какомъ-то растерянно-неопредѣленномъ настроеніи, вскорѣ приходитъ въ величайшее возбужденіе, лишь только стало извѣстно окончательное рѣшеніе правительства приступить къ ликвидаціи крѣпостного права. Съ этого момента прежней сонной апатіи, обволакивавшей до того всѣ стороны общественной жизни, какъ не бывало. Кто съ радостной готовностью привѣтствовать наступленіе новыхъ порядковъ, кто—съ пѣною у рта и скрежетомъ зубовнымъ отъ гнѣва на ненавистныхъ преобразователей, кто — съ надеждой на лучшее будущее, кто—со страхомъ передъ неизбѣжностью всеобщаго развала, — но всѣ съ одинаковой возбужденностью и одинаковымъ сознаніемъ въ невозможности безучастнаго отношенія къ тому, что кругомъ происходитъ, усиленно принялись спорить, писать, развѣдывать политическія новости, отстаивать и распространять свои мнѣнія на различные вопросы, связанные съ реформой, словомъ — начали жить той повышенной общей жизнью, которая отличаетъ сознательнаго гражданина отъ коптящаго небо обывателя.

Мужичокъ, слѣдящій за прогрессомъ („Искра“, 1859).

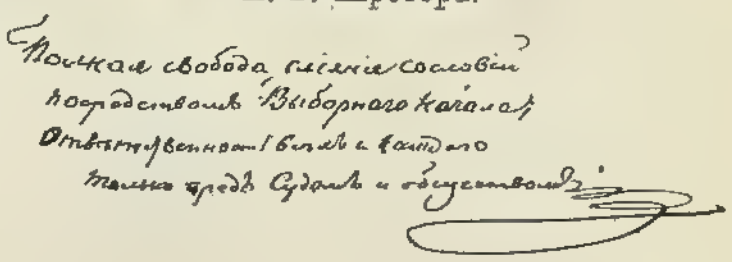
Первые слухи относительно образованія новаго секретнаго комитета по крестьянскому дѣлу вызвали въ обществѣ довольно смутное впечатлѣніе. Наиболѣе богатые и наиболѣе трусливые помѣщики не замедлили, впрочемъ, толпами кинуться за границу. Въ письмахъ того времени нерѣдко попадаются указанія на это явленіе: „нашихъ столько за границею,—читаемъ въ одномъ письмѣ,—что увѣряютъ, что надо ѣхать за границу, чтобы видѣться съ русскими“; „отъѣзжающихъ за границу такъ много, — сказано въ другомъ письмѣ,—что имена ихъ раздвигаютъ объемъ газетъ“. А у тѣхъ, кто не хотѣлъ или не могъ уѣхать, на душѣ прочно водворялись либо страхъ, либо недоумѣніе предъ неизвѣстностью ближайшаго будущаго. „У насъ разсказываютъ,—пишетъ одинъ орловскій помѣщикъ знакомому въ Петербургъ въ на-

чалѣ 1857 г.,—что составляется положеніе о свободѣ крестьянъ. Это насъ сильно безпокоитъ, потому что такой переходъ насъ всѣхъ разоритъ, все у насъ растащутъ. Квартирующіе у насъ въ Трубчевскѣ военные тоже говорили, что будто бы этого Англія требуетъ, а дворовые уши навострили". Это—образчикъ размышленій помѣщика, свыкшагося съ вѣрой въ то, что внѣ крѣпостного права нѣтъ спасенія. Надо замѣтить, однако, что и въ разсужденіяхъ болѣе просвѣщенно настроенныхъ помѣщиковъ въ этотъ моментъ не замѣчается увѣренности и ясности взгляда. Очень характерно въ этомъ отношеніи слѣдующее письмо помѣщика Новомосковскаго уѣзда къ пріятелю: „Мнѣ родное пепелище дорого по воспоминаніямъ, хотя не могу сказать, чтобъ званіе помѣщика мнѣ было по душѣ. Не знаю, какъ у васъ, въ нашемъ краю многіе и много стали говорить объ этомъ важномъ вопросѣ человѣчества, т.-е. о помѣщичествѣ, по ce qui s'en suit; говорить—но, видно, дѣлать еще не время! Проекты летятъ тысячами, но всѣ неудовлетворительны; хочется всѣмъ, чтобы и козы были сыты и сѣно цѣло. Всякій здравый умъ сознаетъ, что настоящій порядокъ и нелѣпъ и безнравственепъ и не только убыточенъ для обоихъ сословій, но безусловно есть непреодолимая преграда ко всякому развитію. Есть и у насъ маленькій кружокъ пріятелей, сочувствующихъ и понимающихъ другъ друга и немного мыслящихъ. Горячо было принялись мы за обсужденіе могущаго быть у насъ лучшаго порядка, лучшихъ отношеній насъ, владѣльцевъ, къ крестьянамъ нашимъ, но—увы!—первый шагъ, первое столкновеніе съ властью высшею разрушило все. Видно, еще долго ждать нашихъ лучшихъ дней". Любопытно указаніе этого письма на то, что и въ глубокой провинціи въ это время уже появлялись попытки группироваться въ кружки для со-

вмѣстной разработки крестьянскаго вопроса, но инпціаторы такихъ попытокъ не чувствовали подъ ногами твердой почвы. Притомъ, даже и наиболѣе благожелательнымъ къ реформѣ помѣщикамъ еще не доставало яснаго представленія о возможной программѣ предстоящей реформы. „Всѣ говорятъ, — пишетъ тогда же одинъ петербургскій помѣщикъ: — надобно, надобно, такъ не можетъ оставаться дѣло, а какъ только до дѣла,—не знаютъ, за что взяться, и теряются“.

И устрашенные и окрыленные надеждами одинаково испытывали въ это время чувство какого-то неопредѣленнаго ожиданія. „Диковинное настало время! на кого ни посмотришь, каждый и всѣ ждутъ чего-то“, замѣчаетъ въ письмѣ одинъ умный симбирскій помѣщикъ, рисуя настроеніе окружающаго общества. Но это ожиданіе носило еще характеръ смутный и неувѣренный. Крѣпостники старались убѣдить сами себя вопреки волновавшимъ ихъ предчувствіямъ, что отмѣна крѣпостного права — вещь совершенно несбыточная; а тѣ, кто тяготились существующимъ положеніемъ, не рѣшались довѣряться своимъ надеждамъ, которыя столько уже разъ были обмануты. И всеобщее напряженіе еще не прорывалось наружу. Въ этотъ именно моментъ Некрасовъ писалъ:

А. Г. Шретеръ.



«Въ столицѣ шумъ, гремятъ витіи,
Бичуя рабство, зло и ложь,
А тамъ во глубинѣ Россіи
Что тамъ? Богъ знаетъ, не поймешь!
Надъ всей равниной безпредѣльной
Стоитъ такая тишина,
Какъ будто впала въ сонъ смертельный
Давно дремавшая страна».

Такъ казалось поэту изъ окошка петербургской квартиры. На самомъ дѣлѣ страна находилась наканунѣ шумнаго взрыва общественнаго возбужденія. Искрой, произведшей этотъ взрывъ, явился рескриптъ на имя виленскаго генералъ-губернатора Назимова, который содержалъ въ себѣ косвенное приглашеніе по адресу всего дворянства имперіи принять непосредственное участіе въ подготовкѣ реформы въ лицѣ выборныхъ отъ дворянства губернскихъ комитетовъ по крестьянскому дѣлу. Непосредственное впечатлѣніе, произведенное этимъ рескриптомъ на людей, которые сочувствовали реформѣ, хорошо выразилось въ письмѣ князя Оболенскаго къ А. В. Головнину отъ

23 декабря 1857 г.: „Какъ описать вамъ наше удивленіе при полученіи послѣднихъ извѣстій? Великому дѣлу положено начало и какое прекрасное начало! Господь умудряетъ слѣпцовъ, сказано въ Писаніи, и въ этомъ дѣлѣ нельзя не признать Его видимаго присутствія. Ничто не обѣщало такого прекраснаго результата: ни приготовительная работа, ни качества большинства дѣятелей. Будущее намъ, конечно, неизвѣстно, но каково бы оно ни было, оно не уменьшитъ значенія сей великолѣпной страницы въ исторіи государя... Вамъ, какъ одному изъ главныхъ дѣятелей, слава, честь и благодареніе, но какъ не позавидовать счастію Ланского, знаетъ себѣ подписываетъ одинъ циркуляръ за другимъ и прямо идетъ въ безсмертіе въ розовомъ галстукѣ и клѣтчатыхъ штанахъ!“

Открытіе губернскихъ комитетовъ не оставляло уже никакого сомнѣнія въ томъ, что дѣло реформы вышло изъ области неопредѣленныхъ предположеній и вступило на путь практической разработки. Тогда-то встрепенулись всѣ и каждый, одни—для того, чтобы помочь по мѣрѣ силъ осуществленію великаго преобразованія, другіе—для того, чтобы спасти, что еще можно, изъ своихъ сословныхъ преимуществъ и матеріальныхъ выгодъ при неизбѣжной уже ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній. И столица и провинція стали неузнаваемы. И тамъ и здѣсь жизнь забила ключомъ. Русскій посланникъ въ Вѣнѣ Балабинъ, пріѣхавъ въ Петербургъ въ іюнѣ 1858 г., писалъ въ Парижъ къ гр. Киселеву: „Вы рискуете теперь, пріѣхавъ въ Россію, не узнать ее. По внѣшности все кажется то же, но вы чувствуете, что начинается новая эра“.—„Здѣсь, въ Петербургѣ,—писалъ Кавелинъ Погодину,—общественное мнѣніе расправляетъ все болѣе и болѣе крылья. Нельзя и узнать больше этого каравань-сарая солдатизма, палокъ и невѣжества, все говоритъ, все толкуетъ, и чрезъ это, разумѣется, учится“. Но это возбужденіе не ограничивалось уже однимъ Петербургомъ. Провинція представляла такое же зрѣлище взбудораженнаго муравейника. „Крестьянскій вопросъ,—повѣствуетъ одинъ современникъ,—поднялъ все на ноги, все заглушилъ, затмилъ и поглотилъ собою, многіе съ ума сошли, многіе умерли. Нѣтъ ни палатъ, ни дома, ни хижины, гдѣ бы днемъ и ночью не думалъ, не безпокоился, не робѣлъ большой и малый владѣлецъ“.

Выразительная картина общаго повышеннаго настроенія въ провинціи послѣ открытія губернскихъ комитетовъ набросана была въ новогоднемъ номерѣ „Сѣверной Пчелы“ за 1861 г. „Толки и сужденія,—читаемъ въ статьѣ этой газеты,—не ограничивались стѣнами комитетовъ. Ими были заняты не только всѣ безъ исключенія сословія землевладѣльцевъ, но и лица, не имѣвшія поземельныхъ собственностей изъ всѣхъ вообще сословій. И въ роскошныхъ палатахъ губернскихъ богачей, и въ скромныхъ усадьбахъ небогатыхъ помѣщиковъ, и въ домикахъ сельскихъ причтовъ, и въ купеческихъ конторахъ, и въ квартирахъ чиновниковъ,—вездѣ слышались одни и тѣ же разсужденія—

Великороссіяне Новохоперскаго уѣзда.

(Альбомъ Павлова. Этнограф. отд. Румянц. музея).

о крестьянскомъ дѣлѣ. Въ два послѣдніе года провинція росла не по днямъ, а по часамъ: взглядъ ея расширился и уяснился. Въ самыхъ глухихъ городахъ, гдѣ до сихъ поръ всѣ насущные интересы состояли въ картахъ, водкѣ, взяткахъ и сплетняхъ, являются публичныя библіотеки, журналы и газеты выписываются десятками экземпляровъ... Долго жившіе въ провинціи и оставившіе ее года три-четыре передъ симъ, глазамъ, ушамъ своимъ не вѣрятъ, глядя на обновленную, переродившуюся свою родину, вездѣ пробудилась и воспряпула умственная дѣятельность". Далѣе въ цитируемой статьѣ отмѣчаются тѣ послѣдовательные моменты, черезъ которые проходила мысль рядовой массы провинціальнаго дворянства при постепенномъ освоеніи съ началами намѣченной реформы. Сначала, говорится здѣсь, громадное большинство помѣщиковъ провозглашало дружнымъ хоромъ: „безъ крѣпостного права мы погибнемъ!" Мало-по-малу начала, однако, пробиваться на поверхность общаго сознанія иная мысль: „современное положеніе нестерпимо, нужно, чтобы насъ освободили отъ крестьянъ"; впрочемъ, эта мысль соединялась еще съ твердымъ убѣжденіемъ въ томъ, что и крестьянскія усадьбы и вся земля должны остаться цѣликомъ собственностью помѣщиковъ. Затѣмъ стали соглашаться и на продажу крестьянамъ усадебъ, разумѣется, за хорошія деньги. Пришла, однако, и такая пора, когда изъ перекрестнаго столкновенія различныхъ воззрѣній и доводовъ стала вырисовываться въ сознаніи большинства необходимость пойти и на предоставленіе освобождаемому крестьянину полевого надѣла.

П. Н. Дубровинъ.

Возможно, что цитированная статья „Сѣверной Пчелы" нѣсколько сгущала радужныя краски изображаемой ею картины. Однако нельзя сомнѣваться въ томъ, что основное явленіе—сильное оживленіе общественной мысли—было подмѣчено совершенно согласно съ дѣйствительностью: слишкомъ много указаній, идущихъ при томъ съ разнообразныхъ сторонъ, имѣемъ мы на это явленіе отъ того времени.

На ряду съ этимъ явленіемъ намѣчалось и другое: возбужденіе общества быстро начало принимать форму опредѣленныхъ общественныхъ группировокъ. Въ частныхъ письмахъ того времени встрѣчаемъ любопытныя указанія на то, какое впечатлѣніе новизны и неожиданности производило это обстоятельство на внимательныхъ наблюдателей тогдашней жизни. Вотъ что читаемъ, напримѣръ, въ письмѣ Головина къ издателю брюссельской газеты

„Le Nord“ Погенполю: „и съ той и съ другой стороны есть des modérés, des ultra conservateurs et des ultra progressistes; но главное состоитъ въ томъ, что эти лагери, находившіеся до сихъ поръ въ тѣни, не выдѣлялись и вдругъ рѣзко обозначились, разбивъ дворянское общество Россіи какъ бы на политическія партіи. Это новое явленіе въ русской исторіи. Бывало, дворъ раздѣлялся на партіи, но никогда не было, чтобы все дворянское сословіе группировалось въ партіи. Порваны старинныя дружескія связи, потому что явилась разность въ убѣжденіяхъ по вопросу объ эмансипаціи, взамѣнъ того завязались новыя связи, вслѣдствіе одинаковости взглядовъ на этотъ предметъ“.

Я не буду останавливаться на характеристикѣ этихъ новыхъ группировокъ въ средѣ землевладѣльческаго дворянства того времени. Такую характеристику читатель найдетъ въ другихъ статьяхъ настоящаго изданія, въ которыхъ рѣчь пойдетъ объ исторіи работъ дворянскихъ губернскихъ комитетовъ. Замѣчу лишь вкратцѣ, что, какъ окончательно доказано недавними изслѣдованіями А. А. Корнилова, эти группировки сильнѣе всего обусловливались различіемъ помѣщичьихъ интересовъ разнообразныхъ полосъ Россіи въ связи съ различіемъ условій помѣщичьяго хозяйства въ каждой изъ этихъ полосъ. Разумѣется, извѣстную роль играли здѣсь и различія въ размѣрахъ землевладѣнія у той или иной группы помѣщиковъ. Это была по преимуществу борьба интересовъ, а не борьба отвлеченныхъ идеологическихъ построеній. Тѣмъ энергичнѣе она велась, тѣмъ сильнѣе она захватывала обширные круги мѣстнаго общества. Въ нѣкоторыхъ комитетахъ столкновенія представителей различныхъ направленій принимали столь обостренный характеръ, что дѣло доходило до бурныхъ сценъ и тяжелыхъ личныхъ оскорбленій. Юрій Самаринъ сообщалъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, что онъ является въ засѣданія комитета (онъ работалъ въ самарскомъ комитетѣ) не иначе, какъ съ револьверомъ въ карманѣ и даже въ виду угрожающаго положенія противниковъ вынужденъ былъ завести для себя изъ собственныхъ дворовыхъ тѣлохранительный отрядъ.

И, однако, тотъ же Самаринъ признавался въ другомъ письмѣ: „Временами бываетъ страшно тяжело, а все же въ тысячу разъ лучше прежней спячки“.

Поднявшаяся открытая борьба противоположныхъ интересовъ не только оживила общественную жизнь и наполнила ее серьезнымъ содержаніемъ, но и принесла несомнѣнную пользу для самаго дѣла реформы. Конечно, въ губернскихъ комитетахъ относящіеся до реформы вопросы получали болѣе или менѣе одностороннюю постановку, при чемъ принимались во вниманіе прежде всего интересы дворянскаго сословія. Не только представители партіи большинства каждаго комитета, но и представители меньшинства, какъ показано съ полной отчетливостью въ изслѣдованіяхъ г. Корнилова, стояли на

той же почвѣ защиты интересовъ землевладѣльческаго дворянства. Но даже и при этомъ неблагопріятномъ условіи чисто сословнаго состава комитетовъ, открытая борьба общественныхъ партій принесла свои положительные результаты, сразу раздвинувъ рамки реформы гораздо шире того, чѣмъ первоначально предполагали ограничиться петербургскія правящія сферы. Извѣстно, что идея выкупа крестьянскихъ надѣловъ въ собственность крестьянскихъ обществъ, о которой первоначально правительство не хотѣло и слышать, была выдвинута изъ среды комитетовъ и не безъ борьбы съ административными препятствіями, въ концѣ-концовъ, была включена въ кругъ вопросовъ, предоставленныхъ для открытаго обсужденія.

Д. В. Васильевъ (Ярославскій).

Закрытіе губернскихъ комитетовъ по окончаніи ими работъ во многихъ мѣстахъ сопровождалось торжественными обѣдами и рѣчами. Въ Харьковѣ члены комитета подписали составленный ими проектъ особо изготовленными бронзовыми перьями съ буквами А. П. и съ надписями на ручкахъ: „24 марта 1859 г. Харьковъ“. Перья эти затѣмъ были взяты членами для храненія ихъ въ ихъ приходскихъ церквахъ. Все это черты, характерныя для обозначенія того подъема, который испытывало мѣстное общество въ связи съ участіемъ въ крестьянской реформѣ. — Разумѣется, такое настроеніе раздѣлялось не всѣми. По случаю закрытія казанскаго губернскаго комитета въ апрѣлѣ 1859 года „Русскій Дневникъ“ писалъ: „въ городѣ, какъ и всегда, на этотъ разъ двѣ партіи — одна хочетъ обѣдовъ, рѣчей, шампанскаго; другая — ничего не хочетъ, т.-е. ни обѣдовъ, ни рѣчей, ни даже отмѣны крѣпостного состоянія“. Но уже самое раздѣленіе на партіи повышало пульсъ мѣстной общественной жизни.

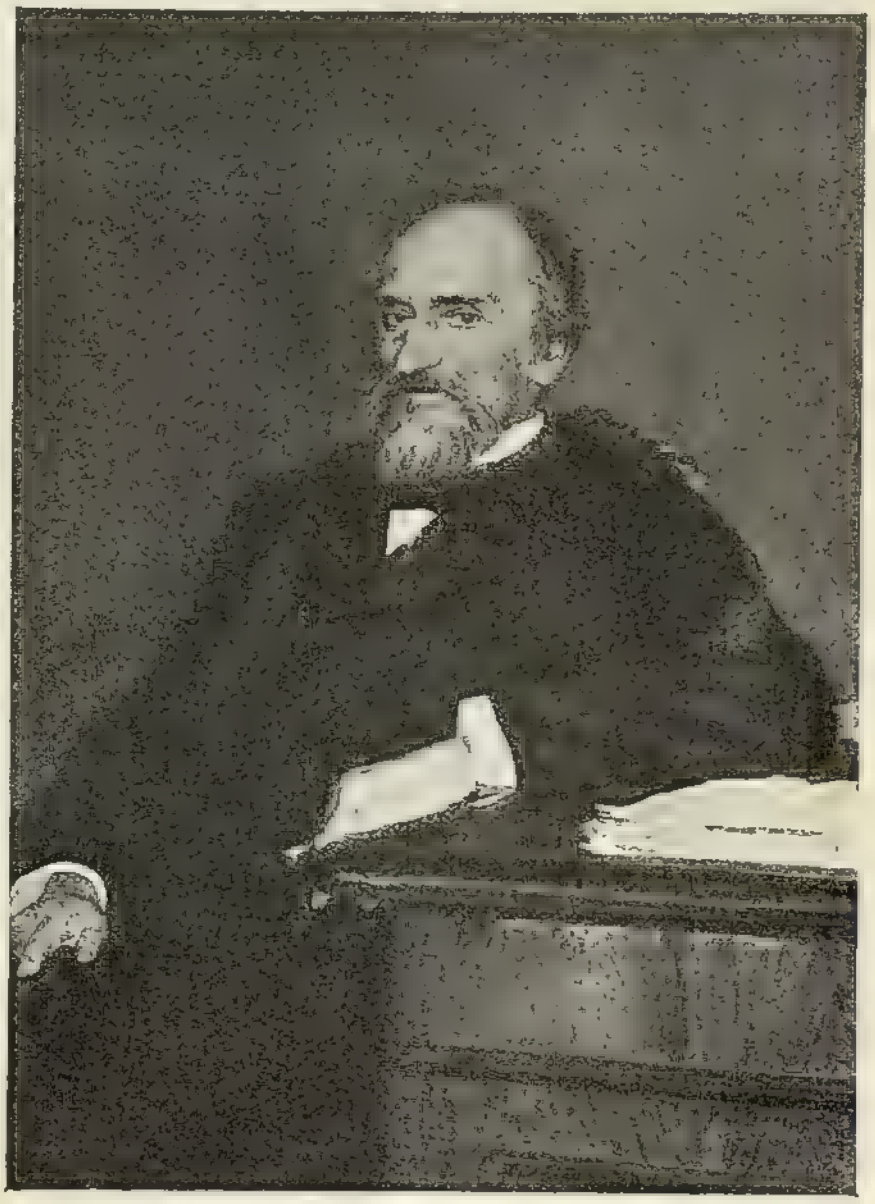
Послѣдовавшій затѣмъ вызовъ въ Петербургъ представителей отъ губернскихъ комитетовъ для объясненій съ редакціонными комиссіями далъ новый толчокъ напряженію общественной атмосферы. Извѣстны тѣ шумныя событія, которымъ сопровождалось появленіе въ Петербургѣ такъ называемыхъ „депутатовъ перваго призыва“. Зимой 1859 г. Петербургъ вообще былъ наводненъ массою пріѣзжаго изъ провинціи люда—предводителями дворянства, членами комитетовъ и т. п. Всѣ эти люди группировались около „депутатовъ перваго призыва“ и умножали собою численность созывавшихся ими частныхъ совѣщаній. Депутаты отнеслись къ трудамъ редакціонныхъ комиссій съ рѣзкимъ осужденіемъ, усмотрѣвъ въ этихъ трудахъ разрушительныя тен-

денціи по отношенію къ правамъ и интересамъ дворянства. Ограниченіе роли депутатовъ представленіемъ однихъ только соображеній на труды редакціонныхъ комиссій и притомъ преимущественно со стороны мѣстныхъ условій той или иной губерніи еще болѣе раздражало депутатовъ, такъ какъ они претендовали на участіе въ перерѣшеніи самыхъ постановленій редакціонныхъ комиссій. И вотъ начались шумныя частныя совѣщанія депутатовъ о подачѣ государю адреса о томъ, чтобы дѣло было окончательно рѣшено помимо редакціонныхъ комиссій на особомъ собраніи выборныхъ отъ дворянъ. Появилось нѣсколько проектовъ всеподданнѣйшаго адреса. Одинъ проектъ былъ составленъ Безобразовымъ, сторонникомъ сословнаго дворянскаго собора, другой проектъ составилъ Кошелевъ, появился затѣмъ третій, компромиссный проектъ, никого не удовлетворявшій, и именно потому, быть-можетъ, многихъ около себя объединившій; отдѣльное всеподданнѣйшее письмо подалъ депутатъ симбирскаго комитета Шидловскій. Всѣ эти адресы такъ или иначе проводили мысль о томъ, чтобы окончательная разработка крестьянскаго дѣла была изъята изъ рукъ редакціонныхъ комиссій и поручена собранію особыхъ уполномоченныхъ отъ дворянъ. Особый характеръ носилъ совокупный адресъ депутатовъ Унковскаго, Хрущева, Шретера, Дубровина и Васильева: здѣсь говорилось о необходимости немедленнаго выкупа, введенія всесословнаго земства, преобразованія суда, отвѣтственности мѣстной администраціи передъ судомъ и свободы печати. Михаилъ Безобразовъ подалъ государю отъ себя лично записку, наполненную, съ одной стороны, страшной бранью на конституціонныя стремленія либераловъ, съ другой стороны—весьма туманными разсужденіями о томъ, что самодержавіе не должно быть безгранично, но должно умѣряться совѣщательнымъ соборомъ олигархическаго состава.

Такъ въ вихрѣ этого сложнаго общественнаго броженія стали обрисовываться различныя теченія—охранительно-крѣпостническое, дворянско-олигархическое и либеральное, представители котораго считали, что съ паденіемъ крѣпостного права дворянство должно быть вознаграждено участіемъ въ мѣстномъ самоуправленіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и весь строй управленія и гражданской жизни долженъ быть преобразованъ на правовыхъ началахъ.

Правительство отнеслось рѣзко отрицательно къ всему этому движенію, не дѣлая никакого различія между его отдѣльными разновидностями. Ни одинъ адресъ не былъ принятъ и всѣ податели адресовъ понесли большія или меньшія кары. Это обстоятельство вызвало сильный ропотъ въ дворянскихъ кругахъ и въ столицѣ и въ провинціи.—Между тѣмъ, какъ разъ во время отъѣзда изъ Петербурга депутатовъ перваго призыва—ноябрь и декабрь 1859 г.—во многихъ губерніяхъ предстоялъ созывъ дворянскихъ собраній. Правительство, основательно предполагая, что на этихъ собраніяхъ только что разыгравшіяся въ Петербургѣ событія найдутъ себѣ громкій откликъ, циркулярно предписало губернаторамъ не допускать на дворянскихъ собраніяхъ сужденій

по предметамъ, касающимся крестьянскаго вопроса. Этотъ циркуляръ лишь подлилъ масла въ огонь. Дворянскія собранія 1859 г. прошли очень бурно и ознаменовались рядомъ инцидентовъ политическаго характера. Дворянскія собранія повсюду признавали названный циркуляръ незаконнымъ, такъ какъ онъ противорѣчилъ праву дворянства обсуждать вопросы о пользахъ и нуждахъ своего сословія, съ которыми крестьянское дѣло тѣснѣйшимъ образомъ соприкасалось. Затѣмъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дворянскія собранія обращались непосредственно къ государю съ просьбой отмѣнить этотъ циркуляръ, а въ Твери по предложенію Европеуса рѣшено было даже пріостановить засѣданія собранія впредь до полученія изъ Петербурга отвѣта на такое прошеніе. — Во многихъ губерніяхъ дворянскія собранія составили адресы государю съ указаніемъ на необходимость одновременно съ отмѣной крѣпостного права преобразовать на новыхъ началахъ различныя части государственнаго устройства; здѣсь преимущественно говорилось о всесословномъ земствѣ, гласномъ судѣ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, отвѣтственности передъ судомъ всѣхъ служащихъ, неприкосновенности личности, свободѣ печати. Замѣчательно, что всѣ эти преобразованія были уже намѣчены самимъ правительствомъ, а нѣкоторыя изъ нихъ даже находились уже въ стадіи офиціальной разработки, и, тѣмъ не менѣе, всѣ такія заявленія дворянскихъ собраній были принимаемы въ высшихъ сферахъ съ крайнимъ неудовольствіемъ; дворянскимъ предводителямъ, допустившимъ вотированіе такихъ адресовъ, были объявлены выговоры, а въ Твери, гдѣ пререканія различныхъ партій приняли особенно острый характеръ, наиболѣе видные представители либеральной оппозиціи—Унковскій и Европеусъ—были подвергнуты безъ суда и разслѣдованія высылкѣ изъ Твери — Унковскій въ Вятку, Европеусъ — въ Пермь.



А. М. Унковскій (портр. Ярошенко).

Между тѣмъ въ Петербургъ вскорѣ прибыли депутаты второго приглашенія отъ тѣхъ 24 комитетовъ, проекты которыхъ до того еще не были разсмотрѣны редакціонными комиссіями. Депутаты второго приглашенія, принадлежавшіе, главнымъ образомъ, къ комитетамъ хлѣбородныхъ и западныхъ губерній, уже не предпринимали никакихъ политическихъ манифестацій и не обращались ни съ какими заявленіями на Высочайшее имя. Въ ихъ средѣ рѣшительно преобладало крѣпостнически-охранительное теченіе. Они рѣзко высказались противъ надѣленія освобождаемыхъ крестьянъ землей, а также противъ крестьянскаго самоуправленія и требовали сохраненія за по-

И. А. Гончаровъ (портр. Крамского).

мѣщиками возможно болѣе широкой вотчинной власти. Они запальчиво нападали на редакціонныя комиссіи, обвиняя ихъ въ радикальномъ демократизмѣ и даже коммунизмѣ.

Такъ широкъ былъ діапазонъ общественной мысли, вскрывшійся въ различныхъ формахъ, лишь только общество получило возможность принять участіе въ разработкѣ великой государственной реформы. На ряду съ проявленіями косности и близорукаго сословнаго эгоизма не замедлили обнаружиться и иныя теченія, сводившіяся къ сознанію необходимости связать крестьянскую реформу съ цѣлымъ кругомъ преобразованій, которыя ускорили бы переходъ Россіи къ началамъ правового порядка.

Правительство, съ своей стороны, поспѣшило поставить не мало преградъ свободному развитію общественной мысли. Мы видѣли только что, какъ сурово встрѣтило оно политическіе адресы дворянскихъ собраній 1859 г. — Еще раньше тяжкія цензурныя стѣсненія пали на повременную печать.—Уже въ началѣ 1858 г. поводомъ къ усиленію цензурнаго гнета было избрано напечатаніе въ „Современникѣ“ извѣстной записки Кавелина по крестьянскому вопросу. — Самое слово „общественное мнѣніе“ пугало правительственныя сферы, какъ какой-нибудь жупелъ.—Когда на обѣдѣ, даномъ въ Москвѣ въ честь артиста Щепкина, Константинъ Аксаковъ провозгласилъ тостъ за „общественное мнѣніе“, это тотчасъ же было замѣчено „на верху“ съ большимъ неудовольствіемъ.

И все-таки, несмотря на всѣ эти ограниченія и преграды, несмотря на вынужденную усѣченность проявленій тѣхъ идей и стремленій, которыя назрѣвали тогда въ массѣ общества, работа всѣхъ сознательныхъ элементовъ населенія надъ подготовкой реформы 1861 года за первыя шесть лѣтъ царствованія Александра II по справедливости можетъ быть признана первымъ дебютомъ общественнаго мнѣнія въ Россіи, какъ одного изъ факторовъ политической жизни.

Не даромъ Хомяковъ, прочтя въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ некрологъ Грановскаго, писалъ Юрію Самарину: „Замѣтили ли вы похвалу Грановскому, какъ общественному русскому человѣку?.. Очень важно то, что это смѣли сказать и напечатать; царство Николая кончилось“.

Хомяковъ оказался въ этомъ случаѣ тонкимъ наблюдателемъ: появленіе въ печати новаго выраженія дѣйствительно знаменуетъ иной разъ цѣлый этапъ въ ходѣ общественнаго развитія.

А. Кизеветтеръ.

Ходъ крестьянской реформы.

I. Начало законодательныхъ работъ.

Е. И. Вишнякова.

Императоръ Николай I умеръ, не сумѣвъ разрѣшить крестьянскаго вопроса и съ горькимъ сознаніемъ, что сдаетъ „свою команду“ не въ полномъ порядкѣ; вся работа была оставлена имъ Александру II.

Въ первые мѣсяцы своего царствованія, когда еще шла война, новый императоръ вопреки ожиданіямъ общества не заявилъ себя сторонникомъ реформы; молчаніе императора получило опредѣленный смыслъ послѣ того, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской, назначенный на этотъ постъ въ августѣ 1855 г., объявилъ въ своемъ циркулярѣ, что государь поручилъ ему „ненарушимо охранять права, вѣнценосными его предками дарованныя дворянству“. Этотъ циркуляръ давалъ основаніе думать, что правительство совсѣмъ не намѣрено касаться вопроса о крѣпостномъ правѣ. Крѣпостники съ восторгомъ раскупали циркуляръ Ланского и начали успокоиваться въ увѣренности, что никакихъ перемѣнъ и не будетъ. Но скоро высочайшій мани-

фестъ о заключеніи мира далъ новую пищу разнымъ толкамъ. Имѣя въ виду уступку части Бессарабіи и запрещеніе Россіи держать военный флотъ въ Черномъ морѣ, манифестъ указывалъ, что уступки эти неважны въ сравненіи съ тѣми выгодами, которыя можетъ дать миръ. При этомъ набрасывался довольно широкій, но очень неопредѣленный планъ реформъ внутренняго строя. Крѣпостники снова встревожились, и когда государь поѣхалъ въ Москву, то генералъ-губернаторъ Закревскій, тоже крѣпостникъ, обратился къ государю съ просьбой принять депутацію отъ московскихъ дворянъ и успокоить ихъ. Въ отвѣтъ на эту просьбу Александръ II и сказалъ свою знаменитую рѣчь, которая ясно показала, что правительство дѣйствительно имѣетъ твердое намѣреніе приступить къ реформѣ крѣпостныхъ отношеній. „Я узналъ, господа, — сказалъ императоръ,—что между вами разнеслись слухи о намѣреніи моемъ уничтожить крѣпостное право. Въ отвращеніе разныхъ неосновательныхъ толковъ по предмету столь важному я считаю нужнымъ объявить вамъ, что я не имѣю намѣренія сдѣлать это теперь. Но, конечно, господа, сами вы знаете, что существующій порядокъ владѣнія душами не можетъ оставаться неизмѣннымъ. Лучше отмѣнить крѣпостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само начнетъ отмѣняться снизу. Прошу васъ, господа, подумать о томъ, какъ бы привести это въ исполненіе. Передайте слова мои дворянству для соображеній“.

Александръ II (раб. О'Коннель).

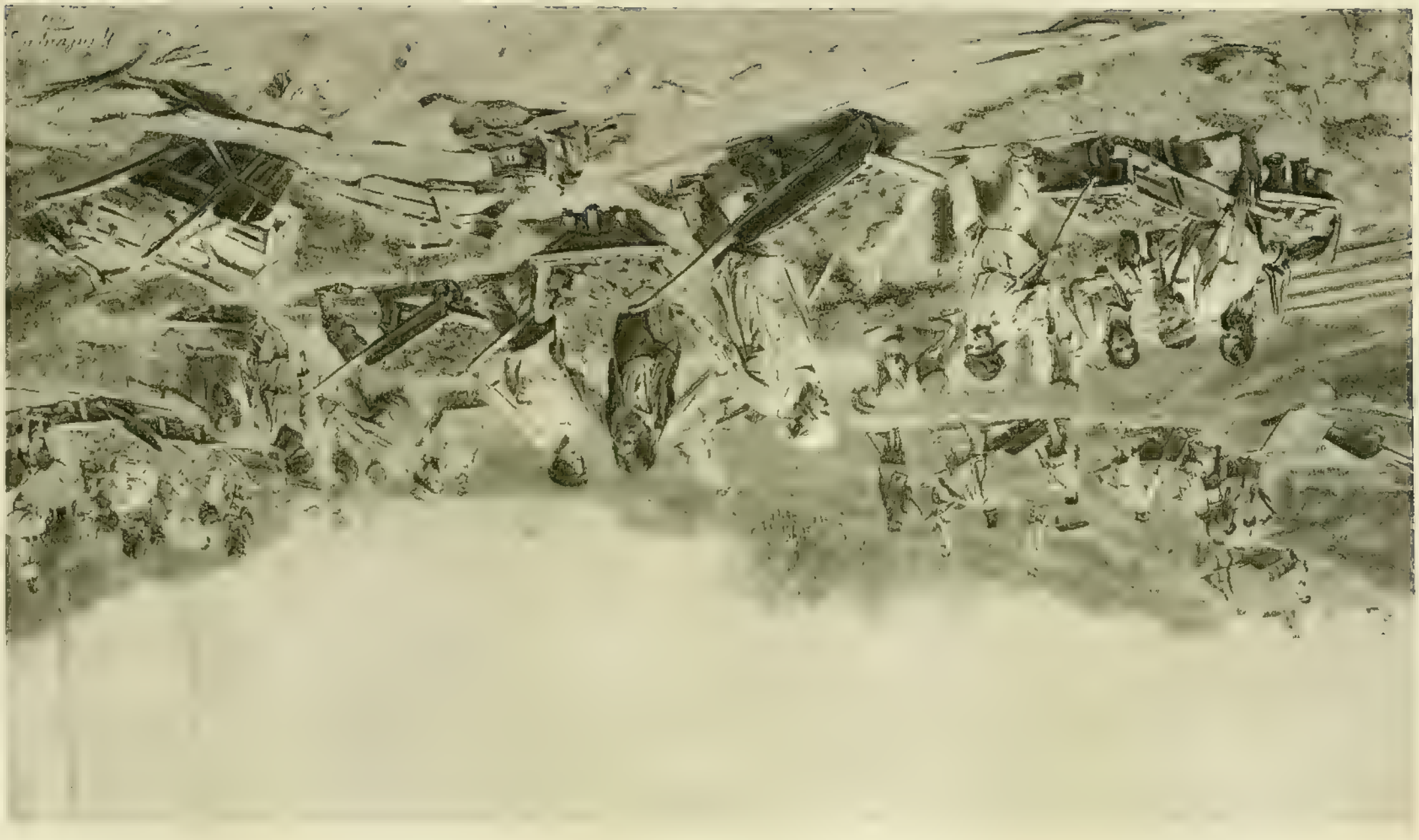
По возвращеніи государя въ Петербургъ былъ сдѣланъ первый шагъ къ осуществленію заявленнаго государемъ рѣшенія: Ланскому поручено было собрать въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ всѣ производившіяся въ разное время и въ разныхъ вѣдомствахъ дѣла объ устройствѣ помѣщичьихъ кре-

стьянъ, а товарищу министра Левшину—составить для государя историческую записку о крѣпостномъ правѣ въ Россіи и о мѣрахъ, принятыхъ къ ограниченію его со времени Петра I. Кромѣ того, правительство, еще не имѣвшее опредѣленнаго плана реформы и желавшее избѣгнуть рѣшительныхъ дѣйствій, хотѣло вызвать инціативу со стороны самихъ дворянъ и съ этой цѣлью дало Левшину порученіе „позондировать“ по этому вопросу предводителей дворянства, которые лѣтомъ 1856 г. должны были съѣхаться въ Москву по случаю коронаціи. Но попытки Левшина не увѣнчались успѣхомъ: даже тѣ дворяне, которые понимали неизбѣжность реформы, не шли навстрѣчу желаніямъ правительства, не довѣряя бюрократіи: они опасались, что реформа будетъ проведена недостаточно осмотрительно, безъ особаго вниманія къ ихъ интересамъ. На всѣ внушенія, что пора приняться за дѣло, дворяне отговаривались, что не знаютъ, на какихъ основаніяхъ правительство желаетъ устроить дѣло, а сами придумать не могутъ. Только у представителей литовскихъ губерній виды правительства встрѣтили нѣкоторое сочувствіе. Литовскіе дворяне за годъ до этого исходатайствовали отмѣну стѣснительныхъ для нихъ инвентарныхъ правилъ, которыя опредѣляли отношенія между ними и ихъ крестьянами. Для нихъ вырабатывались теперь новые инвентари, но и отъ нихъ литовскіе помѣщики не ждали для себя ничего хорошаго. Ради того, чтобы избѣгнуть введенія стѣснительныхъ инвентарей, они готовы были разстаться съ крѣпостнымъ правомъ, сохранивъ, впрочемъ, за собою землю и обезпечивъ себя рабочими руками. Правительство рѣшило воспользоваться такимъ настроеніемъ литовскихъ дворянъ и, назначивъ виленскимъ генералъ-губернаторомъ Назимова, дало ему порученіе предложить литовскимъ предводителямъ дворянства, чтобы они сами указали способъ улучшенія положенія крестьянъ, не стѣсняясь прежними постановленіями и инструкціями.

Въ концѣ 1856 г. министръ внутреннихъ дѣлъ докладывалъ государю, что всѣ обращенія къ дворянству не привели къ ожидаемымъ результатамъ: дворяне упорно не хотѣли взять на себя инціативу дѣла. Тогда рѣшено было учредить для обсужденія мѣръ по устройству крестьянскаго быта секретный комитетъ подъ личнымъ предсѣдательствомъ самого государя. 3 января 1857 г. состоялось первое засѣданіе этого комитета. Объяснивъ присутствовавшимъ, что вопросъ о крѣпостномъ правѣ давно уже занимаетъ правительство и что состояніе это почти отжило свой вѣкъ, Александръ II обратился къ членамъ комитета съ вопросомъ, слѣдуетъ ли теперь же принять какія-либо рѣшительныя мѣры къ освобожденію крестьянъ? Обсудивъ этотъ вопросъ, присутствовавшіе единогласно отвѣтили, что крѣпостное право есть зло, и для блага государства необходимо немедленно приступить къ составленію предложеній о тѣхъ началахъ, на которыхъ можетъ быть проведено освобожденіе крестьянъ, но освобожденіе *постепенное безъ крупныхъ*

Ремонтныя работы.

(Картина *Савицкаго*.



и рѣзкихъ поворотовъ. Большинство членовъ секретнаго комитета недовѣрчиво относилось къ задуманному государемъ преобразованію, считая его преждевременнымъ и опаснымъ, поэтому въ свой покорный отвѣтъ императору они и ввели оговорку о постепенности въ надеждѣ, что это дастъ возможность ограничиться лишь незначительными мѣрами по крестьянскому дѣлу. Закрывая первое засѣданіе, императоръ опредѣлилъ, что задача комитета должна заключаться 1) въ разсмотрѣніи крестьянскаго вопроса и 2) въ составленіи по оному предположеній.

Началось изученіе обширнаго матеріала по устройству помѣщичьихъ крестьянъ, только что собраннаго въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ и теперь вытребованнаго въ комитетъ. Были приняты къ свѣдѣнію и рукописные проекты, изъ которыхъ особенно большимъ вниманіемъ общества пользовались записки Кавелина, Самарина и Кошелева, давно уже занимавшихся литературной разработкой крестьянскаго вопроса. Всего набралось около ста документовъ. Для изученія ихъ комитетъ избралъ особую комиссію изъ трехъ своихъ членовъ: кн. Гагарина, барона Корфа и генерала Ростовцева. Къ веснѣ 1857 г. они разсмотрѣли собранный матеріалъ, но между ними оказалось такое разногласіе во взглядахъ, что общаго заключенія составить не представлялось возможности, и каждый изъ нихъ внесъ въ комитетъ свою записку отдѣльно. Кромѣ составленія этихъ записокъ и обсужденія нѣкоторыхъ второстепенныхъ вопросовъ, секретный комитетъ ничего не сдѣлалъ въ теченіе всей зимы. 26 іюля 1857 г. министръ внутреннихъ дѣлъ внесъ въ комитетъ новую записку, составленную Левшинымъ. Въ ней были отвѣты на тѣ вопросы объ основаніяхъ крестьянской реформы, которые Левшинъ ставилъ въ своей первой исторической запискѣ. Авторъ считалъ, что съ юридической точки зрѣнія при крѣпостномъ правѣ помѣщикамъ принадлежало право собственности и на землю и на личность крестьянъ. При ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній вся земля должна была, по его мнѣнію, попрежнему оставаться за помѣщиками, но съ тѣмъ, чтобы извѣстная часть ея выдѣлялась въ пользованіе крестьянамъ за опредѣленныя повинности. Что же касается права на личность, то отъ этого права дворянамъ надо было отказаться безъ

Ген. В. И. Назимовъ.

вознагражденія какъ со стороны государства, такъ и со стороны крестьянъ. Всѣ проекты финансовыхъ оборотовъ въ этомъ направленіи авторъ записки считалъ невыполнимыми, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ самъ же придумалъ уловку, при помощи которой помѣщики должны были въ скрытой формѣ получить вознагражденіе за потерю крѣпостныхъ рукъ. Предполагалось, что въ теченіе извѣстнаго времени, отъ 10 до 15 лѣтъ, крестьяне выкупятъ свои усадьбы, повышенная оцѣнка усадебъ и должна была дать это вознагражденіе. Проводить реформу министръ предполагалъ постепенно, по губерніямъ или по районамъ, начавъ съ литовскихъ губерній, гдѣ почва для реформы казалась наиболѣе подготовленной.

Запискѣ этой въ комитетѣ не было дано ходу, потому что большинство его не сочувствовало реформѣ и всячески тормозило дѣятельность наиболѣе прогрессивныхъ его членовъ. Тогда государь, по возвращеніи изъ заграничной поѣздки, желая оживить дѣятельность комитета, назначилъ въ августѣ 1857 г. членомъ его великаго князя Константина Николаевича, извѣстнаго своимъ либеральнымъ образомъ мыслей. Послѣдовалъ рядъ совѣщаній его съ членами комитета по вопросу о главныхъ началахъ предстоящей реформы, и, наконецъ, послѣ бурныхъ засѣданій 16, 17 и 18 августа комитетъ рѣшился сдѣлать свои постановленія, настолько умѣренныя и осторожныя, что даже слова „освобожденіе крестьянъ“ или „уничтоженіе крѣпостного права“ замѣнены были неопредѣленнымъ выраженіемъ „улучшеніе быта помѣщичьихъ крестьянъ“. Улучшеніе это комитетъ предполагалъ произвести „съ должной осторожностью и постепенностью“ въ три періода. Въ первый періодъ министръ внутреннихъ дѣлъ долженъ былъ собрать для комитета необходимыя данныя посредствомъ сношеній съ мѣстными властями и опытными помѣщиками, но безъ огласки. Срока на это не назначалось, „дабы не стѣснять министра“. Въ этотъ же періодъ предполагалось издать указъ о дозволеніи дворянамъ отпускать крестьянъ на волю цѣлыми селеніями на разныхъ условіяхъ по добровольному взаимному соглашенію и съ утвержденія правительства; для этого предполагалось подготовить проекты условій и представить въ Государственный Совѣтъ проектъ смягченія нѣкоторыхъ помѣщичьихъ правъ. Во второмъ періодѣ рѣшено было составить на основаніи тѣхъ свѣдѣній, которыя соберетъ министръ, проектъ положенія о помѣщичьихъ крестьянахъ на переходный періодъ, который будетъ продолжаться не менѣе 10 лѣтъ. Въ третій періодъ должно было произвести окончательное устройство крестьянъ, т.-е. предоставленіе имъ всѣхъ правъ свободнаго состоянія.

Нетрудно замѣтить, что всѣ эти постановленія комитета были направлены къ тому, чтобы затянуть дѣло, но государь, тѣмъ не менѣе, благодарилъ членовъ комитета за ихъ трудъ и приказалъ исполнить сдѣланное постановленіе. Тогда комитетъ составилъ четырнадцать вопросовъ о нѣкоторыхъ част-

ныхъ законодательныхъ мѣрахъ, нужныхъ для подготовки общаго рѣшенія, и пригласилъ своихъ членовъ доставить на нихъ отвѣты къ половинѣ ноября. Самый характеръ сдѣланныхъ вопросовъ показываетъ, что ближайшей задачей преобразованія крестьянскаго быта члены комитета считали не уничтоженіе крѣпостного права, а лишь смягченіе его и нѣкоторое уменьшеніе власти помѣщика. Но прежде чѣмъ комитетъ успѣлъ обсудить свои предположенія о палліативныхъ мѣрахъ, случилось событіе, которое сразу измѣнило ходъ крестьянскаго дѣла. Этимъ событіемъ было возвращеніе въ Петербургъ въ концѣ октября виленскаго генералъ-губернатора Назимова.

Временно-обязанные крестьяне Кузнецкаго уѣзда (Альб. Павлова).

Назимовъ удачно исполнилъ возложенное на него порученіе: онъ переговорилъ съ дворянами Виленской, Гродненской и Ковенской губерній и привезъ теперь отъ нихъ адресъ на Высочайшее имя съ выраженіемъ желанія освободить крестьянъ, но безъ земли. Литовскіе дворяне приняли это рѣшеніе, потому что Назимовъ далъ имъ понять, что въ противномъ случаѣ имъ грозитъ такая реформа инвентарныхъ правилъ, которая еще больше затронетъ ихъ права и выгоды.

Комитетъ, собиравшійся только по субботамъ, истратилъ три недѣли на обсужденіе предложенія литовскихъ дворянъ, но мнѣнія его членовъ настолько разошлись, что нельзя было принять опредѣленнаго рѣшенія. Тогда государь, раздраженный нерѣшительностью комитета, сталъ на сторону тѣхъ членовъ его, которые считали необходимымъ немедленно воспользоваться представленнымъ адресомъ для офиціальнаго заявленія о томъ, что правительство приступило къ преобразованію крестьянскаго быта на началахъ обезпеченія крестьянъ усадьбами въ собственность и полевыми угодьями въ

пользованіе. Въ этомъ духѣ Ланскому и приказано было составить въ трехдневный срокъ отвѣтъ на привезенный Назимовымъ адресъ. Этотъ отвѣтъ въ формѣ рескрипта на имя Назимова былъ подписанъ государемъ 20 ноября 1857 г.

Рескриптъ 20 ноября сыгралъ чрезвычайно важную роль въ ходѣ крестьянской реформы и послужилъ началомъ рѣшительныхъ дѣйствій правительства, двинувшихъ, наконецъ, крестьянское дѣло впередъ. Правительство очень широко, почти безцеремонно воспользовалось той невольной инціативой, какую проявили дворяне Ковенской, Виленской и Гродненской губерній, вынужденные просить объ уничтоженіи невыгоднаго для нихъ при инвентарныхъ правилахъ крѣпостного права. Одобряя „благія намѣренія, изъявленныя“ литовскими дворянами относительно крестьянъ, рескриптъ предлагалъ имъ открыть въ каждой губерніи и подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя дворянства комитетъ, составленный изъ выборныхъ отъ дворянъ, по одному отъ уѣзда, и двухъ помѣщиковъ, назначенныхъ губернаторомъ. Комитеты должны были составить подробные „проекты объ устройствѣ и улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ“, каждый для своей губерніи. Кромѣ этихъ „пріуготовительныхъ“ комитетовъ, предлагалось открыть потомъ въ Вильнѣ одну общую комиссію для сводки проектовъ. Пока все это почти соотвѣтствовало желаніямъ дворянъ, но дальше рескриптъ устанавливалъ главныя основанія, которыя комитеты должны были имѣть въ виду при составленіи своихъ проектовъ, и этимъ почти лишалъ ихъ всякой самостоятельности, навязывая имъ свои взгляды на способъ разрѣшенія крестьянскаго вопроса. Основанія эти выражены были въ трехъ пунктахъ:

1) Помѣщикамъ сохраняется право собственности на всю землю, но крестьянамъ оставляется ихъ усадебная осѣдлость, которую они пріобрѣтаютъ въ теченіе опредѣленнаго времени, въ свою собственность посредствомъ выкупа; сверхъ того, предоставляется въ пользованіе крестьянъ надлежащее по мѣстнымъ удобствамъ, для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей передъ правительствомъ и помѣщикомъ, количество земли, за которое они или платятъ оброкъ или отбываютъ работу помѣщику.

2) Крестьяне должны быть распредѣлены на сельскія общества, помѣщикамъ же предоставляется вотчинная полиція,—и

3) При устройствѣ будущихъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ должна быть надлежащимъ образомъ обезпечена исправная уплата государственныхъ и земскихъ податей и денежныхъ сборовъ.

Какъ твердо стояло правительство на проведеніи началъ, выраженныхъ въ рескриптѣ, видно изъ того, что оно не удовольствовалось рескриптомъ, и министръ внутреннихъ дѣлъ сопроводилъ рескриптъ особымъ отношеніемъ къ Назимову, въ которомъ пояснялъ рескриптъ и сообщалъ свои соображенія, долженствовавшія служить дворянскимъ комитетамъ пособіемъ при ихъ работѣ.

Министръ уже говорилъ не объ улучшеніи быта крестьянъ, а объ „освобожденіи крѣпостного сословія“. Самымъ важнымъ въ отношеніи министра было то, что, говоря о необходимости уничтожить крѣпостное право не вдругъ, а постепенно, онъ впервые устанавливалъ понятіе переходнаго состоянія крестьянъ на срокъ не болѣе 12 лѣтъ и давалъ указанія, имѣвшія въ виду именно этотъ переходный періодъ. Допущеніе переходнаго, или, какъ потомъ говорили, срочно-обязаннаго періода, конечно, имѣло свои удобства, но, съ другой стороны, этотъ именно пунктъ отношенія вызвалъ потомъ рядъ недоразумѣній, основанныхъ на томъ, что изъ указаній, какъ надо поступать въ переходный періодъ, не было ясно, каково должно быть окончательное устройство крестьянъ? И неясными оставались какъ разъ самые важные вопросы. Рескриптъ, а вслѣдъ за нимъ и отношеніе министра говорили, что крестьяне пріобрѣтаютъ усадебную осѣдлость въ собственность посредствомъ выкупа и получаютъ полевую землю въ пользованіе за точно опредѣленныя повинности. Теперь, когда допущенъ былъ переходный періодъ, вставали непредусмотрѣнные отношеніемъ вопросы о томъ, что будетъ по окончаніи переходнаго періода: 1) будетъ ли тогда оставаться за крестьянами право на выкупъ усадебъ и на пользованіе ими, если они не приступятъ къ ихъ выкупу раньше, и 2) будетъ ли обязанъ помѣщикъ и по окончаніи пероходнаго періода отводить крестьянамъ надѣлы, другими словами: въ безсрочное или во временное пользованіе крестьянъ поступаетъ помѣщичья земля?

Гонакъ (Рѣпина).

Сначала предполагалось не опубликовывать ни Высочайшаго рескрипта, даннаго Назимову, ни отношенія Ланского, но 22 ноября, принимая воронежскаго губернатора Синельникова, государь разсказалъ ему о состоявшихся распоряженіяхъ, а черезъ два дня былъ сдѣланъ еще болѣе рѣшительный шагъ: оба эти документа въ печатномъ видѣ были разосланы всѣмъ начальникамъ губерній и губернскимъ предводителямъ дворянства „для свѣдѣнія и соображенія на случай, если бы дворянство (другихъ губерній) изъявило

подобное желаніе". Но такъ какъ въ ближайшіе дни ни одно дворянство подобнаго желанія заявить не успѣло, то рѣшено было воспользоваться тѣмъ, что дворяне Петербургской губерніи еще въ началѣ 1857 года представили въ секретный комитетъ свои предположенія о введеніи у нихъ инвентарныхъ правилъ, опредѣляющихъ взаимныя отношенія помѣщиковъ и крестьянъ. 5 декабря на имя петербургскаго генералъ-губернатора Игнатьева данъ былъ рескриптъ, разрѣшавшій петербургскимъ дворянамъ открыть комитетъ для составленія проекта положенія объ устройствѣ и улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ на Высочайше указанныхъ главныхъ основаніяхъ, одинаковыхъ съ тѣми, какія были изложены въ рескриптѣ Назимову. Къ рескрипту добавлено было и новое отношеніе Ланского.

9 декабря, принимая депутацію петербургскихъ дворянъ, государь уже лично повторилъ дворянамъ, что считаетъ неотложнымъ дѣломъ разрѣшеніе крестьянскаго вопроса. Послѣ этого намѣренія правительства стали слишкомъ извѣстны для того, чтобы попрежнему держать ихъ въ секретѣ, и 17 декабря документы 20 ноября и 5 декабря черезъ газеты были опубликованы во всеобщее свѣдѣніе. Этотъ день является очень важнымъ моментомъ въ ходѣ крестьянской реформы: изъ стѣнъ канцелярій вопросъ выходилъ теперь на широкое поле гласности, и къ прежней силѣ, толкавшей дворянство къ реформѣ, къ указаніямъ правительства, прибавилась теперь новая могучая сила въ лицѣ общественнаго мнѣнія.

Е. Вишняковъ.

II. Губернскіе дворянскіе комитеты 1858–1859 гг.

А. А. Корнилова.

Изъ губернскихъ дворянствъ первымъ откликнулось на правительственный призывъ нижегородское, которое сумѣлъ расшевелить и подзадорить нижегородскій губернаторъ — старый либералъ А. Н. Муравьевъ, бывшій когда-то однимъ изъ иниціаторовъ возникновенія тайныхъ обществъ послѣ наполеоновскихъ войнъ. Впрочемъ, еще ранѣе, нежели нижегородскому дворянству, данъ былъ рескриптъ, аналогичный съ назимовскимъ, петербургскому генералъ-губернатору Игнатьеву, при чемъ дворянству Петербургской губерніи предложено было открыть губернскій комитетъ и приступить къ обсужденію крестьянской реформы на одинаковыхъ съ литовскими дворянами основаніяхъ въ виду того, что это петербургское дворянство уже нѣсколько разъ выражало желаніе ввести въ своихъ имѣніяхъ нѣчто въ родѣ

инвентарныхъ правилъ. Затѣмъ волей-неволей подало адресъ московское дворянство, а за нимъ стали одно за другимъ подавать свои адреса объ открытіи у нихъ губернскихъ комитетовъ и дворянства прочихъ губерній. Къ іюлю 1858 г. не оставалось ни одной губерніи, въ которой бы дворянство не заявило о своемъ желаніи приступить къ освобожденію и разработкѣ основаній реформы. Къ концу 1858 г. повсюду уже были открыты губернскіе комитеты, въ основу работъ которыхъ всюду предложены были тѣ же самыя основанія, какія указаны были въ рескриптѣ 20 ноября 1857 г. литовскимъ дворянамъ.

Хотя дворянство повсемѣстно нашло себя вынужденнымъ приступить къ реформѣ, однакоже отношеніе помѣщиковъ къ основамъ ея, указаннымъ

Благословеніе на крестьянской свадьбѣ. (Деревянная доска; хранится въ Тверскомъ музеѣ).

въ рескриптахъ, было далеко неодинаковое. Не говоря о страхѣ, озлобленіи и отчаяніи, овладѣвшихъ повсемѣстно отсталыми и завзятыми крѣпостниками, и болѣе просвѣщенные элементы среди дворянскаго сословія, даже передовые и либерально настроенные представители дворянства, не могли повсюду одинаково отнестись къ предложеннымъ имъ основаніямъ реформы. Ихъ отношеніе къ рескриптамъ опредѣлялось прежде всего мѣстными климатическими, почвенными и экономическими условіями, которыя были отнюдь не одинаковы въ разныхъ губерніяхъ. Въ этомъ отношеніи особенно рѣзко отличались интересы помѣщиковъ хлѣбородныхъ черноземныхъ губерній отъ интересовъ помѣщиковъ нечерноземной промышленной полосы. Въ первыхъ

изъ нихъ вся цѣнность помѣщичьихъ имѣній заключалась въ землѣ, а крѣпостной трудъ цѣнился очень низко и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ населеніе особенно уплотнилось въ первой половинѣ XIX вѣка, крѣпостные становились въ глазахъ наиболѣе сознательныхъ и смышленыхъ помѣщиковъ просто обузою, отъ которой даже пріятно было отдѣлаться. Это особенно ярко чувствовалось въ годы неурожаевъ, когда приходилось заботиться о прокормленіи своихъ размножившихся крѣпостныхъ, трудъ которыхъ въ условіяхъ подневольнаго крѣпостного хозяйства, очень трудно было продуктивно утилизировать. Наоборотъ, въ нечерноземныхъ промышленныхъ губерніяхъ земля цѣнилась очень низко, обрабатывалась далеко не вся, при чемъ помѣщики нерѣдко и не жили сами въ своихъ имѣніяхъ и не вели въ нихъ собственнаго хозяйства, а извлекали доходъ изъ сторонніхъ заработковъ и промысловъ своихъ крестьянъ, которыхъ они облагали оброкомъ, достигавшимъ въ наиболѣе промышленныхъ и торговыхъ мѣстностяхъ иногда очень значительныхъ размѣровъ, отчего имѣнія въ этихъ неплодородныхъ губерніяхъ цѣнились въ дореформенное время нерѣдко болѣе высоко, нежели въ самыхъ плодородныхъ и черноземныхъ. Понятно, что здѣсь главную цѣну имѣній составляли сами крѣпостные крестьяне.

Независимо отъ этихъ основныхъ мѣстныхъ различій существовало еще много другихъ, почти столь же существенныхъ. Такъ, въ губерніяхъ западныхъ земля не особенно плодородна, но благодаря значительной густотѣ населенія, слабому развитію неземледѣльческихъ промысловъ, находившихся въ рукахъ городского населенія, и издавна улучшенной системѣ обработки земель, помѣщики больше дорожили своей землей, нежели въ великорусскихъ нечерноземныхъ губерніяхъ, и гораздо менѣе крѣпостнымъ правомъ надъ личностью своихъ крестьянъ. Въ степныхъ, хотя и плодородныхъ, но отдаленныхъ и малонаселенныхъ губерніяхъ юго-восточныхъ и отчасти новороссійскихъ, помѣщики, располагая огромными неразработанными земельными пространствами, дорожили болѣе всего людьми и стремились всячески удержать ихъ на землѣ. Всѣ эти природныя и экономическія различія въ разныхъ губерніяхъ отозвались прежде всего на отношеніи помѣщиковъ этихъ губерній и въ особенности наиболѣе сознательныхъ изъ нихъ къ самымъ основамъ предпринимаемой реформы.

Я. А. Соловьевъ, стоявшій въ то время въ самомъ центрѣ правительственныхъ распоряженій по крестьянскому дѣлу, сообщаетъ въ своихъ запискахъ, что „полнаго, безусловнаго сочувствія и желанія приступить къ освобожденію крестьянъ на указанныхъ правительствомъ основаніяхъ не обнаружилось ни въ одной губерніи“. Губернаторы и губернскіе предводители въ отвѣтъ на запросы Министерства Внутреннихъ Дѣлъ отовсюду сообщали свѣдѣнія о затрудненіяхъ, препятствіяхъ и даже совершенной непримѣнимости опубликованныхъ въ рескриптахъ началъ. Особенно

яркую и осмысленную критику правительственной программы представилъ тверской губернскій предводитель дворянства А. М. Унковскій, сумѣвшій весьма удачно соединить признаніе и охрану всѣхъ существенныхъ интересовъ помѣщиковъ черноземныхъ промышленныхъ губерній съ такой постановкой ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній, которая была гораздо болѣе радикальна, нежели программа, предложенная правительствомъ [1]). Мнѣніе Унковскаго вызвало полное одобреніе со стороны всѣхъ болѣе просвѣщенныхъ и сознательныхъ помѣщиковъ черноземныхъ промышленныхъ губерній. Нѣкоторые изъ нихъ приходили къ аналогичнымъ выводамъ и не-

Крестьянская свадьба. (Твер. музей).

зависимо отъ Унковскаго (напр., въ Смоленской и Калужской губерніяхъ) и лишь выражали ихъ съ меньшей опредѣленностью и настойчивостью.

Въ губерніяхъ чисто земледѣльческихъ и въ особенности черноземныхъ и густонаселенныхъ помѣщики выражали, наоборотъ, готовность отпустить своихъ крѣпостныхъ на волю хотя бы и безвозмездно, но безъ всякаго земельнаго надѣла. Наиболѣе ловкіе изъ нихъ, какъ, напр., полтавскій помѣщикъ М. П. Позенъ, понимали, что на это трудно получить согласіе правительства, и что такая реформа не можетъ быть произведена разомъ безъ всеобщаго потря-

[1]) Содержаніе записки А. М. Унковскаго см. тоже въ статьѣ о немъ.

сенія. Они шли, такъ сказать, въ обходъ и, признавая, съ своей стороны, необходимость переходнаго срочно-обязаннаго періода, на время котораго они соглашались оставить нѣкоторый (уменьшенный) надѣлъ крестьянамъ за повинности, при условіи сохраненія за помѣщиками сильной вотчинной власти, предполагали, что исходомъ изъ этого временнаго переходнаго положенія должно быть полное и притомъ безвозмездное освобожденіе крестьянъ, но безъ земли, съ переходомъ всѣхъ крестьянскихъ надѣловъ въ полное распоряженіе помѣщиковъ. Они соглашались при этомъ уступить крестьянамъ за выкупъ усадьбы — это имъ было выгодно, такъ какъ удерживало бы крестьянъ отъ выселенія изъ ихъ имѣній и, слѣдовательно, гарантировало имъ на будущее время дешевыхъ рабочихъ, — но съ тѣмъ, чтобы и послѣ окончательнаго освобожденія крестьянъ за помѣщиками остались нѣкоторыя вотчинно полицейскія права и чтобы мѣстное управленіе сосредоточилось на будущее время въ ихъ рукахъ.

Сознаніе мѣстныхъ помѣщичьихъ интересовъ отражалось на взглядахъ даже такого принципіальнаго и убѣжденнаго защитника крестьянскихъ интересовъ, какимъ былъ Ю. Ѳ. Самаринъ, помѣщикъ малонаселеннаго степного Поволжья. Самаринъ краснорѣчиво и убѣдительно защищалъ съ точки зрѣнія мѣстныхъ интересовъ необходимость переходнаго состоянія. Онъ доказывалъ, что и помѣщичьи хозяйства не выдержатъ единовременнаго и повсемѣстнаго прекращенія барщины, и крестьяне не будутъ въ состояніи сразу же начать платить выкупные платежи за полные надѣлы, а урѣзать надѣлъ онъ считалъ совершенно невозможнымъ уже съ точки зрѣнія крестьянскихъ интересовъ. И какъ ни мало сочувствовали въ этомъ Самарину дикіе помѣщики южнаго Поволжья, однакоже ему удалось убѣдить ихъ въ губернскомъ комитетѣ (Самарскомъ) и усадьбы оцѣнить очень дешево и надѣлы проектировать своимъ крестьянамъ достаточные. Удалось все это благодаря тому, разумѣется, что важнѣйшій интересъ самарскихъ помѣщиковъ заключался въ томъ, чтобы удержать на мѣстахъ въ своихъ имѣніяхъ новое, едва осѣвшее крестьянское населеніе, которое при бездомномъ и безземельномъ освобожденіи могло легко разбрестись.

Въ числѣ помѣщиковъ-аристократовъ, мечтавшихъ о насажденіи въ Россіи западно-европейскихъ порядковъ феодальнаго происхожденія, была еще небольшая, но вліятельная группа, главнымъ образомъ, въ Петербургской губерніи, гдѣ вожаками ея являлись Шуваловы и Платоновъ,—группа, которая желала порядки, предлагавшіеся въ рескриптѣ, какъ временные и переходные, закрѣпить навсегда. Эта группа не стремилась къ обезземеленью крестьянъ и усиленію экономической ихъ эксплоатаціи, но она желала бы создать и закрѣпить навсегда за помѣщиками своего рода вотчинное сеньоріальное право, подобное тому, какое существовало въ Остзейскихъ губерніяхъ до полной отмѣны въ нихъ крѣпостного права въ 1816—1819 гг.

Таковы были настроенія помѣщиковъ, вызванныя рескриптами, въ моментъ открытія занятій губернскихъ комитетовъ. Составъ губернскихъ комитетовъ былъ чисто-дворянскій. Во главѣ комитета стоялъ губернскій предводитель дворянства, членами были помѣщики, выбранные на дворянскихъ собраніяхъ по два отъ каждаго уѣзда, и, сверхъ того, два лица, назначенныя отъ правительства изъ числа мѣстныхъ же помѣщиковъ [1]). На этихъ послѣднихъ возлагалась защита крестьянскихъ интересовъ, такъ какъ крестьяне не имѣли въ комитетахъ своихъ собственныхъ представителей. Выборъ этихъ

Меньшинство тульскаго губернскаго комитета. (Съ кн. В. А. Черкасскимъ).

лицъ зависѣлъ всецѣло отъ губернаторовъ, а такъ какъ эти послѣдніе далеко не вездѣ были на высотѣ своего положенія, то во многихъ комитетахъ въ эти представители крестьянскихъ и государственныхъ интересовъ попали лица не совсѣмъ подходящія. Что касается всего личнаго состава губернскихъ комитетовъ, то, разбирая его въ особой запискѣ, представленной императору Александру въ концѣ 1859 г., министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской утверждалъ, что изъ 1.377 членовъ всѣхъ комитетовъ „едва ли $^1/_{10}$ доля занималась

[1]) Въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ, по рескрипту, данному Назимову, полагалось въ губернскій комитетъ избрать лишь по одному представителю дворянства отъ каждаго уѣзда.

предложеннымъ предметомъ. Остальные безсознательно покорялись вліянію нѣсколькихъ людей, успѣвшихъ овладѣть дѣломъ". Этотъ отзывъ, какъ я старался показать въ монографіи своей о губернскихъ комитетахъ, едва ли справедливъ. На самомъ дѣлѣ дворянство выбрало въ губернскіе комитеты, конечно, наиболѣе сознательныхъ и самыхъ выдающихся своихъ представителей, которыхъ можно обвинять въ сильномъ, сословномъ и классовомъ эгоизмѣ, но которые дѣйствовали при этомъ, несомнѣнно, вполнѣ сознательно и съ полнымъ пониманіемъ дѣла. Физіономія типичнаго губернскаго комитета была обыкновенно такова: 5—6 отъявленныхъ крѣпостниковъ, которые, однакоже, не пытались отстоять крѣпостное право, а измышляли наиболѣе выгодные для помѣщиковъ способы его ликвидаціи, 3—4—иногда меньше, рѣдко больше—сознательныхъ и убѣжденныхъ либераловъ, стремившихся по возможности соблюсти интересы крестьянъ безъ явнаго нарушенія помѣщичьихъ интересовъ, и, наконецъ, остальные обыкновенно болѣе половины личнаго состава умѣренные оппортюнисты, понимавшіе неизбѣжность реформы и желавшіе провести ее съ возможно полной охраной помѣщичьихъ интересовъ и выгодъ и съ возможно меньшимъ потрясеніемъ хозяйственной жизни страны.

Первоначально правительство намѣревалось предоставить комитетамъ полную свободу въ способахъ разработки тѣхъ основныхъ положеній, которыя указаны были въ рескриптахъ; но уже въ мартѣ 1858 г., когда занятія были начаты въ одномъ только петербургскомъ комитетѣ, въ главномъ комитетѣ созрѣло рѣшеніе объединить работы комитетовъ и дать однаковыя, для всѣхъ обязательныя, формы проектовъ, чтобы облегчить возможность составленія изъ нихъ впослѣдствіи общаго свода и внести возможно больше единства и въ самое существо ихъ предположеній. Поэтому рѣшено было дать имъ подробную программу, регулирующую всѣ ихъ дѣйствія. Сперва проектъ такой программы выработанъ былъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ Левшинымъ, но онъ не получилъ одобренія въ главномъ комитетѣ, гдѣ въ это время руководительство дѣломъ сосредоточивалось все болѣе въ рукахъ Ростовцева. Ростовцевъ находился въ это время подъ большимъ вліяніемъ Позена, добивавшагося тогда получить доступъ къ высшимъ государственнымъ должностямъ и въ то же время ловко проводившаго въ дѣлѣ крестьянской реформы интересы помѣщиковъ южныхъ черноземныхъ губерній Программа и была составлена, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія этихъ послѣднихъ. Въ ней искусно подсказывалась комитетамъ мысль о томъ, что всѣ указанія рескриптовъ,—а въ томъ числѣ и обязательный отводъ крестьянамъ земельныхъ надѣловъ, относятся къ одному лишь переходному срочно-обязанному періоду. Впослѣдствіи Позенъ пытался даже въ редакціонныхъ комиссіяхъ въ Петербургѣ доказывать, что мысль эта была опредѣленно одобрена правительствомъ. Въ дѣйствительности онъ очень хорошо зналъ, что ни Ростовцевъ, ни государь на это не согласны, и потому открыто въ

программѣ это не было выражено. Программа раздѣляла всю дѣятельность комитетовъ на три періода. Въ первомъ періодѣ комитеты должны были собрать и разработать всѣ нужныя для дальнѣйшаго обсужденія вопроса статистическія сельско-хозяйственныя свѣдѣнія и выработать проектъ устройства крестьянъ на условіяхъ личнаго освобожденія, но съ сохраненіемъ временной крѣпости ихъ землѣ и подчиненіемъ вотчинной власти помѣщиковъ. При этомъ дѣлу искусно придавался такой видъ, что не земля укрѣплялась за крестьянами въ безсрочное пользованіе, какъ указано было въ рескриптахъ и сопроводительныхъ разъясненіяхъ министерства, а крестьяне временно привязывались къ землѣ, и, слѣдовательно, отсюда легко было сдѣлать тотъ

На гумнѣ (Лебедева).

выводъ, что при окончательной ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній въ третьемъ періодѣ дѣятельности комитетовъ связь эта могла быть окончательно развязана при помощи полнаго, но безземельнаго освобожденія крестьянъ, которые получили бы вмѣстѣ съ волей лишь усадебную осѣдлость, имп же выкупленную и ихъ же экономически приковывающую къ имѣніямъ и подчиняющую полному произволу землевладѣльцевъ. Въ программѣ все это не было выражено черпымъ на бѣломъ, но такой выводъ легко было сдѣлать изъ нея тѣмъ комптетамъ, которымъ онъ могъ быть выгоденъ. Большаго Позену, пожалуй, и не требовалось. Однако, когда программа была опубликована и разослана въ апрѣлѣ 1858 г., то противъ нея рѣзко возстали комитеты нечерноземныхъ промышленныхъ губерній, которые она связывала въ

ихъ работахъ самымъ невыгоднымъ для нихъ образомъ, навязывая имъ, какъ неизбѣжное, то переходное срочно-обязанное положеніе, котораго они отнюдь не могли желать. Первый возсталъ тверской комитетъ, который, послѣ того какъ въ немъ принятъ былъ большинствомъ голосовъ планъ работъ, предложенный его предсѣдателемъ Унковскимъ, опредѣленно заявилъ правительству, что онъ можетъ составить по большинству голосовъ только проектъ полнаго и немедленнаго освобожденія крестьянъ съ землей на началахъ выкупа, а что если такого проекта не надо, то пусть дѣло поручено будетъ чиновникамъ, которые напишутъ все, что имъ будетъ приказано. Рѣшительное заявленіе тверского комитета подѣйствовало на правительство тѣмъ сильнѣе, что самъ Ростовцевъ, а съ нимъ и императоръ Александръ начали въ это время приходить къ убѣжденію, что переходное срочно-обязанное состояніе чревато опасностями, столкновеніями и трудностями всякаго рода, что при немъ, пожалуй, дѣйствительно придется при помощи чрезвычайныхъ мѣръ поддерживать порядокъ среди крестьянъ, объявленныхъ лично свободными и въ то же время обязанныхъ нести въ пользу помѣщиковъ разнаго рода повинности и находиться въ ихъ власти. Съ другой стороны, выкупныя кредитныя операціи, направленныя къ выкупу крестьянскихъ надѣловъ при содѣйствіи государства, при ближайшемъ изученіи вопроса уже не представлялись ни царю, ни Ростовцеву такими безнадежными и опасными для казны, какъ сначала. Тверскому комитету разрѣшено было составить выкупной проектъ, согласно плану Унковскаго. Вскорѣ того же добился и калужскій комитетъ. Разрѣшеніе, данное этому послѣднему, было сообщено и другимъ комитетамъ, которые еще не закончили къ тому времени своихъ занятій. Нѣкоторые изъ нихъ, впрочемъ, приступили къ составленію выкупныхъ проектовъ еще до полученія правительственнаго разрѣшенія.

Выкупные проекты, кромѣ тверского (большинства) и калужскаго (большинство и меньшинство) комитетовъ, представили слѣдующіе комитеты: новгородскій (большинство и меньшинство), ярославскій, меньшинство нижегородскаго, оба меньшинства (5 и 6 членовъ) владимирскаго, меньшинство симбирскаго, пензенскій, саратовскій, 2 члена рязанскаго, меньшинство московскаго, могилевскій и харьковскій. Но изъ всѣхъ этихъ проектовъ рѣшеніе вопроса при помощи выкупа признавали единственно правильнымъ рѣшеніемъ крѣпостного вопроса въ своихъ проектахъ лишь комитеты: тверской, калужскій и харьковскій и меньшинства: оба владимирскія, рязанское (2 члена) и симбирское (5 членовъ).

Въ большинствѣ комитетовъ самая страстная борьба сосредоточивалась, главнымъ образомъ, около слѣдующихъ насущныхъ вопросовъ: о выкупѣ и оцѣнкѣ усадебъ, о надѣленіи крестьянъ землей, объ установленіи повинностей за отводимые надѣлы и о сохраненіи вотчинной власти помѣщиковъ.

Первый изъ этихъ вопросовъ—о выкупѣ и оцѣнкѣ усадебъ—вызывалъ особенно острыя прения въ началѣ занятій большинства комитетовъ, когда еще не было разрѣшено составленіе выкупныхъ проектовъ. Больше всего онъ занималъ, конечно, комитеты нечерноземныхъ промышленныхъ губерній, для которыхъ вся эта операція отдѣльнаго выкупа усадебъ собственно и была придумана министерствомъ. Въ корнѣ этого вопроса лежала несомнѣнная фальшь. Вмѣсто того, чтобы откровенно признать неизбѣжность вознагражденія помѣщиковъ этихъ губерній за потерю цѣнности ихъ имѣній отъ утраты оброковъ, получавшихся отъ эксплоатаціи рабочей силы крестьянъ, или опредѣленно отказаться отъ такого вознагражденія, правительство пошло

Ночью въ избѣ (эскизъ Перова).

въ этомъ случаѣ на уловки. Оно объявило, что личность крестьянъ должна быть всюду освобождена безвозмездно, но въ то же время, не желая обидѣть и разорить помѣщиковъ оброчныхъ промысловыхъ имѣній, хотѣло имъ дать возможность вознаградить этотъ ущербъ при помощи повышенной оцѣнки усадебъ, выкупъ которыхъ первоначально признавался для крестьянъ обязательнымъ. Очень скоро правительство сообразило неудобство своей позиціи, и уже въ февралѣ 1858 г. Ланской разъяснилъ, что выкупъ усадебъ не можетъ считаться для крестьянъ обязательнымъ и что лично свободными они должны быть признаны независимо отъ того, когда приступятъ къ выкупу усадебъ; но комитеты большей части губерній (даже и земледѣльческихъ черноземныхъ) крѣпко ухватились за предоставленную имъ возможность. Аппетиты многихъ изъ нихъ именно по этому пункту разгорѣлись безъ

всякой мѣры и они выработали въ большинствѣ случаевъ такія оцѣнки усадебъ, которыя были ни съ чѣмъ несообразны. Десятина усадебной земли во многихъ губерніяхъ была оцѣнена свыше 400 руб., въ нѣкоторыхъ—даже до 1.200 руб. (для нѣкоторыхъ мѣстностей Московской), при чемъ еще, сверхъ того, многіе комитеты считали возможнымъ требовать вознагражденія и за всѣ усадебныя постройки по особой оцѣнкѣ (19 комитетовъ изъ 43). Съ особенной ясностью выступаютъ расчеты, руководившіе помѣщиками въ дѣлѣ оцѣнки усадебъ, въ проектѣ, составленномъ ярославскимъ губернскимъ комитетомъ. Комитетъ этотъ положилъ за усадебную осѣдлость по 160 руб. съ души или 320 руб. съ тягла. Эта цифра выведена слѣдующимъ образомъ: средній доходъ оброчныхъ имѣній въ Ярославской губерніи былъ выведенъ въ 13 руб. 50 коп. съ души при надѣлѣ въ 5 дес. на душу, при чемъ стоимость земли была опредѣлена (по даннымъ Министерства Государственныхъ Имуществъ) 22 руб. за десятину или за 5 дес. 110 руб., 5% съ которыхъ принимались за нормальный доходъ съ земли, что составляло 5 руб. 50 коп. Эти 5 руб. 50 коп. вычитали изъ 13 руб. 50 коп. и остальные 8 руб. съ души раскладывали на усадьбы, капитализируя ихъ изъ 5%, что и давало въ результатѣ 160 руб. съ души.

Что касается размѣровъ отводимыхъ крестьянамъ земельныхъ надѣловъ, то, конечно, самое простое рѣшеніе этого вопроса заключалось бы въ отводѣ крестьянамъ тѣхъ самыхъ надѣловъ, которыми они пользовались при крѣпостномъ правѣ, съ исправленіемъ лишь тѣхъ аномалій, которыя могли встрѣчаться въ отдѣльныхъ случаяхъ въ ту и другую сторону. Тѣ немногіе комитеты, которые остановились на этой мысли, выставили, въ видѣ обоснованія ея, слѣдующія соображенія: 1) невозможность опредѣлить общую норму надѣла, которая обезпечивала бы вполнѣ бытъ и повинности крестьянъ, при чемъ нѣкоторые пояснили, что бытъ и повинности нигдѣ не обезпечиваются однимъ земледѣліемъ, но также и промыслами; 2) невозможность скораго приведенія въ исполненіе нормальнаго надѣла по недостатку межевыхъ и кадастровыхъ средствъ; 3) неизбѣжное разстройство отъ измѣненія надѣла въ хозяйствѣ какъ крестьянъ, такъ и самого помѣщика

Впрочемъ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что и тѣ немногіе комитеты, которые проектировали отводъ крестьянамъ существующихъ надѣловъ, прибавляли оговорку: если эти надѣлы не превышаютъ все же извѣстной нормы. При этомъ большинство тверского комитета, меньшинство 6 членовъ владимирскаго, ярославскій комитетъ и большинство самарскаго указывали предѣльныя нормы, дѣйствительно близкія къ существовавшимъ въ то время de facto надѣламъ (4, 4½, 5 и 8 десятинъ на душу), прочіе же комитеты, исходившіе будто бы въ своихъ проектахъ изъ существующихъ надѣловъ, указывали нормы значительно ниже существовавшихъ въ дѣйствительности. Таковы проекты тверского меньшинства (3 дес.), владимирскаго меньшинства

Крестьянки Воронежскаго уѣзда.

(Альбомъ *Павлова*).

5 членовъ (3 дес.), тульскаго меньшинства (2 дес.). Въ нижегородскомъ комитетѣ и большинство и меньшинство проектировали сохраненіе существующихъ надѣловъ лишь въ промысловыхъ и торговыхъ мѣстностяхъ, т.-е. тамъ, гдѣ они не имѣли большого значенія.

Изъ губернскихъ комитетовъ, установлявшихъ опредѣленныя нормы надѣловъ, проектировали размѣры, болѣе или менѣе достаточные и близкіе къ существовавшимъ надѣламъ, главнымъ образомъ, комитеты нечерноземныхъ губерній: Петербургской, Псковской, бѣлорусскихъ, литовскихъ и одной степной—Оренбургской. Относительно благопріятныя для крестьянъ нормы установлялись также въ проектахъ меньшинства вологодскаго, черниговскаго и 5 членовъ симбирскаго комитетовъ.

Н. А. Обнинскій. (Альб. калуж. дѣят.).

Менѣе достаточныя нормы изъ числа комитетовъ нечерноземныхъ губерній проектировали: вологодскій, новгородскій (больш. и меньш.), владимирскій (больш.), калужскій, костромской, вятскій и пермскій.

Изъ комитетовъ болѣе плодородныхъ центрально-черноземныхъ, юго-западныхъ и южныхъ губерній щедрѣе другихъ, но все же далеко недостаточно, проектировали надѣлить крестьянъ комитеты: пензенскій, рязанскій, орловскій, екатеринославскій, таврическій, астраханскій, кіевскій, подольскій и волынскій.

Безусловно недостаточные надѣлы проектировали изъ сѣверныхъ нечерноземныхъ губерній лишь олонецкій (2 дес. на душу при переложномъ хозяйствѣ) и московскій (1,3—2 дес. на душу). Комитеты же центрально-черноземныхъ и малороссійскихъ губерній по большей части проектировали совершенно недостаточные надѣлы въ 1—1$^1/_2$ дес. на душу (тульскій, курскій, воронежскій, тамбовскій, казанскій, симбирскій — большинство и полтавскій). Почти столь же недостаточныя нормы (1,5—1,8 дес.) проектировалъ и харьковскій комитетъ въ своемъ выкупномъ проектѣ; даже херсонскій комитетъ, несмотря на многоземелье Херсонской губерніи (24,4 дес. на душу въ помѣщичьихъ имѣніяхъ), предполагалъ дать крестьянамъ лишь отъ 1,3 до 3 дес. на душу, что при системѣ существовавшаго тамъ залежнаго хозяйства было совершенно недостаточно. Также и саратовскій комитетъ проектировалъ надѣлъ безусловно недостаточный по мѣстнымъ условіямъ—2 дес. на душу въ мѣстностяхъ съ трехпольнымъ сѣвооборотомъ и 3$^1/_2$ дес. — съ залежнымъ хозяйствомъ.

До чего недостаточны были нормы, предположенныя почти повсемѣстно губернскими комитетами, видно лучше всего изъ того факта, что редакці-

онныя комиссіи, установившія нормы надѣла, по общему признанію далеко недостаточныя, все же для того, чтобы хоть нѣсколько приблизиться къ нормальнымъ размѣрамъ крестьянскаго землепользованія, существовавшаго при крѣпостномъ правѣ, должны были въ большинствѣ губерній увеличить нормы, проектированныя комитетами, на 100% и болѣе, а въ нѣкоторыхъ губерніяхъ на 175, на 200 и даже на 300%!

Еще сильнѣе помѣщичье своекорыстіе проявилось въ большинствѣ губернскихъ комитетовъ въ вопросѣ о размѣрахъ повинностей, устанавливавшихся за отводимые крестьянамъ надѣлы. Съ одной стороны, многіе комитеты, такъ какъ имъ было предложено указывать, въ чемъ именно заключается улучшеніе въ положеніи крестьянъ въ ихъ проектахъ, объясняли, что оно заключается въ уменьшеніи повинностей; съ другой стороны, многіе изъ нихъ сокращеніе надѣловъ мотивировали также уменьшеніемъ повинностей. И дѣйствительно, на первый взглядъ повинности, и въ особенности барщина, казалось, были уменьшены въ проектахъ многихъ губернскихъ комитетовъ довольно значительно. Но это кажущееся уменьшеніе на самомъ дѣлѣ было фиктивно, и фиктивность его зависѣла отъ неправильнаго масштаба, который былъ выставленъ губернскими комитетами. Опираясь на старинный законъ о трехдневной барщинѣ, губернскіе комитеты исходили въ своихъ расчетахъ изъ предположенія, что помѣщики при крѣпостномъ правѣ повсемѣстно пользовались половиной всѣхъ рабочихъ дней своихъ крѣпостныхъ, при чемъ они произвольно толковали, что отъ помѣщика зависѣло назначить эти дни когда угодно, уменьшая число ихъ въ зимнее время и соотвѣтственно увеличивая лѣтомъ. На самомъ дѣлѣ, если это и практиковалось въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ, то практиковалось лишь въ видѣ злоупотребленія, съ нарушеніемъ и точнаго смысла закона, и самыхъ насущныхъ нуждъ крѣпостныхъ. Пользуясь такимъ произвольнымъ толкованіемъ закона, многіе губернскіе комитеты въ своихъ проектахъ охотно сокращали общее число барщинныхъ дней въ году, установляя будто бы вмѣсто трехдневной двухдневную барщину, что составляло 104 дня въ году или, за вычетомъ праздниковъ, 90. Нѣкоторые шли еще дальше и проектировали брать 80 дней въ году. Но при этомъ почти всѣ они предоставляли помѣщику право $^2/_3$ или $^3/_4$ установленныхъ барщинныхъ дней требовать лѣтомъ, въ періодъ полевыхъ работъ, чѣмъ и уничтожалась съ избыткомъ вся видимая льгота, особенно если принять въ расчетъ, что такая „уменьшенная“ барщина установлялась за весьма дѣйствительно сокращенные надѣлы. Такъ, напр., московскій комитетъ, понизивъ надѣлъ до нормы 1,3—2 дес. на душу, опредѣлилъ размѣръ барщины всего 80 дней въ году, но изъ нихъ 64 дня лѣтомъ и лишь 16 дней въ остальное время года. Но, несомнѣнно, въ Московской губерніи и при крѣпостномъ правѣ рѣдко кто изъ помѣщиковъ требовалъ болѣе 64 дней, когда крестьянскій надѣлъ былъ значительно выше (въ среднемъ 2,6 дес. на душу).

Наиболѣе тяжелый размѣръ барщины въ нечерноземной полосѣ проектировалъ костромской комитетъ: 140 мужскихъ и 93 женскихъ дня съ тягла при надѣлѣ отъ 1,5 до 3 дес. па душу. Если бы примѣнить къ этому надѣлу расчетъ, установленный впослѣдствіи редакціонными комиссіями, то за него пришлось бы отбывать въ году не болѣе 55 дней съ тягла.

Въ черноземныхъ губерніяхъ, гдѣ надѣлъ въ комитетскихъ проектахъ былъ особенно сильно урѣзанъ, почти повсемѣстно проектирована была двухдневная барщина вмѣсто трехдневной, но при этомъ обыкновенно указывалось, что $^2/_3$ или $^3/_4$ назначенныхъ дней могли требоваться въ лѣтнее время. Чрезвычайно любопытны объясненія, которыя сдѣланы были въ обзорѣ основаній, приложенномъ къ проекту воронежскаго губернскаго комитета. Комитетъ этотъ объяснилъ, что крестьянское тягло, получавшее до тѣхъ поръ въ надѣлѣ круглымъ числомъ 6 дес. всей земли, отработывало въ годъ по нормѣ трехдневной барщины 142 дня (за вычетомъ праздниковъ) или, считая цѣну рабочаго дня полнаго тягла, т.-е. мужчины и женщины въ 30 коп., на 42 р. 60 к. Если же на тягло дать по $3^1/_4$ дес. (какъ проектировалось комитетомъ), то, по вышеуказанному расчету, каждое тягло должно было бы отработать помѣщику на 23 р. 8 к.; комитетъ же назначилъ барщинныхъ дней всего на сумму 14 р. 30 к. съ тягла, какъ бы уменьшивъ такимъ образомъ слѣдовавшую съ крестьянъ, по его расчету, повинность на 8 р. 80 к. Это дало поводъ впослѣдствіи воронежскому предводителю кн. П. В. Гагарину торжественно заявить государю, что воронежское дворянство рѣшило пожертвовать третью часть своего состоянія. Ложность этого заявленія раскрывается изъ того факта, что воронежскій комитетъ, уменьшивъ размѣръ крестьянскаго надѣла почти вдвое, установилъ двухдневную барщину (вмѣсто номинальной трехдневной), положивъ, однако, что $^2/_3$ барщинныхъ дней отбываются лѣтомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ за усадьбу этотъ комитетъ опредѣлилъ выкупную сумму по 25 к. за сажень, что составляло за усадебную осѣдлость нормальнаго размѣра (840 саж.) 210 р., съ каковой суммы онъ постановилъ взимать впредь до выкупа усадьбы по 5%, т.-е. по 10 р. 10 к. съ двора. Къ тому же и въ предположенномъ размѣрѣ надѣлы отводились крестьянамъ по проекту этого комитета лишь на переходный срочно-обязанный періодъ, по истеченіи котораго вся земля должна была возвратиться къ помѣщику.

П. Н. Свистуновъ. (Альб. кал. дѣят.).

Таковы были проектированные комитетами размѣры барщины; но барщина въ глазахъ всѣхъ губернскихъ комитетовъ имѣла при ликвидаціи крѣпостного права лишь временное и второстепенное значеніе. Гораздо важнѣе было установленіе размѣра денежныхъ оброковъ, которые устанавливались на неопредѣленное время и по которымъ впослѣдствіи должна была опредѣляться и выкупная сумма. Многіе комитеты старались уравнять выведенные ими размѣры оброковъ съ размѣрами барщины или обратно; но вообще очень немногіе комитеты при установленіи нормы оброковъ исходили изъ ранѣе существовавшихъ окладовъ. Въ огромномъ большинствѣ комитетовъ оброки проектировались или на основаніи средней доходности земли, или какъ извѣстный процентъ съ принятой ими (довольно произвольной) оцѣнки земли, при чемъ существовавшія ранѣе повинности принимались во вниманіе лишь отчасти. Нѣкоторые комитеты за надѣлы, отводимые въ значительно уменьшенномъ размѣрѣ, оставляли повинности, взимавшіяся при крѣпостномъ правѣ, поступаясь лишь мелкими натуральными сборами, которые предполагалось упразднить повсемѣстно. Почти нигдѣ комитеты не приняли во вниманіе того, что, теряя извѣстныя права, помѣщикъ въ то же время освобождался и отъ различныхъ обязанностей въ отношеніи прежнихъ своихъ крѣпостныхъ; а между тѣмъ нѣкоторыя изъ этихъ обязанностей, какъ, напримѣръ, продовольствованіе крестьянъ въ неурожайные годы, были весьма существенны и въ нѣкоторыхъ губерніяхъ становились иногда для помѣщиковъ такъ тяжелы, что доводили ихъ до крайности, до желанія передать свои имѣнія въ казну даромъ. Все это теперь было забыто. Вмѣстѣ съ тѣмъ, проектируя отдать крестьянамъ часть земли, почти вездѣ значительно меньшую той, какая была въ пользованіи крестьянъ при крѣпостномъ правѣ, комитеты, при опредѣленіи повинностей, какъ будто совершенно забывали, что въ распоряженіи помѣщиковъ остается еще значительная часть имѣнія, нерѣдко далеко превышавшая ту, которая отводилась по ихъ проектамъ крестьянамъ. Всего болѣе это относится, конечно, къ черноземнымъ губерніямъ, но и въ нечерноземныхъ остающіяся за надѣломъ помѣщичьи усадьбы, доходныя статьи и особенно луга и лѣса имѣли, разумѣется, значительную цѣнность и доходность, которыя въ будущемъ должны были лишь возрастать.

Особенно повышенные оброки, совершенно не соотвѣтствовавшіе цѣнности и доходности отводимыхъ крестьянамъ надѣловъ, проектировали комитеты промышленныхъ нечерноземныхъ губерній. Такъ, напримѣръ, по проекту большинства владимирскаго комитета размѣры оброковъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ доводились до 40 р. съ тягла, по проекту ярославскаго комитета—28 р. 50 к., калужскаго и смоленскаго—по 28, московскаго и нижегородскаго—до 25 руб. Еще болѣе несоразмѣрна съ нормою проектированныхъ надѣловъ была высота повинностей, предполагавшихся въ костром-

скомъ проектѣ. При крѣпостномъ правѣ здѣсь средняя величина надѣла была 6,8 дес. на душу, а средняя по губерніи величина оброковъ равнялась 23 р. 50 к. По проекту губернскаго комитета норма надѣла была установлена отъ 1,5 до 3 дес. на душу, а оброки за этотъ надѣлъ проектировались въ первой группѣ уѣздовъ отъ 22 р. 50 к. до 25 р. съ тягла, во второй группѣ—отъ 25 р. до 27 р. 50 к. и, наконецъ, въ третьей — отъ 30 до 37 р. 50 к. Въ обзорѣ основаній къ этому проекту было пояснено, что за нормы денежной повинности приняты среднія цифры оброковъ по каждому уѣзду съ присоединеніемъ и всѣхъ сгонныхъ дней; въ уѣздахъ же

Калужскій губернскій комитетъ.

третьей группы (Чухломскомъ, Кологривскомъ, Галичскомъ и Солигаличскомъ) цифра оброковъ проектирована выше другихъ уѣздовъ, потому что здѣсь принята въ соображеніе особая выгодность отхожихъ промысловъ.

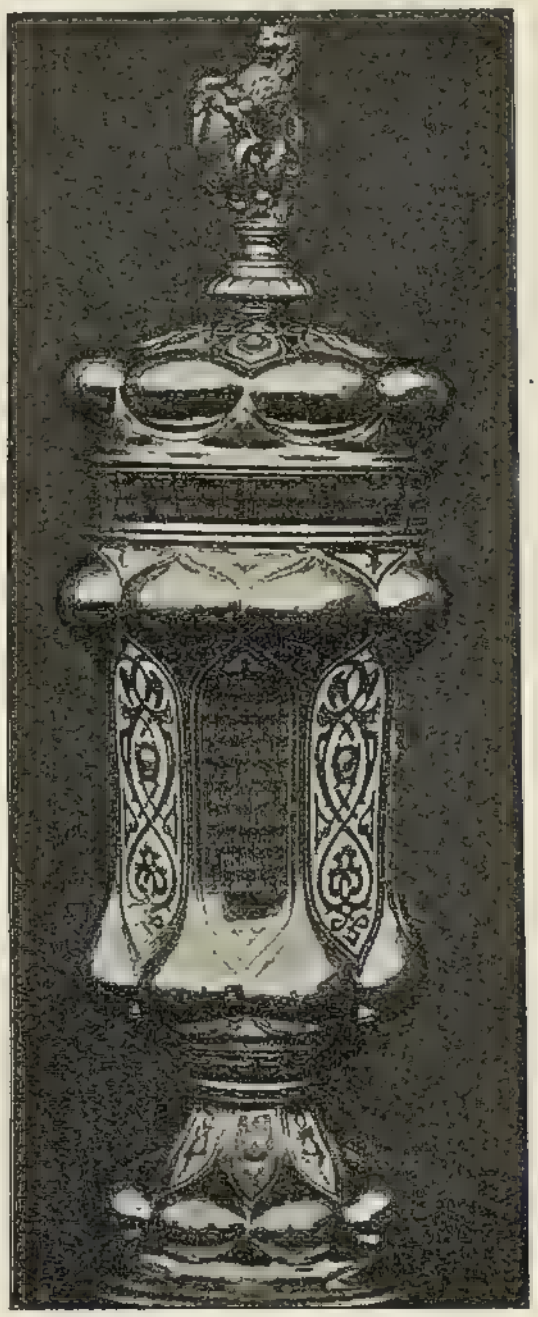
Сравнительно умѣренныя повинности были проектированы тверскимъ комитетомъ, который, предполагая отвести крестьянамъ надѣлъ, близкій къ существовавшему, назначалъ за него повинность всего 22 р. 50 к. съ тягла; но комитетъ вовсе не скрывалъ при этомъ, что и этотъ размѣръ повинности вовсе не соотвѣтствуетъ доходности отводимаго надѣла, и прямо заявлялъ, что въ немъ большая часть соотвѣтствуетъ доходамъ отъ заработковъ крестьянъ, а вовсе не отъ земли.

Чтобы гарантировать помѣщику полученіе этой части дохода по возможности независимо отъ размѣра отводимаго въ дѣйствительности въ каждомъ данномъ имѣніи земельнаго надѣла, тверской комитетъ предложилъ при оцѣнкѣ земли, отводимой крестьянамъ, и при установленіи за нее оброка, который подлежалъ выкупу, руководствоваться весьма своеобразной системой градаціи, изобрѣтенной членомъ этого комитета М. Е. Воробьевымъ. Тверской комитетъ, принявъ эту систему, рѣшилъ не дѣлать отдѣльной оцѣнки крестьянскихъ усадебъ и всю потерю цѣнности дворянскихъ имѣній, происходящую отъ отмѣны крѣпостного права на личность крестьянъ, вложить въ оцѣнку 1-й десятины надѣла подъ тѣмъ предлогомъ, что ближайшія къ селенію земли, заключающія въ себѣ усадебную осѣдлость и наиболѣе унавоженныя поля, имѣютъ, несомнѣнно, и значительно высшую цѣнность, нежели земли, болѣе удаленныя отъ селенія. Опредѣливъ поэтому норму оброка нѣсколько ниже средней нормы существовавшихъ при крѣпостномъ правѣ оброковъ, въ 9 руб. съ души (22 р. 50 к. съ тягла), комитетъ постановилъ при 4-десятинномъ надѣлѣ оцѣнить первую десятину надѣла въ 5 руб. 10 коп., вторую—въ 1 р. 80 к., третью—въ 1 р. 20 к. и четвертую—въ 60 коп., что составляло для всѣхъ четырехъ десятинъ 8 р. 70 коп. Аналогичную систему градаціи въ оцѣнкѣ разныхъ десятинъ надѣла приняли и нѣкоторые другіе комитеты нечерноземныхъ губерній (новгородскій, ярославскій, вологодскій), а впослѣдствіи и редакціонныя комиссіи, распространившія ее на всѣ великорусскія губерніи.

Что касается комитетовъ черноземныхъ губерній, то въ нихъ цифры оброчныхъ нормъ были приняты почти во всѣхъ на первый взглядъ невысокія: но такъ какъ здѣсь были проектированы сильно понизженныя нормы надѣловъ, то назначенныя этими комитетами нормы оброка, по сравненію съ нормами проектированнаго ими надѣла, приходится и здѣсь признать чрезмѣрно высокими.

Вопросъ о вотчинной власти былъ разрѣшенъ во многихъ комитетахъ въ значительной мѣрѣ въ зависимости отъ первоначальныхъ указаній правительства, данныхъ въ рескриптахъ и подтвержденныхъ въ программѣ, разосланной въ апрѣлѣ 1858 г. Правительство, какъ я уже упоминалъ, отказалось впослѣдствіи по этому вопросу отъ своей первоначальной точки зрѣнія послѣ того, какъ оно признало преимущества быстраго и окончательнаго разрѣшенія вопроса при помощи выкупной операціи передъ системой длительнаго переходнаго срочно-обязаннаго періода, для котораго, главнымъ образомъ, и требовалось сохраненіе вотчинной власти въ томъ или иномъ видѣ. Поэтому журналомъ главнаго комитета отъ 4 декабря 1858 г. признано было желательнымъ, если не избѣгнуть вполнѣ, то, по крайней мѣрѣ, сократить „переходное состояніе“, барщинныя отношенія уничтожить въ теченіе 3 лѣтъ и дать освобожденнымъ крестьянамъ самоуправленіе въ ихъ сельскомъ быту. Тутъ

же былъ поставленъ вопросъ, не слѣдуетъ ли совершенно измѣнить и главу IX программы, данной губернскимъ комитетамъ, въ которой предусматривалось, какъ неизбѣжное, сохраненіе вотчинной власти помѣщиковъ. Но губернскіе комитеты не были извѣщены о такомъ измѣненіи правительственной программы, и такъ какъ большинство изъ нихъ имѣли въ виду въ своихъ проектахъ, главнымъ образомъ, переходное срочно-обязанное положеніе, которое многимъ изъ нихъ представлялось—и не безъ основанія—своего рода осаднымъ положеніемъ, и такъ какъ при этомъ они должны были руководствоваться именно IX главой программы, то организація вотчинной власти въ формѣ начальства и попечительства помѣщика надъ сельскими обществами была проектирована даже и такими комитетами, которые стремились къ полной ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній и къ идеѣ вотчинной власти относились довольно равнодушно или склонны были видѣть въ ней даже излишнее обремененіе для землевладѣльца послѣ уничтоженія крѣпостного права.



Кубокъ калужскаго губерн. комитета.

Пытался принципіально обосновать необходимость сохраненія и правомѣрность вотчинной власти и сеніоральныхъ правъ дворянства на будущее время одинъ лишь петербургскій комитетъ, стоявшій, какъ мы видѣли, на феодально-аристократической точкѣ зрѣнія. Остальные губернскіе комитеты при составленіи IX главы положеній „придерживались“ большею частью программы и, слѣдуя ея указаніямъ, назначали помѣщиковъ имѣній, составлявшихъ цѣлое сельское общество, начальниками этихъ обществъ, а если въ составъ сельскаго общества входили два или болѣе имѣнія, то владѣльцамъ ихъ предоставляли избирать изъ своей среды одного въ начальники общества; мелкопомѣстныя же имѣнія присоединяли къ сосѣднимъ крупнымъ. Содержаніе вотчинной власти помѣщиковъ, въ качествѣ начальниковъ обществъ, было также намѣчено въ главныхъ чертахъ въ программѣ, и большая часть комитетовъ въ своихъ проектахъ лишь развивала ея указанія. По этимъ проектамъ начальникамъ обществъ предоставлялась довольно сильная власть надъ крестьянскимъ населеніемъ и болѣе или менѣе широкое вмѣшательство въ сферу крестьянскаго самоуправленія, въ видѣ права про-

смотра и отмѣны приговоровъ сходовъ, права утвержденія и увольненія крестьянскихъ выборныхъ должностныхъ лицъ, права наказанія крестьянъ (штрафами, арестами и розгами) за неповиновеніе и грубость, а иногда и за другіе проступки и, наконецъ, право высылки изъ предѣловъ имѣнія и передачи въ распоряженіе правительства лицъ, виновныхъ въ нѣкоторыхъ повторныхъ преступленіяхъ, въ оскорбленіи помѣщика и членовъ его семьи и даже просто упорныхъ недоимщиковъ, которыхъ предполагалось даже по нѣкоторымъ проектамъ предоставить помѣщикамъ сдавать въ рекруты. Нѣкоторые изъ комитетовъ предоставляли помѣщикамъ право наблюденія и за постороннимп лицами на территоріи ихъ имѣній, при чемъ помѣщикъ могъ даже арестовать всякаго нарушителя порядка и спокойствія, несмотря на званіе его и должность, и выслать его изъ предѣловъ имѣнія или передать въ руки земской полиціи, содержа до того времени подъ стражей не болѣе трехъ дней.

Изъ общаго числа комитетскихъ проектовъ въ 44 (въ томъ числѣ въ 9, принадлежавшихъ меньшинствамъ) помѣщику проектировалось предоставить званіе и вышеочерченныя права начальника общества. Нѣкоторые комитеты, какъ, напр., самарскій, отдѣляли вопросъ о вмѣшательствѣ во внутреннія дѣла крестьянскихъ обществъ отъ вопроса о правѣ полицейской и дисциплинарной власти надъ крестьянами въ имѣніяхъ, особенно пока не прекращена барщина. Самарскій комитетъ отказывался отъ всякаго вмѣшательства во внутреннія дѣла крестьянскихъ обществъ даже и въ формѣ попечительства надъ ними; но установлялъ значительныя дисциплинарныя права помѣщика въ барщинныхъ имѣніяхъ, вплоть до примѣненія тѣлесныхъ наказаній въ опредѣленной мѣрѣ.

Совершенно отступили въ своихъ проектахъ отъ правительственной программы комитеты тверской, калужскій, смоленскій, рязанскій, саратовскій, харьковскій и меньшинства владимирскаго и новгородскаго, при чемъ послѣдніе пять комитетовъ и меньшинство новгородскаго сохранили въ своихъ проектахъ нѣкоторыя черты вотчинной власти и привилегій дворянскаго сословія, а тверской комитетъ и меньшинства калужскаго и владимирскаго отказались отъ всякой вотчинной власти, признавая гражданскую равноправность освобожденныхъ крестьянъ съ дворянами. При этомъ тверской комитетъ и владимирскія меньшинства проектировали всесословную волость съ волостными собраніями изъ помѣщиковъ и представителей крестьянскихъ обществъ, съ выборнымъ волостнымъ предводителемъ или попечителемъ во главѣ; а калужское меньшинство проектировало подчиненіе какъ помѣщиковъ, такъ и крестьянъ, соединенныхъ въ сельскія общества, непосредственно выборному уѣздному всесословному хозяйственно-распорядительному комитету. Въ своихъ выкупныхъ проектахъ признавали полную ненужность вотчинной власти также и комитеты саратовскій и пензенскій.

Вообще вопросъ о вотчинной власти и ея организаціи многіе комитеты связывали въ своихъ сужденіяхъ съ вопросомъ объ организаціи мѣстнаго управленія или самоуправленія въ уѣздахъ и губерніяхъ послѣ отмѣны крѣпостного права. Хотя вопросъ этотъ не былъ включенъ въ программу занятій губернскихъ комитетовъ и министерство указало даже особымъ циркуляромъ (отъ 20 марта 1858 г.), что комитеты „могутъ не входить въ сужденія“ объ этомъ предметѣ, такъ какъ онъ касается общаго устройства имперіи и о немъ учреждена особая междувѣдомственная комиссія, тѣмъ не менѣе, нѣкоторые комитеты представили особыя соображенія объ организаціи мѣстнаго упра-

Блюдо, поднесенное крестьянами Александру II. (Тверской музей).

вленія въ уѣздахъ на началахъ самоуправленія—одни всесословнаго, какъ, напр., тверской и меньшинства владимирскаго и калужскаго, другіе—дворянскаго, видя въ этомъ удобный способъ вознаградить отчасти дворянство за потерю крѣпостныхъ правъ. Возникшіе по этому предмету въ отдѣльныхъ комитетахъ сужденія и взгляды впослѣдствіи были успѣшно развиваемы депутатами губернскихъ комитетовъ въ редакціонныхъ комиссіяхъ.

При составленіи проектовъ положенія во многихъ губернскихъ комитетахъ, какъ уже было упомянуто, голоса раздѣлились, и отъ большинства отдѣлились одно, а иногда и два меньшинства.

Въ обществѣ и въ литературѣ установилось мнѣніе, что всѣ эти меньшинства состояли изъ наиболѣе прогрессивныхъ элементовъ помѣстнаго дво-

рянства. Я уже указывалъ ошибочность такого представленія въ спеціальной работѣ своей о губернскихъ комитетахъ. Не говоря о томъ, что въ Тверской губерніи было прогрессивное большинство и консервативное меньшинство, и въ остальныхъ комитетахъ, представившихъ не одинъ, а два или три проекта, нерѣдко меньшинства являлись выразителями вовсе не болѣе прогрессивныхъ взглядовъ, а просто различія мѣстныхъ условій и интересовъ въ одной и той же губерніи: такъ, напр., обстояло дѣло въ Нижегородской губерніи, гдѣ комитетъ раздѣлился на двѣ почти равныя группы, изъ которыхъ одна состояла изъ представителей черноземныхъ уѣздовъ этой губерніи, а другая— нечерноземныхъ промышленныхъ. Вообще изъ числа 21 проекта, представленныхъ меньшинствами, можно считать лишь 3 или 4 дѣйствительно либеральными и 6 или 7 составленными съ желаніемъ болѣе или менѣе соблюсти интересы крестьянъ. Въ остальныхъ же 11 сословные помѣщичьи интересы проглядываютъ почти столь же ясно, какъ и въ проектахъ большинства.

А. Корниловъ.

III. Главный Комитетъ и редакціонныя комиссіи.

Е. И. Вишнянова.

Передача крестьянскаго вопроса на разсмотрѣніе губернскимъ комитетамъ не освобождала центральныхъ правительственныхъ учрежденій отъ дальнѣйшей работы надъ нимъ: пока комитеты работали, надо было слѣдить за ихъ дѣятельностью и направлять ее, а потомъ предстояла громадная работа разсмотрѣнія и сводки комитетскихъ проектовъ. Для этого было образовано два учрежденія: 1) по Высочайшему повелѣнію, состоявшемуся 8 янв. 1858 г., но объявленному лишь 18 февр., секретный комитетъ былъ преобразованъ въ „Главный Комитетъ по крестьянскому дѣлу для разсмотрѣнія постановленій и предположеній о крѣпостномъ состояніи“ и 2) 4 марта при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ открытъ былъ „Земскій отдѣлъ центральнаго статистическаго комитета“. Земскій отдѣлъ долженъ былъ разсматривать всѣ дѣла по вопросамъ, касающимся земско-хозяйственнаго устройства, и потому на него же было возложено предварительное разсмотрѣніе проектовъ губернскихъ комитетовъ. Если добавить къ этому, что непремѣнными членами отдѣла назначены были такіе сторонники крестьянской реформы, какъ Я. А. Соловьевъ и Н. А. Милютинъ, то понятна станетъ та важная роль, какую

при разработкѣ реформы долженъ былъ играть земскій отдѣлъ. Энергичные и дѣльные чиновники съ жаромъ принялись за работу, и изъ земскаго отдѣла черезъ министра внутреннихъ дѣлъ стали поступать къ государю блестящіе доклады, въ которыхъ опровергались всѣ доводы противниковъ реформы и указывалось настоящее положеніе дѣлъ. Кромѣ того, слѣдя за дѣятельностью губернскихъ комитетовъ, земскій отдѣлъ не только не допускалъ уклоненія отъ указанныхъ правительствомъ началъ крестьянскаго устройства, но старался развить ихъ еще дальше, постоянно становясь на сторону либеральнаго меньшинства въ комитетахъ. Онъ возражалъ противъ стремленія помѣщиковъ получить выкупъ за личность крестьянъ; доказывалъ необходимость сохранить за крестьянами надѣлы, существовавшіе при крѣпостномъ правѣ,

Г. П. Галаганъ.

С. М. Жуковскій.

Н. И. Желѣзновъ.

Кн. С. П. Голицынъ.

И. П. Арапетовъ.

и понизить при этомъ размѣры повинностей; составилъ, наконецъ, записку о важности выкупа крестьянами не только усадебной, но и полевой земли, и предлагалъ разрѣшить комитетамъ обсужденіе этого вопроса.

Что же касается Главнаго Комитета, то большинство его членовъ попрежнему не сочувствовало дѣлу преобразованія и всячески старалось его тормозить. Но поставленные въ невозможность открыто противиться ясно выраженной волѣ государя, консервативные члены Комитета прибѣгали къ косвеннымъ мѣрамъ: они стали указывать на опасность слишкомъ быстрыхъ и рѣшительныхъ дѣйствій Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и жаловались государю даже на великаго князя Константина Николаевича за рѣзкость его сужденій. Усердно распространяя опасенія, что при введеніи реформы непз-

бѣжны будутъ крестьянскіе бунты и волненія, они добились того, что Александръ II склонился къ мысли заранѣе позаботиться о принятіи чрезвычайныхъ военно полицейскихъ мѣръ. На сторону этого мнѣнія сталъ и генералъ Ростовцевъ, какъ человѣкъ стараго закала, считавшій спасительной всякую мѣру въ духѣ николаевскаго режима. Въ результатѣ такого настроенія явился составленный въ канцеляріи Главнаго Комитета проектъ объ учрежденіи должности временныхъ генералъ-губернаторовъ съ чрезвычайными полномочіями и о назначеніи по уѣздамъ уѣздныхъ начальниковъ преимущественно изъ военныхъ, которые имѣли бы въ своихъ рукахъ уѣздное управленіе и военную полицію и такимъ образомъ являлись бы тамъ мелкими военными диктаторами. Предлагая этотъ проектъ, враги реформы не безъ основанія надѣялись, что при чрезвычайномъ усиленіи исполнительной власти будутъ парализованы благія намѣренія правительства. Другіе, подобно Ростовцеву и самому Александру II, стояли за этотъ проектъ по неумѣнію отрѣшиться отъ николаевской системы управленія, всецѣло державшейся на развитіи бюрократіи и военщины. Но Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, гдѣ давалъ тонъ Н. А. Милютинъ, понимало всю ненужность и даже вредъ подобной мѣры, и когда на министерство возложено было составленіе инструкціи для генералъ-губернаторовъ, то Ланской представилъ государю отъ своего имени составленную Арцимовичемъ записку, въ которой проектъ объ усиленіи власти былъ подвергнутъ весьма обстоятельной критикѣ. Государь, которому противники реформы успѣли внушить опасеніе безпорядковъ, не согласился съ доводами записки и, упорно отстаивая основную мысль проекта, противъ каждаго пункта критики написалъ на представленной ему запискѣ свои замѣчанія, нѣкоторыя въ очень рѣзкомъ тонѣ. Этотъ инцидентъ едва не повлекъ за собой отставку Ланского, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ закончился побѣдой Министерства Внутреннихъ Дѣлъ: доклады министра съ точными фактическими данными о положеніи дѣлъ и личныя впечатлѣнія, полученныя во время путешествія по Россіи лѣтомъ и осенью 1858 г., успокоили Александра II, и онъ отказался отъ мысли о введеніи генералъ-губернаторовъ.

Тѣмъ временемъ и во взглядахъ Ростовцева мало-по-малу происходила знаменательная перемѣна. Онъ постепенно освобождался отъ вліянія Позена и начиналъ усердно изучать иностранную и русскую литературу по крестьянскому дѣлу. По мѣрѣ того, какъ онъ знакомился съ вопросомъ, взгляды его постепенно мѣнялись, отходя все дальше отъ мнѣнія большинства Главнаго Комитета и приближаясь къ тѣмъ основнымъ положеніямъ, которыя указывались сторонниками освобожденія крестьянъ съ землей.

Развитіе взглядовъ Ростовцева можно прослѣдить по четыремъ его письмамъ, написаннымъ государю въ августѣ и сентябрѣ 1858 г. изъ-за границы, гдѣ онъ лѣчился на водахъ и, пользуясь досугомъ, усердно занимался крестьянскимъ вопросомъ. Въ первыхъ трехъ письмахъ Ростовцевъ очень близко

стоитъ къ тѣмъ началамъ, которыя были указаны въ рескриптахъ и дополнительныхъ къ нимъ отношеніяхъ министра. Считая необходимымъ надѣленіе крестьянъ землей, онъ находитъ, однако, совершенно невозможнымъ выкупъ земли у помѣщиковъ правительствомъ. „При невозможности освободить крестьянъ ни съ землею, ни безъ земли“ онъ останавливается на мысли оставить имъ при освобожденіи усадьбы и пашни въ постоянное пользованіе за барщину и денежныя повинности, при чемъ помѣщикъ имѣлъ бы вотчинную власть надъ крестьянами. Но уже въ первомъ письмѣ Ростовцевъ находитъ, что „надобно включить въ освобожденіе крестьянъ и такіе элементы, которые постоянно въ историческомъ ихъ развитіи усиливали бы возможность для крестьянъ дѣлаться поземельными собственниками безъ потрясенія

М. Х. Рейтернъ.

К. И. Домонтовичъ.

Н. Х. Бунге.

Е. П. Ламанскій.

М. Н. Любощинскій.

государства, безъ посредничества огромныхъ капиталовъ правительства, которыхъ оно не имѣетъ и никогда имѣть не будетъ, и безъ нарушеній правъ дворянъ-помѣщиковъ“. Ростовцевъ предлагалъ даже мѣры, которыя должны содѣйствовать крестьянамъ въ пріобрѣтеніи ихъ надѣловъ въ полную собственность, но эти мѣры были примѣнимы лишь къ отдѣльнымъ случаямъ. Нѣкоторое колебаніе замѣтно у Ростовцева и по вопросу о вотчинной власти помѣщика. Говоря во второмъ и третьемъ письмѣ о будущемъ устройствѣ крестьянъ, онъ отводитъ помѣщику видное мѣсто, надѣляя его, какъ начальника общины, очень обширными правами, вплоть до права смѣнять сельскихъ старшинъ и высылать изъ своего имѣнія тѣхъ крестьянъ, которыхъ онъ признаетъ опасными или вредными. Но, съ другой стороны, онъ какъ бы желаетъ и ограничить помѣщичью власть, предлагая, чтобы помѣщикъ имѣлъ дѣло только съ міромъ, не касаясь личностей.

Искреннія и убѣдительныя письма Ростовцева очень понравились государю: ему казалось теперь, что онъ нашелъ умнаго и добросовѣстнаго сотрудника, который горячо преданъ дѣлу крестьянской реформы и сумѣетъ довести его до благополучнаго конца.

Кромѣ этихъ писемъ, выяснявшихъ основы реформы, очень важную роль въ ходѣ крестьянской реформы сыграло царское путешествіе по Россіи въ августѣ и сентябрѣ 1858 г. Во время пріема дворянъ разныхъ губерній государь обращался къ нимъ съ рѣчами, въ которыхъ успокоивалъ ихъ обѣщаніемъ вызвать въ Петербургъ при окончательномъ обсужденіи реформы въ Главномъ Комитетѣ дворянскихъ депутатовъ по два отъ губерніи, но въ то же время выражалъ свою непремѣнную волю совершить освобожденіе крестьянъ. Это гласное и рѣшительное заявленіе государя клало конецъ всякимъ колебаніямъ и сомнѣніямъ.

Въ эту же поѣздку императоръ увидѣлъ, что со стороны дворянства нельзя ожидать особенно сильной оппозиціи, потому что среди этого сословія есть много лицъ, понимающихъ необходимость реформы. Успокоился государь и относительно настроенія простого народа, который всюду встрѣчалъ его съ неподдѣльнымъ восторгомъ, какъ иниціатора освобожденія. Въ половинѣ октября государь вернулся въ Петербургъ въ свѣтломъ настроеніи и съ твердою вѣрой въ успѣхъ предпринятаго дѣла.

Тотчасъ по возвращеніи государя въ Петербургъ письма Ростовцева подверглись обсужденію въ особыхъ конфиденціальныхъ совѣщаніяхъ въ Гатчинскомъ дворцѣ, куда, кромѣ автора писемъ, государемъ приглашенъ былъ и Ланской. Результатомъ этихъ совѣщаній явилось рѣшеніе провести нѣкоторыя изъ разсмотрѣнныхъ здѣсь мѣръ въ Главномъ Комитетѣ. Сдѣланныя самимъ Ростовцевымъ въ систематическомъ порядкѣ извлеченія изъ писемъ были напечатаны и разосланы членамъ Главнаго Комитета, и затѣмъ 18 октября, 19, 24 и 29 ноября они обсуждались въ засѣданіяхъ, происходившихъ подъ личнымъ предсѣдательствомъ государя. Рѣшенія этихъ засѣданій, изложенныя въ журналахъ комитета, утвержденныхъ государемъ 26 октября и 4 декабря, должны были имѣть очень важное значеніе въ виду того, что въ это время нѣкоторые губернскіе комитеты уже кончали свою работу, и центральныя правительственныя учрежденія скоро должны были начать разсмотрѣніе и сводку комитетскихъ проектовъ.

Первый журналъ, отъ 26 окт., имѣетъ въ виду формальную сторону дѣла и устанавливаетъ порядокъ разсмотрѣнія, утвержденія и обнародованія дворянскихъ проектовъ. Предполагалось, что проекты эти должны будутъ поступать сначала въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, которое, провѣривъ, нѣтъ ли въ нихъ отступленій отъ Высочайше утвержденныхъ началъ и указаній и вообще отъ государственныхъ узаконеній, будетъ передавать ихъ въ Главный Комитетъ, гдѣ они поступятъ на предварительное раз-

Крестьянская свадьба.

(Картина *Рябушкина*).

смотрѣніе особой комиссіи. Какъ Главному Комитету, такъ и его комиссіи было предоставлено право „приглашать въ свои засѣданія для необходимыхъ объясненій и совѣщаній не только членовъ, избранныхъ отъ губернскихъ комитетовъ, но и всѣхъ тѣхъ лицъ, кои своими познаніями о сельскомъ хозяйствѣ и бытѣ крестьянъ могутъ принести пользу разсматриваемому дѣлу“ — мысль, использованная потомъ при организаціи редакціонныхъ комиссій.

Гораздо важнѣе былъ журналъ 4 декабря. Здѣсь изложены были тѣ главныя основанія, которыми долженъ былъ руководиться комптетъ при разсмотрѣніи губернскихъ проектовъ. Начала эти въ нѣкоторыхъ пунктахъ принципіально измѣняли прежній планъ крестьянской реформы, намѣченный въ рескриптахъ государя, въ отношеніяхъ министра и особенно въ данной губернскимъ комитетамъ программѣ.

Тульской губ. и уѣзда (армякъ, верхняя одежда).
Изъ альбома 1878 г.

Первоначальный планъ реформы заключался въ томъ, чтобы, объявивъ крестьянъ лично свободными, право собственности на всю землю сохранить за помѣщиками, но съ условіемъ оставить крестьянамъ ихъ усадебную осѣдлость съ правомъ выкупа ея и предоставить имъ въ пользованіе такое количество пахотной земли, которое будетъ обезпечивать ихъ бытъ и выполненіе ими обязанностей передъ правительствомъ и помѣщиками. Пользованіе землей, принадлежащей помѣщикамъ, предполагалось предоставить крестьянамъ на все время переходнаго періода, до того момента, когда правительство разрѣшитъ имъ свободное передвиженіе, а исправное отбываніе обязанностей, возложенныхъ на крестьянъ за пользованіе помѣщичьей землей, предполагалось обезпечить сохраненіемъ на все это время вотчинной власти помѣщиковъ. Такимъ образомъ прежній планъ весь держался на мысли о надѣленіи крестьянъ землею въ пользованіе. Журналъ 4 декабря указывалъ совершенно иную исходную точку: онъ говорилъ, что „необходимо стараться, чтобы крестьяне постепенно дѣлались поземельными собственниками“, и предлагалъ Главному Комитету „сообразить, какіе именно способы могутъ быть представлены со стороны правительства для содѣйствія крестьянамъ къ выкупу поземельныхъ ихъ угодій“. При такой постановкѣ вопроса мѣнялся и характеръ переходнаго состоянія или, какъ теперь стали говорить, „срочно-обязаннаго“ положенія: обязательныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ за пользованіе ихъ землей, очевидно, должны были послѣ выкупа земли прекратиться, а это, въ свою очередь, ставило вопросъ, нужно

ли будетъ тогда сохранять вотчинную власть, которую по первоначальному плану предполагалось оставить за помѣщиками? Журналъ 4 декабря и предлагалъ Главному Комитету сообразить, можетъ ли IX глава программы, данной губернскимъ комитетамъ, остаться въ силѣ, или ее слѣдуетъ измѣнить. Вмѣстѣ съ тѣмъ журналъ предполагалъ предоставить крестьянамъ самоуправленіе съ общиннымъ пользованіемъ землей тамъ, гдѣ оно уже существуетъ, и съ установленіемъ надъ личностью крестьянина власти не помѣщика, а міра, который „отвѣчаетъ круговою порукой за каждаго изъ своихъ членовъ по отправленію повинностей казенныхъ и помѣщичьихъ". Такимъ образомъ, имѣя въ виду полную ликвидацію крѣпостныхъ отношеній посредствомъ выкупа земли, журналъ 4 декабря давалъ еще не совсѣмъ опредѣленное, но, несомнѣнно, новое направленіе крестьянской реформѣ.

Въ виду большаго удобства въ составѣ Главнаго Комитета уже Высочайшимъ указомъ 15 іюля 1858 года для предварительнаго просмотра и доклада комитетскихъ проектовъ была образована особая комиссія. Членами ея были назначены Ланской, гр. Панинъ, Муравьевъ и Ростовцевъ, а управленіе дѣлами поручено было статсъ секретарю Государственнаго Совѣта Жуковскому. Какъ этой комиссіи, такъ и Главному Комитету предоставлялось право приглашать на свои засѣданія депутатовъ, которыхъ дворяне могли избрать по два отъ каждаго комитета для того, чтобы представить высшему правительству необходимыя свѣдѣнія и разъясненія по разбираемому проекту. Члены комиссіи, сильно расходившіеся въ своихъ взглядахъ, не были объединены ничьимъ руководствомъ и не имѣли достаточно времени для изученія составленныхъ въ губернскихъ комитетахъ проектовъ, а два изъ нихъ, Панинъ и Муравьевъ, не сочувствуя реформѣ, проявляли къ тому же слишкомъ мало усердія. Поэтому комиссія четырехъ оказалась неработоспособной и безполезной для дѣла.

Тогда, по мысли Ланского и Ростовцева, въ этой комиссіи рѣшено было представить на Высочайшее усмотрѣніе проектъ учрежденія двухъ новыхъ комиссій съ наименованіемъ ихъ редакціонными. Первую изъ этихъ комиссій, предназначенную для выработки крестьянскихъ положеній общихъ для всѣхъ губерній, предполагалось составить изъ членовъ, назначенныхъ отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, Юстиціи, Государственныхъ Имуществъ и II Отдѣленія Канцеляріи Его Величества, а вторую—для выработки мѣстныхъ положеній — изъ представителей Министерствъ Внутреннихъ Дѣлъ и Государственныхъ Имуществъ и изъ экспертовъ, избранныхъ предсѣдателемъ обѣихъ комиссій изъ членовъ губернскихъ комитетовъ или другихъ опытныхъ помѣщиковъ. 17 февраля 1859 г. государь утвердилъ это предположеніе, назначивъ предсѣдателемъ редакціонныхъ комиссій генералъ-адъютанта Ростовцева. Среди членовъ первой категоріи, командированныхъ разными вѣдомствами, выдѣлялись два „непремѣнные" члена — Жуковскій и Соловь-

свъ, — первый отъ канцеляріи Главнаго Комитета, второй отъ Земскаго Отдѣла, и особенно Н. А. Милютинъ. Въ число экспертовъ, которыхъ Ростовцевъ приглашалъ только удостовѣрившись въ ихъ сочувствіи крестьянской реформѣ, попали нѣкоторые предводители дворянства, наиболѣе видные члены комитетовъ и нѣсколько помѣщиковъ, хотя среди безусловно сочувствующихъ реформѣ лицъ (кн. Черкасскій, Самаринъ, Тарновскій и др.) попали и ярые крѣпостники (кн. Паскевичъ, гр. Шуваловъ и проч.).

Новгородская изба. (Щукин. музей).

Сначала предполагалось, что члены-эксперты будутъ работать только во второй комиссіи, которая должна была составить положенія для отдѣльныхъ мѣстностей. Но Ростовцевъ счелъ такое раздѣленіе неудобнымъ, потому что при немъ становились невозможными общія засѣданія, гдѣ за общей работой объединялись бы всѣ силы обѣихъ комиссій. Чтобы устранить это неудобство, рѣшено было воспользоваться тѣмъ пунктомъ Высочайшаго повелѣнія объ учрежденіи редакціонныхъ комиссій, который предоставлялъ предсѣдателю ихъ право „дать симъ комиссіямъ внутреннее устройство и образованіе по ближайшему его усмотрѣнію... соединять обѣ комиссіи въ одинъ

составъ или одно присутствіе въ тѣхъ случаяхъ, когда это будетъ необходимо для разсмотрѣнія предметовъ, требующихъ общаго и совокупнаго обсужденія". Основываясь на этомъ, Ростовцевъ слилъ обѣ комиссіи въ одну, но зато разбилъ на три отдѣленія: 1) юридическое, которое должно было опредѣлить права и обязанности крестьянъ и дворовыхъ людей, а также поземельныя права помѣщиковъ; 2) административное — для выработки внутренняго устройства крестьянскихъ обществъ и опредѣленія отношеній ихъ къ помѣщикамъ и мѣстнымъ властямъ, и 3) хозяйственное, опредѣлявшее всѣ поземельныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ, т.-е. вопросы объ усадьбахъ, надѣлѣ, повинностяхъ и выкупѣ. Когда вскорѣ послѣ этого учреждена была особая финансовая комиссія, спеціально для разработки вопроса о выкупѣ, то и она была подчинена Ростовцеву и составила четвертое отдѣленіе редакціонныхъ комиссій. Что касается состава отдѣленій, то члены финансовой комиссіи были назначены и приглашены прямо въ нее; тутъ было нѣсколько представителей отъ правительственныхъ учрежденій и небольшое число членовъ-экспертовъ. Среди первыхъ выдѣлялся Н. А. Милютинъ, а изъ вторыхъ наиболѣе знающими и полезными были проф. Н. Х. Бунге и А. П. Заблоцкій-Десятовскій. Остальныя три отдѣленія составлялись изъ членовъ редакціонныхъ комиссій, при чемъ каждый могъ выбрать себѣ то или другое отдѣленіе, согласно своему желанію и сообразно своимъ спеціальнымъ знаніямъ. Можно было состоять членомъ двухъ и даже всѣхъ трехъ отдѣленій. Работать всѣ отдѣленія должны были врозь, составляя проекты и доклады — каждое по своему предмету. Но окончательно ихъ доклады обсуждались и утверждались въ общемъ присутствіи всѣхъ отдѣленій. Такимъ образомъ, вмѣсто предположенныхъ трехъ комиссій: двухъ редакціонныхъ и одной финансовой, при Главномъ Комитетѣ получилась подъ общимъ предсѣдательствомъ Ростовцева одна комиссія, но разбитая на четыре отдѣленія. Этимъ, кстати сказать, объясняется несходство терминологіи въ сочиненіяхъ по крестьянскому вопросу: одни авторы, держась официальнаго термина, говорятъ объ этомъ учрежденіи во множественномъ числѣ „редакціонныя комиссіи"; другіе, имѣя въ виду, что дѣятельность всѣхъ отдѣленій была объединена общими собраніями подъ предсѣдательствомъ Ростовцева, предпочитаютъ названіе „редакціонная комиссія".

При сводкѣ и обсужденіи проектовъ губернскихъ комитетовъ члены редакціонной комиссіи должны были принимать во вниманіе не только правительственные взгляды, но и всѣ полезныя мысли, разбросанныя какъ въ печатныхъ сочиненіяхъ по крестьянскому вопросу, такъ и въ рукописныхъ проектахъ и мнѣніяхъ. Поэтому Ростовцевъ позаботился объ учрежденіи при комиссіи большой библіотеки, куда были собраны сочиненія и рукописи, заключавшія въ себѣ различныя свѣдѣнія по крестьянскому вопросу не только въ Россіи, но и на Западѣ. Въ эту библіотеку, между прочимъ, былъ при-

сланъ изъ III Отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи заграничный журналъ Герцена „Колоколъ“. Затѣмъ были вытребованы изъ губерній тѣ свѣдѣнія о помѣщичьихъ имѣніяхъ, какія каждымъ помѣщикомъ представлены были въ губернскіе комитеты. При работахъ комиссіи рѣшено было допустить широкую гласность съ тѣмъ, чтобы, по выраженію Ростовцева, „призвать на помощь общее участіе, которое прольетъ свѣтъ на каждую оставшуюся въ тѣни сторону вопроса, дополнитъ недостающіе факты и исправитъ во-время каждую ошибку комиссіи“. Въ цѣляхъ гласности рѣшено было журналы и труды комиссіи печатать въ значительномъ количествѣ экземпляровъ и разсылать ихъ министрамъ, губернаторамъ и губернскимъ предводителямъ дворянства съ просьбой прислать къ опредѣленному сроку свои замѣчанія.

Нравы крестьянъ. (Stern).

Редакціонная комиссія заняла очень своеобразное положеніе среди другихъ учрежденій. Открытая при Главномъ Комитетѣ, она на самомъ дѣлѣ черезъ своего предсѣдателя Ростовцева, пользовавшагося неограниченнымъ довѣріемъ Александра II, была подчинена непосредственно самому государю. Составленная наполовину изъ чиновниковъ, хорошо знавшихъ вопросъ и желавшихъ провести реформу согласно съ видами правительства, на половину изъ представителей общества, впрочемъ, назначенныхъ правительствомъ, а не выбранныхъ самимъ обществомъ, комиссія допускала при своихъ занятіяхъ широкую гласность и собиралась чутко прислушиваться ко всѣмъ мнѣніямъ вплоть до тѣхъ, которыя выражались въ нелегальныхъ изданіяхъ. Въ дальнѣйшемъ предполагалось допустить въ редакціонную комиссію еще болѣе широкую струю общественнаго мнѣнія въ лицѣ депутатовъ отъ губернскихъ комитетовъ. Эта мысль явилась въ связи съ тѣми обѣщаніями, которыя еще лѣтомъ 1858 г. далъ Александръ II, неоднократно заявлявшій въ своихъ

рѣчахъ къ дворянству разныхъ губерній, что при обсужденіи проектовъ губернскихъ комитетовъ въ Главномъ Комитетѣ туда будутъ приглашены депутаты отъ нихъ. Съ передачей комитетскихъ проектовъ въ редакціонную комиссію рѣшено было туда же вызвать и тѣхъ депутатовъ, которыхъ раньше предполагалось пригласить въ Главный Комитетъ. Вызвать ихъ рѣшено было въ два пріема согласно тому плану работъ, какой установленъ былъ Ростовцевымъ. Въ первый періодъ работъ комиссія должна была изучить проекты тѣхъ комитетовъ, которые уже окончили свои занятія, и на основаніи этого матеріала составить вчернѣ свой проектъ; затѣмъ предполагалось пригласить депутатовъ отъ этихъ комитетовъ и во второй періодъ занятій изучить остальные проекты, принявъ во вниманіе и замѣчанія, сдѣланныя депутатами. Послѣ этого снова вызывались депутаты отъ остальныхъ комитетовъ, и редакціонная комиссія, выслушавъ ихъ критику, въ третій періодъ своихъ занятій опять должна была переработать свой проектъ.

Но несмотря на допущенную гласность и привлеченіе общественныхъ силъ въ лицѣ членовъ-экспертовъ и депутатовъ, редакціонная комиссія являлась учрежденіемъ чисто бюрократическимъ, созданнымъ спеціально для того, чтобы противодѣйствовать тѣмъ притязаніямъ дворянства, которыя были высказаны въ проектахъ многихъ комитетовъ и вообще чувствовались въ настроеніи дворянства. Дворянство понимало, что отмѣна крѣпостного права нанесетъ ударъ его политическому значенію, такъ какъ оно лишится той государственной власти, какую имѣло надъ своими крестьянами. Поэтому многіе комитеты, разрѣшивъ такъ или иначе экономическіе и юридическіе вопросы, связанные съ предполагаемой реформой, упорно останавливались на мысли, что власть эта и послѣ реформы должна оставаться за помѣщиками. Эта мысль обосновывалась тѣмъ, что такое управленіе и для крестьянъ будетъ выгоднѣе управленія чиновниковъ. При этомъ приводилась обыкновенно рѣзкая критика бюрократическаго строя съ произволомъ чиновниковъ и указывалось на необходимость хозяйственно-распорядительнаго управленія, выборнаго отъ всѣхъ сословій и отвѣтственнаго только передъ судомъ и обществомъ; требовалась судебная отвѣтственность также и для чиновниковъ.

Во всѣхъ этихъ пожеланіяхъ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ усмотрѣло конституціонныя стремленія и потому изъ недовѣрія къ дворянству захватило все дѣло крестьянской реформы въ свои руки. Но расходясь съ помѣстнымъ дворянствомъ въ политическихъ стремленіяхъ, правящая бюрократія, тоже принадлежавшая къ владѣльческому классу, имѣла съ нимъ общіе интересы, касавшіеся экономической стороны реформы. Отсюда и происходилъ тотъ неполный союзъ бюрократіи и дворянства, который попытались устроить въ редакціонной комиссіи. Этотъ союзъ рано или поздно долженъ былъ перейти въ открытый разрывъ, что и случилось по окончаніи перваго періода занятій редакціонной комиссіи, когда вызваны были депутаты отъ дворянскихъ комитетовъ.

Собравшись впервые 4 марта, члены редакціонной комиссіи посвятили рядъ первыхъ засѣданій общаго присутствія выработкѣ программы своихъ занятій. Согласно заявленію Ростовцева, члены комиссіи при составленіи положеній должны были руководствоваться какъ Высочайшимъ рескриптомъ 20 ноября и 5 декабря 1857 г., такъ и журналами Главнаго Комитета отъ 26 октября и 4 декабря. Кромѣ того, они должны были принять во вниманіе Высочайше одобренныя мнѣнія самого Ростовцева, выраженныя въ извлеченіяхъ изъ его писемъ къ государю и въ особой запискѣ „Ходъ и исходъ крестьянскаго вопроса“. Между первоначальной программой правительства,

Н. Н. Павловъ.

Н. А. Кристофари.

Н. П. Шишковъ.

Ю. А. Гагемейстеръ.

А. К. Гирсъ.

А. Н. Поповъ.

положенной въ основу работъ губернскихъ комитетовъ, и новыми взглядами Ростовцева, какъ мы видѣли выше, было значительное противорѣчіе. Но Ростовцеву легко удалось провести въ комиссіи свои предложенія, сущность которыхъ сводилась къ слѣдующимъ основнымъ положеніямъ:

1) Освободить крестьянъ съ землей.

2) Конечной развязкой освобожденія считать выкупъ крестьянами ихъ надѣловъ у помѣщиковъ.

3) Оказать содѣйствіе выкупу посредничествомъ, кредитомъ, гарантіями или финансовыми операціями правительства.

4) Избѣгнуть по возможности регламентаціи срочно-обязаннаго періода или сократить переходное состояніе.

5) Барщину уничтожить законодательнымъ порядкомъ черезъ три года переводомъ крестьянъ на оброкъ, за исключеніемъ только тѣхъ, которые сами того не пожелаютъ.

6) Дать самоуправленіе освобожденнымъ крестьянамъ въ ихъ сельскомъ быту.

Принятыя единодушно, эти начала впослѣдствіи вызвали, однако, горячіе споры среди членовъ редакціонной комиссіи.

Первый періодъ занятій редакціонной комиссіи продолжался полгода, до начала сентября 1859 г. За это время комиссіей были разработаны важнѣйшіе вопросы крестьянской реформы: 1) вопросъ о выкупѣ земли крестьянами, 2) вопросъ о размѣрѣ крестьянскихъ надѣловъ и повинностей и 3) вопросъ объ административномъ устройствѣ крестьянъ и о вотчинной власти помѣщика. Подъ давленіемъ критики депутатовъ перваго и второго призыва, редакціонная комиссія внесла потомъ въ свои постановленія нѣкоторыя измѣненія въ смыслѣ большаго обезпеченія интересовъ помѣщиковъ, но въ существенныхъ чертахъ эти постановленія комиссіи и вошли потомъ въ „Положенія“ 19 февраля 1861 г. Занятія перваго періода представляютъ поэтому особый интересъ.

При крѣпостномъ правѣ помѣщики имѣли право собственности на землю, а фактически и на личность крестьянъ. При ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній эти права помѣщиковъ должны были измѣниться, а какъ—на это давалъ отвѣтъ рескриптъ 20 ноября 1857 г. и правительственная программа, разосланная въ руководство губернскимъ комитетамъ въ апрѣлѣ 1858 г. Что касается права на личность крестьянъ, то этотъ пунктъ опредѣленно рѣшался въ I главѣ упомянутой программы и въ циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ, сообщавшаго губернаторамъ волю государя, который „призналъ, что личность крестьянъ и обязательный ихъ трудъ выкупу подлежать не могутъ“. Относительно земли такого опредѣленнаго постановленія не было: въ поясненіяхъ къ рескрипту 20 ноября вслѣдъ за заявленіемъ, что „помѣщикамъ сохраняется право собственности на всю землю“, шло предложеніе, что „крестьянамъ оставляется ихъ усадебная осѣдлость, которую они въ теченіе опредѣленнаго времени пріобрѣтаютъ въ свою собственность посредствомъ выкупа; сверхъ того предоставляется въ пользованіе крестьянъ надлежащее, по мѣстнымъ удобствамъ, для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей предъ правительствомъ и помѣщикомъ, количество земли, за которое они или платятъ оброкъ или отбываютъ работу помѣщику“.

При такой неопредѣленности руководящихъ началъ часть губернскихъ комитетовъ отводила крестьянамъ безсрочный постоянный надѣлъ, осталь-

ные—лишь на переходное время, на срокъ не болѣе 12 лѣтъ, по истеченіи которыхъ вся земля должна была вернуться къ помѣщикамъ. Въ губерніяхъ промышленныхъ, гдѣ выгодна была полная ликвидація крѣпостного права, гдѣ отъ продажи земли крестьянамъ по высокой оцѣнкѣ могло получиться возмѣщеніе убытковъ отъ потери крѣпостного труда, прилагаемаго не къ землѣ, а къ отхожимъ промысламъ,—тамъ явилась мысль о выкупѣ земли крестьянами. Относясь сначала очень отрицательно къ этой мысли, правительство потомъ сдѣлало уступку, позволило губернскимъ комитетамъ, еще не кончившимъ занятій, составлять свои проекты при условіи выкупа земли и само стало высказывать эту мысль какъ основное начало реформы. Въ правительственныхъ сферахъ и у самого государя мысль о выкупѣ стала укрѣпляться особенно благодаря Ростовцеву, который впервые высказалъ ее лѣтомъ 1858 г. въ своемъ четвертомъ письмѣ къ Александру II и подробнѣе развилъ въ февралѣ 1859 г. въ запискѣ „Ходъ и исходъ крестьянскаго вопроса“. Признавая въ этой запискѣ, что „выкупъ немедленный и обязательный былъ бы наполезнѣйшій, если бы только онъ былъ признанъ возможнымъ и справедливымъ“, Ростовцевъ въ засѣданіи редакціонной комиссіи предложилъ, однако, что „выкупъ долженъ совершаться по полюбовному соглашенію между помѣщиками и крестьянами, и подтвердилъ, что и государь признаетъ выкупъ добровольный. Итакъ, при разрѣшеніи вопроса о правѣ собственности на землю передъ редакціонной комиссіей были четыре возможности: 1) надѣленіе крестьянъ землею во временное пользованіе, 2) надѣленіе ихъ землею въ постоянное пользованіе, 3) обязательный выкупъ земли крестьянами и 4) добровольный выкупъ.

Тамбовск. губ., Усманск. у. (зипунъ или чекмень).
Альбомъ 1878 г.

Въ комиссіи раздавались голоса въ защиту каждаго изъ этихъ мнѣній.

1) Возставая противъ предложенія Ростовцева о выкупѣ земли, орловскій губернскій предводитель дворянства В. В. Апраксинъ требовалъ лишь надѣленія крестьянъ землей на время 12 лѣтъ срочно-обязаннаго періода, по истеченіи котораго вся земля должна была перейти въ полное распоряженіе помѣщика. Его поддерживалъ другой сторонникъ безземельнаго освобожденія—М. Н. Позенъ.

2) Еще рѣшительнѣе поднялись противъ выкупа петербургскій губернскій предводитель дворянства гр. Шуваловъ и кн. Паскевичъ. Они желали

значительнаго сокращенія срочно-обязаннаго періода, но окончательную развязку крѣпостныхъ отношеній видѣли не въ надѣленіи крестьянъ землею въ собственность, а въ предоставленіе имъ въ безсрочное пользованіе опредѣленныхъ земельныхъ угодій за справедливыя повинности, при чемъ за крестьянами, какъ за людьми свободными, должно было оставаться право принимать землю или отказаться отъ нея по своему усмотрѣнію. Редакціонная комиссія высказала опасеніе, что при подобныхъ условіяхъ крестьяне легко будутъ покидать свои надѣлы, что принесетъ ущербъ имъ самимъ, вызоветъ разстройство помѣщичьяго хозяйства и будетъ грозить опасностью для государственнаго спокойствія. Съ другой стороны, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ земля повысится въ цѣнѣ, помѣщики будутъ употреблять насильственныя мѣры, чтобы, заставивъ крестьянъ отказаться отъ надѣла, воспользоваться имъ съ большею для себя выгодою. Поэтому редакціонная комиссія отвергла это предложеніе, считая его косвенно направленнымъ къ безземельному освобожденію крестьянъ и къ образованію изъ нихъ класса свободныхъ, но бездомныхъ и безземельныхъ работниковъ.

3) За обязательный выкупъ высказался въ комиссіи оберъ-прокуроръ Сената Н. П. Семеновъ. Это былъ одинъ изъ самыхъ консервативныхъ членовъ комиссіи, и его либерализмъ въ данномъ вопросѣ объясняется тѣмъ, что онъ былъ помѣщикомъ промышленной Ярославской губерніи, гдѣ выкупъ земли былъ выгоденъ для помѣщиковъ, потому что въ оцѣнку ея они разсчитывали вложить и стоимость крѣпостного труда, прилагавшагося не къ землѣ.

4) Остальные члены редакціонной комиссіи соглашались съ тѣми предложеніями, которыя вызвали такой рѣзкій отпоръ со стороны Шувалова и Паскевича. Въ спорѣ съ ними комиссія окончательно формулировала свои взгляды. Они сводились къ слѣдующимъ положеніямъ:

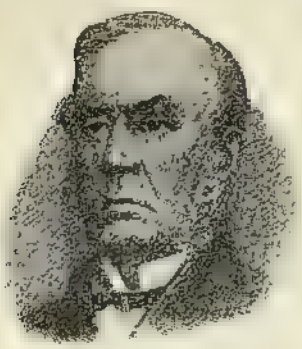
„Комиссія, неуклонно слѣдуя началамъ, Высочайшею волею указаннымъ, постановила даровать немедленно крестьянамъ личную свободу и упрочить ихъ поземельный надѣлъ, за опредѣленныя въ пользу помѣщиковъ повинности. Но, какъ подобныя обязательныя отношенія между помѣщиками и крестьянами должны имѣть исходъ, то редакціонной комиссіи предложены къ тому слѣдующія средства:

1. Покупка крестьянами земель безъ содѣйствія правительства.
2. Выкупъ ими земель съ помощью правительства.
3. Обращеніе крестьянскихъ обществъ въ городское сословіе, посредствомъ образованія изъ промышленныхъ селеній и мѣстечекъ.
4. Дозволеніе крестьянамъ переселяться на земли, не принадлежащія помѣщику.

„Ни одно изъ этихъ средствъ не есть принудительное; слѣдовательно, могутъ оказаться крестьяне, которые не воспользуются этими предоставлен-

ными имъ способами; а потому для приведенія срочно-обязаннаго періода къ окончанію комиссія опредѣлила срокъ этому періоду".

Такимъ образомъ, допуская срочно-обязанный періодъ, комиссія имѣла въ виду окончательное освобожденіе. Обязательныя отношенія между помѣщиками и крестьянами представляли, конечно, большія неудобства для обоихъ сословій. Редакціонная комиссія ясно понимала, что выйти изъ этого неудобства можно только путемъ выкупа земли при гарантіи со стороны правительства, и поэтому всѣ свои заключенія клонила къ выкупу. Въ результатѣ получился рядъ постановленій, нанесшихъ сильный ударъ прежнему понятію собственности. Важнѣйшія изъ нихъ были слѣдующія:



О. Ф. Ярошинскій.

1. Право собственности на личность и трудъ отмѣняется безъ вознагражденія.

2. Часть земли помѣщиковъ отдается въ безсрочное пользованіе крестьянъ; за помѣщиками остается только титулъ собственниковъ на эту землю, такъ какъ они теряютъ право распоряжаться ею и только получаютъ съ нея извѣстную ренту.

3. На помѣщиковъ возложена была обязанность продать крестьянамъ усадьбы по установленной правительствомъ цѣнѣ.

4. Что касается выкупа полевыхъ угодій, то для крестьянъ онъ былъ обязателенъ, если того желаютъ помѣщики, а для помѣщиковъ устанавливалось начало добровольнаго выкупа.

Всѣ эти постановленія нарушали неприкосновенность частной собственности, но комиссія не отступала передъ этими рѣшительными мѣрами, потому что иного выхода при разрѣшеніи крестьянскаго вопроса не было. Зато она постаралась обезпечить частные интересы тамъ, гдѣ они не такъ рѣзко сталкивались съ государственными.

Б. Ф. Залескій.

Вторымъ важнымъ вопросомъ, разсмотрѣннымъ въ первый періодъ занятій редакціонной комиссіи, былъ вопросъ о крестьянскихъ надѣлахъ и повинностяхъ.

Исходной точкой для опредѣленія крестьянскихъ надѣловъ были слова рескрипта 20 ноября 1857 г. о томъ, что „крестьянамъ отводится надлежащее по мѣстнымъ условіямъ количество земли для обезпеченія ихъ быта и выполненія ихъ обязанностей передъ правительствомъ и обществомъ". Но и губернскіе комитеты и редакціонная комиссія понимали, что если дѣйствительно надѣлить крестьянъ землей въ количествѣ, достаточномъ для ихъ обезпеченія и несенія повинностей, то крестьянское земледѣліе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совершенно поглотитъ дворянское. Указаніе рескрипта было явно невыполнимо.

Поэтому редакціонная комиссія, подобно комитетамъ, остановилась на мысли, что земля должна служить лишь однимъ изъ источниковъ крестьянскаго дохода. При такомъ взглядѣ самымъ правильнымъ было сохранить за крестьянами существующіе надѣлы въ расчетѣ на то, что, гдѣ земли было мало, тамъ крестьяне и впредь будутъ пополнять свои скудныя средства все тѣми же подсобными заработками. Но противъ этого положенія уже въ проектахъ комитетовъ приводилось возраженіе, что закрѣпленіе существующихъ надѣловъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ вопреки справедливости узаконитъ случайность и произволъ. Нѣкоторые помѣщики по безпечности или великодушію отводили крестьянамъ большіе надѣлы; несправедливо было бы теперь отбирать у нихъ земли больше, чѣмъ у другихъ. Съ другой стороны, признаніе существующихъ надѣловъ было бы вопіющей несправедливостью по отношенію къ крестьянамъ тѣхъ имѣній, гдѣ помѣщики заранѣе почти обезземелили своихъ крестьянъ. Принявъ это во вниманіе, редакціонная комиссія рѣшила въ огражденіе помѣщиковъ установить высшій надѣлъ, а въ огражденіе крестьянъ—низшій, равный $^2/_5$, а по позднѣйшему постановленію $^1/_3$ высшаго. Въ случаѣ, если существующій надѣлъ оказывался больше установленнаго высшаго, должны были дѣлаться *отрѣзки* въ пользу помѣщика, или же этотъ излишекъ оставался у крестьянъ за особыя повинности, и наоборотъ, если существующій надѣлъ былъ меньше низшаго, то помѣщикъ обязанъ былъ сдѣлать *прирѣзку* земли въ пользу крестьянъ или же соотвѣтственнымъ образомъ понизить повинности. Впрочемъ, впослѣдствіи и здѣсь подъ вліяніемъ депутатовъ перваго призыва были сдѣланы оговорки въ пользу помѣщиковъ: до $^1/_3$ всѣхъ земель имѣнія во всякомъ случаѣ должно было остаться за помѣщикомъ, притомъ при исчисленіи земель, подлежащихъ отрѣзкѣ въ пользу крестьянъ, принимались во вниманіе не всѣ удобныя земли помѣщика, а только земли того села, гдѣ производилась отрѣзка, и земли другихъ селъ, отстоящихъ отъ перваго не далѣе, какъ на 25 верстъ. Въ степной полосѣ, гдѣ недостатка въ землѣ не чувствовалось, предположенъ былъ одинъ размѣръ надѣла — указный, съ предоставленіемъ помѣщику права уменьшить его, если при надѣленіи крестьянъ у него остается менѣе $^1/_2$ всей земли въ имѣніи.

Для опредѣленія размѣровъ высшихъ и указныхъ надѣловъ комиссія воспользовалась присланными изъ губернскихъ комитетовъ свѣдѣніями о помѣщичьихъ имѣніяхъ, имѣющихъ 100 и болѣе душъ, и, кромѣ того, данными изъ комитета о земскихъ повинностяхъ. На основаніи этихъ данныхъ редакціонная комиссія раздѣлила губерніи и согласно хозяйственнымъ условіямъ и размѣрамъ существующихъ надѣловъ на полосы, а полосы—на мѣстности и установила для каждой полосы и мѣстности нормы высшаго и низшаго надѣла. Черноземная полоса была раздѣлена на 5 мѣстностей съ высшими надѣлами въ 3, $3^1/_4$, $3^1/_2$, 4 и $4^1/_2$ десятины на душу; нечерноземная полоса—

на 7 мѣстностей съ высшими надѣлами отъ $3^1/_4$ до 8 десятинъ; степная полоса—на 4 мѣстности съ указными надѣлами въ $6^1/_4$, $8^1/_4$, $10^1/_4$ и 12 десятинъ. Кромѣ того, въ виду особенностей земельныхъ отношеній были выработаны особыя нормы для губерній Малороссіи: Полтавской, Черниговской и части Харьковской и для губерній Новороссіи и юго-западныхъ. Устанавливая нормы надѣловъ, редакціонная комиссія стремилась къ тому, чтобы отрѣзки земель, бывшихъ у крестьянъ въ пользованіи, имѣли мѣсто какъ исключеніе, но она не достигла своей цѣли, а дальнѣйшее пониженіе надѣловъ, сдѣланное въ 2-й и 3-й періодъ дѣятельности редакціонной комиссіи,

На сѣнокосѣ (Пимоненко).

повело къ еще большему сокращенію крестьянскаго землевладѣнія. Стремясь отклонить отъ себя обвиненіе въ пристрастіи къ крестьянамъ, комиссія слишкомъ внимательно отнеслась къ интересамъ помѣщиковъ и потому провела не надѣленіе крестьянъ землей, а обдѣленіе ихъ.

Переѣдя къ вопросу о размѣрѣ крестьянскихъ повинностей, редакціонная комиссія отказалась отъ мысли соразмѣрить повинности съ цѣнностью земли, такъ какъ для этого потребовалась бы перепись, которая отняла бы много времени. Комиссія рѣшила принять за исходную точку своихъ работъ по этому предмету существующія крестьянскія повинности, мотивируя свое рѣшеніе тѣмъ, что платежи крестьянъ, установившіеся при крѣпостномъ правѣ,

вполнѣ соотвѣтствуютъ ихъ средствамъ. Эта исходная точка была, очевидно, невѣрна: изъ того, что крестьяне, неся различныя лишенія, платили при крѣпостномъ правѣ извѣстныя повинности, отнюдь, конечно, не слѣдовало, что эти платежи имъ по средствамъ. Здѣсь редакціонная комиссія явно стала на сторону помѣщиковъ. Признавъ существующія повинности, комиссія отбросила крайности и опредѣлила средній размѣръ оброка и барщины, неодинаковый для различныхъ мѣстъ Россіи. Впрочемъ, размѣръ оброка и барщины гораздо однообразнѣе, чѣмъ нормы земельнаго надѣла. Было установлено всего четыре полосы: 1) нечерноземная оброчная; норма оброка здѣсь была 9 р. съ душевого надѣла, за исключеніемъ лишь нѣкоторыхъ особенно промышленныхъ мѣстностей губерній: Московской, Петербургской, Ярославской, Владимирской и Нижегородской, для которыхъ оброкъ повышенъ былъ до 10 рублей. 2), 3) и 4) — нечерноземная полоса, барщинная черноземная и степная; во всѣхъ этихъ полосахъ устанавливался одинаковый оброкъ—8 р. съ души. Для тѣхъ губерній, гдѣ была барщина натуральная, повинность за высшій душевой надѣлъ установлена была въ 40 мужскихъ и 30 женскихъ рабочихъ дней.

Саратовской губ., Вольскаго уѣзда.
(Полукафтанъ или чапанъ.)
Альбомъ 1878 г.

Эти нормы оброка назначались за высшій земельный надѣлъ. Съ пониженіемъ величины душевого надѣла уменьшались и размѣры повинностей. Но пропорціональнаго уменьшенія редакціонная комиссія не допустила. Исходя изъ выгоднаго для помѣщиковъ, но совершенно невѣрнаго расчета, что первая десятина надѣла, въ которую крестьянинъ вкладываетъ весь свой трудъ, приноситъ все, что она можетъ дать, а вторая и слѣдующія, на обработку которыхъ у него не хватаетъ уже ни труда, ни капитала, представляютъ уже меньше выгодъ, редакціонная комиссія установила систему градаціи повинностей, какъ это предлагалъ тверской комитетъ и нѣкоторые другіе. Размѣры платежа за первую десятину были опредѣлены отъ 3 руб. 50 коп. до 4 руб.; часть оброка за вторую десятину въ мѣстностяхъ съ искусственнымъ удобреніемъ была установлена ниже, чѣмъ за первую, но больше, чѣмъ за остальныя; тамъ же, гдѣ искусственнаго удобренія не было, всѣ десятины, кромѣ первой, облагались поровну. При надѣлѣ въ 6 десятинъ 9-рублевый оброкъ въ нечерноземной полосѣ распредѣлялся, напримѣръ, такъ: на первую десятину — 4 руб., на вторую — 2 руб., на остальныя 4 десятины — по 75 коп. Ясно, что при отрѣзкѣ послѣдней десятины или

вообще при уменьшеніи надѣла помѣщикъ только выигрывалъ, а крестьянинъ много терялъ.

Опредѣленіе повинностей имѣло очень важное значеніе при выкупѣ земли. Выкупная сумма опредѣлялась не оцѣнкой выкупаемой земли, а капитализаціей платимаго за нее оброка. По желанію помѣщика правительство выкупало у него для крестьянъ землю, давая ему капиталъ, который, считая по 6%, приносилъ доходъ, равный оброку. Такимъ образомъ система градаціи повинностей, возлагая всю тяжесть платежей на первую десятину надѣла, вела къ повышенной оцѣнкѣ этой десятины и давала помѣщикамъ возможность даже при небольшихъ надѣлахъ получать съ крестьянъ ту сумму, которая представляла запрещенный выкупъ за личность крестьянина.

При дальнѣйшемъ ходѣ реформы предположенныя нормы земельныхъ надѣловъ не разъ подвергались перемѣнамъ и, въ концѣ-концовъ, стали значительно меньше; нормы повинностей измѣнялись меньше, но въ общемъ онѣ сдѣлались выше, разъ падали теперь на меньшіе надѣлы. Осталась и система, при которой путемъ повышенной оцѣнки первой десятины надѣла помѣщикъ при выкупѣ земли обходнымъ путемъ получалъ и запрещенный выкупъ за личность освобожденныхъ крестьянъ.

А. Н. Татариновъ.

Съ неменьшей ясностью сказывалось вліяніе интересовъ правительства и помѣщиковъ и при обсужденіи вопроса объ административномъ устройствѣ крестьянъ.

Исходной точкой послужили постановленія губернскихъ комитетовъ, относившіяся къ VIII и IX гл. данной имъ программы („Образованіе сельскихъ обществъ“ и „Права и отношенія помѣщиковъ“). Эти постановленія составили предметъ обсужденія въ административномъ отдѣленіи редакціонной комиссіи. Но редакціонная комиссія, отражая колебанія правительства, какъ мы видѣли, совершенно измѣнила основные взгляды по этому вопросу. Основываясь на рескриптѣ 20 ноября, который предоставлялъ помѣщикамъ вотчинную полицію въ сельскомъ обществѣ, и на IX гл. своей программы, дѣлавшей помѣщика „начальникомъ общества“, губернскіе комитеты по разнымъ мотивамъ назначали помѣщика начальникомъ сельскихъ обществъ съ очень широкою вотчинной властью, и только шесть комптетовъ и меньшинство въ остальныхъ, устраняя помѣщичью власть надъ крестьянами, предлагали ввести у нихъ мірское управленіе. Редакціонная комиссія въ своихъ взглядахъ по этому вопросу основывалась на журналѣ Главнаго Комитета отъ 4 декабря 1858 г., гдѣ было сказано: „Государь императоръ повелѣлъ сообра-

зить, можетъ ли IX глава программы въ руководство губернскимъ комитетамъ оставаться въ прежней силѣ, или ее слѣдуетъ измѣнить". Редакціонная комиссія рѣшила это колебаніе въ послѣднемъ смыслѣ. Въ первомъ же докладѣ своемъ административное отдѣленіе постановило, что „замѣна прежней полицейской безотчетной власти и безотчетнаго суда помѣщика правильнымъ полицейскимъ и судебно полицейскимъ устройствомъ крестьянъ" составляетъ „одно изъ важнѣйшихъ условій улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ и самаго выхода ихъ изъ крѣпостной зависимости". Но административное отдѣленіе считалось здѣсь не только съ интересами крестьянъ, оно находило также, что вопросъ этотъ „имѣетъ первостепенную важность и въ видахъ сохраненія общаго порядка и спокойствія". Эта двоякая цѣль привела членовъ административнаго отдѣленія къ мысли создать двѣ независимыхъ другъ отъ друга единицы крестьянскихъ учрежденій: сельское общество и поземельную общину. Первое должно было служить административнымъ цѣлямъ правительства, и на него предполагалось возложить судебно-полицейскія обязанности, второе должно было вѣдать мірскія хозяйственныя дѣла и распредѣлять помѣщичьи и казенныя повинности между домохозяевами, связанными по отбыванію ихъ круговою порукой.

В. В. Тарновскій.

Но при обсужденіи докладовъ административнаго отдѣленія въ общемъ собраніи редакціонной комиссіи первоначальный планъ подвергся весьма существеннымъ измѣненіямъ, потому что забота о сохраненіи порядка и спокойствія перевѣсила заботу о крестьянскихъ интересахъ.

Признано было необходимымъ, чтобы сельскія общества имѣли надзоръ за отбываніемъ повинностей поземельными общинами. Поэтому выборный представитель общины—староста—сдѣланъ былъ полицейской властью и подчиненъ сельскому старшинѣ. Такимъ образомъ исчезла независимость этихъ двухъ учрежденій, и община превратилась въ простое подраздѣленіе общества. Самыя названія замѣнены были новыми: поземельную общину стали называть сельскимъ обществомъ, а сельское общество — волостью.

Волость отвѣчала первой цѣли правительства и была создана „въ видахъ правительственныхъ и административныхъ". Поэтому на волостное правленіе и волостного старшину возложено было множество полицейскихъ обязанностей и, кромѣ того, было постановлено, что онъ долженъ „исполнять безпрекословно всѣ законныя требованія мирового посредника, судебнаго слѣдователя, земской полиціи и всѣхъ установленныхъ властей по предметамъ ихъ

вѣдомства". По отношенію къ сельскимъ обществамъ (по новой терминологіи) волостной старшина является начальникомъ, потому что ему подчинялись всѣ лица крестьянскаго самоуправленія, и онъ имѣлъ право налагать на нихъ различныя взысканія. Самъ онъ былъ поставленъ въ зависимость отъ мирового посредника, который за проступки по службѣ могъ подвергать его, равно какъ и другихъ должностныхъ лицъ замѣчаніямъ, выговору, штрафу до пяти рублей и аресту до семи дней. Другіе представители правительственной власти не могли сами наказывать волостного старшину, но имѣли право заявлять требованіе о подобныхъ же взысканіяхъ мировому посреднику. Такимъ образомъ волостной старшина, а черезъ него и сельское общество были подчинены общимъ бюрократическимъ полицейскимъ и административнымъ властямъ. Естественно было бы ожидать, что волостные старшины и сельскіе старосты будутъ подвергаться контролю волостныхъ и сельскихъ сходовъ, выборными органами которыхъ они являлись. Но редакціонная комиссія, предоставивъ сходамъ наблюденіе за тѣмъ, какъ ведутъ старшины и старосты хозяйственныя дѣла и какъ расходуютъ общественныя деньги, однако, не дала имъ права подвергать своихъ представителей отвѣтственности. Сельскимъ обществамъ предоставлена была нѣкоторая самостоятельность въ хозяйственныхъ дѣлахъ, но въ общемъ принципъ крестьянскаго самоуправленія, провозглашенный редакціонной комиссіей, осуществленъ не былъ, и правительство въ лицѣ должностныхъ лицъ крестьянскаго будто бы самоуправленія получило выборныхъ и безплатныхъ агентовъ своей власти, содержимыхъ крестьянами, но подчиненныхъ общей администраціи и занятыхъ больше дѣлами администраціи, чѣмъ крестьянства.

Н. В. Калачевъ.

Редакціонная комиссія рѣшительно отрицала вотчинную власть помѣщика; она уничтожила всѣ ея виды за исключеніемъ права помѣщика на особый почетъ во время срочно-обязаннаго періода и права его оказывать крестьянамъ защиту и покровительство. Но, освободивъ крестьянъ отъ власти помѣщика, редакціонная комиссія постановила ихъ подъ власть часто не менѣе тягостную и произвольную — подъ власть бюрократіи. И уже нѣкоторые члены-эксперты редакціонной комиссіи, напримѣръ, А. Д. Желтухинъ и Ю. Ѳ. Самаринъ, подвергали сдѣланныя постановленія рѣзкой, но справедливой критикѣ.

Къ серединѣ августа 1859 г. задача перваго періода занятій редакціонной комиссіи была исполнена: вчернѣ проектъ реформы былъ готовъ. По

плану занятій для его обсужденія теперь надо было пригласить депутатовъ отъ губернскихъ комитетовъ.

Благодаря „Матеріаламъ редакціонныхъ комиссій“, которые печатались въ 3.000 экземплярахъ и повсюду разсылались, дворянство могло слѣдить за ходомъ крестьянской реформы. Изъ этихъ отчетовъ оно ясно увидѣло, что редакціонная комиссія мало считается съ волей дворянства, выраженной въ проектахъ губернскихъ комитетовъ. Дворянство было недовольно рѣшеніями редакціонной комиссіи, и на почвѣ этого недовольства быстро росла дворянская оппозиція, консервативная и либеральная. По рукамъ стали ходить записки, враждебныя редакціонной комиссіи. Одна изъ нихъ, написанная сенаторомъ Безобразовымъ, представляла проектъ адреса къ государю. Главная мысль этого адреса заключалась въ томъ, что для пересмотра положеній, заготовленныхъ редакціонной комиссіей, и для окончательнаго составленія законоположеній реформы надо учредить особое дворянское собраніе, составленное изъ выборныхъ отъ каждой губерніи. Ясно было, что когда по плану занятій въ редакціонную комиссію будутъ вызваны депутаты отъ губернскихъ комитетовъ, то между правительствомъ и дворянствомъ произойдетъ генеральное сраженіе. И правительство стало къ нему готовиться. Оно приняло рядъ мѣръ.

Нижегородской губерніи (въ кафтанѣ).
Альбомъ 1878 г.

1) Прежде всего оно постаралось повліять на личный составъ депутатовъ. Въ первую очередь должны были пріѣхать депутаты отъ 21 комитета, проекты которыхъ были уже разсмотрѣны. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ комитетовъ меньшинство членовъ осталось при особомъ мнѣніи и составило свои проекты, во многомъ согласные съ видами Ростовцева и Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Желая найти поддержку въ меньшинствѣ, министръ съ разрѣшенія государя распорядился, чтобы въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ было составлено два проекта, одинъ изъ двухъ депутатовъ былъ избранъ непремѣнно изъ среды меньшинства. Депутаты отъ двухъ губерній (Витебской и Минской) были отчислены ко второму призыву; поэтому въ первую очередь явилось 36 представителей отъ 19 губерній—9 отъ меньшинства и 27 отъ большинства каждаго губернскаго комитета.

2) Затѣмъ министръ внутреннихъ дѣлъ представилъ государю записку, въ которой выражалъ опасеніе, что дворянскіе депутаты по своимъ матеріальнымъ и сословнымъ интересамъ будутъ мѣшать реформѣ, имѣющей прежде

В. И. Булыгинъ.

К. И. Гечевичъ.

В. В. Апраксинъ.

А. А. Гробянка.

всего государственное значеніе, и потому считалъ нужнымъ ограничить ихъ участіе въ занятіяхъ редакціонной комиссіи представленіемъ правительству тѣхъ свѣдѣній и объясненій, которыя оно само сочтетъ нужнымъ имѣть. Государь согласился съ предложеніемъ министра, и въ результатѣ явилась инструкція 11 августа Ростовцеву, опредѣлявшая образъ дѣйствій какъ его самого, такъ и депутатовъ. По этой инструкціи депутаты разсматривались не какъ учрежденіе, а какъ отдѣльныя лица; каждый изъ нихъ долженъ былъ давать особый по своей губерніи письменный отвѣтъ, представляя мѣстныя свѣдѣнія и объясненія по такимъ вопросамъ, которые возникли при разработкѣ крестьянскаго дѣла.

25 августа депутаты въ первый разъ были приглашены въ общее собраніе редакціонной комиссіи и съ чувствомъ глубокаго недовольства и разочарованія выслушали здѣсь эту инструкцію. Послѣ этого они нѣсколько разъ собирались у гр. Шувалова и рѣшили обратиться къ государю съ просьбой о дозволеніи имъ имѣть общія совѣщанія. Это имъ было дозволено, но съ указаніемъ, что ихъ частныя совѣщанія не должны носить офиціальнаго характера. Вмѣстѣ съ тѣмъ государь еще разъ обѣщалъ, что всѣ рѣшенія редакціонной комиссіи будутъ потомъ представлены на разсмотрѣніе Главнаго Комитета. Это успокаивало дворянъ, потому что здѣсь они разсчитывали найти поддержку противъ комиссіи.

На своихъ совѣщаніяхъ депутаты перваго призыва подвергли труды редакціонной комиссіи строгой критикѣ и составили на нихъ замѣчанія, запявшія три объемистыхъ тома. Наиболѣе важными пунктами этой критики были слѣдующіе:

1. Соглашаясь на надѣленіе освобожденныхъ крестьянъ землей, большинство депутатовъ было рѣшительно противъ отвода надѣловъ въ безсрочное пользованіе за разъ навсегда установленныя повинности. Имъ казалось, что съ уничтоженіемъ власти помѣщика отбываніе повинностей не будетъ исправнымъ, и они считали несправедливымъ и невыгоднымъ для помѣщика

постоянный оброкъ въ то время, какъ земля постоянно возвышается въ цѣнѣ. Такъ какъ большая часть этихъ депутатовъ была изъ промышленныхъ нечерноземныхъ и получерноземныхъ губерній, то они требовали обязательнаго единовременнаго выкупа земли при помощи особой кредитной операціи. Были, впрочемъ, и такіе, которые стояли за возвращеніе всей земли въ полное распоряженіе помѣщика послѣ окончанія срочно-обязаннаго періода.

2. Что касается постановленій комиссіи о надѣлахъ, то депутаты возражали противъ установленныхъ комиссіей нормъ высшихъ и низшихъ надѣловъ, считая ихъ слишкомъ высокими, особенно для небольшихъ имѣній. Многіе депутаты говорили даже, что для крестьянскаго надѣла совсѣмъ не надо устанавливать минимальнаго размѣра, до котораго помѣщикъ долженъ бы былъ нарѣзать крестьянамъ земли, въ случаѣ если при крѣпостномъ правѣ они имѣли земли меньше этого минимальнаго надѣла. Кромѣ того, депутаты требовали, чтобы при отводѣ земли крестьянамъ въ распоряженіи помѣщика оставалось во всякомъ случаѣ не менѣе половины или даже двухъ третей всей земли; при исчисленіи этихъ земель они предлагали не принимать во вниманіе лѣсовъ и земель, лежавшихъ въ сосѣднихъ уѣздахъ.

Нормы оброковъ, предположенныя редакціонной комиссіей, тоже встрѣтили критику депутатовъ. Депутаты промышленныхъ губерній, особенно Ярославской, предлагали свои, болѣе высокія нормы.

3. Но особенно рѣзко критиковали депутаты проектъ административнаго устройства крестьянъ. Выразителемъ мнѣній большинства явился тверской депутатъ А. М. Унковскій. Исходя изъ мысли, что интересы помѣщичьихъ крестьянъ неразрывно связаны съ интересами другихъ сословій, онъ считалъ неправильнымъ обособлять крестьянскія учрежденія. „Это разъединеніе сословій поведетъ опять къ произвольному управленію чиновниковъ и къ разрушенію всякаго понятія о самоуправленіи обществъ“. Устройство крестьянскаго управленія, по мнѣнію Унковскаго, немыслимо безъ общей реформы всего административнаго строя, основаннаго на мелочной правительственной опекѣ и безотвѣтственности исполнительной власти. Основаніями этой реформы должны быть: гласность, учрежденіе самостоятельнаго, независимаго, общаго для всѣхъ сословій суда присяжныхъ, отвѣтственность должностныхъ лицъ передъ судомъ и послѣдовательно проведенная система самоуправленія.

По окончаніи своихъ работъ депутаты перваго призыва, неувѣренные въ томъ, что ихъ замѣчанія будутъ приняты во вниманіе, рѣшили обратиться къ государю съ ходатайствомъ, чтобы при окончательномъ обсужденіи проекта редакціонной комиссіи въ Главномъ Комитетѣ имъ снова было позволено представить свои замѣчанія. Но при составленіи адреса государю депутаты не могли столковаться: въ указанномъ смыслѣ подали адресъ 18 депутатовъ, Шидловскій представилъ государю письмо съ олигархическими тенденціями, а пять депутатовъ: Унковскій, Шретеръ, Дубровинъ, Хрущовъ и Васильевъ

изложили въ своемъ адресѣ главныя начала общей реформы административнаго и судебнаго строя Россіи. Съ подачей этихъ адресовъ совпало представленіе государю крайне безтактной записки камергера Безобразова, выражавшаго олигархическія стремленія придворнаго дворянства и требовавшаго „обузданія“ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Читателю извѣстно, какія послѣдствія имѣли эти адреса [1]).

Пробывъ въ Петербургѣ нѣсколько недѣль, депутаты отъ губернскихъ комитетовъ разъѣхались по мѣстамъ съ чувствомъ недовольства и разочарованія, а редакціонная комиссія продолжала свою работу.

Во второй періодъ своихъ занятій, отъ 16 сентября 1859 г. до 12 марта 1860 г., редакціонная комиссія изучила проекты остальныхъ 25 комитетовъ и пересмотрѣла свои прежнія рѣшенія. Когда эти работы близились къ концу, то были вызваны депутаты отъ этихъ комитетовъ, всего 45 человѣкъ. Эти

Медаль въ память освобожденія крестьянъ.

депутаты собрались въ Петербургѣ всего черезъ четыре мѣсяца послѣ того, какъ окончилась дѣятельность депутатовъ перваго призыва, но ихъ отношеніе къ редакціонной комиссіи подъ вліяніемъ правительственныхъ мѣръ стало еще болѣе рѣзкимъ.

Это были преимущественно помѣщики черноземныхъ и западныхъ губерній, гдѣ дворянство не хотѣло выпускать земли изъ своихъ рукъ. Поэтому они противились выкупу и, стремясь къ безземельному освобожденію крестьянъ, желали сохранить надъ ними вотчинную власть помѣщика. Въ противоположность депутатамъ перваго призыва, которые предлагали широкую программу либеральныхъ реформъ, депутаты второго приглашенія были настроены очень консервативно. Такое настроеніе поддерживалось въ нихъ слухами о томъ, что правительство кореннымъ образомъ измѣнило свои взгляды на крестьянскую реформу. Слухи эти имѣли нѣкоторое оправданіе въ томъ, что на мѣсто Ростовцева, умершаго 6 февраля 1860 г. отъ болѣзни, развившейся на почвѣ переутомленія, назначенъ былъ, къ удивленію и огорченію лучшей части русскаго общества, извѣстный реакціонеръ гр. Панинъ.

---

[1]) См. выше статью проф. А. А. Кизеветтера.

Окрыленные надеждой на перемѣну курса, депутаты не послушались совѣтовъ Кошелева п, обвиняя членовъ редакціонной комиссіи въ республиканскихъ, соціалистическихъ и даже коммунистическихъ стремленіяхъ, они въ своей критикѣ рѣзко высказались противъ надѣленія крестьянъ землею и противъ крестьянскихъ учрежденій, независимыхъ отъ помѣщичьей власти. Но надежды депутатовъ не сбылись: Панинъ кое въ чемъ портилъ дѣло редакціонной комиссіи, которой самъ не сочувствовалъ, но измѣнить ея рѣшеній коренпымъ образомъ, несмотря на все свое желаніе, не могъ.

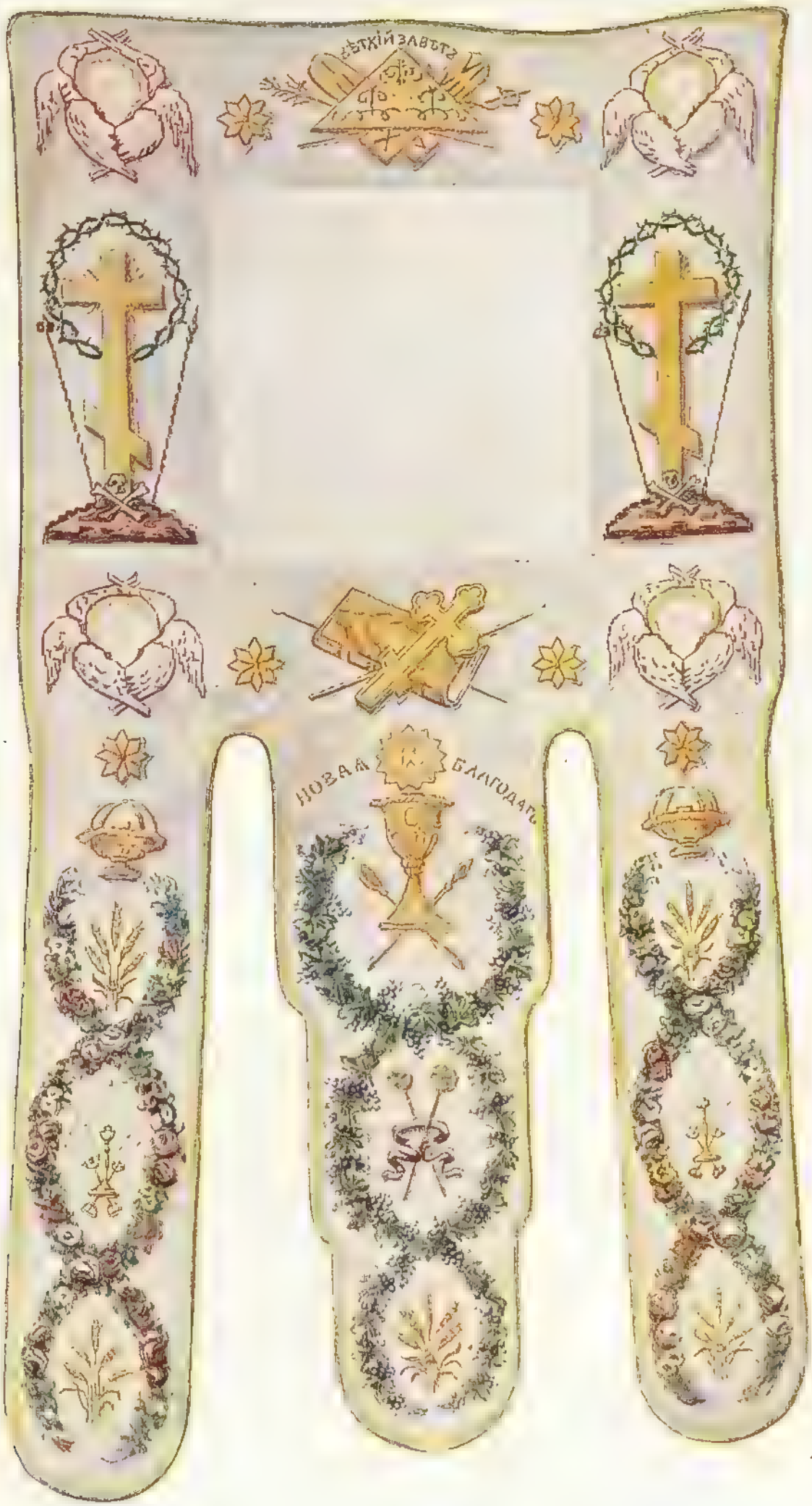
Въ третій періодъ занятій редакціонной комиссіи (отъ 12 марта до 10 октября 1860 г.) мнѣнія и возраженія депутатовъ подвергались спеціальному обсужденію. Нѣкоторыя мнѣнія ихъ были, впрочемъ, приняты во вниманіе уже во второмъ періодѣ. Подъ вліяніемъ этихъ мнѣній редакціопная комиссія сдѣлала рядъ поправокъ въ своихъ предположепіяхъ, относившихся къ матеріальной сторонѣ реформы: во многихъ уѣздахъ были понижены нормы земельныхъ надѣловъ; въ черноземной полосѣ душевой оброкъ былъ повышенъ съ 8 руб. до 9; въ имѣніяхъ, гдѣ крестьяне безсрочно пользовались полевою землей, допущена была переоцѣнка повинностей черезъ 20 лѣтъ.

Наконецъ всѣ предположенія редакціонной комиссіи получили окончательную редакцію, и 10 октября 1860 г. она была закрыта. Въ исторіи русскихъ учрежденій редакціонная комиссія выдѣляется по своей работоспособности и энергіи: безъ обычной бюрократической волокиты, безъ отдыха, она менѣе чѣмъ въ двадцать мѣсяцевъ, быть-можетъ, даже съ излишней поспѣшностью, разрѣшила свою сложную задачу.

Въ самый день закрытія редакціонной комиссіи началось обсужденіе составленнаго ею проекта въ Главномъ Комитетѣ. Рядъ обстоятельствъ способствовалъ тому, что внесенный проектъ не могъ здѣсь подвергнуться существеннымъ измѣненіямъ. Во-первыхъ, комитетъ не имѣлъ достаточно времени, такъ какъ государь приказалъ торопиться съ реформой и кончить обсужденіе ея въ январѣ. Затѣмъ не малое значеніе имѣла смѣна предсѣдателя: вмѣсто тяжко заболѣвшаго кн. Орлова былъ назначенъ великій князь Константинъ Николаевичъ, горячій сторонникъ реформы. При помощи самыхъ видныхъ членовъ редакціонной комиссіи онъ хорошо изучилъ ея постановленія и потому искусно руководилъ преніями въ Комитетѣ. Наконецъ имѣло значеніе и то, что большинство Комитета, не сочувствовавшее постановленіямъ комиссіи, не столковалось между собой и голосовало врозь, такъ что относительное большинство голосовъ оставалось за сплоченнымъ меньшинствомъ Комитета. Сорокъ длинныхъ засѣданій посвятилъ Комитетъ обсужденію положеній, выработанныхъ въ комиссіи; пренія были очень горячія; мнѣнія сильно расходились, но... въ результатѣ проектъ редакціонной комиссіи прошелъ въ Главномъ Комитетѣ безъ особыхъ измѣненій. Были только понижены въ разныхъ мѣстностяхъ размѣры крестьянскихъ надѣловъ и повышены оброки.

Хоругвь, вышитая бывшими крѣпостными дѣвушками въ память 19 февраля.

(Хранится въ Историческомъ музеѣ въ Москвѣ).


СТАРИЙ ЗАВІТЪ
НОВАЯ БЛАГОДАТЬ

14 января 1861 г. Главный Комитетъ кончилъ свои занятія. Проектъ долженъ былъ теперь пройти черезъ Государственный Совѣтъ, и обсужденіе его по волѣ государя должно было окончиться къ 15 февраля. 28 января, когда истекъ двухнедѣльный срокъ, данный членамъ Государственнаго Совѣта для ознакомленія какъ съ проектомъ реформы, такъ и съ журналомъ Главнаго Комитета, Александръ II открылъ засѣданія Государственнаго Совѣта рѣчью, въ которой далъ историческій очеркъ крестьянскаго вопроса и указалъ на неотложность реформы. Начались очень длинныя и бурныя засѣданія; престарѣлый предсѣдатель гр. Блудовъ съ трудомъ руководилъ преніями. Члены Государственнаго Совѣта пытались измѣнить проектъ реформы, но государь, которому представлялись журналы каждаго засѣданія, почти всегда утверждалъ мнѣніе меньшинства. Измѣненій въ законопроектѣ поэтому было сдѣлано немного. Они опять относились къ матеріальной сторонѣ реформы: 1) для многихъ мѣстностей былъ понижен максимумъ крестьянскаго надѣла, вслѣдствіе чего понизился и низшій надѣлъ, составлявшій одну треть высшаго; 2) затѣмъ по предложенію кн. Гагарина приняты были четвертные „дарственные“ надѣлы: помѣщику предоставлялось подарить крестьянамъ четверть высшаго надѣла, и если крестьяне соглашались принять этотъ „подарокъ“, то всѣ отношенія между ними, основанныя на крѣпостномъ правѣ, считались оконченными. Дворяне съ радостью встрѣтили это добавленіе: тамъ, гдѣ помѣщикъ держался за землю, онъ могъ уступкой небольшой части надѣла какъ бы выкупить для себя право владѣть остальною землей своего имѣнія. Доходы съ этой земли и ростъ арендной платы должны были очень скоро вознаградить его за этотъ „подарокъ“.

17 февраля кончилось обсужденіе проекта реформы въ Государственномъ Совѣтѣ, а 19 государь подписалъ представленныя ему положенія и манифестъ, возвѣщавшій народу о реформѣ.

Евг. Вишняковъ.

Герценъ въ Вяткѣ. (Съ портр. раб. Витберга).

„Колоколъ“ и крестьянская реформа.

Ч. Вѣтринскаго.

Герценъ въ кругу западниковъ былъ одинъ изъ первыхъ, выдвинувшихъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ, какъ ближайшій практическій вопросъ русской жизни, и когда въ 1845—6 годахъ въ этомъ кругу завязались горячіе дебаты о принципахъ личнаго поведенія по отношенію къ безправной народной массѣ и о томъ, что здѣсь могутъ сдѣлать литература и общество, Герценъ формулировалъ, какъ задачу момента, прямую защиту прежде всего интересовъ низшихъ сословій: „Всякая выходка противъ нихъ, вольная или невольная, похожа на оскорбленіе ребенка. Кто же будетъ за нихъ говорить, если не мы же сами? Официальныхъ адвокатовъ у нихъ нѣтъ всѣ должны тогда сдѣлаться ихъ адвокатами“.

Въ 1846 году умеръ отецъ Герцена, завѣщавшій почти все недвижимое имѣніе племяннику Голохвастову, все движимое и капиталы матери Герцена

и ему самому съ братомъ. Въ числѣ условій завѣщанія было отпустить на волю „всѣхъ дворовыхъ людей, хорошо и усердно служившихъ“. На Герцена хлынули со всѣхъ сторонъ „какіе-то дворовые прошлыхъ поколѣній“, „разбитые на ноги старики и уменьшившіяся въ ростѣ и закоптѣвшія отъ лѣтъ старухи“... съ сыновьями, дочерьми и внучатами. Герценъ подумалъ и сталъ выдавать всѣмъ явившимся свидѣтельства о безпорочной дворовой службѣ. Голохвастовъ не сталъ спорить, и такъ, благодаря рѣшительности Герцена, получило свободу нѣсколько десятковъ семей крѣпостныхъ Однимъ изъ обвиненій противъ Герцена, которое часто противъ него выдвигалось впослѣдствіи, было утвержденіе, будто онъ вывезенныя изъ Россіи средства получилъ отъ эксплуатаціи и продажи своей „крещеной собственности“: въ дѣйствительности Герценъ оказался владѣльцемъ значительнаго по тому времени капитала до пятисотъ тысячъ рублей, каменнаго дома въ Москвѣ и совладѣльцемъ съ матерью имѣнія Костромской губерніи; но никакими доходами съ этого имѣнія Герценъ не пользовался, оно не было даже заложено, и въ 1849 году было секвестровано правительствомъ въ отместку за эмиграцію.

Эта эмиграція, отказъ вернуться въ Россію по требованію правительства были, какъ извѣстно, сознательнымъ шагомъ для начала всемірно-славной борьбы словомъ во имя свободы личной и свободы народной. Съ самаго начала Герценъ хотѣлъ разсказать міру „о народѣ, который какъ-то чудно умѣлъ сохранить себя подъ игомъ монгольскихъ ордъ и нѣмецкихъ бюрократовъ, подъ капральской палкой казарменной дисциплины и подъ позорнымъ кнутомъ татарскимъ; который сохранилъ величавыя черты, живой умъ и широкій разгулъ богатой натуры подъ гнетомъ крѣпостного состоянія и въ отвѣтъ на царскій призывъ образоваться — отвѣтилъ черезъ сто лѣтъ громаднымъ явленіемъ Пушкина“ („Съ того берега“). Въ цѣломъ рядѣ своихъ зарубежныхъ писаній и изданій Герценъ не устаетъ писать о русскомъ народѣ и крѣпостномъ правѣ, и живая память о русскомъ народѣ спасала его не разъ, въ пору глубокаго отчаянія отъ личныхъ неудачъ и отъ крушенія надеждъ на близкое торжество въ европейскомъ мірѣ освободительныхъ и соціалистическихъ началъ. „Вѣра въ Россію спасла меня на краю нравственной гибели“, категорически заявлялъ онъ.

Въ предѣлахъ настоящаго очерка мы не можемъ говорить о томъ, въ какія формы эта вѣра въ народную Россію отлилась у Герцена, объ его соціализмѣ, упованіяхъ на артель и общину и на возможность для Россіи обойти „мѣщанскій“ (капиталистическій) періодъ развитія современныхъ государствъ. Но въ этой своей проповѣди будущаго онъ ни на минуту не забываетъ, что теперь надъ Россіей тяготѣетъ крѣпостное право, „язвой, пятномъ, тѣмъ безобразіемъ русскаго быта, которое смиряетъ насъ и заставляетъ, краснѣя и съ поникшею головою, признаться, что мы ниже всѣхъ

народовъ въ Европѣ“ („Крещеная собственность“, 1853 г.). Самое возникновеніе этого позорнаго учрежденія было, по его словамъ, „до того нелѣпо, безумно, что за границей, особенно въ Англіи, никто не понимаетъ“ (тамъ же). Въ этой же статьѣ, выражая мнѣнія не только лично свои, но и всего круга западниковъ, Герценъ говоритъ не только о необходимости личнаго освобожденія, но и освобожденія съ землею и съ сохраненіемъ общиннаго владѣнія у освобождаемыхъ. „Былое и Думы“, написанныя тогда же, дали яркія картины крѣпостного быта въ Россіи. Освобожденію крестьянъ посвящено также одно изъ самыхъ первыхъ воззваній герценовскаго вольнаго станка въ Лондонѣ: „Юрьевъ день“, и въ открытомъ письмѣ императору Александру II отъ 10 марта (н. с.) 1855 года, написанномъ по полученіи извѣстія о смерти Николая I, Герценъ пишетъ прежде всего опять-таки объ освобожденія русскаго слова и русскаго крестьянина:

А. И. Герценъ.

„Дайте землю крестьянамъ! Она и такъ имъ принадлежитъ. Смойте съ Россіи позорное пятно крѣпостного состоянія, залѣчите синіе рубцы на спинѣ нашихъ братій—эти страшные слѣды презрѣнія къ человѣку. Торопитесь! Спасите крестьянина отъ будущихъ злодѣйствъ, спасите его отъ крови, которую онъ долженъ будетъ пролить“.

Къ тому моменту, когда эта программа освобожденія могла быть выдвинута уже какъ нѣчто практическое и осуществимое, рядомъ съ Герценомъ сталъ товарищъ его отрочества и молодости, поэтъ Николай Платоновичъ Огаревъ. Герценъ называлъ себя и его „разрозненными томами одной поэмы“. Въ его натурѣ, оригинальной, но выраженной не сильно, а мягко, Герценъ привыкъ почерпать какъ изъ притаеннаго родника свѣжій запасъ идей и настроеній. Огаревъ выявилъ себя, можетъ-быть, чрезъ Герцена больше, чѣмъ

въ собственной своей поэтической дѣятельности, симпатичной и вдумчивой, но менѣе всего яркой и звучной, чѣмъ въ публицистической своей работѣ, обстоятельной и серьезной, но сухой и неблестящей, въ противоположность блеску и жару Герцена. Но съ момента знаменитой клятвы друзей на Воробьевыхъ горахъ отдать себя борьбѣ за свободу, въ Огаревѣ неизмѣнно тлѣлъ огонекъ энтузіазма къ освобожденію. Напомнимъ первыя автобіографическія строки одного изъ его стихотворныхъ посланій къ Искандеру (1858 года):

Когда я былъ отрокомъ тихимъ и нѣжнымъ,
Когда я былъ юношей страстно-мятежнымъ,
И въ возрастѣ зрѣломъ, со старостью смежномъ,—
Всю жизнь мнѣ все снова, и снова, и снова
Звучало одно неизмѣнное слово:
Свобода! Свобода!

Измученный въ рабствѣ и духомъ унылый,
Покинулъ я край мой родимый и милый,
Чтобъ было мнѣ можно, насколько есть силы,
Съ чужбины до самаго края родного
Взывать громогласно завѣтное слово:
Свобода! Свобода!

Н. П. Огаревъ (грав. 1857 г.).

Въ отличіе отъ Герцена, который никогда самъ не управлялъ имѣніями отца и стоялъ въ сторонѣ отъ хозяйственной помѣщичьей жизни, Огаревъ явился за границу во всеоружіи знаній крѣпостного быта, пріобрѣтенныхъ въ долгихъ сношеніяхъ съ собственными крѣпостными крестьянами.

Въ другомъ мѣстѣ читатели уже познакомились съ попытками Огарева практически осуществить свои эмансипаціонныя идеи и съ его разочарованіями[1]). Пережитыя разочарованія разнообразно отразились у Огарева въ его поэтическихъ произведеніяхъ. Въ одномъ посланіи въ Москву изъ-за границы онъ писалъ:

Я помню смрадъ курной избы,
Нечистой, крошечной и темной,
И жили тамъ мои рабы!
Стоялъ мужикъ пугливо-томный,
Возилась баба у печи
И ставила пустыя щи.
Ребенокъ въ масляной шубенкѣ,
Крича, жевалъ ломоть сухой,
Спала свинья близъ коровенки,
Окружена своей семьей.
Стуча въ окно порой обычной,
На барщину десятскій звалъ,
Спинѣ послушной и привычной
Безъ нужды розгой угрожалъ.
Я помню, какъ квартальный надзиратель,
Порядка русскаго блюститель и создатель,
Допрашивалъ о чемъ-то бѣдняка,
И кровь лилась подъ силой кулака,

[1]) См. статью «Западники 40-хъ годовъ и крѣпостное право».

Я годы, годы не забылъ,
Какъ этотъ видъ противенъ былъ...
И послѣ мы—друзей въ бесѣдѣ пылкой
О родинѣ скорбѣли за бутылкой!
И человѣкъ весь въ жалкомъ безпорядкѣ,
Испуганный дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ.

Одна изъ обыкновенныхъ исторій про подобнаго радѣтеля о благѣ народа разсказана въ повѣсти „Господинъ“.

Рѣшилъ онъ, что пора пришла,
Чтобъ дѣло дѣлать въ этомъ мірѣ:
Начать воспитывать крестьянъ,
Въ ихъ нравахъ сдѣлать улучшенья...
. . . . . .
Въ его умѣ тѣснилось вдругъ,
Что онъ своимъ крестьянамъ другъ,
Что патріархъ онъ благородный,
А можетъ и трибунъ народный...

Но мечты быстро разлетѣлись передъ дѣйствительностью въ дымъ и все кончается связью съ крестьянской дѣвушкой и запоемъ, и вотъ, въ то время, какъ его сожительница входитъ въ сдѣлку съ приказчикомъ, баринъ подъ вліяніемъ винныхъ паровъ мечтаетъ, что онъ

Законодатель, зла губитель,
Отчизны доблестный спаситель;
Опять онъ завтра же готовъ
Завесть оброкъ для мужиковъ;
А тамъ, оставивъ всѣмъ по полю,
Совсѣмъ отпуститъ ихъ на волю.
А между тѣмъ какъ баринъ пьетъ
Кузьма Терентьевъ все сѣчетъ!

Въ концѣ-концовъ молодой помѣщикъ умираетъ, предварительно опустившись до замашекъ обычной воли дворянскихъ рукъ: сдаетъ въ солдаты мужика за оскорбленіе любовницы и бьетъ стараго дядьку, по праву старости заговорившаго съ помѣщикомъ о его безпутствѣ... Строй помѣщичьей жизни, грубые нравы и драматическія коллизіи, особенно на этой почвѣ власти помѣщиковъ надъ женскимъ тѣломъ, не разъ затронуты Огаревымъ и въ другихъ его поэмахъ: въ „Разсказѣ этапнаго офицера“, въ автобіографическомъ „Радаевѣ“ и др. произведеніяхъ. Наиболѣе автобіографична неоконченная „Деревня“. Здѣсь изображенъ Огаревымъ помѣщикъ Юрій, „еще мечтатель—хотя ужъ тридцати годовъ“, который задается цѣлью:

...чтобъ село
Его трудилось и цвѣло,
Чтобъ грамотѣ учились дѣти
И мужики умнѣли бы безъ плети.

При первомъ пріѣздѣ „духъ ему тоской свела картина скудная села“. Встрѣчая на свои разговоры объ улучшеніяхъ въ хозяйствѣ одинъ отвѣтъ—„ваша воля!“, Юрій все же „думалъ, взявъ терпѣнье, что разумъ, какъ подземный кротъ, невидимъ вроется въ народъ, и чтобъ подвинуть просвѣщенье, хотя бъ чрезъ барскій пропзволъ, онъ школу тотчасъ же завелъ“... Но надежды эти были обманчивы.

А. И. Герценъ.

(Съ портрета *Ге*).

Мужикъ догадливъ; онъ постигъ
Своимъ чутьемъ въ единый мигъ,
Безъ напряженнаго расчета,
Что Юрій хочетъ добраго чего-то.
Но рабъ привычки боязливой,
Довольный грязною избой,
Пошелъ обычной колеей
И, озираясь пугливо,
Со страхомъ барина встрѣчалъ
И никогда не довѣрялъ,
Чтобъ съ нимъ была возможность дружбы,
Заплатный трудъ считая долгомъ службы.

Разговоры Юрія съ сосѣдями „о томъ, что выгодъ было бъ болѣ, когда бъ народъ нашъ вовсе жилъ на волѣ“, ведутъ къ тому, что вся округа въ лицѣ вдовы помѣщика-генерала „народное освобожденье за личное признала оскорбленье“.

Доказывалъ герой нашъ только,
Что въ рабствѣ выгодъ нѣтъ для насъ
нисколько;
Что, въ мнимый вѣруя избытокъ,
Не цѣнимъ мы, тѣсня рабовъ,
Ни капиталовъ, ни трудовъ,
И всѣ работаемъ въ убытокъ.
Сосѣдей Юрій раздразнилъ,
Но ихъ ни въ чемъ не убѣдилъ.

„Письмо Юрія“ содержитъ признанія, аналогичныя вышецитированному письму Огарева о томъ, что онъ прибѣгъ къ всепсцѣляющей лозѣ.

Чтобъ трудъ начатый продолжать,
Я долженъ былъ людей стращать!
Пойми насквозь ты это слово:
Я долженъ былъ стращать людей!
И чѣмъ же?—властію моей,
Которой отъ души не вѣрю,
Которою я гадко лицемѣрю.
Да! Гадко! Гадко и безплодно!
Я этимъ вѣрить пріучу
Во власть мою, а хлопочу
Дать почву вольности народной.
И впереди моя судьба —
Увидѣть прежняго раба
Тамъ, гдѣ хотѣлъ я человѣка
Воспитывать для всѣхъ успѣховъ вѣка!

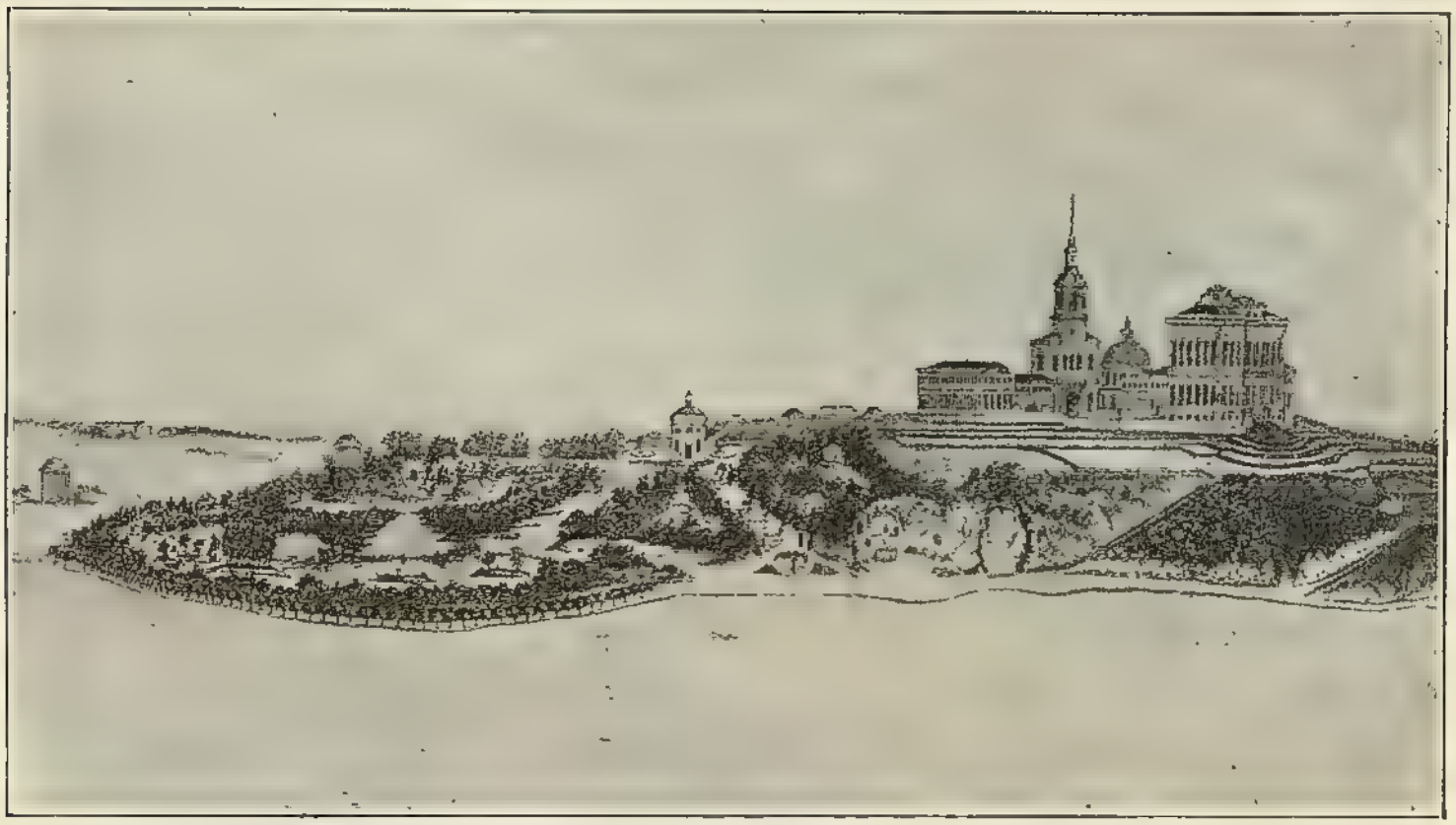
Отъ такихъ противорѣчій, отъ невозможности при общемъ рабскомъ строѣ

устроить въ сторонѣ родной
Хоть этотъ мирный уголъ мой
Такъ, чтобъ въ немъ могъ себя поздравить
Съ свободой прочной селянинъ,
Деревни вольной гражданинъ,

остается только бѣжать, и у Огарева-Юрія изливается пророческое обѣщаніе:

Уйду, чтобъ въ каждое мгновенье
Въ странѣ чужой я могъ казнить
Мою страну, гдѣ больно жить...
Хочу, по крайней мѣрѣ, чтобы
Хоть умеръ я на почвѣ той,
Гдѣ любитъ волю родъ людской,
Гдѣ я глаза бъ закрылъ безъ злобы,
Вдали отъ всѣхъ тупыхъ рабовъ,
Отъ всѣхъ властителей-глупцовъ,
Отъ казней темныхъ и злодѣйскихъ
И ого всѣхъ надзоровъ полицейскихъ.
Но до конца
Я стану въ чуждой сторонѣ
Порядокъ, ненавистный мнѣ,
Клеймить изустно и печатно,
И, можетъ, дальній голосъ мой,
Прокравшись къ сторонѣ родной,
Гонимый вольности шпіономъ,
Накличетъ бунтъ подъ русскимъ небосклономъ
На пользу собственныхъ крѣпостныхъ.

Такъ вмѣсто одиночной дѣятельности предъ русскими людьми вставала фатальная необходимость общаго разрѣшенія вопроса, и въ тогдашнихъ обстоятельствахъ, когда самая мысль объ освобожденіи объявлялась свыше преступнымъ посягательствомъ противъ общаго спокойствія, единственнымъ исходомъ представлялись народный бунтъ и революція. Въ концѣ-концовъ Огаревъ и послѣдовалъ примѣру своего друга, эмигрировалъ, чтобы послужить дѣлу русскаго освобожденія. Но когда явилась реальная надежда на реформу крѣпостного порядка, оба одинаково почувствовали, что въ данномъ случаѣ соціально-экономическій вопросъ идетъ впереди политическаго, и Огаревъ могъ повторить слова Герцена: „Я—другъ республики, я—другъ демокра-



Богородицкъ въ XVIII в., имѣніе Бобринскихъ (акв. Болотова).

тіи, но гораздо больше другъ свободы, независимости и развитія... Мы стремимся и хотимъ дѣйствовать въ нашемъ времени, въ современной Россіи—это заставляетъ насъ не втѣснять вопросовъ, но стараться завладѣть тѣми, которые уже возникли... Сѣверный левіаѳанъ прошелъ чрезъ доки, покачнулся, справился и плыветъ... У него на знамени освобожденіе крестьянъ съ землею, т.-е. опять соціальный вопросъ предъ политическимъ. Увидавъ это, мы бросили все и прилѣпились къ этому жизненному вопросу. И вотъ вамъ причина нашего успѣха“. Потому-то и не сталъ „Колоколъ“ Герцена и Огарева звонить республикѣ и солидарности народовъ, чтобы „растолковать, что такое усадебная земля и сколько десятинъ пашни дать крестьянину“ („Колоколъ“, № 33).

Программа освобожденія крестьянъ, какъ она сложилась у Герцена еще въ первой половинѣ 50-хъ годовъ, сведена историкомъ крестьянскаго вопроса въ слѣдующія положенія:

1. Полумѣры въ крестьянскомъ дѣлѣ ни къ чему не приведутъ; должно совершенно покончить съ крѣпостнымъ правомъ. Если крестьяне не будутъ освобождены, дѣло можетъ кончиться кровавымъ возстаніемъ.

2. Освобожденіе крестьянъ должно быть произведено не иначе, какъ съ надѣленіемъ ихъ землею. Сочувствіе обезземеленію парода съ радикальной точки зрѣнія нелѣпость.

Домъ Бобринскихъ въ Богородицкомъ уѣздѣ, Тульск. губ. (соврем. видъ).

3. Необходимо сохранить за крестьянами всю ту землю, которою они теперь пользуются.

4. Необходимо сохранить общинное землевладѣніе.

5. Если инпціативу освобожденія не возьметъ въ свои руки дворянство (для чего слѣдуетъ разрѣшить ему свободное обсужденіе этого вопроса), то крѣпостное право будетъ уничтожено верховною властью, и дворянство не будетъ имѣть силы этому воспротивиться.

6. Освобожденіе крестьянъ правительствомъ облегчается сильною задолженностью помѣщичьихъ имѣній въ кредитныхъ учрежденіяхъ; возможенъ и внутренній заемъ для выкупа крѣпостныхъ.

Для пропаганды этой программы съ 1855 года уже служитъ „Полярная Звѣзда“, знаменитый сборникъ статей, названіе котораго было заимствовано,

какъ знамя, у декабристовъ. Ихъ особенно высоко чтилъ Герценъ, въ частности именно за то, что у нѣкоторыхъ изъ нихъ, особенно у Пестеля, онъ находилъ уже лозунгъ освобожденія крестьянъ съ землею и сохраненіемъ общиннаго владѣнія.

Во второй книжкѣ „Пол. Зв.“ (1856 года) статья „Русскіе вопросы“, за подписью Р. Ч., принадлежала Огареву, и она говорила опредѣленно объ увѣренности, что „императоръ Александръ II освободитъ крѣпостныхъ людей въ Россіи“. И, между прочимъ, нѣкоторые аргументы статьи (объ угрожающей пугачевщинѣ, о невыгодности крѣпостного труда) зналъ уже Огаревскій Юрій въ сороковыхъ годахъ. Какъ будто нова можетъ быть подъ вліяніемъ Герцена убѣжденная защита общиннаго начала, тогда какъ раньше Огарева не мало волновало „упорное неразуміе общины“.

Рядомъ съ „Полярной Звѣздой“ пошло у Герцена изданіе сборниковъ подъ заглавіемъ „Голоса изъ Россіи“. Въ первой книжкѣ (1856 г.) крѣпостного вопроса касались „Мысли вслухъ объ истекшемъ тридцатилѣтіи“, въ слѣдующихъ были уже обширныя статьи по этому предмету, или онѣ отводились цѣликомъ освобожденію. Такъ, въ пятой книжкѣ (1859 г.) былъ напечатанъ проектъ освобожденія (путемъ выкупа), принадлежавшій инженеру В. Панаеву. Въ восьмой и девятой появилось такъ называемое „политическое завѣщаніе Ростовцева“ и „соображеніе по докладамъ редакціонныхъ комиссій“, принадлежавшія Унковскому.

Съ 1 іюля 1858 г. (н. с.) Герценъ и Огаревъ, по мысли послѣдняго, начинаютъ выпускать знаменитый двухнедѣльникъ „Колоколъ“, и въ короткое время журналъ становится органомъ единыхъ общенаціональныхъ надеждъ и стремленій. „Когда, обращаясь къ только что воцарившемуся государю, — писалъ Герценъ впослѣдствіи, — я повторялъ ему: „Дайте свободу русскому слову, уму нашему тѣсно въ цензурныхъ колодкахъ, дайте волю, а землю крестьянамъ и смойте съ насъ позорное пятно крѣпостного состоянія, дайте намъ открытый судъ и уничтожьте канцелярскую тайну судебъ нашихъ“; когда я прибавлялъ къ этимъ простымъ требованіямъ: „Торопитесь притомъ, чтобы спасти народъ отъ крови! Я чувствовалъ, я зналъ, что это вовсе не мое личное мнѣніе, а мысль, которая тогда носилась въ русскомъ воздухѣ и волновала каждый умъ, каждое сердце, умъ и сердце царя и крѣпостного крестьянина, молодого офицера, вышедшаго изъ корпуса, и студента, какого бы университета онъ ни былъ“ („Десятилѣтіе вольной русской типографіи“).

Лично Герценъ писалъ мало о дѣловыхъ подробностяхъ освобожденія, предоставивъ лишь просторъ по этой части своему сподвижнику, какъ ближе знакомому съ деталями крестьянскаго вопроса. Но огонь вдохновенія, сдѣлавшій столь вліятельнымъ „Колоколъ“, принадлежалъ Герцену. Статьи его, пламенныя лирическія изліянія говорили столько же сердцу, сколько и уму

читателей. Громя препятствія, лежавшія на пути освобожденія, Герценъ вливалъ въ сердца вѣру въ будущее и надежду. Роль остальной русской печати, въ отношеніи вліянія на ходъ реформы, сравнительно съ ролью „Колокола“, выражавшаго мнѣнія людей, выступавшихъ въ губернскихъ комитетахъ (этихъ Самариныхъ, Кошелевыхъ, Черкасскихъ, Унковскихъ и пр.), была незначительна, ибо одинъ „Колоколъ“ явился для этого достаточно рано. Важное значеніе, при отсутствіи въ Россіи свободной печати, имѣла уже одна освѣдомительная сторона. Въ № 1 „Колокола“ помѣщена статья „Что сдѣлано для освобожденія крѣпостныхъ людей“, и затѣмъ журналъ изъ номера въ номеръ, шагъ за шагомъ слѣдитъ за всѣми препятствіями вопроса и хода реформы, давая разнообразнѣйшія о немъ свѣдѣнія, печатая разборъ доку-

Херсонской губ., Ананьевск. у.
(Альбомъ 1878 г.)

Херсонской губ., Тираспольск. у.
Верхняя одежда „свитка“.

ментальныхъ данныхъ, сообщая о закулисной борьбѣ мнѣній крѣпостниковъ и сторонниковъ реформы, помѣщая въ качествѣ иллюстраціи къ неотложности ея многочисленные примѣры злоупотребленій помѣщичьей властью, волненій крестьянъ и т. д. и т. п.

№ 7-й „Колокола“—первый въ 1858 году, вышедшій послѣ рескриптовъ Назимову, открывался заглавіемъ большими буквами „Освобожденіе крестьянъ!“ и первая въ номерѣ статья Огарева говорила въ ладъ тому настроенію, которое создано было на родинѣ опубликованіемъ этихъ рескриптовъ:

„Мы хотѣли слѣдить за всѣми подробностями правительственныхъ распоряженій за прошлый годъ, но подробности исчезаютъ передъ великими событіями, которыя совершаются въ отечествѣ, и вмѣсто преслѣдованія мел-

кихъ частностей мы начинаемъ 1858 годъ привѣтствіемъ Александру II за начало освобожденія крѣпостного состоянія. Мы убѣждены, что онъ неравнодушно приметъ это горячее привѣтствіе людей, которымъ не нужно его бояться, которые для себя лично отъ него ничего не ждутъ и ничего не просятъ, привѣтствіе свободныхъ людей русскихъ — царю, уничтожающему рабство. Мы счастливы, что можемъ этимъ начать новый годъ; да будетъ онъ дѣйствительно новой эрой для Россіи! Освобожденіе крѣпостного состоянія началось въ трехъ западныхъ губерніяхъ и перешло въ губернію Санктъ-Петербургскую. Мы искренно желаемъ, чтобы эта географическая постепенность освобожденія не привела къ какимъ-нибудь смутамъ; для мирнаго продолженія великаго дѣла надо поболѣе готовности со стороны дворянства сообразоваться съ благородной волей государя. Надо, чтобы дворянство проникнулось мыслію, что помимо всѣхъ чувствъ человѣколюбія и человѣческаго достоинства, несовмѣстнаго съ состояніемъ рабства, есть еще иная необходимость—какъ можно скорѣе сообразоваться съ волей государя: если дворянство станетъ медлить и упорствовать въ сохраненіи своихъ неестественныхъ правъ, то крестьяне, какъ они ни смирны, не вытерпятъ географической постепенности и, видя освобождающихся сосѣдей, захотятъ быть свободными; присылать команды для усмиренія невинныхъ крестьянъ, справедливо возставшихъ противъ барскаго упорства царскому желанію, будетъ поздно—когда крестьянскій топоръ промелькнетъ по барскимъ головамъ; положимъ, команда и усмиритъ крестьянъ, но снесенныхъ головъ къ дворянскимъ шеямъ она не приставитъ. Надо, чтобы дворянство проникнулось мыслью, что оно должно поскорѣе сообразоваться съ волей государя — изъ чувства самосохраненія, если уже оно неспособно отыскать въ себѣ болѣе благороднаго чувства Мы убѣждены, что сила обстоятельствъ заставитъ дворянство понять, наконецъ, простую истину, которую мы сейчасъ сказали, и потому рескриптъ Александра II виленскому и санктъ-петербургскому генералъ-губернаторамъ мы считаемъ рескриптомъ для всей Россіи“.

Герценъ откликнулся на рескрипты прославленною статьею „Черезъ три года“ (трехлѣтіе восшествія на престолъ Александра II), съ ея знаменитымъ началомъ—„Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!“ („Колоколъ“, № 9, отъ 15 февраля 1858 г.).

„Имя Александра II отнынѣ принадлежитъ исторіи,—говорилось здѣсь:—если бъ его царствованіе завтра окончилось, если бъ онъ палъ подъ ударами какихъ-нибудь крамольныхъ олигарховъ, бунтующихъ защитниковъ барщины и розогъ, все равно освобожденіе крестьянъ сдѣлано имъ, грядущія поколѣнія этого не забудутъ“. Герценъ вызываетъ далѣе на свѣтъ Божій „защитниковъ розогъ и крещеной собственности“, „грабителей по дворянской грамотѣ, людокрадовъ, отнимающихъ у матерей дѣтей, торгашей, продающихъ дѣвокъ, барышниковъ рекрутами, Собакевичей, Ноздревыхъ, Плюшкиныхъ и пуще

всего Пѣночкиныхъ“: „Попробуйте не розгой, а перомъ, не въ конюшнѣ, а на бѣломъ свѣтѣ высказаться! — Помѣряемтесь!“ — „Со слезами на глазахъ читали мы знаменитую статью Герцена „Ты побѣдилъ, Галилеянинъ“, пишетъ П. Крапоткинъ, вспоминая время этихъ первыхъ шаговъ освобожденія.

Въ томъ же номерѣ, гдѣ появилась статья „Три года“, Огаревъ напечаталъ слѣдующее открытое письмо къ Герцену.

„Другъ Искандеръ!

Съ тѣхъ поръ, какъ Александръ II сталъ во главѣ великаго русскаго дѣла—освобожденія крестьянъ, мнѣ больно прятаться отъ него подъ псевдонимомъ. Я слишкомъ уважаю его, чтобъ дѣлать что-нибудь не въявь и не откровенно, и потому прошу тебя печатать мои стихи и прозу съ моимъ именемъ и замѣнить имъ буквы Р. Ч., которыхъ таинственность основывалась на недовѣріи къ власти.

Н. Огаревъ“.

Первый рѣшительный шагъ русскаго правительства Герценъ поспѣшилъ освѣтить и для Европы въ особой брошюрѣ подъ заглавіемъ „Le premier pas“: „Это — заря дня великаго суда, это входъ Россіи въ новый періодъ, который мы предсказывали со дней юности... Рескриптъ 20 ноября 1857 года, послѣ 14 декабря 1825 года, наиболѣе важное событіе русской исторіи“.

Въ слѣдующихъ номерахъ „Колокола“ разобраны и слабыя стороны рескриптовъ, ихъ нерѣшительность и возможность ограничивающихъ экономическое освобожденіе крестьянъ истолкованій на дѣлѣ. Въ № 14 Огаревъ излагаетъ первый по времени появленія проектъ выкупа крѣпостного права, предполагая, что опекунскій совѣтъ, гдѣ была заложена большая часть помѣщичьихъ земель, могъ бы стать посредникомъ между крестьянами, откупающимися на волю съ землею, и помѣщиками, продающими имъ волю и землю. Такъ была пущена въ оборотъ самая идея выкупа, вскорѣ разработанная многими лицами и принятая и правительствомъ (при чемъ, однако, выкупъ личной свободы былъ замаскированъ несоотвѣтствующимъ по высотѣ, какъ оказалось впослѣдствіи, выкупомъ земли). Въ №№ 19 и 20 „Колокола“ разбирается обстоятельно „Программа для занятій губернскихъ комитетовъ“, при чемъ обзоръ констатируетъ „постепенное ослабленіе его (правительства) преобразовательной энергіи въ ущербъ предпринятаго дѣла и государственной безопасности“. Многіе признаки, дѣйствительно, оправдывали эти опасенія, въ особенности составъ и проекты центральнаго комитета по улучшенію крестьянскаго быта. Разбирая проекты организаціи

сельскихъ общинъ на помѣщичьихъ земляхъ и волостей и проекты полицейско-сословнаго управленія уѣздами, „Колоколъ“ въ №21 восклицалъ: „Нѣтъ больше освобожденія крестьянъ!“ — „Нѣтъ болѣе спасенія отъ чиновничества!“

Всплывала опасность безземельнаго освобожденія, и „Колоколъ“ въ „Матеріалахъ по крестьянскому вопросу“ (№ 26) спѣшитъ дать оцѣнку вожделѣніямъ аграріевъ и принимаемымъ имъ мѣрамъ обузданія печати. „Наши мудрые государственные люди, очевидно, клонятся все болѣе и болѣе къ остзейской системѣ, которая не даромъ поминается въ циркулярахъ усердного, ничего не сознающаго и все подписывающаго министра внутреннихъ дѣлъ, и начало крестьянской поземельной собственности, служившее исходной точкой великимъ государственнымъ мужамъ — Штейну и Гарденбергу, столь почетно и столь полезно исполнившимъ для блага своего отечества важную государственную реформу — служитъ у насъ въ настоящее время пунктомъ обвиненія въ неблагонамѣренности, чуть не въ государственной измѣнѣ. И такъ какъ ни одинъ просвѣщенный и благомыслящій человѣкъ не можетъ по совѣсти отказаться отъ этого начала, то крестьянскій комитетъ призналъ за лучшее запретить обсужденіе въ печати всего живого, касающагося крестьянскаго вопроса. Спрашивается: отъ кого же, разумѣется, кромѣ „Колокола“, государь услышитъ теперь правду? Когда запрещено въ Россіи говорить гласно о самомъ трепещущемъ вопросѣ, ибо только одна гласность имѣетъ въ себѣ поруку истины, и если въ томъ, что дѣлается безгласно, въ канцеляріяхъ и комитетахъ встрѣтится изрѣдка что-нибудь дѣльное, то это счастливая случайность, пропадающая между хламомъ намѣреннаго и необличеннаго обмана и пристрастія и неосвѣженной критикою безнамѣренной односторонности“.

Осенью 1858 года стали уже извѣстны или опредѣлялись результаты работъ губернскихъ комитетовъ по освобожденію. Московскіе друзья Герцена, примыкавшіе къ передовому меньшинству, конечно, первые доставили ему свѣдѣнія о московскомъ комитетѣ, и разборъ его работъ, которымъ не могли не интересоваться другіе комитеты, былъ напечатанъ въ №№ 30—35 „Колокола“.

Въ томъ же номерѣ была помѣщена и замѣтка о петербургскомъ комитетѣ. Выводъ гласилъ:

„Изъ всѣхъ собранныхъ здѣсь свѣдѣній ясно, куда гнетъ мнѣніе большинства дворянства. Выходъ одинъ: выкупъ крестьянъ со всею землею, которою они теперь пользуются, выкупъ по распоряженію правительства. Иначе Россіи угрожаетъ шляхетная олигархія; а необходимое послѣдствіе этой олигархіи—рѣзня. Пора правительству приняться за выкупъ! Время дорого, внутренніе элементы бродятъ и пойдутъ къ развязкѣ, какъ бы она ни была трагична, быстрѣе, чѣмъ кажется сильнымъ міра сего. Не надо также забы-

вать, что теперь минута для выкупа удобна, и если, напротивъ того, крестьянскій вопросъ дойдетъ до трагической развязки,—въ этомъ виновато будетъ правительство".

Отстаивая въ другой разъ начала выкупа, Огаревъ провидѣлъ впереди расцвѣтъ общинной жизни крестьянства на выкупленной землѣ. „Вотъ почему выкупъ такъ важенъ, что община, разъ за себя заплатившая, т.-е. за свою волю и за свою землю, и ничѣмъ болѣе передъ продавцомъ не обязанная, имѣетъ полное право узакопиться сама въ себѣ по своему усмотрѣнію въ своемъ экономи-

Дворикъ (Рѣпина).

ческомъ и гражданскомъ быту, и, можетъ-быть, на волѣ она выведетъ побольше свободы для своихъ членовъ, т.-е. для личности, чѣмъ съ поверхностнаго взгляда кажется, несмотря на то или потому, что сохранитъ общинную форму землевладѣнія. Историческій опытъ покажетъ это. Наша невольная вина только въ томъ, что мы, вѣроятно, не доживемъ до повѣрки опытомъ нашихъ убѣжденій и нашихъ вѣрованій. Другое поколѣніе повѣритъ ихъ, а мы только можемъ пожелать ему, чтобы оно свою провѣрку совершило мощно и благородно. Счастливъ тотъ государь, которому удается освободить крѣпостное сословіе на основаніи новыхъ экономическихъ началъ, бодро прибившись сквозь всю мерзость окружающей его среды!.."

Внѣ сомнѣній вліяніе „Колокола“ на мѣстные комитеты. Меньшинство въ нихъ находило въ „Колоколѣ“ поддержку и формулировку собственныхъ взглядовъ, и, напр., по авторитетному свидѣтельству Унковскаго, журналъ Герцена и Огарева и перевернулъ мнѣнія тверского дворянства. Герцену удалось напечатать длинный рядъ записокъ, внесенныхъ въ комитеты, и основаніе принятыхъ ими проектовъ. Не касаемся разнообразныхъ частныхъ вопросовъ, попутно затронутыхъ и освѣщенныхъ въ „Колоколѣ“.

Особенно важное значеніе имѣла въ „Колоколѣ“, конечно, пропаганда идеи выкупа, рядомъ съ общимъ высокимъ уровнемъ требованій въ пользу крестьянства. Въ легальной печати столь же радикально эти требованія ставились только Чернышевскимъ въ „Современникѣ“, но слишкомъ общая ихъ, отвлеченная постановка, притомъ нѣсколько поздняя по времени появленія въ этомъ журналѣ, не могла имѣть того непосредственнаго вліянія, какъ взгляды и проповѣдь „Колокола“, всюду проникавшаго, благодаря терпимому взгляду на него правительства въ эти годы. Проектъ выкупа, принадлежавшій инженеру Панаеву (V кн. „Голосовъ изъ Россіи“), напр., былъ переданъ въ редакціонныя комиссіи самимъ государемъ. Изданіямъ Герцена, повидимому, суждено было оказать рѣшительное вліяніе на обращеніе Ростовцева въ горячаго сторонника полнаго освобожденія крестьянъ съ землею (во время пребыванія Ростовцева за границей въ 1858 году), и когда Самаринъ убѣдилъ Герцена, что Ростовцевъ, дѣйствительно, горячій другъ реформы, Герценъ прекратилъ прежнія свои на него нападки, напечаталъ въ № 142 –143 „Кол.“ „финансовый“ и „административно-судебный“ проекты Ростовцева и заявилъ горячее сочувствіе первому изъ нихъ, между прочимъ, говоря: „если генералъ покаялся и хочетъ явиться свободнымъ гражданиномъ Россіи—тѣмъ лучше“. Съ согласія государя, „Колоколъ“ получался въ редакціонныхъ комиссіяхъ „для того, чтобы мы все знали, что объ насъ будутъ писать за границей“,— объяснилъ членамъ комиссіи предсѣдатель, самъ Ростовцевъ, проспвшій дѣлать, въ случаѣ надобности, заимствованія и изъ „Колокола“. Здѣсь печатались извлеченія изъ журналовъ комиссій, и такъ до общаго свѣдѣнія въ болѣе широкихъ размѣрахъ доводился ходъ реформы во время самой важной ея стадіи.

Осенью 1859 г. и до половины 60 г. „Колоколъ“ печатаетъ рядъ статей Огарева о редакціонныхъ комиссіяхъ (№№ 51—55, 62, 63, 67, 73 -75), при чемъ привѣтствуетъ съ самаго начала ихъ работу.

„Главный комитетъ по крестьянскому дѣлу потихоньку перешелъ въ три соединенныя въ общемъ присутствіи комиссіи [1]) для составленія положеній о крестьянахъ, подъ предсѣдательствомъ Ростовцева. Очевидно, главный комитетъ утратилъ свою главность и становится ненужнымъ. Это великій шагъ

[1]) Административную, хозяйственную и юридическую.

къ благу Россіи. Возникаетъ надежда; быть-можетъ, эти комиссіи будутъ дѣйствовать искренно, съ полной, благородной преданностію дѣлу; быть-можетъ, тутъ явятся люди съ широкимъ пониманіемъ своей задачи, и основной вопросъ русской жизни постановится ясно и со всѣми данными для великой будущности. Уже спервоначала, глядя на подписи въ журналахъ общаго присутствія комиссій, сердце радуется, что встрѣчаешь имена людей безкорыстныхъ и образованныхъ, а не встрѣчаешь, какъ въ Главномъ Комитетѣ, имена личностей бездарныхъ и неблагонамѣренныхъ въ крестьянскомъ вопросѣ, напримѣръ, Буткова, годнаго развѣ для одного освобожденія прекраснаго пола“...

Ляличи. („Стар. Годы“).

Но съ полнымъ уваженіемъ относясь къ общей дѣятельности редакціонныхъ комиссій, „Колоколъ“ не переставалъ выдвигать свою точку зрѣнія на отдѣльные вопросы. Такъ, напр., онъ настойчиво подчеркивалъ ненужность и вредность временно-обязаннаго положенія освобождаемыхъ крестьянъ [1]).

---

[1]) Другимъ примѣромъ самостоятельности сужденій «Колокола» можно привести протестъ его, какъ и значительной, впрочемъ, части членовъ редакціонныхъ комиссій, противъ оставленія въ числѣ наказаній, назначаемыхъ волостными судами, розги, за тѣлесное наказаніе крестьянъ, по непростительной слабости, или по ложному представленію о правомъ самосознаніи крестьянъ, высказались и такіе люди, какъ Милютинъ, Самаринъ,

Между тѣмъ дѣятельность редакціонныхъ комиссій подверглась жестокому испытанію. Умираетъ Ростовцевъ, и на его мѣсто назначенъ, какъ уступка напору крѣпостниковъ, министръ юстиціи Паниинъ. „Колоколъ“ встрѣтилъ это извѣстіе, сообщенное въ „Le Nord“, яркимъ крикомъ негодованія. Въ чрезвычайномъ прибавленіи къ № 64 (отъ 1 марта 1860 г.) въ короткой замѣткѣ Герценъ восклицалъ:

„Какъ, Паниинъ, Викторъ Паниинъ, длинный, сумасшедшій, который лучше всѣхъ перевелъ на штатскій языкъ мертвящій деспотизмъ Николая, который формализмомъ убилъ остатокъ юридической жизни въ Россіи? Это мистификація!..“ Слѣдующій номеръ „Колокола“ (№ 65—66) открывался редакціонною замѣткою въ траурной рамкѣ, какъ печатаются некрологи:

„Невѣроятная новость о назначеніи Панина на мѣсто Ростовцева подтвердилась. Глава самой дикой, самой тупой реакціи—поставленъ главою освобожденія крестьянъ. Съ глубокой горестью узнали мы объ этомъ. Но горевать недостаточно, наше время слишкомъ бойко... Члены редакціонныхъ комиссій, если имъ дорого ихъ дѣло, если имъ дорога память, которую они оставятъ въ исторіи, если они хотятъ, чтобъ имъ отпустили ихъ бюрократическія страстишки и дѣтскую привязанность къ розгамъ, должны тотчасъ подать въ отставку. Меньшинство дворянства должно сомкнуться и взять въ свои руки дѣло освобожденія крестьянъ. Ошибаться нечего: длинная фигура Панина можетъ служить шестомъ съ шляпой, чтобъ пугать, но она слишкомъ узка, чтобъ застить собою черты Николая...

Въ томъ же номерѣ дана Огаревымъ, между прочимъ, такая оцѣнка роли редакціонныхъ комиссій:

„Его (хозяйств. отдѣленіе комиссій) гражданскій подвигъ былъ въ признаніи за крестьянами существующаго надѣла. Затѣмъ оно шло, колеблясь между мнѣніемъ людей, дѣйствительно желающихъ экономической и гражданской реформы государства на основаніи права каждаго на землю и общиннаго самоуправленія,—и между мнѣніями бюрократическаго управленія съ непогрѣшительной точки зрѣнія маленькихъ Петровъ, великихъ и татарскими мнѣніями закоснѣлыхъ помѣщиковъ. Такимъ образомъ оно пришло къ ненужному, опасному и невозможному переходному положенію и затерялось въ предрѣшеніи мелочей и подробностей. Мы не могли не возстать противъ

Черкасскій... Герценъ не усомнился пригвоздить за этотъ актъ гражданскаго слабодушія къ позорному столбу имена всѣхъ лицъ, подавшихъ голосъ за розгу, оставившихъ такимъ образомъ (по болѣе раннему выраженію Ростовцева) пятно на законодательствѣ освобожденія.

заключеній хозяйственнаго отдѣленія. Скорбь заставляла насъ говорпть съ негодованіемъ, скорбь при видѣ шаткости и уступокъ со стороны хорошихъ людей,—уступокъ, которыя съ ложной дипломатической точки зрѣнія кажутся чѣмъ-то, а на дѣлѣ приносятъ вредъ и роняютъ людей въ общественномъ мнѣніи. Глядя назадъ, мы готовы многое извинить ложнымъ положеніемъ, въ которое правительство ставило редакціонныя комиссіи собственной нерѣшительностью. Мы глубоко сожалѣемъ объ ошибкахъ и уступкахъ тѣхъ членовъ комиссій, которые работали безъ своекорыстныхъ видовъ и добросовѣстно думали принести пользу. Тѣмъ болѣе жалѣемъ мы объ этихъ людяхъ, что теперь они сами увидятъ тщету своихъ уступокъ. Съ воцареніемъ Па-

Ляличи, Черниг. губ., Сураж. уѣзда (бывшее имѣніе Завадовскаго).

нина намъ, вѣроятно, придется пѣть панихиду по редакціоннымъ комиссіямъ и сказать наше de mortuis aut nihil aut bene".

Около этого времени вышли цѣликомъ посвященные освобожденію крестьянъ VIII и IX книжки „Голосовъ изъ Россіи". Вторая изъ нихъ заключала привѣтствованныя издателями замѣтки А. М. Унковскаго о работахъ редакціонныхъ комиссій; въ первой же сопоставлялся одинъ проектъ „дѣйствительнаго освобожденія крестьянъ" съ такъ называемымъ „завѣщаніемъ Ростовцева". Въ предисловіи Огаревъ еще разъ оцѣнивалъ роль уже скончавшагося Ростовцева и редакціонныхъ комиссій въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Докладъ Ростовцева" имѣетъ ту пользу, что, выпутывая мнѣнія редакціонныхъ комиссій изъ безконечныхъ подробностей, доводитъ ихъ до ясности оглавленія. Приходитъ время исторической оцѣнки значенія Ростовцева и

его комиссій. Мы жалѣемъ объ ихъ промахахъ, о частомъ непониманіи русскихъ потребностей, о ненужныхъ уступкахъ въ пользу безсильныхъ корыстей дворянства, о бюрократическихъ стремленіяхъ по-своему состряпывать жизнь народную и, говоря о самоуправленіи, все подчинять управительству; но мы отдадимъ имъ и должную справедливость. Ростовцевъ умеръ, отстоявъ за народомъ право на землю и поставивъ вопросъ объ освобожденіи такъ, что его вспять уже не поворотишь. Пусть же имя, записанное въ исторіи русской свободы по черному и бѣлому, добромъ помянется въ великодушной памяти народной".

„А тѣ изъ членовъ комиссіи, которые дѣйствительно честные люди, сравнивая свои и чужіе проекты, пусть найдутъ въ себѣ то гражданское мужество, которое выше самолюбія, и потребуютъ, чтобы правительство склонилось на сторону чужихъ проектовъ и отказалось отъ несбыточной мечты срочно-обязаннаго положенія, приводящаго Россію къ выбору между продолженіемъ крѣпостного права и кровавой местью за мнимое освобожденіе".

„Иначе—а можетъ, оно и лучше—освобожденіе, по силѣ обстоятельствъ, перейдетъ въ руки общественныя".

Въ какой формѣ могла бы произойти эта передача въ общественныя руки освобожденія крестьянъ, Огаревъ излагаетъ въ № 77 и 78 „Колокола" отъ 1 августа 1860 г. (то-есть, когда уже было ясно, что редакціонныя комиссіи продолжаютъ свою работу, несмотря ни на что), въ „Письмахъ къ соотечественнику".

„Намъ надо сдѣлать выкупъ помимо правительства, - проектируетъ Огаревъ.—Образованное меньшинство должно договориться съ крестьянами о выкупѣ земель, не на томъ основаніи, чтобы было какое-нибудь дѣйствительное помѣщичье право на землю, а на томъ основаніи, что выкупъ обойдется обѣимъ сторонамъ дешевле, чѣмъ распря и настоящій бой. Крестьяне очень хорошо поймутъ это. Вы скажете, что правительство не утвердитъ такого договора; пусть образованное меньшинство утвердитъ его между собою и крестьянами честнымъ словомъ, пожалуй, присягой и взаимнымъ ручательствомъ другъ за друга. Крестьяне повѣрятъ. Съ перваго дня договора о выкупѣ, хотя бы только въ нѣсколькихъ имѣньяхъ уѣзда или губерніи, власть помѣщика совершенно отстраняется, и работы производятся вольнымъ наймомъ. Устройте между собой и крестьянами и между всѣми доброхотными дателями другихъ сословій подписку на образованіе выкупного банка. Постараемтесь общими силами составить проектъ такого банка; вы между собой, а мы свой проектъ въ скоромъ времени напечатаемъ въ „Колоколѣ" [1]).

[1]) Огаревъ проектировалъ составленіе капитала для такого банка добровольнымъ (?) сборомъ съ крестьянъ по 50 коп. съ души, съ духовенства по рублю, съ дворянъ и купцовъ 1-й гильдіи по 100 рублей, съ 2-й и 3-й гильдій по 50 и 25 рублей.

Деревенская лавка.

(Картина *Васнецова*).

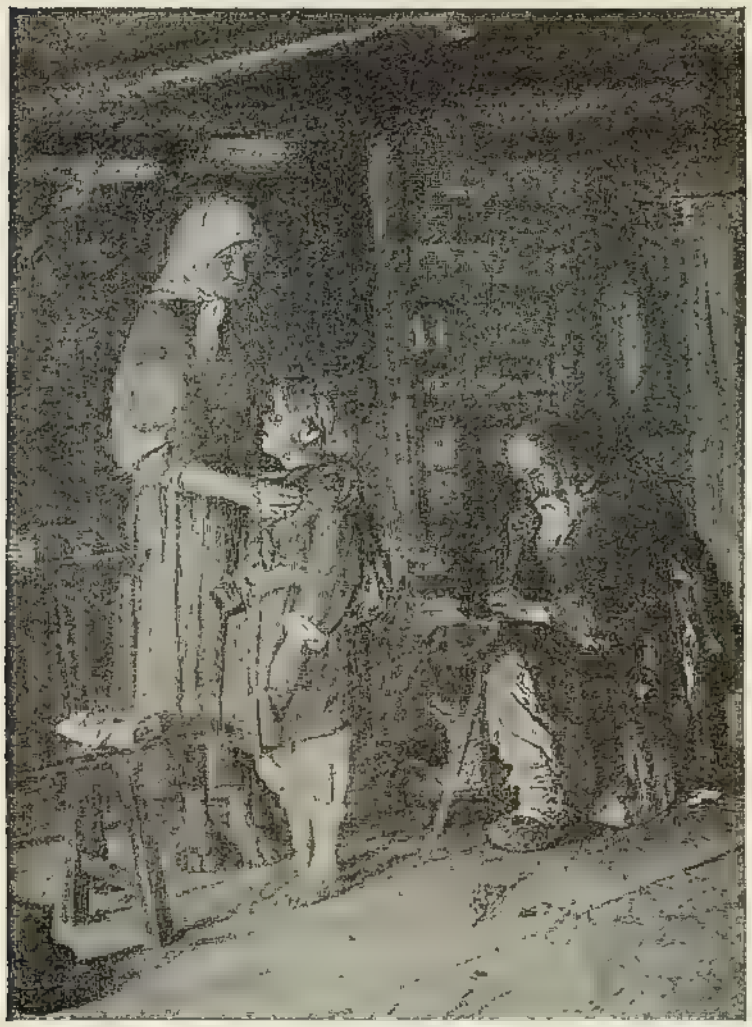
Области Войска Донского.
Альбомъ 1878 г.

Тамбов. губ., Усманск. у. (въ поддевкѣ).

„Вы скажете, что правительство не признаетъ такого банка; пусть не признаетъ; никто не можетъ мѣшать вашимъ векселямъ за поручительствомъ служить законнымъ документомъ и пользоваться кредитомъ, по мѣрѣ того довѣрія, которое вы вызовете вашей круговой порукой, вашимъ умѣньемъ, вашей дѣятельностью и личнымъ благородствомъ. Да, можетъ-быть, простая расписка общественнаго банка будетъ вѣрнѣе всякихъ казенныхъ облигацій и кредитныхъ билетовъ“. „Банкъ долженъ производить поземельный кредитъ равно помѣщикамъ и крестьянамъ и распространять кругъ своего дѣйствія на всякаго рода кредитъ, и на всѣ обмѣны товара и труда, упрочивая свою дѣятельность и общее спокойствіе системою взаимнаго застрахованія всѣхъ отъ всякаго рода недовзносовъ и потерь. Крестьянамъ останется въ тяжебныхъ дѣлахъ ихъ обычный судъ, и третейскій и мірской, раскладка повинностей на міру и выборное управленіе. Дворянство можетъ помогать имъ совѣтомъ, но властью отнюдь не вмѣшиваться...“ И далѣе идетъ совершенно фантастическій призывъ къ изоляціи правительства. „Если между вами есть ссоры или тяжбы, судитесь своимъ третейскимъ судомъ; если у васъ тяжбы съ крестьянами, зовите ихъ на третейскій судъ, выбирая судей безъ различія сословій; подчинитесь въ этомъ случаѣ крестьянскому суду; это не стыдно, это благородно, и вы отъ этого не проиграете, но станете честнѣе, и крестьяне станутъ честнѣе. А въ присутственныя мѣста судиться не ходите, пока они суды закрытые, негласные“, и т. д. „Такъ должно вырасти новое, живое, общественное устройство на началахъ свободы, которое правительству останется только признать и утвердить“.

Этими статьями „Колоколъ“ перешелъ ту грань оппозиціи, за которую не могло пойти русское общество. Здѣсь „Колоколъ“ безнадежно опережалъ событія и съ этого момента долженъ былъ начаться упадокъ его авторитета.

Между тѣмъ ходъ реформы совершался своимъ чередомъ, и положеніе, выработанное редакціонными комиссіями, съ болѣе или менѣе значительными ко вреду крестьянъ передѣлками, должно было стать жизненнымъ фактомъ.



По міру (Пынѣева).

Въ статьѣ „На новый годъ“ Огаревъ предвидѣлъ не свѣтлую картину ближайшаго будущаго: „Какъ будетъ принято народомъ это освобожденіе?..... освобожденіе личное, съ правомъ на пользованіе землею и на розги, съ правомъ на выкупъ по добровольнымъ соглашеніямъ, при невозможности достигнуть ни соглашенія, ни выкупа, съ правомъ остаться на барщинѣ и на оброкѣ, съ правомъ подчиниться вновь изобрѣтеннымъ управительствамъ и судопроизводствамъ, болѣе сложнымъ и запутаннымъ, чѣмъ когда-нибудь,— словомъ, освобожденіе канцелярское?.. Какое бы оно ни было,— въ первый день оно примется съ восторгомъ. Не одинъ шкаликъ откупного вина разопьется въ честь свободы... Но день пройдетъ — всѣ оглянутся и увидятъ, что и вино поддѣльное и свобода поддѣльная. Наступитъ пора страшнаго молчанія, отъ котораго много лицъ поблѣднѣетъ; а потомъ люди очнутся, жизнь взойдетъ въ свои права и станетъ искать себѣ выхода. Кто, очнувшись отъ перваго впечатлѣнія, останется довольнымъ? — Никто.

„Крестьяне увидятъ,что они такіе же крѣпостные, какъ были; только ихъ, права, ихъ собственность, ихъ работа, всѣ ихъ отношенія къ помѣщику изъ неопредѣленности по отсутствію правилъ перешли въ неопредѣленность по безчисленности правилъ; а между тѣмъ слово „свобода“ вылетѣло изъ клѣтки, и его сызнова въ клѣтку не упрячешь. Малѣйшее притѣсненіе со стороны помѣщика, прежде проходившее незамѣченнымъ, теперь примется крестьяниномъ хуже самыхъ звѣрскихъ помѣщичьихъ продѣлокъ. Надо поднимать судъ, а судъ, хотя и мировой, не выйдетъ изъ рамки канцелярскихъ роспи-

сей объ отношеніяхъ помѣщиковъ къ крестьянамъ,—росписей возможныхъ на бумагѣ, но невозможныхъ въ примѣненіи... Судъ такъ же мало удовлетворитъ крестьянъ, какъ и ихъ новое управительство, которому будетъ вмѣнено въ обязанность окрасить общинное самоуправленіе въ канцелярскую краску, къ нему непристающую. И спроситъ крестьянинъ: гдѣ же выходъ? А онъ нуженъ, потому что силъ много; надо или отпереть ворота, или все зданіе разорвется. Та же неопредѣленность отношеній отъ безконечности правилъ поставитъ втупикъ помѣщика. Онъ не будетъ знать, что онъ можетъ требовать отъ крестьянина, чего не можетъ. Слово „свобода“ произвело свое дѣйствіе, крестьянинъ не слушается. Помѣщикъ идетъ въ судъ. Судъ разсматриваетъ канцелярскія распредѣленія; въ нихъ и тяжущіеся и судья запутываются. Время длится, работа ускользаетъ, помѣщикъ разоряется [1]).

„Помѣщикъ видитъ, что выкупъ былъ бы для него выгоднѣе, тѣмъ болѣе, что земля все же въ пользованіи у крестьянина; крестьянинъ видитъ, что земля у него въ пользованіи, но все же не его, и что онъ все же не свободенъ, и крестьянинъ видитъ, что выкупъ для него былъ бы выгоднѣе; но у крестьянина нѣтъ денегъ, взаймы никто не даетъ, общей нитки для выкупа нѣтъ; сталобыть отдѣльный, случайный выкупъ невозможенъ, какъ ни соглашайся добровольно. Смотрятъ другъ на друга помѣщикъ и крестьянинъ и чувствуютъ, что они оба разоряются въ пухъ“.

Конь прогресса („Искра“, 1863 г.).

Съ нелегкимъ сердцемъ отрывался и Герценъ отъ надеждъ на быстрое, радикальное и мирное разрѣшеніе крестьянскаго вопроса въ полномъ его объемѣ. Глубокое душевное волненіе, смѣшанное чувство радости и облегченія и въ то же время тяжелое сознаніе, что сдѣланное дѣло далеко отъ совершенства; мучительная тревога за будущее, — таковы тѣ чувства, которыя выразились въ статьяхъ Герцена наканунѣ объявленія воли и въ дни его, въ статьяхъ особо задушевныхъ и искреннихъ, полныхъ особенной теплоты и лирическаго раздумья; это дѣйствительно писано подчасъ слезами и кровью сердца.

„Пришла Великая суббота, скоро ударитъ колоколъ... а на душѣ страшно и тяжело! Зачѣмъ намъ отравляютъ эту праздничную минуту? И мы, какъ

[1]) «И за все разореніе ни крестьянинъ, ни помѣщикъ, ни самъ судья не имѣютъ даже въ вознагражденіе увѣренности, что ихъ безъ суда не арестуютъ и не сошлютъ». Примѣч. Огарева.

наши бѣдные крестьяне, стоимъ въ раздумьи, съ неполной вѣрою, съ глубокимъ желаніемъ любви и съ непреодолимымъ чувствомъ ненависти".

„Если бы можно было еще разъ сказать: „Ты побѣдилъ, Галилеянинъ", какъ громко и какъ отъ души сказали бы мы это"... („Наканунѣ", № 93).

„Духу недостало!" иронически озаглавилъ Герценъ статью по поводу отсрочки манифеста объ освобожденіи (№ 94). „Эта отсрочка, это ожиданіе—сверхъ силъ человѣческихъ: тоска, тоска и страхъ! Если бы было возможно, мы бы бросили все и поскакали въ Россію. Никогда не чувствовали мы прежде, до какой степени тяжела жертва отсутствія. Но выбора нѣтъ"...

Наконецъ манифестъ былъ объявленъ, заслонивъ собою на одинъ моментъ всѣ прежнія опасенія и темныя тучи на горизонтѣ. Статья Герцена въ № 95 „Колокола" была горячимъ привѣтомъ освобождающейся родинѣ, привѣтомъ царю Освободителю и его сподвижникамъ, и въ то же время призывомъ къ слѣдующему шагу, какъ къ гарантіи успѣшнаго проведенія реформы, къ освобожденію слова. Въ слѣдующемъ 96 № и Огаревъ привѣтствовалъ „Начало русскаго освобожденія", членовъ редакціонныхъ комиссій, всѣхъ шедшихъ чрезъ упорную борьбу съ корыстью и невѣжествомъ, къ единой цѣли: такъ или иначе, во что бы ни стало, постановить начало русскаго освобожденія. И они достигли этой цѣли. Честь и слава тѣмъ изъ нихъ, кто вышелъ цѣлъ изъ борьбы, и миръ въ памяти народной тому, кого уже нѣтъ на свѣтѣ...

„Да! начало велико. Сегодня мы изъ глубины души говоримъ Александру II: благословенъ грядый во имя свободы! А потомъ—потомъ мы посмотримъ, что будетъ. Какъ русскій народъ—мы имѣемъ надежды; но довѣріе пріобрѣтается умѣньемъ и дѣломъ. Говорятъ, что Сенатъ хочетъ поднести государю имя Освободителя. Мы увѣрены, что Александръ II настолько честенъ и искренепъ, что приметъ его не отъ Сената, а отъ народа, и не теперь, а тогда, когда всѣ крестьяне будутъ свободны и всѣмъ имъ ихъ земля будетъ отдана безъ утайки, безъ недомолвокъ, безъ недоразумѣній, ясно и полно".

10 апрѣля (н. с.) Герценъ устроилъ въ своемъ домѣ торжественное, международное, при участіи эмигрантовъ разныхъ странъ, празднованіе освобожденія. Празднество, какъ извѣстно, омрачилось извѣстіями о кровопролитіи во время демонстраціи въ Варшавѣ, и Герценъ съ горестью писалъ на другой день:

„Праздникъ нашъ былъ мраченъ. Я не знаю дня, въ который бы разорванность давила бы безпощаднѣе и тяжелѣе, гдѣ бы плошки были такъ близки къ слезамъ... Мы какъ будто помолодѣли вѣстью освобожденія крестьянъ. Все было забыто; съ упованіемъ на новую поступь Россіи, съ бьющимся сердцемъ ждали мы на нашъ праздникъ. На немъ, въ первый разъ отроду, при друзьяхъ русскихъ и польскихъ, при изгнанникахъ всѣхъ

Обложка „Гудка“ 5 янв. 1862 г.

Герценъ, объясняющій Положенія 19 февраля.

странъ, при людяхъ, какъ Маццини и Луи Бланъ, при звукахъ марсельезы, мы хотѣли поднять нашъ стаканъ и предложить неслыханный при такой обстановкѣ тостъ за Александра II, Освободителя крестьянъ“...

„Но рука наша опустилась, чрезъ новую кровь, пролитую въ Варшавѣ, нашъ тостъ не могъ итти“...

„Зачѣмъ же вы отняли у насъ нашъ праздникъ? Зачѣмъ вы грубо захлопнули наше сердце, лишь только оно стало открываться чувствамъ примиренія и радости?.. Слова сжатое, оно болѣзненно подсказываетъ горькія слова“... (№ 96 „Колокола“).

Въ слѣдующихъ номерахъ „Колоколъ уже обращается къ отрицательнымъ сторонамъ Положенія о крестьянахъ. Статья Огарева въ № 101 и слѣдующихъ носитъ характерное заглавіе: „Разборъ новаго крѣпостного права, обнародованнаго 19 февраля 1861 г.“. Здѣсь говорится, напр.: „Съ горечью въ сердцѣ и глубокой печалью мы должны сознаться, что, кромѣ дозволенія крестьянамъ вступать въ бракъ безъ согласія помѣщика, что и безъ того дѣлалось въ имѣніяхъ, гдѣ помѣщики не жили, личныхъ правъ для крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, не существуетъ, потому что они изъ крѣпостной зависимости не вышли. Это заглавіе вышедшихъ—ложно. Старое крѣпостное право замѣнено новымъ. Вообще крѣпостное право не отмѣнено. Народъ былъ обманутъ!“ Этотъ рѣзкій тонъ удержанъ „Колоколомъ“ и далѣе, и журналъ превращается съ № 102 (въ

которомъ помѣщена уже не передовая статья, а просто прокламація подъ заглавіемъ „Что нужно народу“) въ органъ прямой революціонной агитаціи, начатой въ ошибочномъ предположеніи, что недостатки Положенія неминуемо приведутъ къ всенародной революціи. Крестьянскіе безпорядки, тамъ и сямъ разыгравшіеся послѣ манифеста 19 февраля, укрѣпляли эти предположенія. Но, по выразительному отзыву Тургенева въ одномъ письмѣ къ Герцену: „Такъ ли, сякъ ли, вслѣдствіе ли усталости, отсутствія ли строгой логики, свойственнаго всякому народу желанія ли примириться на маломъ—если это малое все-таки до нѣкоторой степени выгодно,—но земля приняла Положеніе“. Герценъ и Огаревъ ошиблись въ оцѣнкѣ условій проведенія реформы. Но это, конечно, нимало не умаляетъ ихъ творческой роли въ созданіи настроеній русскаго общества, опредѣлившихъ реформу, не уменьшаетъ ихъ заслугъ во всестороннемъ освѣщеніи реформы въ трудное время предварительныхъ работъ и ожесточенной борьбы противъ нея со стороны преобладавшихъ своекорыстныхъ дворянства и бюрократіи.

Горе (Богданова-Бѣльскаго).

Разочарованный Положеніемъ 19 февраля, Герценъ, въ концѣ-концовъ, отрекся отъ надеждъ на возможность для родины скораго разрѣшенія ея соціально-политическихъ задачъ, заставлявшихъ тяжело задумываться

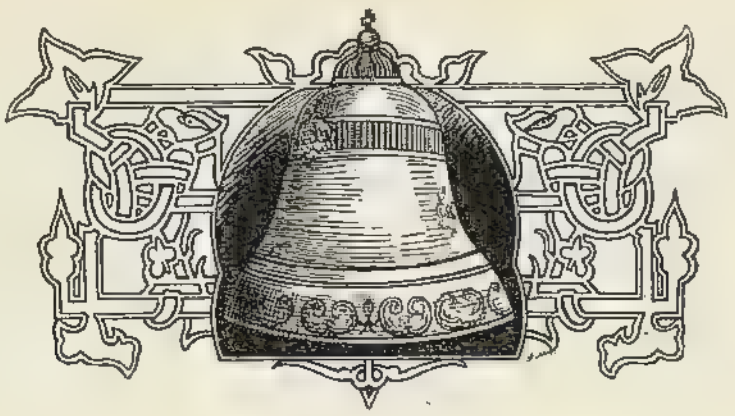
цѣлыя поколѣнія русскаго общества. Кончая изданіе своего „Колокола“, онъ писалъ съ тяжелымъ сердцемъ:

„Свободной Россіи мы не увидимъ. Весь нашъ трудъ въ ломкѣ преятствій и расчищеніи мѣста. Мы умремъ въ сѣняхъ, и это не оттого, что при входѣ стоятъ жандармы, а оттого, что въ нашихъ жилахъ бродитъ кровь нашихъ прадѣдовъ, сѣченныхъ кнутомъ и битыхъ батогами, доносчиковъ Петра и Бирона, нашихъ дѣдовъ-палачей, въ родѣ Аракчеева и Магницкаго, нашихъ отцовъ, судившихъ декабристовъ, судившихъ Польшу, служившихъ въ III Отдѣленіи, забивавшихъ въ гробъ солдатъ, засѣкавшихъ въ могилу крестьянъ; оттого, что въ жилахъ нашихъ лидеровъ, нашихъ журнальныхъ заправилъ догниваетъ такая же гадкая кровь, пріобрѣтенная ихъ отцами въ передникъ, съѣзжихъ и канцеляріяхъ“...

Герценъ читаетъ нотацію Герцену (фот. шутка Левицкаго).

Дѣйствительно, все поколѣніе людей сороковыхъ годовъ и нѣсколько слѣдующихъ сошли въ могилу до зари широкаго всенароднаго освобожденія. Но эти люди, вслѣдъ декабристамъ, положили первые камни зданія свободы: раскрѣпощеніе крестьянина было началомъ дальнѣйшаго раскрѣпощенія Россіи уже отъ абсолютизма, и въ ряду дѣятелей русской свободы, и въ частности освобожденія крестьянъ, великому изгнаннику и его неизмѣнному другу, сложившимъ костп на чужбинѣ, принадлежитъ одно изъ славнѣйшихъ мѣстъ.

Ч. Вѣтринскій.

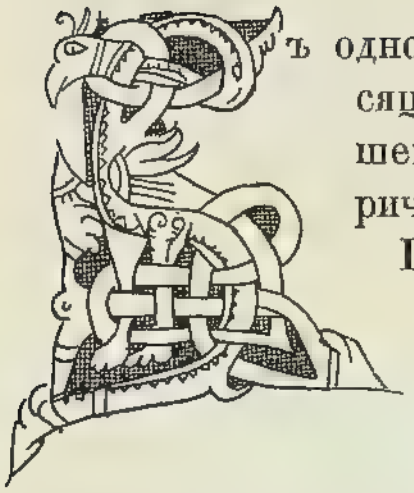


Далекій путь (Полякова).

Н. Г. Чернышевскій и крестьянская реформа.

Н. Ѳ. Анненскаго.

I.



Въ одномъ изъ политическихъ обозрѣній, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ помѣщавшихся въ „Современникѣ“, Н. Г. Чернышевскій высказываетъ такой взглядъ на характеръ историческаго прогресса.

Историческій прогрессъ совершается медленно и тяжело; „такъ медленно, что если мы будемъ ограничиваться слишкомъ короткими періодами, то колебанія, производимыя въ поступательномъ ходѣ исторіи случайностями обстоятельствъ, могутъ затемнять въ нашихъ глазахъ дѣйствія общаго закона“. Только если мы будемъ брать большіе промежутки времени, мы найдемъ значительную разницу въ положеніи вещей и всегда къ выгодѣ конца періода сравнительно съ его началомъ.

Откуда же эта разница? спрашиваетъ Чернышевскій. „Она постоянно подготовлялась тѣмъ, что лучшіе люди каждаго поколѣнія находили жизнь своего времени чрезвычайно темною; мало-по-малу хотя немногія изъ ихъ желаній становились понятны обществу, и потомъ, когда-нибудь, чрезъ много лѣтъ, при счастливомъ случаѣ, общество полгода, годъ, много три или четыре года, работало надъ исполненіемъ хотя нѣкоторыхъ изъ тѣхъ немногихъ желаній, которыя проникли въ него отъ лучшихъ людей. Работа никогда не была успѣшна: на половинѣ дѣла уже истощалось усердіе, изнемогала сила общества, и снова практическая жизнь общества впадала въ долгій

застой, и попрежнему лучшіе люди, если переживали внушенную ими работу, видѣли свои желанія далеко не осуществленными и попрежнему должны были скорбѣть о тяжести жизни. Но въ короткій періодъ благороднаго порыва многое было передѣлано. Конечно, переработка шла наскоро, не было времени думать объ изяществѣ новыхъ пристроекъ, которыя оставались не отдѣланы начисто, некогда было заботиться о субтильныхъ требованіяхъ архитектурной гармоніи новыхъ частей съ уцѣлѣвшими остатками, и періодъ застоя принималъ перестроенное зданіе съ множествомъ мелкихъ несообразностей и некрасивостей. Поэтому лѣнивому времени былъ досугъ внимательно всматриваться въ каждую мелочь, и такъ какъ исправленіе не правившихся ему мелочей не требовало особенныхъ усилій, то понемногу онѣ исправлялись; а пока изнеможенное общество занимается мелочами, лучшіе

(въ 1853 г.)

(въ 1864 г.)

Н. Г. Чернышевскій.

люди говорили, что перестройка не докончена, доказывали, что старыя части зданія все больше и больше ветшаютъ, доказывали необходимость вновь приняться за дѣло въ широкихъ размѣрахъ. Сначала ихъ голосъ отвергался уставшимъ обществомъ, какъ безполезный крикъ, мѣшающій отдыху; потомъ по возстановленіи своихъ силъ общество начинало все больше и больше прислушиваться къ мнѣнію, на которое не отвѣчало прежде, понемногу убѣждалось, что въ немъ есть доля правды, съ каждымъ годомъ признавало эту долю все въ большемъ размѣрѣ, наконецъ, готово было согласиться съ передовыми людьми въ необходимости новой перестройки, и при первомъ благопріятномъ обстоятельствѣ съ новымъ жаромъ принималось за работу, и опять бросало ее, не кончивъ, и опять дремало, и потомъ опять работало“.

Да, говоритъ Чернышевскій далѣе, „прогрессъ совершается чрезвычайно медленно, въ томъ нѣтъ спора; но все-таки девять десятыхъ частей того, въ чемъ состоитъ прогрессъ, совершается во время краткихъ періодовъ усиленной работы. Исторія движется медленно, но все-таки почти все свое движеніе производитъ скачокъ за скачкомъ, будто молоденькій воробушекъ, еще не оперившійся для полета, еще не получившій крѣпости въ ногахъ, такъ что послѣ каждаго скачка падаетъ, бѣдняжка, и долго копошится, чтобы снова стать на ноги и снова прыгнуть,— чтобы опять-таки упасть. Смѣшно, если хотите, и жалко, если хотите, смотрѣть на слабую птичку. Но не забудьте, что все-таки каждымъ прыжкомъ она учится прыгать лучше, и не забудьте, что все-таки она растетъ и крѣпнетъ, и со временемъ будетъ прыгать прекрасно, скачокъ быстро за скачкомъ, безъ всякой замѣтной остановки между ними. А еще со временемъ птичка и вовсе оперится и будетъ легко и плавно летать съ веселою пѣснею. Правда и то, что, судя по нынѣшнему, не слишкомъ еще скоро прійдетъ ей время летать, а все-таки прійдетъ, сомнѣваться тутъ нечего“ [1]).

Статья, изъ которой мы привели эту выписку, написана въ январѣ 1859 г. Россія переживала тогда какъ разъ одинъ изъ тѣхъ краткихъ періодовъ усиленной работы, о которыхъ говоритъ Чернышевскій. Это было время широкаго общественнаго подъема первой половины „шестидесятыхъ годовъ“. Такимъ образомъ въ приведенныхъ сужденіяхъ Чернышевскаго о скачкообразномъ ходѣ историческаго прогресса мы видимъ не одну только теоретическую схему. Они прямо соприкасались съ злобою текущаго дня. Болѣе того, мы можемъ разсматривать ихъ и какъ комментарій къ роли самого Чернышевскаго въ событіяхъ того времени.

Въ сущности, вся литературная и общественная дѣятельность Чернышевскаго можетъ быть охарактеризована, какъ попытка использовать до дна возможности, открываемыя короткимъ періодомъ общественнаго подъема. Нельзя не изумляться той сверхчеловѣческой энергіи, которую онъ развилъ въ немногіе годы, удѣленные ему судьбой, чтобы дать родной странѣ все, что было въ его силахъ. Но насъ въ данную минуту занимаетъ собственно одна только странічка въ этой дѣятельности. Мы хотѣли бы, именно, остановиться на работахъ Чернышевскаго, посвященныхъ крестьянскому вопросу. Помимо своего крупнаго литературнаго и научнаго значенія, работы эти высоко интересны и съ той стороны, что онѣ рисуютъ предъ нами Чернышевскаго, какъ практическаго политика.

Крестьянская реформа была центромъ общественнаго вниманія въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. И мы знаемъ, что самое дѣятельное участіе въ разработкѣ различныхъ вопросовъ, связанныхъ съ этой реформой, принимала

[1]) Полное собраніе сочин. Н. Г. Чернышевскаго, т. V, 490—91.

русская журналистика вообще и руководимый Чернышевскимъ „Современникъ“ въ частности. Чернышевскій вплотную подошелъ къ практическимъ задачамъ, къ вопросамъ „осуществленій“ даннаго момента. Какъ же опредѣлялась линія его политическаго поведенія тѣми общими положеніями, какія онъ выставлялъ въ приведенной выше теоретической схемѣ?

Онъ долженъ былъ помнить, что созданная стеченіемъ обстоятельствъ возможность работы для осуществленія въ жизни желаній „лучшихъ людей“ не можетъ длиться долго. „Годъ, много три-четыре года“, пока не схлынетъ волна общественнаго оживленія — вотъ періодъ, на который можно строить расчеты. Необходимо поэтому напрячь всѣ усилія, чтобы возможно долѣе поддержать это оживленіе, и достичь возможнаго максимума полезныхъ результатовъ. И при всемъ томъ, какъ бы благопріятно ни сложились обстоятельства, разсчитывать можно было на осуществленіе только „нѣкоторыхъ желаній“, на проведеніе въ жизнь только части того, что признается нужнымъ „лучшими людьми“. Какъ бы ни была умѣренна намѣченная программа, сопротивленіе инертной среды во всякомъ случаѣ должно было ее еще урѣзать при выполненіи. Такимъ образомъ задание всегда должно было оказаться выше достиженія. Съ этимъ приходилось считаться, какъ съ неизбѣжнымъ фактомъ. Нужно было только отыскать тотъ предѣлъ, при которомъ соотвѣтственно повышеннымъ программнымъ требованіямъ можно было поднять и діапазонъ практической, исполнительной работы, не давая ей расплыться въ легкихъ компромиссахъ и въ то же время не отрывая задания отъ реальныхъ условій времени и мѣста.

Мужички въ Москвѣ (Рихау 1860 г.).

Среди писателей, работавшихъ надъ крестьянскимъ вопросомъ, Чернышевскій принадлежалъ къ „крайней лѣвой“. Строгая принципіальность и неуклонная послѣдовательность его сужденій по этому вопросу признается всѣми. Признавалась даже и его противниками. Но вмѣстѣ съ тѣмъ о Чернышевскомъ сложилось ходячее представленіе, какъ о кабинетномъ теоретикѣ, склонномъ прямолинейно прилагать къ мало знакомой и мало интересующей его русской дѣйствительности отвлеченныя формулы западной соціалистической мысли. Какъ и всѣ „лѣвые“, онъ былъ при этомъ нетерпимъ и узокъ въ своей, не считавшейся съ жизнью, послѣдовательности.

Таково, повторяемъ, ходячее представленіе. Но никакъ нельзя сказать, чтобы оно имѣло фактическія основанія. И менѣе всего приложима приведенная характеристика именно къ статьямъ Чернышевскаго по крестьянскому вопросу. Программа практическихъ требованій, развиваемая въ этихъ статьяхъ, при всей своей строгой принципіальности, отличалась большой умѣренностью и, такъ сказать, дѣловитою трезвостью. Практическій политикъ въ данномъ случаѣ рѣшительно переспилъ теоретика. Идеалы Чернышевскаго были безконечно далеки отъ тогдашней русской дѣйствительности. И его трезвый скептическій умъ не позволялъ ему строить какія-либо иллюзіи въ этомъ отношеніи. Но данный историческій моментъ онъ разсматривалъ какъ таковой, въ который мыслимы хотя нѣкоторые практическіе шаги въ направленіи достиженія этихъ идеаловъ. Экономическій и духовный подъемъ крестьянской массы, возможный въ результатѣ широко проведенной реформы, несомнѣнно, имѣлъ въ этомъ отношеніи громадное значеніе. И Чернышевскій съ головой ушелъ въ работу по крестьянскому вопросу. Онъ былъ писатель и только писатель, ни въ какихъ учрежденіяхъ и организаціяхъ, непосредственно занятыхъ осуществленіемъ реформы, онъ не участвовалъ. Онъ могъ воздѣйствовать только на общественную мысль и общественное настроеніе, поддерживая ихъ на высотѣ, соотвѣтствующей требованіямъ переживаемаго историческаго момента. Чтобы сдѣлать „неорганизованное общественное мнѣніе“ силою, съ которою необходимо считаться, нужно было выдвинуть такіе лозунги, которые могли бы собрать около себя широкіе общественные круги, и поставить ихъ ясно и твердо. Чернышевскій такъ именно и понималъ свою задачу. Онъ пытался отыскать такія рѣшенія разныхъ сторонъ крестьянскаго вопроса, которыя отвѣчали бы „національному чувству“ и объединяли всѣхъ, кто искренно стоялъ за дѣло освобожденія. Общею работой всей націи должны были быть и осуществлены эти общія требованія.

Мы знаемъ, что реформа пошла инымъ путемъ. Чѣмъ далѣе, тѣмъ все болѣе суживались ея масштабы и тѣмъ рѣзче и опредѣленнѣе все дѣло становилось на узко-бюрократическую почву. Вмѣстѣ съ этимъ и въ общественномъ настроеніи бодрыя ожиданія, съ которыми встрѣчены были первые шаги преобразованія, все болѣе и болѣе уступали мѣсто горькому разочаро-

ванію. Эту смѣну настроеній мы можемъ отчетливо прослѣдить и въ работахъ Чернышевскаго. Тонъ его статей въ то время, когда реформа создавалась и въ то время когда она стала фактомъ, — урѣзаннымъ и уродливымъ, какимъ она вышла изъ рукъ чиновныхъ реформаторовъ, — рѣзко различный. Цѣлая пропасть лежитъ между первой статьей Чернышевскаго по крестьянскому вопросу въ „Современникѣ“ съ эпиграфомъ: „Возлюбилъ еси правду и возненавидѣлъ еси беззаконіе, сего ради помаза Тя Богъ Твой“ и „Прологомъ пролога“. Въ высокой степени любопытно прослѣдить эту гамму настроеній. Любопытно не только для характеристики Чернышевскаго и его отношенія къ крестьянской реформѣ. Чернышевскій, стоявшій головой выше большинства своихъ современниковъ, ярко и сильно выражаетъ тѣ же переживанія, которыя имѣли мѣсто, только съ меньшею опредѣленностью, въ широкихъ кругахъ интеллигенціи того времени. Это придаетъ его работамъ по крестьянскому вопросу особый интересъ, какъ въ высокой степени цѣнному матеріалу для характеристики общественныхъ настроеній той знаменательной эпохи русской исторической жизни.

Уличные типы (Изд. Рихау 1860 г.).

Первая статья Чернышевскаго, посвященная непосредственно крестьянской реформѣ, „О новыхъ условіяхъ сельскаго быта“, съ эпиграфомъ изъ XLV псалма, который мы уже цитировали выше („Возлюбилъ еси правду и возненавидѣлъ еси беззаконіе, сего ради помаза Тя Богъ Твой“), появилась въ февральской книжкѣ „Современника“ за 1858 г. Ярко и сильно выдвигаетъ онъ вопросъ о великомъ значеніи для будущихъ судебъ Россіи дѣла, начатаго извѣстными Высочайшими рескриптами 20 ноября, 5 и 24 декабря 1857 г. Только реформа, совершонная Петромъ Великимъ, можетъ сравниться по своему величію и благотворности съ преобразованіемъ, возвѣщеннымъ этими рескриптами. „Царствованія Петра III, Екатерины II,

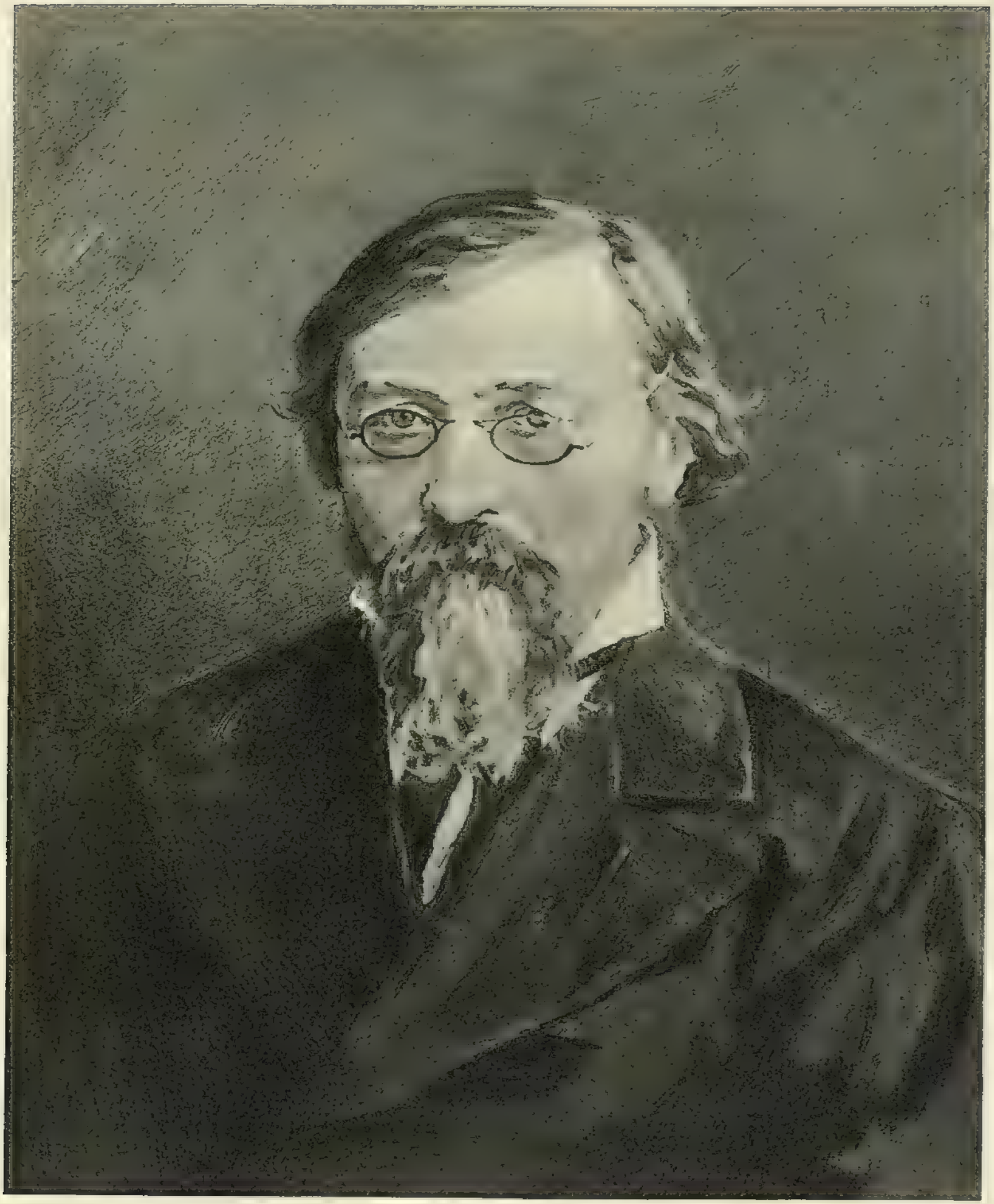
Александра I и Николая I были ознаменованы многими благодѣтельными для государства мѣрами чрезвычайной важности", но всѣ эти мѣры „далеко не имѣютъ такого всемірно-историческаго значенія, какое принадлежитъ дѣлу уничтоженія крѣпостного состоянія въ Россіи, начатому рескриптомъ, названнымъ выше. То были мѣры, безъ сомнѣнія, могущественнымъ образомъ улучшавшія нашу государственную жизнь, но все-таки каждая изъ нихъ касалась только отдѣльной вѣтви ея: корень, изъ котораго возникали почти всѣ наши бѣдствія и недостатки, оставался нетронутымъ. Крѣпостнымъ правомъ парализовались всѣ заботы правительства, всѣ усилія частныхъ лицъ на благо Россіи. Ни правильный ходъ администраціи, ни вѣрное отправленіе правосудія не были возможны при такомъ порядкѣ вещей, при которомъ положеніе большей части отношеній по имуществу не было сообразно съ принципами разумности и права, при которомъ сословіе, имѣющее своими сочленами почти всѣхъ лицъ, руководящихъ исполненіемъ законовъ, находилось въ условіяхъ быта, рѣшительнѣйшимъ образомъ нарушавшихъ всякую идею справедливости, при которомъ другое сословіе, составляющее почти половину населенія въ Европейской Россіи, стояло (по выраженію, не намъ принадлежащему) внѣ закона. Не могли приносить при такомъ положеніи дѣлъ никакія правительственныя мѣры надлежащихъ плодовъ, не могла даже дѣйствовать правильнымъ образомъ государственная организація" [1]).

„Много говорили мы о нашихъ недостаткахъ и множество всевозможныхъ недостатковъ находили въ себѣ, но общій, главнѣйшій источникъ всѣхъ ихъ—крѣпостное право; съ уничтоженіемъ этого основного зла нашей жизни каждое другое злое ея потеряетъ девять десятыхъ своей силы. Потому-то дѣло, начатое рескриптами 20 ноября, 5 и 24 декабря, представляется столь великимъ, что по сравненію съ нимъ маловажны кажутся всѣ реформы и улучшенія, совершонныя со временъ Петра. Съ царствованія Александра II начинается для Россіи новый періодъ, какъ съ царствованія Петра. Исторія Россіи съ настоящаго года будетъ столь же различна отъ всего предшествовавшаго, какъ различна была ея исторія со временъ Петра отъ прежнихъ временъ. Новая жизнь, для насъ теперь начинающаяся, будетъ настолько же прекраснѣе, благоустроеннѣе, блистательнѣе и счастливѣе прежней, насколько сто пятьдесятъ послѣднихъ лѣтъ были выше XVII столѣтія въ Россіи".

„Блистательные подвиги временъ Петра Великаго,—продолжаетъ Чернышевскій,—и колоссальная личность самого Петра покоряютъ наше воображеніе; неоспоримо громадно и существенное величіе совершоннаго имъ дѣла. Мы не знаемъ, какихъ внѣшнихъ событій свидѣтелями поставитъ насъ бу-

[1]) «О новыхъ условіяхъ сельскаго быта», полн. собр. сочин., т. IV, 50.

Н. Г. Чернышевскій.



дущность. Но уже одно только дѣло уничтоженія крѣпостного права благословляетъ времена Александра II славою, высочайшею въ мірѣ“ [1]).

Горячо привѣтствовалъ Чернышевскій правительственный починъ въ великомъ дѣлѣ освобожденія. Его не останавливали тѣ недочеты и недомолвки, какіе обнаруживались въ рескриптахъ, предшествовавшія колебанія и извѣстная робость въ этихъ первыхъ шагахъ, когда боязливо избѣгалось самое слово „освобожденіе“. То была пора великихъ ожиданій и добрыхъ надеждъ. Дружно и энергично взялась за работу въ той области, какая была ей доступна, и русская передовая печать. Въ частности въ „Современникѣ“ открытъ былъ особый отдѣлъ „Устройство быта помѣщичьихъ крестьянъ“. Отдѣлъ этотъ почти цѣликомъ заполнялся Чернышевскимъ: онъ помѣщалъ въ немъ и отдѣльныя большія статьи [2]), и хронику правительственныхъ распоряженій, и подробную „Библіографію журнальныхъ статей“, посвященныхъ крестьянскому вопросу. На ряду съ такими боевыми статьями, какъ, напримѣръ, „Трудень ли выкупъ земли?“ читатель получалъ и массу строго объективнаго матеріала. Чернышевскій тщательно слѣдилъ за всѣмъ, что появлялось въ печати по крестьянскому вопросу. Онъ выискивалъ и отмѣчалъ всякую крупицу—увы, очень скудныхъ въ то время—фактическихъ, цифровыхъ свѣдѣній или объективныхъ наблюденій; знакомилъ читателей съ различными взглядами, высказывавшимися по тѣмъ или инымъ сторонамъ крестьянской реформы. Въ библіографическихъ обзорахъ онъ далъ 86 рецензій или, правильнѣе, отчетовъ о статьяхъ, появлявшихся въ спеціальныхъ, посвященныхъ крестьянскому дѣлу и общихъ журналахъ того времени. Кто составилъ себѣ представленіе о Чернышевскомъ, какъ о рѣзкомъ полемистѣ,—будетъ изумленъ тѣмъ объективнымъ топомъ и той терпимостью къ чужимъ мнѣніямъ, которые господствуютъ въ этихъ отчетахъ и рецензіяхъ. Рядомъ съ этимъ широко поставленнымъ информаціоннымъ отдѣломъ въ „Современникѣ“ шли, какъ мы уже упоминали, и программныя статьи, освѣщавшія собственные взгляды Чернышевскаго. Уже въ первой своей статьѣ, цитированной нами выше, Чернышевскій опредѣленно указывалъ на тѣсную связь крестьянской реформы со всѣми сторонами государственнаго и общественнаго строя тогдашней Россіи. Крѣпостное право было фактомъ, опредѣлявшимъ собою весь

---

[1]) Ibid., стр. 53—54.

[2]) Въ 1858 г.: № 6 «Обозрѣніе мѣръ, принятыхъ до сего времени къ устройству быта помѣщичьихъ крестьянъ»; № 7 «По поводу статьи г. Тройницкаго: «О числѣ крѣпостныхъ людей въ Россіи»; № 11 «О необходимости держаться возможно умѣренныхъ цифръ при опредѣленіи величины выкупа усадебъ»; въ 1859 г.: № 1 «Трудень ли выкупъ земли» и № 10 «Матеріалы для рѣшенія крестьянскаго вопроса». Кромѣ этого, въ тѣ же годы Чернышевскимъ были помѣщены въ «Современникѣ», внѣ отдѣла «Устройство быта помѣщичьихъ крестьянъ», три статьи по вопросу объ общинѣ: «Критика философскихъ предубѣжденій противъ общиннаго землевладѣнія» (1858 г., XII), «Экономическая дѣятельность и законодательство» (1859 г., II) и «Суевѣріе и правила логики» (1859 г., X).

тонъ русской жизни. Уничтоженіе его естественно должно было вести къ общей перестройкѣ сложившихся общественныхъ отношеній. Это былъ только первый шагъ. Но для того, чтобы вызвать за собою и послѣдующіе, онъ долженъ былъ быть сдѣланъ твердо и рѣшительно. Здѣсь былъ завязанъ узелъ, отъ котораго зависѣло дальнѣйшее движеніе и правового, и экономи ческаго уклада русской жизни. Чернышевскій широко понималъ задачи реформы, понималъ онъ и неразрывную связь между всѣми ея сторонами. Но преимущественное вниманіе въ своихъ статьяхъ онъ отдавалъ разработкѣ экономической стороны реформы. Онъ выдвинулъ впередъ нѣсколько требованій, касающихся земельнаго обезпеченія крестьянъ, и на защитѣ ихъ сосредоточилъ всю свою энергію. Чернышевскій настаивалъ, именно: во-первыхъ, на предоставленіи крестьянамъ въ надѣлъ всѣхъ земель, которыми они пользовались при существованіи крѣпостного права; во-вторыхъ, на немедленномъ выкупѣ крестьянскихъ надѣловъ при содѣйствіи государства и безъ отягощенія крестьянъ непосильными платежами, и, въ-третьихъ, на сохраненіи общиннаго пользованія крестьянскими землями.

II.

Вопросъ о земельномъ надѣлѣ освобождаемыхъ крестьянъ былъ едва ли не самымъ боевымъ во всей программѣ реформы. Основываясь на словахъ рескриптовъ о томъ, что „помѣщикамъ сохраняется право собственности на всю землю“, помѣщичья партія упорно выдвигала планъ безземельнаго освобожденія. Только относительно усадебной осѣдлости, объ оставленіи которой за крестьянами категорически указывалось въ тѣхъ же рескриптахъ, не было спора, не было, по крайней мѣрѣ, въ принципѣ: попытки урѣзать эту осѣдлость, сведя на одно жилье и дворъ, шли на протяженіи всей эмансипаціонной работы. Что касается полевыхъ угодій, то очень долго защитники стараго порядка не могли согласиться, чтобы дѣло шло о надѣлѣ ихъ крестьянамъ въ вѣчное пользованіе. Слова рескриптовъ толковались такъ, что земельные надѣлы свои крестьяне сохраняютъ въ теченіе такъ называемаго срочно-обязаннаго періода, а затѣмъ вся земля, кромѣ крестьянскихъ усадебъ, сосредоточивается въ рукахъ ея собственника—помѣщика. Другая, болѣе умѣренная часть помѣщичьей партіи не шла такъ далеко: не оспаривая совсѣмъ отрѣзки надѣла изъ полевой земли, она стремилась къ возможному его ограниченію, а впослѣдствіи—къ выкупу его дорогой цѣной.

Представители лѣвыхъ, освободительныхъ теченій, и среди передового дворянства, и среди внѣдворянской интеллигенціи, объединились около другого лозунга—оставленія въ надѣлъ крестьянамъ всей земли, находившейся въ данный моментъ въ ихъ пользованіи. Закипѣла борьба и въ губернскихъ, дворянскихъ, комитетахъ и въ печати, являвшейся тогда единственною аре-

ною для выраженія общественнаго мнѣнія [1]). Чернышевскій принялъ горячее участіе въ этой борьбѣ

О вопросахъ поземельной собственности онъ началъ въ „Современникѣ" рядъ статей еще ранѣе, чѣмъ по цензурнымъ условіямъ стало возможнымъ говорить въ печати объ освобожденіи крестьянъ. Статьи эти посвящены были, главнымъ образомъ, разсмотрѣнію общинной формы земельнаго владѣнія и земельнаго пользованія. Но мы находимъ въ нихъ и нѣкоторыя указанія болѣе общаго характера. Мы знаемъ, что Чернышевскій былъ послѣдовательный соціалистъ и къ принципу частной собственности вообще и поземельной въ частности не могъ не относиться отрицательно. Но для даннаго историческаго момента онъ не находилъ возможнымъ выдвигать въ качествѣ

Поволжская деревня (Макарова).

общаго лозунга экономической политики требованіе о переходѣ всѣхъ земель въ коллективное владѣніе. Употребляя термины нѣсколько позднѣйшіе, мы могли бы сказать, что онъ стоялъ за частичную націонализацію земли.

Идеальная форма земельной собственности, говоритъ Чернышевскій во второй изъ статей своихъ „О поземельной собственности", въ XI книжкѣ „Современника" за 1857 г., должна удовлетворять двумъ условіямъ:

---

[1]) Другая, кромѣ помѣщиковъ, непосредственно заинтересованная сторона, крестьяне, не имѣли учрежденій и органовъ, чрезъ которые они могли бы высказывать свои желанія и требованія. Представителями ихъ интересовъ называли правительственныхъ членовъ дворянскихъ комитетовъ и редакціонныхъ комиссій. Гораздо въ большей мѣрѣ, однако, эта роль могла принадлежать прогрессивной печати. Такъ, по крайней мѣрѣ, она сама понимала свои задачи. Начиная рядъ статей по нѣкоторымъ основнымъ вопросамъ реформы, Чернышевскій, напр., заявляетъ, что онъ имѣетъ въ виду «самымъ умѣреннымъ и спокойнымъ образомъ обозначить, какое рѣшеніе (этихъ вопросовъ) могло бы, хотя до нѣкоторой степени, соотвѣтствовать идеямъ, съ незапамятныхъ временъ существующимъ въ поселянахъ». И, конечно, болѣе, чѣмъ кто-нибудь, онъ имѣлъ право говорить такъ.

„Вся выгода отъ улучшеній и отъ труда должна принадлежать лицу трудящемуся и улучшающему. Каждый земледѣлецъ долженъ быть землевладѣльцемъ. Первая черта идеала относится къ успѣхамъ сельскаго хозяйства, вторая—къ національному благосостоянію. Чѣмъ полнѣе осуществляются онѣ въ дѣйствительности, тѣмъ, при равныхъ условіяхъ, быстрѣе успѣхи сельскаго хозяйства и національнаго благосостоянія".

Ближе всѣхъ другихъ формъ собственности къ этому идеалу подходитъ государственная собственность съ общиннымъ владѣніемъ. Но, по крайней мѣрѣ, при настоящихъ условіяхъ, эта форма не можетъ господствовать безраздѣльно. Рядомъ съ ней есть основанія и для существованія собственности частной.

„Нація,—говоритъ Чернышевскій,—имѣетъ два интереса: 1) Люди особенно даровитые, особенно счастливые или особенно дѣятельные, которые могутъ успѣшно выдерживать конкуренцію, могутъ рисковать. 2) Люди обыкновенные желаютъ жить безбѣдно и обезпеченно. Для первыхъ существуетъ огромное поприще частной собственности, въ которой все предоставлено счастію, дарованію, силѣ, ловкости. Вторымъ нужно обезпеченное достояніе, независимое отъ превратностей счастія, такъ, чтобы трудящійся всегда имѣлъ средства къ труду.

„Я сынъ моей родины—этого довольно, родина поступаетъ со мною, какъ мать: она даетъ мнѣ пріютъ, она даетъ мнѣ наслѣдство, достаточное для моего существованія, если я буду имъ пользоваться—я получаю участокъ изъ государственной собственности. „Всѣ дѣти равно милы ей, я получаю столько же, сколько мои братья. Они, быть-можетъ, должны были нѣсколько потѣсниться, чтобы дать мѣсто новому гражданину,—они не ропщутъ на то, потому что и сами прежде меня получили участіе въ государственной землѣ такимъ же образомъ,—мое право ихъ право; явятся новые граждане, и когда мнѣ прійдется, въ свою очередь, потѣсниться для нихъ, я не ропщу на то, потому что самъ помѣщенъ былъ въ участіе въ наслѣдство моей родины такимъ же образомъ,—ихъ право есть мое право.

„Но я хочу имѣть средство искать чего-нибудь лучшаго, нежели безбѣдная жизнь; я надѣюсь на особенныя свои силы, я имѣю особенныя наклонности,—прекрасно, это ужъ мое личное дѣло, мой рискъ, значитъ, я уже отказываюсь отъ обезпеченности, мѣняя вѣрный, но скромный жребій на путь, могущій быть болѣе выгоднымъ и пріятнымъ мнѣ, но могущій и быть неудачнымъ. Я отказываюсь отъ участія въ государственной землѣ и ищу себѣ личной, частной собственности".

Отношенія между обѣими формами собственности по объему Чернышевскій опредѣляетъ такъ:

„Государственная собственность должна имѣть, по крайней мѣрѣ, такой объемъ, чтобы каждый изъ подушныхъ участковъ давалъ безбѣдныя сред-

ства для жизни земледѣльцу. Она будетъ имѣть такой объемъ, если къ ней причислить всѣ тѣ земли, которыя воздѣлываются для себя самихъ земледѣльцами. Если же нѣтъ — если различать наименованія, и изъ земель, находящихся въ общинномъ владѣніи или пользованіи, считать только тѣ неотъемлемыми изъ общаго государственнаго поземельнаго капитала, которыя называются нынѣ государственными: если полагать, что тѣ земли, которыя носятъ имя частной собственности, но распредѣляются между поселянами по общинному праву [1]), должны отойти въ ихъ или чью-нибудь частную собственность,—объемъ общаго государственнаго фонда окажется совершенно недостаточнымъ". Но отходить имъ отъ него нѣтъ основанія ни въ обычаѣ, ни въ правѣ.

Итакъ, повторяетъ Чернышевскій, „все, чѣмъ владѣютъ или что воздѣлываютъ для себя поселяне по общинному праву, должно быть государственною собственностью въ общинномъ владѣніи. Затѣмъ земли, которыя не только называются частною собственностью (одного имени мало), но также и воздѣлываются по принципу частной собственности, должны быть частной собственностью, потому что фактически только онѣ и выдѣлились изъ общины" [2]).

Эти общія сужденія вкраплены въ статью, спеціально посвященную вопросамъ общиннаго землепользованія. Чернышевскій не развиваетъ сколько-нибудь подробно брошенной имъ идеи объ организаціи государственнаго земельнаго фонда. Точно такъ же не останавливается онъ и на процессѣ перехода отъ настоящей, двойственной формы землевладѣнія къ будущей единой, ограничиваясь только нѣсколькими замѣчаніями о возможности и въ настоящемъ періодѣ постепеннаго расширенія государственной собственности на счетъ частной [3]). Но въ нашу задачу и не входитъ подробное разсмотрѣніе общей аграрной программы Чернышевскаго. Мы привели помѣщенную выше выписку, только какъ ориентирующую насъ относительно взглядовъ Чернышевскаго на вопросы земельнаго надѣленія крестьянъ. Къ мысли о необходимости оставить во владѣніи крестьянъ всѣ земли, какими они пользовались, Чернышевскій возвращался не одинъ разъ въ своихъ работахъ. Съ особеннымъ удареніемъ онъ останавливается на ней въ послѣдней статьѣ по крестьянскому вопросу, помѣщенной имъ въ „Современникѣ" (въ октябрѣ 1859 г.).

---

[1]) Очевидно, Чернышевскій разумѣетъ здѣсь земли, находящіяся въ пользованіи помѣщичьихъ крестьянъ; но сказать это прямо по цензурнымъ условіямъ было невозможно.

[2]) «О поземельной собственности», «Современникъ», 1857 г., XI, см. «Полное собраніе сочиненій Н. Г. Чернышевскаго», т. III, 475—77.

[3]) Объ этомъ см., между прочимъ, «Замѣчанія на статью О поземельной собственности», Провинціала, въ № 3 «Соврем.» за 1858 г., и «Отвѣтъ на замѣчанія Провинціала», тамъ же.

Комитеты, говоритъ онъ, признали невозможнымъ освобожденіе безъ земли. Почему? „Потому что національное чувство было бы возмущено такимъ освобожденіемъ, потому что оно непреклонно хочетъ сохраненія земли за крестьяниномъ. Какую же землю хочетъ оно сохранить за крестьяниномъ? Ту, которой онъ теперь владѣетъ,—ту самую землю, въ томъ самомъ объемѣ, тѣ самые участки [1]). Національное чувство не принимаетъ тутъ никакихъ тонкостей и подраздѣленій; никакихъ обрѣзываній и переносовъ. Одно изъ двухъ: если можно итти противъ него, такъ нечего было говорить, что освобожденіе безъ земли невозможно. А если раздражать національное чувство нельзя, то нельзя и уменьшать нынѣшняго надѣла, нельзя и переносить крестьянскихъ участковъ принудительнымъ образомъ съ одного мѣста на другое: эти уменьшенія и перемѣны были бы точно такъ же противны національному чувству, какъ и освобожденіе безъ земли. Не стоитъ дѣлать дѣла на половину; не стоитъ пожимать человѣку руку правой рукой и въ то же время давать ему толчки лѣвой: вѣдь все равно вы раздражите его, такъ ужъ лучше или бейте его обѣими руками безъ всякихъ дипломатичностей или сохраните съ нимъ доброе согласіе. Если освобождать крестьянъ съ землею, то сохраняйте нынѣшній надѣлъ; иначе, не достигнувъ своей цѣли, не удовлетворите національному чувству“ [2]).

И въ такихъ размѣрахъ земельный надѣлъ не всегда могъ удовлетворить цѣлямъ, выставленнымъ при началѣ реформы. Во многихъ селеніяхъ количество пахотной и сѣнокосной земли, находившееся въ пользованіи крестьянъ, было совершенно недостаточно для „обезпеченія быта“ крестьянъ и уплаты лежащихъ на нихъ повинностей. Сверхъ того, крестьянамъ, говоритъ Чернышевскій, необходимъ надѣлъ нѣкоторою частью лѣсовъ и нѣкоторыхъ другихъ угодій, не причисляемыхъ нынѣ къ ихъ землѣ. Поэтому для осуществленія реформы въ томъ видѣ, какъ она была возвѣщена Высочайшими рескриптами, онъ предвидѣлъ необходимость дополнительныхъ нарѣзокъ земли крестьянамъ во многихъ помѣстьяхъ.

---

[1]) «Тѣ самые участки», подчеркиваетъ Чернышевскій. Онъ энергически возставалъ противъ предположенія о предоставленіи помѣщикамъ права требовать принудительнаго перенесенія крестьянскихъ усадебъ. «Извѣстна чрезвычайная привязанность крестьянъ къ мѣстамъ своихъ жилищъ. Сами помѣщики знаютъ, что принуждать крестьянъ къ переселенію значило бы итти противъ ихъ чувствъ. По закону принужденное переселеніе составляетъ одинъ изъ видовъ наказанія за уголовныя преступленія: возможно ли подвергать такой судьбѣ милліоны людей по произволу? Переселеніе само по себѣ, хотя бы и добровольное, соединено съ разрушеніемъ всего хозяйственнаго обзаведенія переселяющихся... Два переселенія равняются пожару, по народной поговоркѣ. Принужденное переселеніе было бы разореніемъ для крестьянъ, было бы нарушеніемъ гражданскаго права, возмутило бы самыя завѣтныя привязанности человѣка: привязанность къ родовому жилищу и къ мѣсту, гдѣ схоронены отцы» («Матеріалы для рѣшенія крест. вопроса», «Соврем.», 1859 г., X).

[2]) «Матеріалы для рѣшенія крестьянскаго вопроса». Полное собраніе сочиненій, т. IV, стр. 532—33.

Въ дѣйствительности, какъ мы знаемъ, произошло совершенно обратное: не только дополнительныя нарѣзки, но и неприкосновенность существовавшаго надѣла оказались одной иллюзіей. Помѣщичьи притязанія, нашедшія себѣ поддержку и наверху, въ правящихъ сферахъ, оказались сильнѣе требованій „національнаго чувства“, и, въ концѣ-концовъ, освобожденные крестьяне потеряли около одной пятой части земель, находившихся до того въ ихъ пользованіи.

III.

„Когда палка искривлена въ одну сторону, чтобы исправить ее, надобно перегнуть на другую сторону“. Это изреченіе Мальтуса Чернышевскій поставилъ эпиграфомъ къ своей статьѣ „Трудень ли выкупъ земли?“ Въ вопросѣ о выкупѣ палка была сильно искривлена на сторону помѣщичьихъ интересовъ. Задачею статей Чернышевскаго, посвященныхъ этому вопросу, было — перегнуть ее на другую сторону. Чтобы правильно оцѣнить значеніе этихъ статей, нельзя упускать изъ вида этого ихъ полемическаго характера.

Крестьянинъ Симбирской губ.
Альбомъ 1878 г.

Положеніе Чернышевскаго по отношенію къ вопросу о выкупѣ крестьянскихъ надѣловъ было вообще довольно сложное. Чернышевскій въ принципѣ не признавалъ вовсе права помѣщиковъ на какое-либо вознагражденіе за отходящія отъ нихъ „права“, ни моральнаго ни юридическаго. Но, какъ не настаивалъ Чернышевскій на обращеніи всѣхъ земель въ коллективную собственность, такъ же точно понималъ онъ и практическую неосуществимость безмезднаго отчужденія помѣщичьихъ земель. Съ другой стороны, въ общемъ и принудительномъ выкупѣ надѣловъ онъ видѣлъ единственный способъ немедленной ликвидаціи всѣхъ обязательныхъ отношеній по землѣ между помѣщиками и крестьянами. Поэтому въ разгорѣвшейся около вопросовъ, связанныхъ съ выкупомъ, полемикѣ Чернышевскій энергически выступилъ защитникомъ обязательнаго выкупа. Идея такого выкупа встрѣчала большія препятствія, въ значительной мѣрѣ благодаря вздутымъ до крайности цифрамъ выкупныхъ оцѣнокъ, выдвигаемымъ въ помѣщичьихъ проектахъ. Во многихъ случаяхъ здѣсь ясна была прямая цѣль — затормозить выполненіе выкупной операціи. Была сильная группа крѣпостниковъ, которая совсѣмъ

не соблазнялась перспективою превращенія временно-обязанныхъ крестьянъ въ независимыхъ и вольныхъ сосѣдей. А съ другой стороны, около выкупа разыгрывались и помѣщичьи аппетиты.

Чернышевскому приходилось бить на обѣ стороны.

„Когда посмотришь на житейскія дѣла,—говоритъ онъ,—обыкновенно видишь, что если два человѣка, имѣющихъ между собою денежный расчетъ, не могутъ сойтись къ легкому его рѣшенію, то одинъ изъ нихъ ведетъ счетъ на невѣрномъ основаніи. Не то ли же самое и по вопросу о выкупѣ земли? Не знаемъ, на какихъ основаніяхъ стали бы вести счетъ по этому дѣлу крестьяне: они еще не излагали своихъ основаній; стало-быть, съ ихъ стороны еще не могло быть невѣрности. Представляла счеты до сихъ поръ одна сторона—помѣщики". И эти счеты говорятъ о громадныхъ, милліардныхъ затратахъ, необходимыхъ для выполненія выкупа.

Но всѣ эти счеты грѣшатъ прежде всего своею полною произвольностью. „Люди, пугающіе насъ милліардами,—замѣчаетъ Чернышевскій,—обыкновенно ни на чемъ не основывались, кромѣ приходо-расходныхъ книгъ своего помѣстья, книгъ, которыхъ никто не провѣрялъ, и которыя, Богу одному извѣстно, по какой бухгалтеріи ведены. Да и то еще хорошо, когда основывались хоть на какихъ-нибудь счетахъ настоящаго дохода, а то безъ церемоніи прямо говорили: „я, дескать, не знаю, сколько дохода приноситъ мнѣ мое помѣстье, но полагаю, что оно должно доставлять мнѣ вотъ столько-то", или даже еще прямѣе: „но желаю, чтобы оно считалось доставляющимъ мнѣ вотъ столько-то"; и отъ невѣрныхъ счетовъ по одному имѣнію, или отъ вѣрныхъ счетовъ, но по одному имѣнію, находящемуся въ исключительно выгодномъ положеніи, или, наконецъ, и просто отъ соображенія о томъ, сколько дохода могло бы приносить имѣніе, если бы приносило дохода гораздо больше, чѣмъ приноситъ теперь, они приходили къ заключенію прямо о цѣлой Россіи" [1]).

Какъ произвольны исходныя цифры, такъ же произволенъ и весь дальнѣйшій ходъ вычисленій. Нельзя брать цѣликомъ цифру помѣщичьихъ доходовъ при крѣпостномъ правѣ, хотя бы и правильно выведенную. Необходимо уяснить себѣ, какая именно часть этихъ доходовъ имѣетъ связь съ крѣпостнымъ правомъ, и изъ этой части, какая именно доля подлежитъ выкупу. Но гдѣ же опять-таки фактическія, обоснованныя данныя для такого расчета? Ихъ нѣтъ. Нѣтъ такихъ данныхъ даже для перваго шага, съ котораго должна начаться разработка вопроса о выкупѣ—для опредѣленія „средней цѣнности ревизской души съ надѣломъ землею въ каждомъ округѣ, составляющемъ однородное экономическое цѣлое". Не подготовлены нисколько общія по Россіи цифры для того, чтобы судить, какая часть общей цѣнности крѣпостныхъ имѣній принадлежитъ исключительно личностямъ, ду-

[1]) «Труденъ ли выкупъ?» Полн. собр. сочин., т. IV, 347.

Самосудъ надъ конокрадами.

(Картина *Пимоненко*).

намъ самихъ крестьянъ, не подлежащимъ выкупу, и потому должна быть просто вычтена изъ общей суммы; не знаемъ мы, на какая часть земель остается за помѣщиками, и какая перейдетъ къ крестьянамъ, на того, сколько крестьянъ отправляетъ барщину и сколько состоитъ на оброкѣ и т. д. и т. д. Вообще, говоритъ Чернышевскій, „вопросъ о выкупѣ едва начатъ“, несмотря на то, что о немъ „уже цѣлый годъ пишутъ сотни людей“. Но пишутъ, основываясь почти исключительно на соображеніяхъ и расчетахъ, представленныхъ одною заинтересованною стороною—помѣщиками.

Не ограничиваясь замѣчаніями о необоснованности помѣщичьихъ расчетовъ, Чернышевскій пытается противопоставить имъ примѣрный расчетъ, основанный на другихъ источникахъ. Онъ воспользовался для этого двумя капитальными трудами, имѣвшимися въ статистической литературѣ того времени: „Сельско-хозяйственной статистикой Смоленской губерніи“ Я. Соловьева и въ особенности „Статистическимъ описаніемъ Кіевской губерніи“ Журавскаго. Исходя изъ данныхъ объ общей суммѣ дохода отъ помѣщичьихъ имѣній Кіевской губерніи, Чернышевскій, пользуясь цифрами Журавскаго и дѣлая нѣсколько допущеній тамъ, гдѣ необходимыя цифры отсутствуютъ [1]), вычисляетъ приблизительную выкупную сумму, причитающуюся въ среднемъ на 1 ревизскую душу въ названной губерніи. Получается 49 р. 5 к. Цифра эта, выведенная на основаніи данныхъ по одной изъ самыхъ богатыхъ губерній, будетъ скорѣе слишкомъ высока, чѣмъ слишкомъ низка, говоритъ Чернышевскій, если мы распространимъ ее на всю Россію. Аналогичныя вычисленія по бѣдной сравнительно Смоленской губ. даютъ результатъ гораздо меньшій, не 49 р. 5 к., а менѣе 30 р. въ среднемъ на душу. При численности крѣпостного населенія въ 10.844.902 души (ревизскія) на выкупъ всей надѣльной земли по нормѣ 49 р. 5 к. понадобилось бы 531.942.443 р. 10 к. „Какъ далеко отъ этой цифры до страшныхъ полутора или двухъ милліардовъ рублей серебромъ, о которыхъ обыкновенно говорятъ!“ замѣчаетъ, закончивъ этотъ расчетъ, Чернышевскій.

Конечно, эти цифровые выводы могли быть только приблизительными. Чернышевскій и самъ, какъ мы видѣли, не разъ указываетъ и подчеркиваетъ въ своей статьѣ, что для точнаго вычисленія выкупныхъ цифръ нѣтъ еще достаточныхъ фактическихъ данныхъ. Ихъ еще нужно собрать. Онъ взялъ цифры Журавскаго и Соловьева, какъ единственный объективный матеріалъ, имѣющійся налицо. И расчетъ, основанный на этихъ единствен-

[1]) Съ общей стоимости крѣпостной земли Чернышевскій сбрасываетъ 20% какъ долю, соотвѣтствующую цѣнности обязательнаго труда, не подлежащаго выкупу; земли крестьянскаго надѣла онъ принимаетъ въ размѣрѣ $^1/_2$ всѣхъ земель въ барщинныхъ имѣніяхъ и $^7/_8$ въ оброчныхъ; наконецъ, отношеніе барщинныхъ имѣній къ оброчнымъ онъ беретъ какъ 2 : 1 (для Кіевской губ.).

ныхъ объективныхъ данныхъ, привелъ къ результатамъ, рѣзко разнящимся отъ тѣхъ цифръ, которыя фигурируютъ въ исчисленіяхъ, основывающихся исключительно на показаніяхъ одной заинтересованной стороны.

Къ вопросу о нормахъ выкупного вознагражденія Черпышевскій возвращается еще разъ, въ упоминавшейся уже нами статьѣ „Матеріалы къ рѣшенію крестьянскаго вопроса“ („Соврем.“, 1859, X). Здѣсь онъ подходитъ къ нему съ другой точки зрѣнія. Всякая цифра выкупа, выводимая на основаніяхъ юридическихъ, представляется ему условною. Онъ разсматриваетъ отдѣльно положеніе имѣній барщинныхъ и оброчныхъ.

„Крѣпостное право,—говоритъ Черпышевскій,—такъ противно здравому экономическому расчету, что приводитъ къ цифрамъ, рѣшительно несогласнымъ одна съ другою. Возьмемъ одинъ примѣръ. Намъ говорятъ, что въ губерніяхъ, гдѣ средняя пропорція земли у помѣщиковъ 11 десятинъ на душу, земля продается по 40 р. за десятину. Попробуйте же спросить, за сколько можно купить помѣстье въ этихъ сторонахъ. Вамъ отвѣчаютъ: по 250, много по 300 р.. за душу. Скажите же, что это за нелѣпость! При 100 душахъ находится 1.100 дес. земли, каждая десятина стоятъ 40 р., стало-быть, вся земля стоитъ 44.000 р: за сколько же можно купить это помѣстье? Его можно купить за 25.000 р. и дороже 30.000 никто не дастъ. Какъ объяснить такую несообразность? А вотъ какъ. Вся ли дача находится въ пользованіи у помѣщика? Нѣтъ, далеко не вся: десятинъ 400 или 500 отданы въ пользованіе крестьянамъ, и съ этихъ десятинъ помѣщикъ не получаетъ ни одного зерна хлѣба. Если онъ захочетъ отнять у крестьянъ эту или другую десятину, она будетъ имѣть цѣну для него; но, пока она у крестьянъ, онъ не владѣетъ ею, не получаетъ съ нея дохода. Стало-быть, при продажѣ цѣлаго помѣстья сколько десятинъ идетъ въ цѣну? Идутъ въ цѣну только тѣ десятины, которыя остаются въ пользованіи помѣщика, а крестьянскій надѣлъ въ цѣну помѣстья вовсе и не идетъ; эта часть земли, отданная крестьянамъ, какъ будто лежитъ подъ секвестромъ, она безполезна для самого помѣщика. Въ имѣніяхъ, которыя находятся на барщинѣ, вся цѣнность ограничивается цѣной земли, которая остается у помѣщика, да степенью пользы, какую онъ получаетъ отъ обязательнаго труда. Но право на личность въ барщинныхъ имѣніяхъ, по согласію самихъ собственниковъ, рѣшено отмѣнить безъ всякаго вознагражденія. Въ чѣмъ остается вся цѣнность имѣнія? Она остается въ той части земли, которая до сихъ поръ находилась въ пользованіи помѣщика. Уменьшается ли эта цѣнность съ отмѣною крѣпостного права? Конечно, нѣтъ. Обязательный трудъ только понижалъ ея возможную доходность. Онъ сокращалъ необходимый расходъ, но въ гораздо большей степени уменьшалъ и тотъ доходъ, который могъ бы получиться при приложеніи къ той же землѣ свободнаго, оплачиваемаго труда“.

„Крѣпостное право,—говоритъ Чернышевскій въ другомъ мѣстѣ [1]),— это истинное подобіе рѣшета, въ прорѣхи котораго вытекаетъ рѣшительно вся цѣнность, находящаяся въ немъ. Мужикъ трудится на васъ цѣлый годъ—это правда, земли у васъ много—и это правда. Но вы все-таки разоряетесь съ каждымъ годомъ больше и больше; ваша земля и съ мужиками заложена и перезаложена, и какъ хотите высоко цѣните стоимость обязательнаго труда и земли, уступленной крестьянамъ,—цѣните ихъ хотя въ 10.000 рублей за душу, а въ результатѣ все-таки оказывается, что съ земли, уступленной крестьянамъ, вы не получаете ни копейки: она служитъ только къ прокормленію крестьянъ; а прокормленіе крестьянъ служитъ только къ тому, чтобы они работали на васъ; а изнурительная работа ихъ на васъ служитъ только къ тому, что вы съ вашихъ господскихъ полей получаете съ десятины по 20 р., вмѣсто того, что получали бы по 40 или 50 руб., если бы крѣпостного права не было. Такъ вотъ оно, каково дѣло: половина полей вашего помѣстья служитъ только къ тому, чтобы другая половина приносила вамъ гораздо меньше дохода, нежели получалось бы вами съ нея тогда, когда бы другая половина не принадлежала къ вашей собственности. Что же вы теряете, лишаясь этой другой, убыточной для васъ, половины? Ровно то же самое, что теряетъ больной, лишаясь ревматизма, не дающаго ему владѣть правой рукой, или мозолей, мѣшающихъ ему ходить!“

Казанской губ., Чебоксарскаго у. Чувашъ (азямъ—кафтанъ).

Гдѣ же основаніе для права требовать какого-либо вознагражденія за отчужденіе этой половины?

Въ оброчныхъ имѣніяхъ нѣтъ господской запашки; взамѣнъ того помѣщикъ получаетъ оброкъ. Законная величина этого оброка должна соотвѣтствовать тому доходу, который получался бы съ барской запашки, если бы она обрабатывалась непосредственно въ пользу помѣщика. Величина этого дохода должна служить основаніемъ и для исчисленія выкупной суммы. Нужно сначала опредѣлить, какая доля земли оставалась бы за помѣщикомъ при надѣленіи крестьянъ по нормѣ барщинныхъ помѣстій, а затѣмъ вычислить, сколько она могла бы приносить чистаго дохода (за вычетомъ всѣхъ необходимыхъ издержекъ).

Но много ли найдется такихъ имѣній, въ которыхъ вычисленная такимъ способомъ „законная цѣнность“ представляла бы не только значительную.

[1]) «Трудень ли выкупъ земли?» Полн. собр. соч., т. IV, 370.

но просто какую-нибудь положительную величину? „Извѣстно,—говоритъ Чернышевскій,—что за исключеніями, чрезвычайно немногочисленными, имѣніе переводится съ барщины на оброкъ только тогда, когда земли слишкомъ мало или когда она неудобна для хлѣбопашества; подъ тотъ или другой случай изъ этихъ случаевъ подходятъ 99 изъ 100 оброчныхъ имѣній“. Вполнѣ возможно, значитъ, что въ результатѣ вычисленія мы получимъ цифры съ отрицательнымъ знакомъ. А между тѣмъ владѣльцы такихъ имѣній въ настоящее время получаютъ съ нихъ доходъ, иногда даже значительный, въ видѣ оброка, платимаго крестьянами. Не значитъ ли это, что самый пріемъ вычисленія невѣренъ? Нѣтъ, отвѣчаетъ Чернышевскій, это показываетъ только, что есть помѣстья (а такихъ среди оброчныхъ имѣній большинство), въ которыхъ существующіе оброки являются нарушеніемъ даже крѣпостного права. „Крѣпостное право состоитъ въ присвоеніи владѣльцу земли власти принуждать поселенныхъ на этой землѣ крестьянъ къ земледѣльческой работѣ въ личную его пользу. Замѣтимъ,—говоритъ Чернышевскій,—слова „къ земледѣльческой работѣ“. Да, только къ ней, ни къ какой другой. Даже по судебной и полицейской практикѣ изъ крѣпостного права вытекаетъ только земледѣльческая работа,—никакая другая... Слѣдовательно, если оброкъ получается съ какого-нибудь другого занятія, кромѣ земледѣлія, онъ является только произвольною замѣною земледѣльческой барщины, которая одна установлена закономъ, какъ принадлежность крѣпостного права. Что же теперь? Если есть помѣстья, въ которыхъ или по малоземелью или по безплодію почвы веденіе земледѣльческаго хозяйства на основаніи крѣпостного права или не можетъ давать порядочнаго дохода помѣщику или даже не можетъ прокармливать крестьянъ и, слѣдовательно, обращается въ убытокъ помѣщику,—если есть такія помѣстья, что изъ этого слѣдуетъ? Слѣдуетъ то, что законное крѣпостное право, т.-е. обработка земли обязательнымъ трудомъ, не примѣняется къ такимъ помѣстьямъ: они не имѣютъ экономической возможности существовать при ней; они выходятъ за границы, которыми законъ опредѣляетъ крѣпостное право. Какъ бы ни думалъ кто изъ насъ о крѣпостномъ правѣ, но въ этихъ помѣстьяхъ происходитъ нѣчто противное даже крѣпостному праву. А кромѣ крѣпостного права, нашъ законъ не признаетъ другихъ основаній для права на личность. Итакъ, если есть въ какихъ-нибудь оброчныхъ помѣстьяхъ такой оброкъ, который выше дохода, доставляемаго въ тѣхъ помѣстьяхъ земледѣліемъ, этотъ оброкъ есть нарушеніе крѣпостного права и весь излишекъ оброка надъ земледѣльческимъ доходомъ не имѣетъ юридическаго основанія и существуетъ только какъ злоупотребленіе. Только земледѣльческій трудъ подлежитъ крѣпостному праву въ законномъ смыслѣ слова; только на цѣнности, доставленныя земледѣльческимъ трудомъ, простирается крѣпостное право. За этимъ предѣломъ денежные сборы лишены юридическаго основанія“.

Такъ стоитъ вопросъ по отношенію и къ барщиннымъ, и къ оброчнымъ имѣніямъ. Въ первыхъ, говоритъ Чернышевскій, резюмируя сущность всѣхъ предшествовавшихъ разсужденій, „цѣнность помѣстья опредѣлялась исключительно тою частью помѣстья, которая оставалась въ личномъ пользованіи помѣщика; земля, бывшая въ крестьянскомъ надѣлѣ, нимало не увеличивала продажной цѣнности имѣній; слѣдовательно, съ отдѣленіемъ крестьянской части отъ помѣстья цѣнность помѣстья не умепьшается. Отъ вознагражденія за право на личность помѣщики сами отказались и поступили справедливо, потому что въ барщинныхъ имѣніяхъ это право было для нихъ источникомъ не выгодъ, а убытковъ. Въ оброчныхъ имѣніяхъ почти весь оброкъ вытекалъ изъ нарушенія законныхъ основаній крѣпостного права“.

При такомъ положеніи вещей можно ли видѣть какія-либо юридическія основанія для вознагражденія помѣщиковъ? Конечно, нѣтъ. Если о вознагражденіи идетъ рѣчь, нужно поискать для него другихъ основаній. Эти основанія могутъ лежать только въ соображеніяхъ „государственной пользы и житейской справедливости“. Только съ этой точки зрѣнія можно оправдывать денежный выкупъ отчуждаемыхъ отъ помѣщика земель.

„Государственная польза,—говоритъ Чернышевскій,—требуетъ, чтобы ни одно сословіе не терпѣло убытковъ. Справедливость требуетъ, чтобы выкупъ не превышалъ мѣры дѣйствительной надобности въ немъ для помѣщиковъ. На этомъ основаніи размѣръ выкупа можетъ быть опредѣленъ такой, что національное чувство останется довольно“.

Разсматривая далѣе, какая именно величина выкупа могла бы считаться удовлетворяющею обоимъ этимъ требованіямъ, Чернышевскій останавливается на цифрѣ 70—90 р. на ревизскую душу [1]). При такомъ размѣрѣ выкупа владѣльцы барщинныхъ имѣній, имѣющихъ довольно земли, за вычетомъ долговъ въ кредитныя учрежденія получили бы сумму, достаточную для устройства земледѣльческаго хозяйства съ наемною платою; владѣльцамъ имѣній оброчныхъ выкупная сумма дастъ возможность, при производительномъ ея употребленіи получать доходъ, близкій къ такой величинѣ существующихъ оброковъ, какая считается не обременительной для крестьянъ.

Съ другой стороны, при нормахъ выкупа въ 70—90 р. на душу выкупная операція можетъ быть выполнена безъ особаго напряженія платежныхъ силъ крестьянства и финансовыхъ рессурсовъ казны. Общій итогъ выкупной суммы Чернышевскій опредѣляетъ приблизительно въ 812.500.000 р. Въ статьѣ „Трудепъ ли выкупъ земли?“ онъ предлагаетъ нѣсколько плановъ производства выкупной операціи, при разныхъ величинахъ выкупной суммы (въ

[1]) Къ этой же цифрѣ и по аналогичнымъ (хотя и не тождественнымъ) основаніямъ Чернышевскій приходитъ и во второй части статьи «Трудепъ ли выкупъ земли». Но въ позднѣйшей, цитуемой нами статьѣ его точка зрѣнія развита полнѣе и опредѣленнѣе. Поэтому на этой статьѣ мы и останавливаемся.

532 милл. или 812½ милл.), разныхъ срокахъ окончанія всей операціи и при разныхъ размѣрахъ участія государства своими средствами въ осуществленіи выкупа. Мы не имѣемъ возможности передавать здѣсь сущность всѣхъ этихъ плановъ. Отмѣтимъ только двѣ ихъ основныя черты. Во-1-хъ, Чернышевскій считалъ совершенно необходимымъ, чтобы выполненіе всей операціи взяло на себя государство; обязательныя отношенія между помѣщиками и крестьянами должны были окончиться немедленно, и тѣ и другіе должны были имѣть расчетъ только съ казной. Во-2-хъ, ни при какихъ условіяхъ обязательные платежи, вносимые крестьянами, не должны были превышать извѣстной, умѣренной нормы; такою нормою Чернышевскій считалъ 3 р. въ годъ съ души, т.-е. ту сумму, на которую, въ среднемъ, подушная подать крѣпостныхъ крестьянъ была менѣе окладовъ подати крестьянъ государственныхъ. Чернышевскій находилъ наиболѣе справедливымъ, чтобы весь выкупъ взяло на себя государство, т.-е. чтобы покрылся онъ средствами всего населенія, такъ какъ все населеніе выигрывало отъ уничтоженія крѣпостного права; но при умѣренныхъ размѣрахъ выкупной суммы онъ допускалъ мыслимость и такой формы операціи, при которой вся эта сумма покрывалась бы однимъ крестьянскимъ платежами. Но и въ такомъ случаѣ годовой окладъ этихъ платежей не долженъ былъ превышать указанной выше нормы. Могъ растягиваться или сокращаться только срокъ окончательной ликвидаціи выкупа, но никакъ не размѣръ годовыхъ крестьянскихъ платежей.

Таковы основныя линіи воззрѣній Чернышевскаго по вопросамъ, связаннымъ съ выкупомъ. Мы старались передать сущность этихъ воззрѣній возможно полнѣе и по возможности собственными словами Чернышевскаго. Но именно по даннымъ вопросамъ выступленія Чернышевскаго вызывали въ свое время наиболѣе ожесточенныя нападки [1]). И эти нападки вполнѣ понятны— какъ бы мало ни были онѣ основательны: велась вѣдь упорная борьба около интересовъ вполнѣ реальныхъ. Расколола она и помѣщичій лагерь. Либераль-

---

[1]) Чернышевскому пришлось считаться съ этими нападками даже во время своего процесса въ Сенатѣ. Въ одномъ изъ заявленій, поданныхъ по этому дѣлу, онъ даетъ объясненія по поводу найденнаго въ его бумагахъ анонимнаго письма-пасквиля, авторъ котораго, желая доказать революціонную злонамѣренность Чернышевскаго, восклицаетъ: «Вспомните, въ какую цифру вы оцѣнили наши земли!» «Эти слова,—говоритъ Чернышевскій, -показываютъ истинный источникъ бывшихъ обо мнѣ слуховъ, какъ о человѣкѣ злонамѣренномъ: сословное раздраженіе той части дворянъ землевладѣльцевъ, которая была недовольна освобожденіемъ крѣпостныхъ крестьянъ». «Видя,—объясняетъ далѣе Чернышевскій,—что, съ одной стороны, напоръ на правительство по этому дѣлу очень силенъ, я считалъ полезнымъ противодѣйствовать этому наивозможно сильнымъ отстаиваніемъ низкихъ цифръ, чтобы правительство имѣло возможность остановиться на умѣренныхъ, возможныхъ величинахъ выкупа». (См. Мих. Лемке. «Политическіе процессы М. П. Михайлова, Д. И. Писарева и Н. Г. Чернышевскаго», Спб. 1907, стр. 376).

ный „сѣверъ“ стоялъ за обязательный выкупъ. Но въ либеральной кадкѣ меда была и изрядная ложка дегтя: помѣщики нечерноземной полосы, сидѣвшіе на мало плодородныхъ земляхъ, желали получить вознагражденіе и за освобождаемыя крестьянскія „души“. Плантаторскій „югъ“ не особенно цѣпилъ эти души, но крѣпко цѣплялся за свой черноземъ и не желалъ никакого выкупа. А обязательнаго тѣмъ паче. Чернышевскій, стоявшій за интересы третьей стороны, — крестьянъ, которымъ въ дѣлѣ выкупа шла угроза и съ сѣвера и съ юга, долженъ былъ вести борьбу на два фронта и принимать на себя удары отъ защитниковъ и того и другого. И быть - можетъ, даже особое раздраженіе вызывало не столько „низкія цифры“, которыя онъ считалъ нужнымъ наивозможно сильно „отстаивать“ [1]), сколько тѣ принципіальныя точки зрѣнія, которыя были выдвинуты въ его энергическомъ выступленіи противъ господствовавшаго теченія.

Псковской губ. Армякъ.

Но теченіе это было слишкомъ сильно. Слишкомъ большой вѣсъ для рѣшающихъ сферъ имѣли тѣ интересы, которые перегибали палку въ помѣщичью сторону, чтобы усилія людей, стремившихся ее выпрямить, могли оказаться результатными. Мы знаемъ, что въ Положеніи 19 февраля по отношенію къ выкупу принято было рѣшеніе, среднее между двумя направленіями помѣщичьихъ требованій, не удовлетворявшее ни тѣхъ, ни другихъ и особенно тяжело ложившееся на крестьянство. Выкупъ былъ введенъ въ законъ, но не обязательный и не общій: онъ былъ добровольный для помѣщиковъ и обязательный только для крестьянъ, когда этого потребуетъ помѣщикъ. Жизнь, въ концѣ-концовъ, заставила прійти къ общему принудительному выкупу. Но понадобились для этого десятки лѣтъ, на которые затянулась ликвидація земельныхъ отношеній.

Выкупныя оцѣнки, въ зависимости отъ высокихъ нормъ, установленныхъ для оброковъ, оказались непомѣрно тяжелыми. Сознавалось это уже при редактированіи Положенія; но помѣщичьи требованія оказались властными и рѣшающими. Среднюю цифру оброка можно принять въ 9 руб. (8—12); при установленномъ % капитализаціи (6%) это давало около 150 руб. на душу.

---

[1]) Выкупныя нормы, которыя принималъ въ окончательномъ выводѣ Чернышевскій (70—90 р. на душу), очень близки къ Кавелинской средней—81 р. 25 к., не возбуждавшей негодованія, по крайней мѣрѣ, въ либеральномъ лагерѣ.

Казна принимала на себя посредничество въ $^4/_5$ этой суммы. Значитъ, въ среднемъ выкупная ссуда составила около 120 руб.

Въ дѣйствительности помѣщики получили менѣе этой суммы, такъ какъ ссуды выдавались бумагами, стоявшими ниже pari. Крестьяне же, благодаря построенію выкупной операціи, заплатили много болѣе. И все-таки оставались съ громаднымъ долгомъ, когда казна получила полное возмѣщеніе своихъ издержекъ.

Только въ послѣдніе, революціонные годы тяжелое бремя выкупныхъ платежей ликвидировано окончательно. Но далеко не изгладились еще тѣ слѣды, которые они оставили на крестьянскомъ благосостояніи.

IV.

Вопросы, о которыхъ мы говорили до сихъ поръ, принадлежатъ уже исторіи. Вопросъ о крестьянской земельной общинѣ и теперь является злобой дня. Чернышевскій придавалъ общинѣ огромное значеніе и всѣми силами своего таланта боролся противъ плановъ насильственнаго ея разрушенія. Его практическіе лозунги въ данномъ вопросѣ были просты и ясны: онъ стоялъ за предоставленіе крестьянской общинѣ, такъ, какъ она есть, возможности свободно существовать и свободно развиваться. Тогда опасность, надвигавшаяся на общину, прошла мимо. Теперь мы имѣемъ дѣло уже не съ опасностью, а со свершающимися фактами. Процессъ разрушенія общины идетъ передъ нашими глазами. Это придаетъ работамъ Чернышевскаго особый интересъ. Несмотря на полвѣка, насъ отъ нихъ отдѣляющіе, онѣ, оказывается, и до сихъ поръ не потеряли значенія современности. Но, конечно, полвѣка прожиты не даромъ. Передъ нами не та картина, которая развертывалась предъ глазами Чернышевскаго. Измѣнились и общія условія, и знаемъ мы теперь объ общинѣ гораздо болѣе, чѣмъ это возможно было въ то время, когда писалъ Чернышевскій. Тогда только намѣчались въ общихъ чертахъ тѣ процессы, которые мы уже могли прослѣдить за истекшее полстолѣтіе. И самый характеръ сужденій тогда и теперь иной. Тогда онъ непзбѣжно долженъ былъ быть абстрактный, дѣло шло о самыхъ *принципахъ* общиннаго землепользованія и частной собственности. Теперь предъ нами стоятъ уже совершенно конкретныя задачи. Поэтому въ работахъ того времени мы не можемъ искать готовыхъ рецептовъ для сегодняшняго дня. Но уже полвѣка назадъ въ статьяхъ Чернышевскаго объ общинѣ крупными, но твердыми штрихами набросана была общая схема, не потерявшая значеніе и до сего дня. Пути для пзслѣдованія общины были проложены, и главнѣйшія вѣхи на нихъ твердо построены.

Великороссіяне Бирюченскаго уѣзда. (Съ натуры. Альбомъ Павлова 1862 г.).

Первыя статьи Чернышевскаго объ общинѣ [1]) появились наканунѣ открытія работъ по крестьянской реформѣ. Россія стояла на перепутьи между старымъ и новымъ порядкомъ жизни. Въ экономическомъ ея строѣ еще сохранялись черты патріархальнаго уклада. Производство было слабо и методы его крайне несовершенны. И изъ всѣхъ отраслей экономической дѣятельности наиболѣе отсталою представлялась та, которая составляла основную силу страны и служила средствомъ существованія для значительнѣйшей части народа—именно земледѣліе. Но ясно намѣчались уже признаки неизбѣжныхъ крупныхъ перемѣнъ. „Каждому очевидно,—говоритъ Чернышевскій [2]),—что съ окончаніемъ нашей послѣдней войны начинается для Россіи болѣе дѣятельное, нежели когда-либо, участіе въ общемъ европейскомъ экономическомъ движеніи. Каждый видитъ, что наша промышленная дѣятельность начинаетъ очень быстро усиливаться. Наши собственные капиталы, нравственные и матеріальные, выходятъ изъ своего летаргическаго бездѣйствія; иноземные капиталы начинаютъ находить у насъ выгодное и безопасное помѣщеніе, и отчасти уже перенеслись въ нашу страну очень значительной массой, отчасти готовятся въ скоромъ времени перенестись къ намъ въ массахъ еще гораздо болѣе значительныхъ“. Россія стоитъ наканунѣ вступленія въ новый періодъ экономическаго развитія, тотъ періодъ, „когда къ экономическому производству прилагаются капиталы. Характеръ дѣятельности производящихъ классовъ и самый бытъ ихъ необходимо долженъ подвергнуться отъ того великимъ измѣненіямъ“. Въ самомъ дѣлѣ, „приложеніемъ капиталовъ къ производству не только увеличиваются массы продуктовъ, но измѣняется и самый порядокъ производства. Различіе между хворостомъ или кизякомъ и каменнымъ углемъ, между проселочною и желѣзною дорогою не болѣе значительно, нежели различіе между порядкомъ патріархальной экономической дѣятельности и дѣятельности, совершающейся силою машинъ, капиталовъ и другихъ экономическихъ отношеній и двигателей, свойственныхъ новѣйшему времени. Различіе между черемисомъ и англичаниномъ не болѣе значительно, нежели различіе между земледѣльческими методами, по которымъ обрабатываются поля того и другого“ [3]).

Предстояла ломка всего привычнаго обихода жизни, устоявшихся формъ и отношеній. „Волею или неволею,— говоритъ Чернышевскій,— мы должны

---

[1]) «Замѣтки о журналахъ.—Славянофилы и вопросъ объ общинѣ», въ майской книжкѣ «Современника», 1857 г., «Studien» Гакстгаузена въ «Соврем.», 1857, VIII; «О поземельной общинѣ» (I—«Соврем.», 1857 г., сентябрь, и II—1857 г., ноябрь); «Отвѣтъ на замѣчанія г. Провинціала» (на статью «О поземельной собственности»), «Соврем.», 1858, III. Затѣмъ слѣдовали статьи: «Критика философскихъ предубѣжденій противъ общиннаго землевладѣнія» («Соврем.», 1858, XII); «Экономическая дѣятельность и законодательство» («Соврем.», 1859, II) и «Суевѣріе и правила логики» («Соврем.», 1859, X).

[2]) «Studien» Гакстгаузена, «Соврем.», 1857, VIII.

[3]) «Studien». Полн. собр. сочин., стр. 210—11.

будемъ въ матеріальномъ быту жить такъ, какъ живутъ другіе народы. До сихъ поръ семейство нашихъ поселянъ покупало только соль, колеса, вино, сапоги, кушаки, серьги и проч. и проч., — все остальное производилось домашнимъ хозяйствомъ: и сукно, и ткань для женскаго платья, и бѣлье, и обувь, и мебель, и самая изба съ печью. Скоро будетъ не то: домашнее сукно смѣнится на поселянинѣ покупнымъ фабричнымъ (мы не знаемъ, замѣчаетъ Чернышевскій, будетъ ли онъ покупать фабричное сукно лучшаго сорта, нежели носитъ теперь, но въ томъ нѣтъ сомнѣнія, что его жена разучится ткать сукно); льняныя и поскопныя ткани домашняго издѣлія смѣнятся хлопчатобумажными (которыя, очень можетъ-быть, не будутъ выше ихъ добротою, но все-таки вытѣснятъ ихъ своею дешевизною) и т. д. и т. д.“. „И все это,—прибавляетъ Чернышевскій,—совершится еще на глазахъ нашего поколѣнія въ селахъ, какъ до сихъ поръ совершалось только въ городахъ“ [1]).

Но не все въ томъ, что осталось у насъ отъ патріархальнаго строя, представляло только отрицательныя стороны. Что формы патріархальнаго быта несовмѣстимы съ высокою степенью цивилизаціи—это общепризнанная истина, которая въ глазахъ Чернышевскаго не возбуждала сомнѣній. Но можно ли, исходя отъ этой истины, „отвергать все то, что существуетъ въ патріархальномъ бытѣ, и отъ отрицанія формъ переходить къ отрицанію всѣхъ принциповъ, имѣющихъ корень въ этомъ бытѣ“? Въ нашемъ земледѣльческомъ строѣ, при всѣхъ его несовершенствахъ, сохранились обычаи и формы, исчезнувшіе уже у народовъ, стоящихъ на высшей, чѣмъ мы, ступени экономическаго развитія, но представляющіе высокую внутреннюю цѣнность. Таковы господствующіе среди нашихъ поселянъ общинные порядки пользованія землей. И у насъ есть землевладѣльцы съ юридическимъ полновластіемъ англійскаго или французскаго землевладѣльца, „но они составляютъ, сравнительно съ массою народа, еще очень немногочисленный классъ, понятія котораго о полновластной собственности отдѣльнаго лица надъ землею еще не проникли въ сознаніе массы нашего племени“. Масса народа до сихъ поръ понимаетъ землю какъ общинное достояніе, и количество земли, находящейся въ общинномъ владѣніи, или пользованіи, или подъ общинною обработкою, такъ велико, что масса участковъ, совершенно выдѣлившихся изъ него въ полноправную собственность отдѣльныхъ лицъ, по сравненію съ нимъ, незначительна“ [2]). Неоцѣнимая выгода господствующаго у насъ общиннаго строя заключается въ томъ, что онъ обезпечиваетъ огромному большинству поселянъ пользованіе землею и въ то же время

[1]) «Замѣтки о журналахъ», «Соврем.», 1857, V (см. Полное собраніе сочиненій Н. Г. Чернышевскаго, т. III, 186).

[2]) «Замѣтки о журналахъ», «Соврем.», 1857, V, см. Полн. собр. соч., т. III, 184.

предотвращаетъ неравенство состояній между членами общины. Въ общинѣ мы владѣемъ спасительнымъ учрежденіемъ, избавляющимъ земледѣльческіе классы отъ бѣдности и бездомности. Когда-то община существовала и во многихъ странахъ Запада, но тамъ она исчезла подъ вліяніемъ односторонннихъ стремленій къ полновластной собственности отдѣльныхъ лицъ.

Чернышевскій предвидитъ опасность, угрожающую существованію общины и у насъ при общей ломкѣ отношеній, сопровождающей неизбѣжно переходъ отъ одного періода экономической жизни къ другому. Предубѣжденіе противъ всего, что имѣетъ источникъ въ патріархальномъ бытѣ, съ одной стороны, и увлеченіе тѣми временными и односторонними выгодами, какія принципъ безграничной поземельной собственности отдѣльнаго лица обѣщаетъ увеличенію производства, съ другой — ведутъ къ укорененію взгляда, что и мы должны внести въ строй нашихъ земледѣльческихъ учрежденій тѣ же начала, которыя господствуютъ въ хозяйственной жизни Западной Европы. Но было бы великимъ несчастіемъ, если бы это мнѣніе стало господствующимъ. И именно, примѣръ Западной Европы долженъ бы научать насъ съ особою бережностью относиться къ сохранившимся въ нашей земледѣльческой жизни бытовымъ формамъ земельнаго пользованія.

Вятской губ., Малмыжскаго у. Кафтанъ.

„Обезпеченіе частныхъ правъ отдѣльной личности, — говоритъ Чернышевскій, — было существеннымъ содержаніемъ западно-европейской исторіи въ послѣднія столѣтія. Цѣль эта въ значительной мѣрѣ и достигнута на Западѣ. Право собственности почти исключительно перешло тамъ въ руки отдѣльнаго лица и ограждено чрезвычайно прочными, неукоснительно соблюдаемыми гарантіями. Но какъ всякое одностороннее стремленіе, и этотъ идеалъ исключительныхъ правъ отдѣльнаго лица имѣетъ свои невыгоды, которыя стали обнаруживаться чрезвычайно тяжелымъ образомъ, едва онъ приблизился къ осуществленію. Одинаково тяжело для народнаго благоденствія легли эти вредныя слѣдствія на обоихъ важныхъ источникахъ народнаго благосостоянія, на земледѣліи и промышленности. Отдѣльный человѣкъ, ставши независимымъ, оставленъ былъ безпомощнымъ. Рядомъ съ ростомъ производства шло обѣднѣніе населенія. Съ одной стороны, возникли тысячи богачей, съ другой — милліоны бѣдняковъ. По роковому закону безграничнаго соперничества, богатство первыхъ должно все возрастать, сосредоточиваясь все въ меньшемъ и меньшемъ числѣ рукъ, а положеніе бѣдняковъ должно стано-

виться все тяжеле и тяжеле. Для девяти десятыхъ населенія передовыхъ странъ создалось такое противоестественное положеніе, что необходимо должны были явиться новыя стремленія, которыми отстранялись бы невыгоды прежняго односторонняго идеала. Подлѣ понятія о правахъ отдѣльной личности возникла идея о союзномъ пользованіи и производствѣ [1]) между людьми. Въ земледѣліи оно должно выразиться переходомъ земли въ общинное пользованіе".

Введеніе лучшаго порядка дѣлъ чрезвычайно затруднено въ Западной Европѣ безграничнымъ расширеніемъ юридическихъ правъ отдѣльной личности и тѣми привычками, которыя окрѣпли подъ его вліяніемъ въ населеніи. Для осуществленія союзнаго производства тамъ, гдѣ вся жизнь сложилась подъ воздѣйствіемъ совсѣмъ другихъ началъ, нужно перевоспитать цѣлые народы. У насъ, благодаря господству общиннаго землевладѣнія, тѣ привычки, которыя нужно создать на Западѣ, существуютъ, какъ бытовой фактъ.

Противники общины утверждаютъ, что общественная поземельная собственность или общинное поземельное пользованіе — только остатки кочевого состоянія племенъ, когда нѣтъ побужденій для личной поземельной собственности; при развитіи сельскаго хозяйства и размноженіи населенія являются въ этомъ порядкѣ дѣлъ неудобства, заставляющія желать его прекращенія. Но, говоритъ Чернышевскій, „при еще большемъ развитіи населенія и сельскаго хозяйства являются вновь необходимыя причины желать его возвращенія, какъ доказываетъ примѣръ Западной Европы". „Итакъ, мы имѣемъ три періода: первый періодъ развитія—удобнѣе общинное пользованіе; второй періодъ—оно имѣетъ свои неудобства; третій, совершеннѣйшій періодъ (въ который вступаетъ Западная Европа)—общинное пользованіе вновь становится необходимостью". Но „дѣйствительно ли,—спрашиваетъ Чернышевскій,—даже во второмъ періодѣ благія слѣдствія общиннаго пользованія перевѣшиваются его невыгодами? Если при развитіи населенія и хозяйства являются не существовавшія прежде удобства на сторонѣ полновластной личной собственности, то исчезаютъ ли всѣ выгоды со стороны общиннаго пользованія"? Конечно, нѣтъ. „Оно обезпечиваетъ каждому члену общины право на участіе въ пользованіи; оно обезпечиваетъ существованіе каждаго отдѣльнаго члена общины, доставляя ему право на землю. Безъ него большинство населенія лишается недвижимой собственности и замѣняющаго ея права пользованія недвижимою собственностью; а положеніе массы пролетаріевъ всегда бѣдственно, потому надобно еще взвѣсить, который изъ двухъ порядковъ болѣе благопріятенъ благосостоянію всего общества—степень этого благосостоянія зависитъ не только отъ массы производимыхъ цѣнностей, но и отъ

[1]) Разрядка наша. Н. А.

ихъ распредѣленія“. Чернышевскій беретъ два гипотетическихъ участка, одинаковыхъ по пространству (5.000 десят.) и по числу населенія (400 семей по 5 человѣкъ); одинъ изъ нихъ раздѣленъ на 30 фермъ съ улучшеннымъ хозяйствомъ второго періода, другой—находится въ общинномъ пользованіи. Фермерскій участокъ даетъ 20 р. съ десятины, а общинный—только 12 р. Общій доходъ со всего участка въ первомъ случаѣ будетъ 100.000 р.; но изъ этой суммы только небольшая доля достанется большинству населенія, стоящему въ положеніи наемныхъ работниковъ: если принять, что рента землевладѣльца составляетъ 5 р. съ десятины, а наемная плата работнику 6 р., то на 369 рабочихъ семей придется 30.000 р. или 81 р. 25 к. на каждую. Второй участокъ приноситъ только 60.000 р. дохода, но всѣ они распредѣляются поровну между 400 семьями земледѣльцевъ, на каждую семью по 150 р.

„Выводъ ясенъ: на второмъ участкѣ масса населенія пользуется почти вдвое большимъ благосостояніемъ, хотя масса производимыхъ цѣнностей почти вдвое больше на первомъ участкѣ. Что кому милѣе, тотъ тому и отдаетъ предпочтеніе: Мишелю Шевалье усиленіе производства—альфа и омега экономической мудрости; онъ пожелаетъ участокъ съ общиннымъ пользованіемъ обратить въ участокъ съ фермами. Намъ,—говоритъ Чернышевскій,—кажется, что это было бы разорительно для огромнаго большинства населенія (для 369 семействъ, служа въ пользу только 31 семейству), потому общинное пользованіе мы считаемъ выгоднымъ для націи сохранить на второмъ участкѣ даже во время того періода, когда оно задерживаетъ успѣхи производства“ [1]).

Подольской губ., Могилевскаго у. Верхняя одежда „свитка“.

Для Чернышевскаго требованія народнаго благосостоянія являлись верховнымъ критеріемъ при рѣшеніи всѣхъ экономическихъ вопросовъ. Но вопросъ о значеніи общины во второмъ періодѣ онъ подвергаетъ все-таки и дальнѣйшему анализу съ точки зрѣнія интересовъ производства. „Мы сдѣлали старой школѣ экономистовъ уступку,—говоритъ онъ,—предполагая, что общинное пользованіе дѣйствительно само по себѣ невыгодно для успѣховъ сельскаго хозяйства во второмъ періодѣ (который продолжался для Европы до конца наполеоновскихъ войнъ); что оно само по себѣ значительно уменьшаетъ массу производства. Но такъ ли это?“ Перебирая ходячія возраженія противъ общи-

---

[1]) «Замѣтки о журналахъ» («Соврем.», 1857, V, Полн. собр. сочин., III, 190—91). Разрядка наша. Н. Л.

ны, Чернышевскій находитъ, что только два изъ нихъ могутъ заслуживать вниманія. Все, что было говорено противъ общиннаго пользованія „у западныхъ экономистовъ старой школы и у ихъ русскихъ послѣдователей, сводится къ двумъ мыслямъ: общинное землевладѣніе не допускаетъ удобренія и улучшенія земли; община убиваетъ энергію въ человѣкѣ“.

„Кромѣ этихъ двухъ избитыхъ и давно опровергнутыхъ мыслей,—говоритъ Чернышевскій,—вы ничего не найдете сказать противъ принципа общиннаго пользованія землею, хотя насыпаны по этому поводу цѣлыя горы возраженій экономистами старой школы“. Но „изъ двухъ мыслей, попавшихъ въ эти горы фразъ, одна: „общинное пользованіе не допускаетъ удобренія и улучшенія земли“, касается только одного способа общиннаго пользованія съ ежегоднымъ передѣломъ земли и нимало не касается другого способа—общиннаго пользованія съ продолжительными сроками. Еще менѣе касается она самаго принципа общиннаго пользованія землею, допускающаго и третій способъ пользованія, кромѣ двухъ названныхъ, именно: общинное пользованіе землею безъ передѣла земли между членами общины. Наконецъ, принципъ общинной собственности на землю не входитъ даже и въ объемъ этой мысли, относящейся единственно къ понятію пользованія, а не къ существенно отличному отъ него понятію собственности. Не говоримъ уже о томъ, что ей чуждо различіе между понятіями полновластной и ограниченной собственности. Другая мысль: „община убиваетъ энергію въ человѣкѣ“, относится не къ сферѣ экономическихъ, а къ сферѣ нравственно-историческихъ наукъ и рѣшительно противорѣчитъ,—говоритъ Чернышевскій,—всѣмъ извѣстнымъ фактамъ исторіи и психологіи, доказывающимъ, напротивъ, что въ союзѣ укрѣпляется умъ и воля человѣка“.

Всѣ замѣчанія, разсѣянныя въ статьѣ, изъ которой сдѣлано большинство приведенныхъ выдержекъ [1]), Чернышевскій сводитъ, въ заключеніе, къ шести слѣдующимъ положеніямъ:

„1) Принципъ общиннаго пользованія землею самъ по себѣ не можетъ быть признанъ несовмѣстнымъ съ успѣхами сельскаго хозяйства. 2) Напротивъ, по достиженіи государствомъ извѣстной степени экономическаго развитія, опредѣляемой сильнымъ развитіемъ торговли и устройствомъ улучшенныхъ путей сообщенія (пароходства и желѣзныхъ дорогъ), общинное пользованіе землею представляется единственнымъ средствомъ избавить огромное большинство земледѣльческаго населенія отъ бѣдствій, соединенныхъ съ батрачествомъ и нищетою, необходимымъ слѣдствіемъ батрачества. 3) Англія и Франція вступили уже въ этотъ періодъ. 4) Даже и въ предшествующее время, когда при слабомъ развитіи торговли и путей сообщенія дѣйствія за-

---

[1]) «Замѣтки о журналахъ», въ «Современникѣ», 1857, V. См. Полн. собр. сочи н., т. III стр. 180—200.

кона безграничной конкуренціи не были бы еще такъ ощутительны, минмыя неудобства общиннаго пользованія землею для успленія производства далеко превышаются выгодными слѣдствіями общиннаго пользованія для благосостоянія массы земледѣльческаго населенія. 5) Потому и въ настоящее время благо государствъ, тождественное съ благомъ большинства земледѣльческаго населенія, требуетъ охраненія общиннаго пользованія землею. 6) Всѣ возраженія противъ общиннаго пользованія землею не касаются его принципа, а относятся только къ одному изъ способовъ пользованія (ежегодному передѣлу земель) и легко устраняются при другихъ способахъ, между прочимъ, при передѣлѣ на продолжительные сроки съ вознагражденіемъ отъ общины прежняго обрабатывателя за улучшеніе земли, если по передѣлу участокъ или клинъ участка переходитъ къ другому члену общины".

„Послѣднее положеніе, — замѣчаетъ Чернышевскій,—въ сущности является только развитіемъ перваго, и такимъ образомъ весь рядъ положеній представляется одною цѣльною системою, жизненное значеніе которой сосредоточивается въ пятомъ положеніи" [1]).

Лифляндской губ. Альбомъ 1878 г.

Формулируя эти положенія, Чернышевскій предлагалъ „Экономическому Указателю" И. В. Вернадскаго, главному представителю у насъ воззрѣній той экономической школы, которую Чернышевскій называлъ „отсталою" — опровергнуть эти положенія научнымъ образомъ или признать ихъ справедливыми. „Мы согласны, — прибавляетъ Чернышевскій,— признать всю систему опровергнутою, если будетъ научными доказательствами опровергнуто хотя одно изъ составляющихъ ея положеній".

Вызовъ этотъ былъ принятъ „Экономическимъ Указателемъ" и дальнѣйшее развитіе взглядовъ Чернышевскаго на общину шло въ формѣ диспута съ экономистами „отсталой школы". Мы оставимъ въ сторонѣ полемику Чернышевскаго, часто жестокую и почти всегда остроумную и блестящую, и попытаемся только возстановить, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ (статья наша и безъ того выходитъ изъ законныхъ размѣровъ), положительную сторону развиваемыхъ имъ воззрѣній. Основная схема ихъ набросана была уже въ первой статьѣ („Славянофилы и вопросъ объ общинѣ" въ „Замѣткахъ о журналахъ", май, 1857 г.). Дальнѣйшія статьи только дополняли и развивали эту схему.

---

[4]) Ibid., стр. 196—7.

V.

Первое изъ этихъ дополненій касалось положенія русской сельской общины. Чернышевскій воспользовался для этого, главнымъ образомъ, богатымъ фактическимъ матеріаломъ, находящимся въ извѣстномъ изслѣдованіи Гакстгаузена „Studien über die innern Zustände Russlands“. Гакстгаузена нельзя, однако, считать единственнымъ источникомъ свѣдѣній Чернышевскаго о русской общинѣ; это видно уже изъ тѣхъ поправокъ, которыя мѣстами онъ вноситъ въ указанія нѣмецкаго изслѣдователя. Чернышевскій не идеализируетъ общину. Ни въ господствующемъ типѣ общины съ періодическими передѣлами земли, ни въ еще болѣе близкихъ къ первобытному коммунизму формахъ ея, въ родѣ тѣхъ, какія сохранились у уральскихъ казаковъ, онъ не склоненъ видѣть какого-то идеальнаго устройства общественныхъ отношеній. Но эти формы удовлетворяютъ существующимъ потребностямъ и способны къ дальнѣйшему развитію вмѣстѣ съ измѣненіемъ этихъ потребностей. Община не есть нѣчто застывшее и неподвижное. До сихъ поръ, говоритъ Чернышевскій, сельское хозяйство у насъ стоитъ еще на очень низкой степени развитія. Но, конечно, причины этого лежатъ не въ тѣхъ или иныхъ формахъ землепользованія, а въ общихъ условіяхъ нашей экономической жизни. Усовершенствованныхъ способовъ обработки земли у насъ не примѣняется, но въ нихъ не ощущается и потребности при данныхъ условіяхъ нашего хозяйства. Поскольку же потребность въ улучшеніяхъ реально сказывается, община находитъ способы къ нимъ приспособляться; такъ, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ уже требуется удобреніе полей, краткосрочные передѣлы земли не практикуются, а тамъ, гдѣ, какъ въ большей части черноземной полосы, удобреніе еще не прилагается къ землѣ, передѣлы, хотя бы и ежегодные, не могутъ вредить успѣшному ходу земледѣлія. Но община способна, несомнѣнно, къ воспріятію и болѣе крупныхъ улучшеній: единственный примѣръ искусственнаго травосѣянія Гакстгаузенъ встрѣтилъ на общинныхъ земляхъ меннонитскихъ колонистовъ; ни въ одномъ изъ сотенъ осмотрѣнныхъ имъ помѣщичьихъ хозяйствъ, заведенныхъ по праву полной частной собственности, ничего подобнаго онъ не нашелъ.

Опираясь на авторитетъ Гакстгаузена, Чернышевскій энергически возстаетъ противъ какой-либо принудительной ломки существующихъ общинныхъ порядковъ. Онъ подчеркиваетъ неоднократныя категорическія указанія Гакстгаузена о „государственныхъ достоинствахъ русскаго поземельнаго принципа“, рѣшительно перевѣшивающихъ всѣ его невыгоды, которыя вполнѣ устранимы многими способами, безъ нарушенія самого принципа. Одинъ изъ такихъ способовъ Гакстгаузенъ и указываетъ. Вѣроятно, говоритъ онъ, эти невыгоды „могли бы быть устранены тѣмъ, если бы употреблено было вниманіе на то, чтобы возстановить, особенно въ ма-

Объѣздъ епархіи.

(Карт. *Ковальскаго*).

ленькихъ общинахъ, или посредствомъ раздѣленія большихъ общинъ на маленькіе союзы, первобытный способъ, чрезъ уничтоженіе дѣлежа земли и возстановленіе общаго труда при хлѣбопашествѣ". Гакстгаузенъ думаетъ, что это возможно „у народа, столь привыкшаго слѣдовать духу общинной власти. Что при такомъ общемъ воздѣлываніи земли хлѣбопашество можетъ быть производимо гораздо лучше и раціональнѣе, и что никто не потерпитъ обиды отъ этого, когда раздѣлъ земли замѣнился бы раздѣломъ жатвы", это кажется ему несомнѣннымъ. Чернышевскій считаетъ въ высокой степени важнымъ это мнѣніе Гакстгаузена, прусскаго консерватора, „совершенно далекаго отъ всякой мечтательности и всѣми силами души ненавидящаго то, что онъ называетъ коммунистическими бреднями"; но во всякомъ случаѣ улучшеніе, имъ проектируемое, дѣло будущаго. „Нынѣ,—говоритъ Чернышевскій,—лежатъ на насъ другія дѣла, и при совершеніи ихъ надобно помнить одно: тѣ измѣненія, которыя необходимо должны произойти вслѣдствіе начинающагося участія нашей страны въ экономическомъ движеніи Западной Европы, должны произойти такъ, чтобы наши поселяне, сохраняя свое общинное владѣніе, были предоставлены собственному разсудку въ устройствѣ своихъ домашнихъ дѣлъ" [1]).

Совмѣстимость съ общиною прочныхъ земледѣльческихъ улучшеній, какъ мы уже говорили выше, не представляла сомнѣній для Чернышевскаго. Но онъ идетъ и далѣе. Въ его глазахъ общинный принципъ представляетъ для такихъ улучшеній почву, гораздо болѣе благопріятную, нежели частная собственность.

Личная выгода (говорятъ экономисты старой школы) могущественнѣйшая двигательница всѣхъ улучшеній. Собственникъ навѣки пользуется всѣми выгодами отъ производимыхъ улучшеній; общинникъ же не навѣки, потому что его участокъ не наслѣдственъ, даже не пожизненъ. Потому, очевидно, у собственника больше интереса производить улучшенія, слѣдствія которыхъ долговѣчны, т.-е. самыя важныя улучшенія. Да, если бы вещи дѣйствительно стояли такъ. Если бы принципъ частной собственности дѣйствительно предоставлялъ лицу, производящему прочныя, долговременныя улучшенія, всю выгоду отъ этихъ улучшеній, тогда, соглашается Чернышевскій, онъ дѣйствительно имѣлъ бы въ этомъ отношеніи преимущество предъ общиннымъ владѣніемъ, по крайней мѣрѣ, во второмъ періодѣ національной жизни (отъ начала господства осѣдлости и земледѣльческихъ занятій до начала приложенія капиталовъ въ огромныхъ размѣрахъ къ земледѣлію). Но въ самомъ ли дѣлѣ онъ производитъ такой порядокъ вещей?

Чернышевскій беретъ факты, относящіеся къ двумъ наиболѣе развитымъ націямъ, англичанамъ и французамъ. Въ Англіи господствуетъ система фер-

[1]) «Studien» Гакстгаузена. «Соврем.», 1857, VII. См. Полн. собр. сочин., т. III, стр. 309—10.

мерства, по контрактамъ, обычно заключаемымъ на 7—14 лѣтъ. Собственникъ не участвуетъ въ обработкѣ земли; она въ рукахъ фермера. Фермеръ произвелъ улучшеніе. Кто же пользуется имъ? Самъ фермеръ только по срокъ контракта. А потомъ это улучшеніе будетъ имѣть послѣдствіемъ повышеніе арендной платы. Выгодно ли фермеру тратиться на него? Во Франціи большая часть земли обрабатывается или по системѣ фермерства, или по системѣ половничества. Но послѣднее можетъ существовать только при неразвитости экономическихъ отношеній и постепенно должно уступить мѣсто фермерству. Значитъ, для большей части французской территоріи имѣютъ силу тѣ же условія, что и въ Англіи. Меньшая часть французской земли обрабатывается собственниками, здѣсь были бы выгодны всякія улучшенія. Но дѣло въ томъ, что громадное большинство этихъ собственниковъ, обходящихся безъ фермеровъ, владѣетъ такими ничтожными клочками, на которыхъ невозможны никакія улучшенія. Чернышевскій сравниваетъ (опять при помощи обычнаго своего пріема гипотетическихъ примѣровъ) положеніе общинника и фермера, сдѣлавшихъ затраты на долговременное улучшеніе. Расчетъ оказывается не въ пользу перваго: общинникъ при передѣлѣ можетъ потерять часть произведенныхъ улучшеній; фермеръ теряетъ непремѣнно всю сумму ихъ. Нельзя себѣ представить, чтобы улучшенія могъ произвести, съ выгодою для себя, и собственникъ на землѣ, которая находится не въ его распоряженіи, а въ рукахъ фермера. Да собственники, при господствѣ фермерской системы, обыкновенно и не расположены ни къ какимъ сельско-хозяйственнымъ операціямъ; отдаленный отъ непосредственныхъ дѣлъ сельскаго хозяйства при этомъ порядкѣ дѣлъ собственникъ изъ хозяина обращается въ простого рентьера. Ни знаній ни охоты для производства улучшенія у него нельзя и предполагать. Вообще фермерство наименѣе выгодная для прочныхъ улучшеній система, а между тѣмъ именно эта система наиболѣе типична для сельскаго хозяйства, основаннаго на началѣ частной собственности. Развитіе фермерства идетъ въ Западной Европѣ параллельно развитію сельскаго хозяйства. Три степени экономическаго развитія представляютъ Англія, Франція, Испанія. Въ Англіи, наиболѣе ушедшей впередъ, владычествуетъ фермерство, въ Испаніи, наиболѣе оставшейся позади, владычествуютъ патріархальныя формы; во Франціи онѣ уже начинаютъ уступать фермерству. И Россіи угрожаетъ та же участь. Теперь, говоритъ Чернышевскій, фермеровъ-капиталистовъ у насъ почти нѣтъ. Но скоро можетъ настать эпоха, когда для капитала будетъ выгодно земледѣльческое производство, и едва ли тогда большинство крупныхъ землевладѣльцевъ удержится отъ искушенія промѣнять на беззаботное полученіе ренты отъ фермера-капиталиста хлопотливую возню съ собственнымъ хозяйствомъ. Каковы бы ни были послѣдствія развитія фермерской системы для благосостоянія населенія и для успѣховъ сельскаго хозяйства, для собственника—это нап-

болѣе выгодный способъ отдачи земли въ пользованіе. Это неизбѣжно ведетъ къ расширенію и упроченію фермерства.

Чернышевскій пытается подмѣтить, „каково общее направленіе естественнаго движенія частной собственности: стремится ли она, подъ вліяніемъ принциповъ, ею движущихъ нормальнымъ путемъ, принциповъ наслѣдства, приданаго, дарственныхъ записей и духовныхъ завѣщаній, къ сосредоточенію въ большія массы, или можетъ остаться распредѣленною на участки средней величины, понимая подъ участками средней величины такіе, обладаніе которыми даетъ безбѣдныя средства для жизни человѣку, ихъ обрабатывающему, но не доставитъ ему ренты; или, наконецъ, она стремится къ раздробленію по всему населенію страны?“ Точныхъ статистическихъ данныхъ для отвѣта на эти вопросы нѣтъ, говоритъ Чернышевскій. Поэтому приходится довольствоваться аналитическими построеніями. Одно изъ нихъ и дѣлаетъ Чернышевскій. Онъ хочетъ прослѣдить, какую тенденцію обнаруживаютъ переходы земли по наслѣдованію. Для этого онъ примѣняетъ такой пріемъ. Онъ беретъ изъ „Россійской родословной книги“ 10 родовъ въ одномъ изъ среднихъ поколѣній каждаго; всего 251 лицо мужского пола, и слѣдитъ за тѣмъ, какъ развивались эти родственныя группы въ четвертомъ поколѣніи отъ того, съ котораго начался счетъ. Онъ дѣлаетъ при этомъ предположеніе, что всѣ эти роды владѣли на общинномъ правѣ землею въ количествѣ 3.012 дес., по 12 дес. на душу. Въ моментъ, съ котораго начинается счетъ, общинное землевладѣніе кончилось; земля была раздѣлена въ собственность и на этихъ началахъ переходила далѣе по наслѣдству. Что же сдѣлалось съ нею при четвертомъ поколѣніи (предполагая, конечно, что результаты наслѣдованія не парализуются и не осложняются вліяніемъ какихъ-нибудь другихъ обстоятельствъ)? Большая часть земли (около $^2/_3$) сосредоточилась въ меньшемъ (вдвое) числѣ рукъ, чѣмъ прежде. Изъ остальной, меньшей половины земли одна часть (около $^1/_6$) остается во владѣніи у того же числа людей, какъ и въ прежнемъ поколѣніи. Другая часть

На ярмаркѣ въ Симбирской губ.(фот. Карика въ 70 гг.).

(также около $^1/_6$ всего пространства) раздробилась между гораздо большимъ количествомъ владѣльцевъ, нежели прежде. Конечно, говоритъ Чернышевскій, для точныхъ выводовъ нужно гораздо большее количество данныхъ, нужно бы разобрать генеалогію не 250, а 250.000 человѣкъ всѣхъ временъ, странъ и народовъ. Но основной законъ дѣйствія двухъ противоположныхъ тенденцій наслѣдственности—къ быстрому сосредоточенію значительной части земли въ немногихъ рукахъ и столь же быстрому раздробленію другой, гораздо меньшей части—ясно выступаетъ и въ цифрахъ, получаемыхъ при анализѣ взятыхъ для примѣра данныхъ о 10 родахъ, насчитывавшихъ въ началѣ періода изученія 250 членовъ (и въ концѣ—388). Дѣйствіе принципа наслѣдственности преобладаетъ надъ всѣми другими обыкновенными двигателями частной собственности. Поэтому приведенный анализъ иллюстрируетъ и тенденцію общаго движенія поземельной собственности. Большая часть ея неизбѣжно должна соединяться въ обширные участки, рента которыхъ достаточна для праздной жизни и которые необходимо идутъ подъ фермерство, какъ скоро развивается экономическій бытъ до той степени, на которой патріархальныя отношенія замѣняются коммерческими. А на другомъ концѣ земля распыляется на такіе клочки, хлѣбопашествомъ на которыхъ не могутъ существовать владѣльцы, и только очень небольшая часть остается въ участкахъ, которые не нуждаются въ фермерствѣ, но могутъ кормить своего владѣльца. По извѣстному закону, что какъ скоро большая половина производства совершается способами большихъ хозяйствъ, мелкіе производители не могутъ выдерживать соперничества съ крупными, земледѣльцы собственники мелкихъ и среднихъ участковъ должны работать въ убытокъ себѣ или отчуждать свои участки, когда настаетъ эпоха фермерства.

Такимъ образомъ фермерство неизбѣжно становится типичною формою земледѣльческаго хозяйства, основаннаго на принципѣ частной собственности. Своему назначенію: съ одной стороны, давать праздную ренту, а съ другой—помѣщеніе капиталамъ, эта форма хорошо удовлетворяетъ; но съ точки зрѣнія успѣховъ сельско-хозяйственныхъ и еще болѣе въ интересахъ народнаго благосостоянія фермерство есть учрежденіе самое неудобное. Это не значитъ, конечно, что прочныя улучшенія въ земледѣліи невозможны и при фермерской системѣ. Необходимость этихъ улучшеній съ ходомъ развитія экономической жизни диктуется требованіями настолько сильными, что они не могутъ быть парализованы вліяніемъ той или другой формы землепользованія. Но присущія каждой изъ этихъ формъ свойства могутъ значительно облегчить или затруднить осуществленіе этихъ необходимыхъ улучшеній.

Та форма поземельной собственности въ глазахъ Чернышевскаго есть наилучшая для успѣховъ сельскаго хозяйства, которая соединяетъ собственника, хозяина и работника въ одномъ лицѣ; такъ же въ интересахъ народ-

наго благосостоянія та форма наилучшая, при которой каждый земледѣлецъ является и землевладѣльцемъ. Частная собственность одинаково далека отъ обоихъ этихъ условій.

„Если бы,—говоритъ Чернышевскій въ заключеніе своего сравнительнаго анализа двухъ принциповъ землевладѣнія, только голый остовъ котораго мы могли отчасти воспроизвести выше,—частная поземельная собственность когда-нибудь, при какой бы то ни было системѣ наслѣдства, приданаго и продажи, могла быть устроена въ Европѣ такъ, чтобы обезпечивать большинству земледѣльческаго населенія обладаніе достаточными для безбѣдной жизни (близкими къ средней величинѣ, происходящей отъ раздѣленія воздѣлываемаго пространства на число семей) поземельными владѣніями, ее можно было бы защищать съ точки зрѣнія національнаго благосостоянія. Если бы она могла когда-нибудь привести въ Европѣ къ такому результату, чтобы большая половина воздѣлываемой земли воздѣлывалась хозяйствомъ собственниковъ, ее можно было бы защищать съ точки зрѣнія успѣховъ сельскаго хозяйства. Но какъ историко-статистическіе факты, такъ и анализъ необходимыхъ дѣйствій самаго принципа поземельной наслѣдственности равно доказываютъ, что обѣ эти цѣли не соотвѣтствуютъ самой природѣ частной поземельной собственности. Она постоянно распредѣляетъ территорію націи такъ, что большинство земледѣльческаго населенія или вовсе исключается изъ участія въ поземельномъ владѣніи или получаетъ на свою долю ничтожные, гомеотическіе клочки, владѣльцы которыхъ не обезпечены къ существованію воздѣлываніемъ ихъ. Потому общинное владѣніе, обезпечивающее каждому земледѣльцу обладаніе земель, гораздо лучше частной собственности упрочиваетъ національное благосостояніе. Частная земельная собственность необходимо ведетъ къ тому, что большая половина воздѣлываемаго пространства воздѣлывается не собственниками, имѣющими прямой интересъ въ улучшеніяхъ, а другими людьми, которые, производя прочныя улучшенія, доставляютъ тѣмъ выгоду не себѣ, а инымъ людямъ и, слѣдовательно, приводятся къ наивозможно меньшему интересу въ производствѣ улучшенія. Потому общинное владѣніе, обезпечивающее воздѣлывателю несравненно большую долю выгоды отъ прочныхъ улучшеній, болѣе благопріятствуетъ успѣхамъ сельскаго хозяйства, нежели частная поземельная собственность“ [1]).

Но каковы бы ни были тѣ возможности, тѣ тенденціи развитія, которыя заложены во внутреннихъ свойствахъ тѣхъ или другихъ формъ землевладѣнія,—для осуществленій этихъ тенденцій въ жизни нужна извѣстная совокупность сопутствующихъ обстоятельствъ. Ходъ экономическаго развитія представляетъ собою очень сложный процессъ, находящійся въ зависимости отъ многихъ

[1]) «О поземельной собственности», ст. II, «Современникъ», 1857, XI (См. Полн. собр. сочин., т. III, стр. 412).

условій разпаго порядка. Тотъ или иной строй землевладѣнія и землепользованія, господствующій въ данной странѣ, не можетъ еще самъ по себѣ опредѣлять весь ея хозяйственный обликъ. И общинный принципъ нашего землепользованія нельзя ни считать единоспасающимъ, ни возлагать на него отвѣтственность чуть не за всѣ неустройства нашей экономической жизни. Когда „отсталые экономисты“ пытаются въ существованіи у насъ общины найти объясненіе плохого состоянія земледѣлія, трудно видѣть въ этомъ что-либо, кромѣ предразсудка, поддерживаемаго незнакомствомъ съ элементарными требованіями логики.

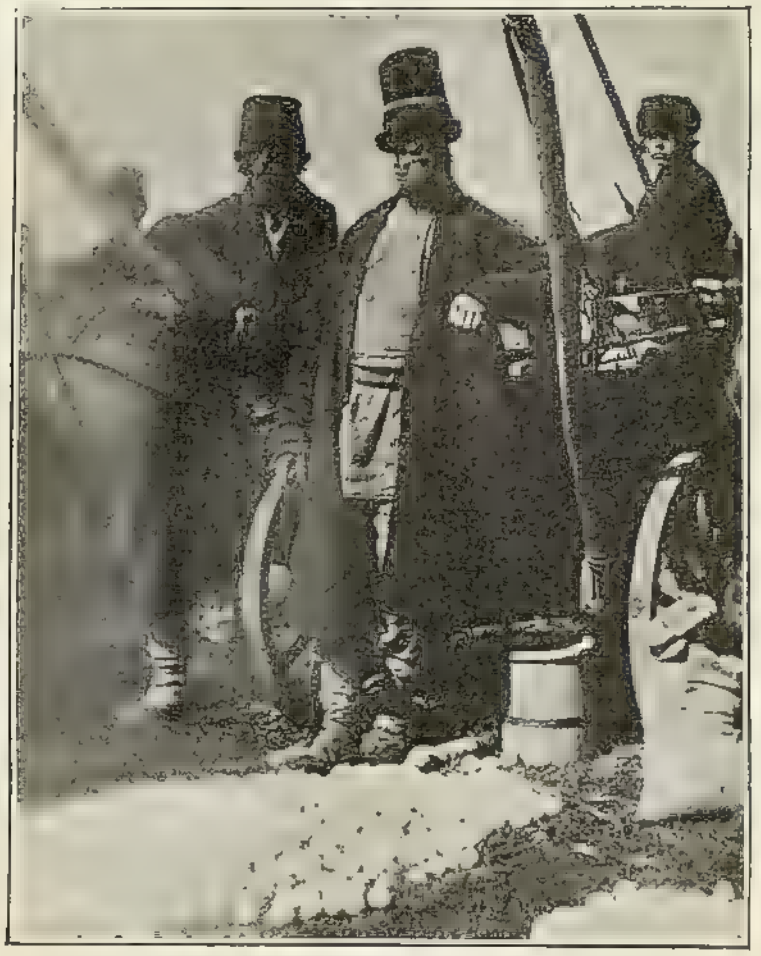
„Когда,—говоритъ Чернышевскій,—мы хотимъ изслѣдовать, можетъ ли какое-нибудь обстоятельство считаться причиною извѣстнаго факта, логика предписываетъ намъ прежде всего разсмотрѣть, нужна ли гипотеза о какой-либо лишней причинѣ, или тотъ фактъ, происхожденіе котораго мы хотимъ узнать, совершенно достаточно объясняется дѣйствіемъ причинъ уже извѣстныхъ... Развитіе сельскаго хозяйства въ Россіи слабо. Но могло ли оно достичь высокой степени, какова бы ни была у насъ система владѣнія землей? Существовало ли у насъ до сихъ поръ хотя одно отъ тѣхъ обстоятельствъ, отъ которыхъ зависитъ усиленное развитіе земледѣлія? Не очевидно ли, напротивъ, что всѣ данныя, которыми обусловливается положеніе сельскаго хозяйства, находились у насъ до сихъ поръ на ступени, чрезвычайно не благопріятной его успѣхамъ?“

Чернышевскій пересматриваетъ поочередно главнѣйшіе изъ этихъ данныхъ. Всѣ они складываются въ высокой степени неблагопріятно для успѣховъ земледѣлія. „Отсутствіе умственнаго развитія въ народѣ, упадокъ его энергіи, крѣпостное состояніе, недостатокъ оборотнаго капитала, неразвитость торговли и промышленности, плохое состояніе путей сообщенія, слабое развитіе городовъ, незначительная степень населенности,—все это такія причины, изъ которыхъ каждая сама по себѣ и безъ содѣйствія другихъ бываетъ въ состояніи задержать сельское хозяйство на низкой степени развитія Изъ европейскихъ народовъ нѣтъ ни одного,—говоритъ Чернышевскій,—у котораго хотя одинъ отъ этихъ фактовъ, враждебныхъ успѣхамъ земледѣлія, имѣлъ бы такой обширный размѣръ, какъ у насъ, и нѣтъ въ Европѣ ни одного народа, у котораго бы соединялись всѣ эти факты, соединенные у насъ. Что же удивительнаго, если земледѣліе у насъ находится въ худшемъ положеніи, чѣмъ у западныхъ народовъ? Когда есть столь много и столь сильныхъ несомнѣнныхъ причинъ, производящихъ данное положеніе, позволяютъ ли правила логики придумывать еще гипотетическія и мистическія причины?“ [1]).

---

[1]) «Суевѣріе и правила логики», «Соврем.», 1859, X. (См. Полн. собр. сочин., т. IV, стр. 557 и сл.).

Конечно, всѣ перечисленныя ближайшія причины слабыхъ успѣховъ нашего земледѣлія, въ свою очередь, опредѣляются дѣйствіемъ другихъ, болѣе общихъ и коренныхъ причинъ, къ которымъ онѣ могутъ быть сведены. Чернышевскій первоисточникъ всѣхъ неустройствъ нашей жизни видитъ въ той характерной ея чертѣ, которую онъ называетъ „азіатствомъ“. Наше „азіатство“, говоритъ онъ, вотъ „ключъ къ объясненію всего, о чемъ толковали мы съ такими подробностями, которыя теперь оказываются совсѣмъ не нужны. Азіатская обстановка жизни, азіатское устройство общества, азіатскій порядокъ дѣлъ,—этими словами сказано все, и нечего прибавлять къ нимъ“. На связь экономическихъ явленій съ правовыми и на то значеніе, какое имѣетъ правовой порядокъ для состоянія земледѣлія въ частности, Чернышевскій указывалъ не одинъ разъ въ статьяхъ своихъ по крестьянскому вопросу. И чѣмъ далѣе, тѣмъ сильнѣе подчеркиваетъ онъ это значеніе. Наиболѣе категорично высказываетъ онъ свой взглядъ на это въ послѣдней изъ напечатанныхъ въ „Современникѣ“ статей своихъ объ общинѣ „Суевѣріе и правила логики“, изъ которой мы заимствовали приведенныя выше выдержки. По цензурнымъ условіямъ, Чернышевскій не могъ говорить о политической свободѣ, — самый этотъ терминъ былъ запретнымъ, — онъ говоритъ только о „состояніи нашей администраціи и судебной власти“.



Крестьяне на ярмаркѣ въ Симбирской губ. (фот. Каррика).

„Мы нашли, — говоритъ Чернышевскій,—коренную причину не только явленія, объясненіемъ котораго спеціально занимаемся въ этой статьѣ, но и всѣхъ тѣхъ фактовъ, которые представляются намъ ближайшими причинами его. Не только слабость успѣховъ нашего земледѣлія, но и медленность въ развитіи нашего населенія вообще, нашего городского населенія въ частности, неудовлетворительное состояніе нашихъ путей сообщенія, торговли, промышленности, недостатокъ оборотнаго капитала,—все это и не только это, но также и крѣпостное право [1]),

[1]) «Крѣпостное право,—поясняетъ Чернышевскій далѣе,—произошло нѣкогда отъ дурного управленія и поддерживалось имъ». Если оно держалось до сихъ поръ, «то оно было обязано такою продолжительностью своего существованія только дурному управленію. Дѣйстви-

и упадокъ народной энергіи, и умственная наша неразвитость, всѣ эти факты, подобно всѣмъ другимъ плохимъ фактамъ нашего быта, коренную, сильнѣйшую причину свою имѣютъ въ состояніи нашей администраціи и судебной власти“ [1]).

„Потому-то,—говоритъ Чернышевскій въ заключеніе цитуемой нами статьи,—и отвратительно намъ слышать разсужденія отсталыхъ экономистовъ о томъ, какъ дурное состояніе нашего земледѣлія можетъ быть исправлено приложеніемъ мѣстной припарки—уничтоженіемъ общиннаго землевладѣнія и введеніемъ на его мѣсто частной поземельной собственности. Не потому отвратительно слышать намъ эти тупоумныя, суевѣрныя разсужденія, что мы приверженцы общиннаго землевладѣнія: нѣтъ, все равно, мы негодовали бы на нихъ и тогда, когда бы думали, что частная поземельная собственность лучше общиннаго владѣнія. Каково бы ни было полезное или вредное вліяніе извѣстной системы землевладѣнія на успѣхи сельскаго хозяйства, все-таки это вліяніе совершенно ничтожно по сравненію съ неизмѣримымъ могуществомъ тѣхъ условій нашей общественной жизни, въ которыхъ нашли мы истинныя причины жалкаго положенія нашего земледѣлія“. Больной чувствуетъ лихорадочный ознобъ оттого, что гнилой климатъ и изнурительный образъ жизни развиваютъ въ немъ чахотку, а вы совѣтуете ему лѣчиться порошкомъ изъ раковыхъ жерновокъ. Вся обстановка жизни больного должна измѣниться для того, чтобы прекратилось гніеніе основного органа его тѣла. А когда его легкія будутъ здоровы, самъ собою, безъ всякихъ раковыхъ жерновокъ, исчезнетъ и мнимый лихорадочный ознобъ. „Позаботьтесь о томъ, чтобы мы получили хорошую администрацію и справедливый судъ, и тогда вы увидите, что не нужно будетъ нашему земледѣлію прибѣгать къ вашимъ раковымъ жерновкамъ къ раздѣленію общинныхъ земель на потомственные участки,—тогда вы увидите, что общинное владѣніе не будетъ мѣшать успѣхамъ сельскаго хозяйства, потому что тогда будетъ исчезать наша бѣдность и явятся тѣ условія, которыхъ теперь нѣтъ и безъ которыхъ ни при какой системѣ землевладѣнія сельское хозяйство не можетъ прійти въ удовлетворительное состояніе“ [2]).

Не кажется ли, что эти строки написаны вчера, а не 50 лѣтъ назадъ?

тельно, каковы бы ни были законы, опредѣлявшіе права помѣщиковъ надъ крѣпостными людьми, но если бъ даже эти законы соблюдались, то, во-1-хъ, всѣ помѣщики давно бы перестали находить выгоду въ крѣпостномъ правѣ; во-2-хъ, почти во всѣхъ помѣстьяхъ крѣпостное право было бы прекращено частными судебными рѣшеніями по процессамъ о злоупотребленіи власти» (Ibid., 683).

[1]) Ibid., 682—83.

[2]) Ibid., 563—64.

VI

Вопросъ объ общинѣ Чернышевскій разрабатывалъ не только въ рамкахъ непосредственныхъ задачъ текущаго дня. Сохраненіе общины представляло въ его глазахъ огромную важность не только потому, что оно обезпечивало благосостояніе земледѣльца сегодня, оно нужно и важно было и для возможности осуществленія въ будущемъ высшихъ формъ общинной жизни. Для завтра экономической жизни, уже наступившаго для народовъ, насъ опередившихъ, и приближающагося и для насъ—организація общинныхъ союзовъ для производства работъ явится такою же настоятельною потребностью, какую составляетъ для сегодня общинное землепользованіе. И если община устоитъ, хотя бы и въ такихъ несовершенныхъ формахъ, въ какихъ мы ее имѣемъ теперь, до того момента, когда ходъ экономическаго развитія вызоветъ къ жизни общинные союзы, осуществленіе этихъ послѣднихъ будетъ во много разъ легче, нежели это имѣетъ мѣсто теперь на Западѣ, гдѣ односторонніе стремленія къ развитію индивидуальной собственности разрушили старую общину.

Самъ Чернышевскій во всѣхъ своихъ работахъ по крестьянскому вопросу на первый планъ выдвигалъ интересы настоящаго: сегодня у него рѣшительно преобладало надъ завтра. Не разъ онъ это опредѣленно подчеркивалъ. „То, чтобы всѣ наши земледѣльцы имѣли поземельную собственность—вотъ основное наше желаніе,—читаемъ мы, напр., въ отвѣтѣ Чернышевскаго на замѣчанія одного изъ провинціальныхъ читателей на его статью „О поземельной собственности“.—Предпочтеніе общиннаго владѣнія безграничному расширенію частной поземельной собственности основывается для насъ относительно настоящаго и ближайшаго будущаго преимущественно на томъ, что общинное владѣніе представляется намъ единственнымъ средствомъ сохранить каждаго поселянина-хозяина въ званіи поземельнаго собственника. Черезъ тридцать или двадцать пять лѣтъ общинное владѣніе будетъ доставлять нашимъ поселянамъ другую, еще болѣе важную выгоду, открывая имъ легкую возможность къ составленію земледѣльческихъ товариществъ для обработки земли. Не можемъ сказать,—продолжаетъ Чернышевскій,—чтобы это соображеніе не оказывало сильнаго вліянія на нашу приверженность къ общинному владѣнію, но заботы настоящаго всегда бываютъ сильнѣе соображеній о будущемъ, и, конечно, мы не защищали бы съ такимъ жаромъ общиннаго владѣнія, если бы не побуждала насъ къ тому важность его для настоящаго времени“ [1]). Какъ бы то ни было, однако, именно та часть работъ Чернышевскаго объ общинѣ, которая намѣчала схемы будущаго развитія общиннаго начала, привлекала къ себѣ наибольшее вниманіе и оказала

[1]) Полн. собр. сочин., т. IV, стр. 95.

особое вліяніе на дальнѣйшее движеніе русской прогрессивной мысли, направленной на соціально-экономическіе вопросы. Мы не можемъ подробно останавливаться на этой сторонѣ воззрѣній Чернышевскаго, такъ какъ къ нашей спеціальной темѣ она не имѣетъ непосредственнаго отношенія, но считаемъ все-таки необходимымъ сказать о ней хоть нѣсколько словъ.

Мы видѣли уже выше, что въ развитіи поземельныхъ отношеній Чернышевскій различаетъ три ступени: первая характеризуется преобладаніемъ общины, на второй (въ исторіи Запада) общину вытѣсняетъ частная собственность. Эти двѣ ступени уже пройдены передовыми народами. На третьей ступени Чернышевскій предвидитъ опять возвращеніе къ общинѣ, диктуемое самымъ развитіемъ производства, дѣйствіемъ тѣхъ же самыхъ силъ, которыя во второмъ періодѣ вели къ разрушенію общиннаго строя. Признаки этого возврата уже обнаруживаются въ жизни націй, стоящихъ на высокомъ уровнѣ экономическаго развитія. Этой схемѣ, намѣчающейся на основаніи наблюденій надъ экономическою дѣйствительностью, Чернышевскій пытается дать и обще-философское обоснованіе. Онъ пользуется для этого нѣкоторыми общими положеніями, выработанными философскою мыслью Запада. „Мы не послѣдователи Гегеля,— говоритъ Чернышевскій,— а тѣмъ менѣе послѣдователи Шеллинга; но мы не можемъ не указать, что обѣ эти системы оказали большія услуги наукѣ раскрытіемъ общихъ формъ, по которымъ движется процессъ развитія. Основной результатъ этихъ открытій выражается слѣдующею аксіомою: „По формѣ высшая степень развитія сходна съ началомъ, отъ котораго оно отправляется“. Эта мысль заключаетъ въ себѣ коренную сущность шеллинговой системы; еще точнѣе и подробнѣе раскрыта она Гегелемъ, у котораго вся система состоитъ въ проведеніи этого основного принципа чрезъ всѣ явленія міровой жизни, отъ ея самыхъ общихъ состояній до мельчайшихъ подробностей каждой отдѣльной сферы бытія“ [1]).

На цѣломъ рядѣ примѣровъ, взятыхъ изъ самыхъ разнообразныхъ категорій явленій, начиная съ общихъ формъ процесса бытія на нашей планетѣ и до различныхъ спеціальныхъ отраслей государственной и общественной дѣятельности, Чернышевскій иллюстрируетъ всеобщность указаннаго закона развитія. Неужели же, спрашиваетъ онъ въ заключеніе своего анализа, одинъ только фактъ поземельныхъ отношеній является противорѣчіемъ общему закону, которому подчинено развитіе всего матеріальнаго и нравственнаго міра? Конечно, нѣтъ. Для каждаго, кто знакомъ съ открытіями великихъ нѣмецкихъ мыслителей, очевидно, что раскрытая ими форма развитія неизбѣжно ведетъ къ такому построенію поземельныхъ отношеній, въ которомъ конечная фаза является по формѣ возвращеніемъ къ первоначальной.

---

[1]) «Критика философскихъ предубѣжденій противъ общиннаго землевладѣнія», см. Полн. собр. сочин., т. IV, стр. 309.

Крестьянка (Виноградова).

Въ общихъ чертахъ построеніе это рисуется Чернышевскому такъ. „Первобытное состояніе (начало развитія). Общинное владѣніе землею. Оно существуетъ потому, что человѣческій трудъ не имѣетъ прочныхъ и дорогихъ связей съ извѣстнымъ участкомъ земли. Номады не имѣютъ земледѣлія, не производятъ надъ землею никакой работы. Земледѣліе сначала также не соединено съ затратою почти никакихъ капиталовъ собственно на землю.— Вторичное состояніе (усиленіе развитія). Земледѣліе требуетъ затраты капитала и труда собственно на землю. Земля улучшается множествомъ разныхъ способовъ и работъ, изъ которыхъ самою общею и повсемѣстною необходимостью представляется удобреніе. Человѣкъ, затратившій капиталъ на землю, долженъ неотъемлемо владѣть ею; слѣдствіе того—поступленіе земли въ частную собственность. Эта форма достигаетъ своей цѣли, потому что землевладѣніе не есть предметъ спекуляціи, а источникъ правильнаго дохода.

„Вотъ двѣ степени, о которыхъ толкуютъ противники общиннаго владѣнія. Но вѣдь только двѣ, гдѣ же третья?—спрашиваетъ Чернышевскій.—Неужели ходъ развитія исчерпывается ими?“

Нѣтъ. Развитіе идетъ далѣе. „Промышленно-торговая дѣятельность усиливается и производитъ громадное развитіе спекуляціи; спекуляція, охвативъ всѣ другія отрасли народнаго хозяйства, обращается на основную и самую обширную вѣтвь его—на земледѣліе. Оттого поземельная личная собственность теряетъ свой прежній характеръ. Прежде землею владѣлъ тотъ, кто обрабатывалъ ее, затрачивалъ свой капиталъ на ея улучшеніе (система малыхъ собственниковъ, воздѣлывающихъ своими руками свой участокъ, также система эмфитевзовъ и половничества по наслѣдству, съ крѣпостной зависимостью или безъ нея); но вотъ является новая система—фермерство по контракту; при ней рента, возвышающаяся вслѣдствіе улучшеній, производимыхъ фермеромъ, идетъ въ руки другому лицу, которое или вовсе не участвовало или только въ самой незначительной мѣрѣ участвовало своимъ капиталомъ въ улучшеніи земли, а между тѣмъ пользуется всею прибылью, какую доставляютъ улучшенія. Такимъ образомъ, личная поземельная собственность перестаетъ быть способомъ къ вознагражденію за затрату капитала на улучшеніе земли. Съ тѣмъ вмѣстѣ обработка земли начинаетъ требовать такихъ капиталовъ, которые превышаютъ средства огромнаго большинства земледѣльцевъ, а земледѣльческое хозяйство требуетъ такихъ размѣровъ, которые далеко превышаютъ силы отдѣльнаго семейства, и по обширности хозяйственныхъ участковъ также исключаютъ (при частной собственности) огромное большинство земледѣльцевъ отъ участія въ выгодахъ, доставляемыхъ веденіемъ хозяйства, и обращаютъ это большинство въ наемныхъ работниковъ. Этими перемѣнами уничтожаются тѣ причины преимущества частной поземельной собственности предъ общиннымъ владѣніемъ, которыя существовали въ прежнее время. Общинное владѣніе становится единственнымъ средствомъ доставить огромному большинству земледѣльцевъ участіе въ вознагражденіи, приносимомъ землею за улучшенія, производимыя въ ней трудомъ. Такимъ образомъ общинное владѣніе представляется нужнымъ не только для благосостоянія земледѣльческаго класса, но и для успѣховъ самого земледѣлія: оно оказывается единственнымъ разумнымъ и полнымъ средствомъ соединить выгоду земледѣльца съ улучшеніемъ земли и методы производства—съ добросовѣстнымъ исполненіемъ работы. А безъ этого соединенія невозможно вполнѣ успѣшное производство“ [1]).

Дѣйствительно ли достигнута въ настоящее время нашею цивилизаціею та высокая ступень, принадлежностью которой должно быть общинное владѣніе, это, говоритъ Чернышевскій, вопросъ, который разрѣшается анализомъ фактовъ, относящихся къ положенію земледѣлія на Западѣ и у насъ. Но уже логическое развитіе общихъ понятій, изложенныхъ выше, приводитъ

---

[1]) «Критика филос. предубѣжд. противъ общ. владѣнія». См. Полн. собр. сочин., т. IV, стр. 321—22.

Великороссіяне Бобровскаго у. Воронежской губ.

(Альбомъ *Павлова.*)

къ убѣжденію, что именно та самая черта первобытности, которую выставляютъ въ общинномъ владѣніи его противники, указываетъ въ немъ, напротивъ, высшую форму отношеній человѣка къ землѣ.

Но арсеналъ философскихъ возраженій, выдвигаемыхъ противниками общиннаго владѣнія, не ограничивается указаніемъ на его первобытность. Съ такою же силою они налегаютъ и на слѣдующую мысль: „Какова бы ни была будущность общиннаго владѣнія, хотя бы и справедливо было, что оно составляетъ форму поземельныхъ отношеній, свойственную періоду высшаго развитія, нежели тотъ, формою котораго является частная собственность, все-таки не подлежитъ сомнѣнію, что частная собственность составляетъ средній моментъ развитія между этими двумя періодами общиннаго владѣнія; отъ перваго перейти къ третьему нельзя, не прошедши второе. Итакъ, напрасно думаютъ русскіе приверженцы общиннаго владѣнія, что оно можетъ быть удержано въ Россіи. Россія должна пройти черезъ періодъ частной поземельной собственности, который представляется неизбѣжнымъ среднимъ звеномъ“ [1]).

Для провѣрки этого утвержденія Чернышевскій снова возвращается къ общимъ понятіямъ о законахъ, по которымъ совершаются процессы развитія. Онъ задается вопросомъ: „каждое ли отдѣльное проявленіе общаго процесса должно проходить въ дѣйствительности всѣ логическіе моменты съ полной ихъ силою, или обстоятельства, благопріятныя ходу процесса въ данное время и въ данномъ мѣстѣ, могутъ въ дѣйствительности приводить его къ высокой степени развитія, совершенно минуя средніе моменты или, по крайней мѣрѣ, сокращая ихъ продолжительность и лишая ихъ всякой ощутительной интенсивности“ [2]). Онъ начинаетъ анализъ съ простѣйшихъ физическихъ фактовъ. Уже на первомъ примѣрѣ, при сравненіи процесса горѣнія, происходящаго въ начинающемъ гнить деревѣ естественнымъ путемъ, безъ какихъ-либо особенныхъ, привходящихъ обстоятельствъ, и того же процесса, вызваннаго приложеніемъ къ дереву зажженной спички, обнаруживается выпаденіе во второмъ случаѣ нѣсколькихъ моментовъ процесса, происходившаго въ гніющемъ деревѣ. Когда въ одномъ тѣлѣ (спичкѣ) извѣстный процессъ достигъ высокой степени развитія, то при помощи этого тѣла онъ могъ быть доведенъ до той же степени развитія въ другомъ тѣлѣ (деревѣ) гораздо скорѣе, нежели какъ достигъ бы безъ помощи этого опередившаго посредника. Процессъ прямо съ первой степени пробѣгаетъ къ послѣдней, не останавливаясь на среднихъ. Дерево, начинающее гнить, должно пройти черезъ очень долгіе процессы броженія, просыханія, образованія чернаго угля, превращенія этого угля въ раскаленный, пока, наконецъ, въ немъ

---

[1]) Ibid., 331.
[2]) Ibid., 322.

появится пламя. При соприкосновеніи съ другимъ, горящимъ уже тѣломъ (спичкою) всѣ эти среднія ступени процесса возгоранія пробѣгаются такъ быстро, что онѣ могутъ быть замѣчены только теоретическимъ наблюденіемъ, а не практическимъ чувствомъ. „На философскомъ языкѣ,—говоритъ Чернышевскій,—это отношеніе выражается такъ: „не достигая реальнаго осуществленія (т.-е. имѣющаго практическую осязаемость), эти логическіе моменты развитія не переходятъ за границы идеальнаго или логическаго бытія“.

Тѣ же явленія замѣчаемъ мы и при наблюденіи надъ фактами индивидуальной жизни человѣка. И здѣсь средніе моменты развитія могутъ быть пропускаемы въ реальномъ процессѣ, когда человѣкъ, въ которомъ этотъ процессъ стоитъ еще на низкой ступени, сближается съ человѣкомъ, въ которомъ онъ достигъ уже гораздо высшей степени. Но сумма индивидуальныхъ жизней составляетъ общественную жизнь, и если въ индивидуальной жизни процессъ явленій можетъ перебѣгать съ низшаго логическаго момента на высшій, пропуская средніе, то изъ этого уже очевидно, что мы должны ожидать встрѣтить ту же возможность и въ общественной жизни. Чернышевскій беретъ нѣсколько примѣровъ развитія различныхъ общественныхъ учрежденій и формъ общественной жизни, и всѣ они подтверждаютъ заключеніе о примѣнимости къ явленіямъ общественности тѣхъ же выводовъ, которые получены при анализѣ явленій индивидуальной жизни и матеріальной природы.

Выводы эти онъ формулируетъ въ слѣдующихъ общихъ положеніяхъ. „1. Когда извѣстное общественное явленіе въ извѣстномъ народѣ достигло высокой степени развитія, ходъ его до этой степени въ другомъ, отставшемъ народѣ можетъ совершиться гораздо быстрѣе, нежели какъ совершался у передового народа.—2. Это ускореніе совершается чрезъ сближеніе отставшаго народа съ передовымъ.—3. Это ускореніе состоитъ въ томъ, что у отставшаго народа развитіе извѣстнаго общественнаго явленія, благодаря вліянію передового народа, прямо съ низшей степени перескакиваетъ на высшую, минуя среднія степени.—4. При такомъ ускоренномъ ходѣ развитія среднія степени, пропускаемыя жизнью народа, бывшаго отсталымъ и пользующагося опытностью и наукою передового народа, достигаютъ только теоретическаго бытія, какъ логическіе моменты, не осуществляясь фактами дѣйствительности.—5. Если же эти среднія степени достигаютъ и реальнаго осуществленія, то развѣ только самаго ничтожнаго по размѣру и еще болѣе ничтожнаго по отношенію къ важности для практической жизни“ [1]).

„Исторія, какъ бабушка, страшно любитъ младшихъ внучатъ,—говоритъ Чернышевскій.—Tarde venientibus даетъ она не ossa, а medulam ossium,

[1]) Ibid., 330.

Умирающая (карт. Орлова).

разбивая которыя Западная Европа больно ошибала себѣ пальцы". Все, чего добились народы, ранѣе вышедшіе на историческую арену,—готовое наслѣдіе для запоздавшихъ. Имъ нѣтъ необходимости продѣлывать весь тотъ мучительный процессъ, который выпалъ на долю ихъ предшественниковъ; они могутъ воспользоваться уже готовыми результатами.

И ходъ развитія поземельныхъ отношеній не можетъ, конечно, составить исключенія изъ общаго закона. При благопріятныхъ обстоятельствахъ для общества, стоящаго на первой ступени этого развитія, возможенъ непосредственный переходъ къ третьей, высшей ступени, минуя реальное осуществленіе, фактами дѣйствительности, явленій, свойственныхъ средней, промежуточной ступени.

Говоря о прогнозахъ Чернышевскаго по отношенію къ будущимъ судьбамъ общины, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что онъ никогда не ставилъ этихъ прогнозовъ въ абсолютной формѣ: онъ всегда говорилъ только о воз-

можностяхъ. Чернышевскій хорошо понималъ, что хозяйственная жизнь слишкомъ сложный процессъ, чтобы можно было итти далѣе этого въ предсказаніяхъ и предвидѣніяхъ. И мы знаемъ, что не все то, чего онъ опасался и на что надѣялся, какъ на возможное, осуществилось въ дѣйствительности. Опаспости для общины и для крестьянскаго землевладѣнія вообще со стороны земледѣльческаго капитализма (развитіе котораго у насъ представлялось Чернышевскому возможнымъ и вѣроятнымъ) въ значительной мѣрѣ оказались мнимыми. Фермерство не привилось у насъ и не имѣетъ шансовъ и въ будущемъ. Повторяемъ, съ этой стороны, на почвѣ чисто-экономической, обстоятельства сложились для общины благопріятнѣе предвидѣній Чернышевскаго. Община устояла. Но на пути ея развитія лежали иныя, труднѣе одолимыя препятствія. Та основная черта нашего государственнаго и общественнаго строя, которую Чернышевскій называлъ нашимъ „азіатствомъ“, не исчезла вмѣстѣ съ крѣпостнымъ правомъ. И съ особою силою эти „азіатскіе“ порядки ложились именно на крестьянство и крестьянскую общину, придавливая ее и фискальнымъ тягломъ и полицейскимъ гнетомъ. При такихъ условіяхъ трудно было и предполагать, чтобы община могла развернуть въ дѣйствительности всѣ заложенныя въ ней возможности. Конечно, общинные порядки не оставались неподвижными. Совмѣстимость съ общиннымъ землепользованіемъ земледѣльческихъ улучшеній теперь едва ли въ комъ возбуждаетъ сомнѣнія: достаточно указать хотя бы на распространеніе травосѣянія и примѣненія искусственныхъ удобреній среди общиннаго крестьянства. Но какъ далеко могла итти община на этомъ пути, по своимъ внутреннимъ свойствамъ, — мы не знаемъ, ибо этому развитію поставлена механическая преграда разрушающею общину дѣятельностью государства. Чернышевскій высказывалъ надежду, что лѣтъ чрезъ двадцать пять—тридцать на почвѣ общиннаго землевладѣнія разовьются общинные производственные союзы. Жизнь не оправдала этого прогноза—мы видимъ, что чрезъ полвѣка общинѣ приходится еще бороться за свое существованіе; но она и не опровергла логической схемы, выдвинутой Чернышевскимъ. Наспліе не есть аргументъ, а возможности нестѣсняемаго извнѣ развитія, которое предполагалъ въ своихъ построеніяхъ Чернышевскій, крестьянская земельная община не знала за всѣ полвѣка, протекшія съ уничтоженія крѣпостного права.

VII.

Послѣднія статьи Чернышевскаго о крестьянской реформѣ [1]) напечатаны были въ октябрьской книжкѣ „Современника“ за 1859 г. Затѣмъ наступаетъ длинный перерывъ: во все остальное время эмансипаціонныхъ работъ Черны-

[1]) «Матеріалы для рѣшенія крестьянскаго вопроса» и «Суевѣріе и правила логики».

шевскій—и „Современникъ“ вообще—не пишетъ о нихъ ни слова. Молчаніемъ встрѣчено было и опубликованіе Положенія 19 февраля. Только уже въ 1862 г., незадолго до своего ареста, Чернышевскій началъ для „Современника“ свои „Письма безъ адреса“. Но на первыя же „Письма“ наложенъ былъ цензурный запретъ и они увидѣли свѣтъ только много позже, въ Лавровскомъ „Впередъ“, 1873 г. [1]). На рѣшеніе Н. Г—ча прервать рядъ задуманныхъ уже статей о разныхъ сторонахъ крестьянской реформы [2]) могли повліять многія причины. Несомнѣнно, извѣстную роль должны были играть тутъ и усилившіяся стѣсненія печати въ обсужденіи вопросовъ, связанныхъ съ реформой. Но были и другіе болѣе глубокіе мотивы. Уже въ послѣднихъ изъ напечатанныхъ въ „Современникѣ“, въ концѣ 1859 г., статей Чернышевскаго слышны нотки горькаго разочарованія, вызваннаго тѣмъ направленіемъ, которое принимали эмансипаціонныя работы. Къ началу слѣдующаго, 1860 г. всякія иллюзіи въ этомъ отношеніи, если онѣ и имѣли мѣсто, должны были исчезнуть. Если и въ первой своей половинѣ эмансипаціонныя работы носили по преимуществу бюрократическій характеръ, то, по крайней мѣрѣ, тогда чиновничій элементъ въ экономическихъ вопросахъ реформы шелъ значительно далѣе дворянской оппозиціи. Но въ этой оппозиціи была и другая сторона: лѣвые въ дворянскихъ комитетахъ выдвигали требованія общественнаго характера, шедшія въ разрѣзъ съ бюрократическимъ строемъ и его порядками и навыками. Во второй половинѣ 1859 года,

Дѣвушка Тверской губ. (Мартынова).

[1]) Впослѣдствіи «Письма безъ адреса» перепечатаны и въ Полн. собр. сочин. Чернышевскаго, т. X, ч. II.

[2]) Указанія на предположенныя работы мы встрѣчаемъ не разъ (см., напр., Полн. собр. сочин., т. IV, стр. 322,5 и др.).

какъ извѣстно, разыгрался рѣзкій конфликтъ между бюрократическимъ и дворянскимъ элементомъ. Чиновники восторжествовали. Но результатъ получился довольно неожиданный: во второмъ періодѣ работъ мы видимъ довольно спѣшную и энергичную передѣлку проектовъ, выработанныхъ „красными“ бюрократами въ началѣ реформы, — передѣлку съ рѣшительнымъ наклономъ въ сторону помѣщичьихъ интересовъ. Побѣда надъ общественными элементами дворянской оппозиціи имѣла оборотною своею стороною отступленіе предъ элементами крѣпостническими. Дальнѣйшія судьбы реформы въ существенныхъ чертахъ были уже предрѣшены. Рисовавшіяся когда-то широкія перспективы сузились и потускнѣли. Упалъ и общественный интересъ къ дѣлу. Былой энтузіазмъ смѣнился холоднымъ равнодушіемъ. А для печати поставлены были и внѣшнія преграды.

„Письма безъ адреса“ (обращенныя, какъ это очевидно изъ ихъ содержанія, къ императору Александру II) датпрованы февралемъ 1862 г. Поводомъ къ ихъ написанію были обнаруживавшіеся тогда признаки общественнаго броженія, которое Чернышевскій связывалъ съ неудачею крестьянской реформы. Самый фактъ этой неудачи не возбуждалъ въ немъ сомнѣній. Его вниманіе направлено было только на выясненіе ея причинъ. Опѣ ему представлялись такъ. Толчокъ къ реформамъ дала Крымская война. Несчастный исходъ ея нельзя было „приписать ничему, кромѣ непригодности механизма, распо-
лагавшаго нашими силами. Открылась надобность измѣнить неудовлѣтворительное устройство. Самою замѣтною чертою его считалось тогда крѣпостное право. Конечно, опо было только однимъ частнымъ приложеніемъ принциповъ, на которыхъ былъ устроенъ весь прежній порядокъ; но внутренней связи этого частнаго факта съ общими принципами большинство нашего общества тогда еще не понимало. Потому общіе принципы прежняго порядка были оставлены въ покоѣ, и вся реформаціонная сила общества обратилась противъ самаго осязательнаго изъ его внѣшнихъ проявленій“. Такое настроеніе общественнаго мнѣнія страдало самою неудачною непослѣдовательностью. Крѣпостное право, конечно, заключало въ себѣ возможность многихъ злоупотребленій. Тяжела была для крѣпостныхъ крестьянъ и вредна для государства и законная сущность крѣпостного права. „Но она была сообразна всему порядку нашего устройства; поэтому самъ въ себѣ онъ не могъ имѣть силы, чтобы отмѣнить ее. А между тѣмъ общество предполагало отмѣнить крѣпостное право силою стараго порядка“ [1]). „Крѣпостное право, — пишетъ Чернышевскій далѣе, — было создано и распространяемо властью; всегдашнимъ правиломъ власти было опираться на дворянство, которое и образовывалось у насъ не само собою и не въ борьбѣ съ властью, какъ во многихъ другихъ странахъ, а покровительствомъ со стороны власти, добровольно да-

[1]) Полн. собр. сочин., т. X, 2, стр. 297—8.

вавшей ему привилегіи". Теперь власть „принималась за отмѣненіе той изъ установленныхъ ею самою привилегій, которою наиболѣе дорожило дворянство. Неудачная политика, подвергнувшая страну несчастной войнѣ, доставила силу такъ называемой либеральной партіи, требовавшей уничтоженія крѣпостного права". И власть „взяла на себя исполненіе чужой программы, основанной на принципахъ, несогласныхъ съ характеромъ самой власти".

„Изъ этого разнорѣчія сущности предпринимаемаго дѣла съ качествами элемента, бравшагося за его исполненіе, должно было произойти то, что дѣло будетъ исполнено неудовлетворительно: источникомъ неизбѣжной неудовлетворительности былъ привычный, произвольный способъ веденія дѣла. Власть не замѣчала того, что берется за дѣло, не ею придуманное, и хотѣла остаться полною хозяйкой его веденія. А при такомъ способѣ веденія дѣла оно должно было совершаться подъ вліяніемъ двухъ основныхъ привычекъ власти: первая привычка состояла въ бюрократическомъ характерѣ дѣйствій, вторая— въ пристрастіи къ дворянству. Дѣло начато было съ желаніемъ требовать какъ можно менѣе пожертвованій отъ дворянства. А бюрократія по самой сущности своей болѣе всего занимается формалистикой. Потому и результатъ оказался такой, что измѣнены были формы отношеній между помѣщиками и крестьянами, съ очень малымъ, почти незамѣтнымъ измѣненіемъ существа прежнихъ отношеній" [1]).

Для иллюстраціи того, какъ мало измѣнилась по существу экономическая сторона дѣла, Чернышевскій приводитъ такой расчетъ. Онъ составляетъ списокъ уѣздовъ, по которымъ въ „Приложеніяхъ къ Трудамъ Редакціонныхъ Комиссій" имѣются статистическія описанія помѣстій, заключающихъ въ себѣ (въ общей суммѣ) не менѣе 10.000 душъ. Такихъ уѣздовъ оказалось 175. Изъ этого списка, чисто механическимъ способомъ, Чернышевскій выбираетъ 18 такихъ, которыми начинается каждый десятокъ въ спискѣ и сосчитываетъ въ нихъ: число находившихся на оброкѣ душъ, число десятинъ надѣла и сумму оброковъ до и послѣ „Положенія". Получаются такія цифры: при крѣпостномъ правѣ 125.324 души пользовались $419.406^1/_2$ дес. земли и платили за нихъ 842.728 руб. 50 коп. оброка. За каждую десятину причиталось въ среднемъ 2 руб. 9 коп. По правиламъ, даннымъ новыми „Положеніями", изъ прежняго надѣла должно было отойти помѣщику $101.767^3/_4$ десятины; за оставшіяся у крестьянъ $317.638^3/_4$ десятины установленъ былъ оброкъ въ 731.346 руб. 80 коп., т.-е. за десятину земли своего надѣла крестьяне должны были платить по новымъ правиламъ 2 руб. $30^1/_2$ коп. „Иначе сказать, по новымъ „Положеніямъ" освобождаемые крестьяне должны платить помѣщику 1 руб. 10 коп. вмѣсто каждаго рубля, который платили ему при прежнемъ крѣпостномъ правѣ. Ожидали ли вы, милостивый государь.

---

[1]) Ibidem, стр. 301.

такого результата?“ [1]) спрашиваетъ Чернышевскій своего анонимнаго корреспондента.

Бюрократическое рѣшеніе крѣпостного вопроса, стремившееся къ измѣненію формы, почти не затрогивая сущности, не удовлетворило никого. Не удовлетворило оно и помѣщиковъ, въ интересахъ которыхъ именно и „предполагалось сохранить сущность крѣпостного права, отмѣнивъ его формы. Но безъ формъ нельзя сохранить и сущности. Помѣщики увидѣли себя не въ состояніи пользоваться выгодами, которыя были оставлены за ними“. А между тѣмъ они видѣли, что власть старалась сдѣлать для нихъ все, что могла. Естественно слѣдовалъ отсюда выводъ о безсиліи власти. Съ другой стороны, и крѣпостные крестьяне не могли повѣрить, чтобы обѣщанная имъ воля была ограничена тѣми формальными перемѣнами, какими ограничило ее бюрократическое рѣшеніе. Повсюду возникли столкновенія между крестьянами и властью, старавшеюся провести свое рѣшеніе. Произошли сцены, которыя нельзя было видѣть хладнокровно. Но крѣпостные крестьяне, несмотря на всѣ внушенія и мѣры усмиренія, остались въ увѣренности, что надобно ждать имъ другой, настоящей воли. Такимъ образомъ страна подвергалась смутамъ и опасности новыхъ смутъ. А смутное время бываетъ тяжело для всѣхъ. Изъ этого стала развиваться въ массѣ другихъ сословій, непосредственно не затрогиваемыхъ реформою, мысль, что нужно измѣнить рѣшеніе крестьянскаго вопроса для отклоненія смуты. Но „разъ будучи принуждены обстоятельствами думать объ общественныхъ дѣлахъ, всѣ сословія естественно перешли отъ частнаго вопроса, давшаго ихъ мыслямъ такое направленіе, къ общему положенію вещей“. Нетрудно было убѣдиться при этомъ, что находятся въ настоящемъ порядкѣ черты, одинаково невыгодныя для всѣхъ сословій. „Всѣ чувствовали обремененіе отъ произвольной администраціи, отъ неудовлетворительности судебнаго устройства и отъ многосложной формалистичности законовъ“. Отъ этихъ недостатковъ, такъ же какъ и другія сословія, страдало и дворянство. Въ своихъ выступленіяхъ (имѣвшихъ мѣсто въ нѣкоторыхъ дворянскихъ собраніяхъ, какъ разъ въ то время, когда писались „Письма безъ адреса“) оно сдѣлалось представителемъ стремленія къ реформамъ, нужнымъ для всѣхъ сословій.

Было бы совершенно ошибочно, говоритъ Чернышевскій, приписывать „какимъ-либо частнымъ или сословнымъ побужденіямъ дворянства тѣ желанія общей реформы, представителемъ которыхъ оно теперь выступаетъ. Эти желанія не имѣютъ ничего общаго съ раздраженіемъ нѣкоторой части дворянства на власть за уничтоженіе крѣпостного права. Съ его уничтоженіемъ огромнѣйшее большинство дворянства уже совершенно примирилось, какъ съ фактомъ безвозвратнымъ. Если остаются въ дворянствѣ особенныя сослов-

---

[1]) Ibid., 316.

ныя желанія по этому дѣлу, не принадлежащія всѣмъ другимъ сословіямъ, то эти желанія относятся только къ размѣру выкупа. Тутъ возможенъ споръ, и еще неизвѣстно, какой размѣръ выкупа будетъ одобренъ или допущенъ другими сословіями. Но совершенно иной характеръ имѣютъ желанія дворянства относительно предметовъ, выходящихъ за предѣлы этого частнаго вопроса. Въ мысляхъ о реформѣ общаго законодательства, объ основаніи администраціи и суда на новыхъ началахъ, о свободѣ слова дворянство только является представителемъ всѣхъ другихъ сословій, и представителемъ ихъ выступило оно даже не потому, чтобы въ немъ сильнѣе были эти желанія, чѣмъ въ другихъ сословіяхъ, а единственно потому, что оно имѣетъ при нынѣшнемъ порядкѣ организацію, дающую возможность выражать желанія. Если бы другія сословія имѣли законные органы для выраженія своихъ мыслей, они высказались бы по этимъ самымъ предметамъ въ томъ же самомъ смыслѣ, какъ и дворянство, только съ большею рѣшимостью“ [1]). До сихъ поръ еще слабыми кажутся проявленія общаго стремленія, но вѣдь это потому только, замѣчаетъ Чернышевскій, что они еще первыя. Но движеніе растетъ и можно думать, что общество уже недалеко отъ рѣшительнаго или единодушнаго заявленія тѣхъ общихъ желаній, о которыхъ шла рѣчь выше. А рядомъ и явленія другого порядка, какъ продолжающееся броженіе среди помѣщичьихъ крестьянъ и затрудненія при введеніи въ дѣйствіе Положенія, ставящія въ безвыходное положеніе помѣщиковъ, растущее безденежье, паденіе курса, внѣшнія осложненія—указываютъ на необходимость искать выхода изъ сложившагося положенія. Все это вмѣстѣ и побудило Чернышевскаго нарушить молчаніе, которое онъ выдерживалъ болѣе двухъ лѣтъ. Ему казалось, что те-

Н. А. Добролюбовъ.

[1]) Ibid., стр. 302—3.

перь является надобность въ писательскихъ объясненіяхъ. Поэтому онъ и задумалъ рядъ „Писемъ безъ адреса“. Осуществить это намѣреніе ему, какъ мы знаемъ, не удалось: первая же статья подъ этимъ заглавіемъ была запрещена цензурой; слѣдующую Чернышевскій и не писалъ. Мы имѣемъ такимъ образомъ только отрывокъ изъ задуманныхъ имъ писемъ. Но и этотъ отрывокъ даетъ цѣнныя черты для характеристики и общихъ политическихъ воззрѣній Чернышевскаго и взгляда его на крѣпостную реформу въ частности.

Отъ того же періода мы имѣемъ еще одно произведеніе, относящееся къ крестьянской реформѣ, авторство котораго многими приписывается Чернышевскому. Это именно—воззваніе „Къ барскимъ крестьянамъ“, написанное въ 1861 г. За него Чернышевскій былъ осужденъ на каторгу Сенатомъ. Самъ Чернышевскій отрицалъ на судѣ принадлежность ему этого воззванія и никогда и потомъ не говорилъ, чтобы оно было написано имъ (по крайней мѣрѣ, въ печати никакихъ указаній на этотъ счетъ не существуетъ). Поэтому вопросъ о воззваніи остался и, вѣроятно, останется темнымъ. Мы не будемъ пытаться его рѣшать; скажемъ только, что не видимъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что оно дѣйствительно составлено было Чернышевскимъ. Въ пользу этого предположенія говоритъ и самое содержаніе воззванія. Оно начинается разборомъ Положенія 19 февраля; разборъ этотъ, очевидно, сдѣланъ лицомъ, хорошо знакомымъ съ вопросомъ [1]), и общій его выводъ тотъ же, что и въ „Письмахъ безъ адреса“, конечно, написанный другимъ языкомъ и въ другой формѣ. Затѣмъ идетъ, подъ видомъ разъясненія, „что такое настоящая воля“, изложеніе нѣкоторыхъ основныхъ чертъ свободнаго политическаго строя. Опять-таки и здѣсь припоминается постоянное подчеркиваніе Чернышевскимъ, особенно въ позднѣйшихъ его статьяхъ, тѣсной связи экономической стороны крестьянскаго вопроса съ политической, связи „земли и воли“, далеко не всѣмъ еще ясной въ ту раннюю пору нашего общественнаго движенія. Наконецъ близко къ настроенію Чернышевскаго и заключеніе воззванія. Оно призываетъ крестьянъ къ объединенію, къ подготовкѣ къ выступленію, но въ то же время настойчиво предостерегаетъ отъ преждевременныхъ, единичныхъ выступленій и вспышекъ. Ждите сигнала, который дадутъ ваши друзья, отовсюду имѣющіе свѣдѣнія черезъ своихъ людей. Когда вездѣ народъ будетъ готовъ, тогда поднимайтесь сразу, говоритъ воззваніе, а до тѣхъ поръ не показывайте и виду, что у васъ идетъ подготовка.

---

[1]) Нѣкоторыя отдѣльныя мѣста этого разбора близко совпадаютъ съ тѣмъ, что мы встрѣчаемъ въ напечатанныхъ статьяхъ Чернышевскаго. Укажемъ, напр., на мѣсто, касающееся переноса усадебъ: оно какъ будто переписано изъ «Матеріаловъ для рѣшенія крест. вопр.». (См. Полн. собр. сочин., т. IV, 528—529).

Но, конечно, все это только косвенныя и довольно отдаленныя указанія Большее значеніе имѣетъ въ нашихъ глазахъ въ данномъ случаѣ вѣроятность психологическая. Припомните ту схему скачкообразнаго прогресса, изложеніемъ которой мы начали нашу статью. Предъ Чернышевскимъ былъ короткій періодъ подъема общественной волны, въ теченіе котораго возможно было осуществленіе хотя нѣкоторыхъ пожеланій „лучшихъ людей“. Начался этотъ періодъ съ первыхъ шаговъ къ уничтоженію крѣпостного права. И мы видѣли, съ какою энергіею и съ какими надеждами погрузился Чернышевскій въ работу по крестьянской реформѣ. Съ надеждами, захватывавшими, на первыхъ порахъ, даже вершины офиціальной Россіи. Въ концѣ-концовъ, исходъ реформы принесъ полное разочарованіе. Волна схлынула и оставила на поверхности (такъ, по крайней мѣрѣ, казалось Чернышевскому) только самые незначительные слѣды: измѣнились формы отношеній, но сущность осталась та же. Но вотъ начинаютъ обнаруживаться признаки новаго подъема. Опять, повидимому, начинается новый, быть-можетъ, еще болѣе короткій періодъ возможнаго осуществленія. Мы знаемъ теперь, что и броженіе среди крестьянства и финансовыя и иныя затрудненія правительства, о которыхъ упоминаетъ Чернышевскій въ „Письмахъ безъ адреса“, представлялись ему въ размѣрахъ нѣсколько превышающихъ дѣйствительность. Но вѣдь дѣло идетъ не объ объективной правильности представленій Чернышевскаго, а о субъективной его психологіи. Совершенно естественно, что онъ долженъ былъ страстно ухватиться за вновь открывающіяся возможности. Но на какія же силы можно было разсчитывать въ новомъ движеніи? Тѣ, которыя выступали въ подготовкѣ и осуществленіи крестьянской реформы, уже выказали свою несостоятельность. Теперь, правда, и помѣстное дворянство и „просвѣщенные люди всѣхъ сословій“, образующіе т. н. „либеральную партію“, выказывали явные признаки недовольства. Чернышевскій готовъ былъ оказать поддержку даже самымъ скромнымъ проявленіямъ этого недовольства; партійною исключительностью онъ совсѣмъ не страдалъ, это видно уже изъ отзывовъ его объ оппозиціонныхъ дворянскихъ выступленіяхъ, цитированныхъ выше. Но онъ мало разсчитывалъ на дворянскій и не-дворянскій либерализмъ того времени, и послѣдствія показали, что онъ не былъ въ этомъ отношеніи неправъ. Осталась затѣмъ, кромѣ кучки искренно преданныхъ освободительному дѣлу

Либералъ-эквилибристъ.
(„Искра“, 1862 г.).

„новыхъ людей“, только одна крупная общественная сила, до тѣхъ поръ не участвовавшая въ движеніи, но, какъ казалось тогда не одному Чернышевскому, уже готовая тронуться съ мѣста. Это—обманувшееся въ надеждахъ на волю крестьянство. Сюда, къ этимъ народнымъ массамъ, и направились усилія революціонно настроенныхъ „новыхъ людей“. Къ нимъ примкнулъ и Чернышевскій.

По природѣ своей скептикъ, Чернышевскій не склоненъ былъ обольщать себя иллюзіями. Онъ не могъ не сознавать слабости демократическихъ элементовъ тогдашней Россіи. Но въ назрѣвающемъ, судя по тѣмъ признакамъ, которые обнаруживались то тамъ, то здѣсь, народномъ движеніи онъ видѣлъ единственный выходъ изъ сложившагося положенія, единственный шансъ осуществленія возможностей, открываемыхъ обстоятельствами даннаго историческаго момента, и не могъ стать въ сторонѣ отъ этого движенія.

Здѣсь былъ завязанъ трагическій узелъ въ судьбѣ Чернышевскаго. Мы знаемъ исходъ этой трагедіи; предчувствовалъ его самъ Николай Гавриловичъ. Суждено ему было вмѣстѣ съ тѣмъ видѣть и крушеніе того дѣла, которому онъ отдалъ свою жизнь.

Много лѣтъ спустя, уже въ сибирской ссылкѣ, Чернышевскій въ романѣ своемъ „Прологъ“ бросаетъ ретроспективный взглядъ на факты и настроенія времени крестьянской реформы. Первая часть романа „Прологъ Пролога“ относится къ ранней порѣ освободительныхъ работъ. Въ романѣ разсѣяно очень много автобіографическихъ чертъ; устами его героя, Волгина, говоритъ самъ Чернышевскій; другія фигуры тоже напоминаютъ видныхъ дѣятелей реформы. Конечно, мы имѣемъ дѣло не съ портретами тѣхъ или иныхъ лицъ; предъ нами скорѣе выпуклыя характеристики разныхъ общественныхъ теченій, людей разнаго положенія и разныхъ настроеній, сталкивавшихся около дѣла освобожденія крестьянъ. Тутъ есть и представители официальной Россіи—и грубый крѣпостникъ графъ Чаплинъ, и „красный“ бюрократъ Савеловъ, и вождь умѣренныхъ либераловъ Рязанцевъ, и „новые люди“—Соколовскій и Левицкій, и другіе второстепенные персонажи изъ того и другого лагеря. Настроенія Волгина, представляющія для насъ особый интересъ, насквозь скептичны. Не вѣритъ онъ ни въ дѣло, начатое безъ наличности достаточныхъ силъ, обезпечивающихъ его выполненіе, ни въ людей, около этого дѣла стоящихъ.

— Толкуютъ освободить крестьянъ! — говоритъ Волгинъ. — Гдѣ силы на такое дѣло? Еще нѣтъ силъ. Нелѣпо приниматься за дѣло, когда нѣтъ силъ на него. А видите, къ чему идетъ: станутъ освобождать. Что выйдетъ? Сами судите, что выходитъ, когда берешься за дѣло, которое не сможешь сдѣлать. Натурально, что: испортишь дѣло, выйдетъ мерзость—..

Волгинъ замолчалъ, нахмурилъ брови и сталъ качать головой. — Эхъ наши господа эмансипаторы, всѣ эти ваши Рязанцевы съ компаніей! — вотъ хвастуны-то, вотъ болтуны-то, вотъ дурачье то!—Опъ опять замоталъ головой [1]).

И крѣпостники и „либералы“, чиновные и не-чиновные, возбуждаютъ въ Волгинѣ чувства, далекія отъ уваженія. Все это въ сущности ничтожества. Онъ остается довольно равнодушенъ и къ возможному исходу ихъ борьбы за руководительство дѣломъ. Не велика разница, если изъ рукъ Савелова и Петра Астаповича (благодушный бюрократъ либеральнаго оттѣнка) дѣло освобожденія крестьянъ будетъ передано въ руки помѣщичьей партіи.

Волгинъ споритъ съ Соколовскимъ.

— Изъ-за чего идетъ борьба между прогрессистами и помѣщичьей партіей?—говоритъ Соколовскій.— Изъ-за того, съ землей или безъ земли освободить крестьянъ. Это колоссальная разница.

— Нѣтъ, не колоссальная, а ничтожная,—находилъ Волгинъ.—Была бы колоссальная, если бы крестьяне получили землю безъ выкупа. Взять у человѣка вещь или оставить ее у человѣка, но взять съ него плату за нее—все равно. Планъ помѣщичьей партіи разнится отъ плана прогрессистовъ только тѣмъ, что проще, короче. Поэтому онъ даже лучше. Меньше проволочекъ; вѣроятно, меньше обремененія для крестьянъ. У кого изъ крестьянъ есть деньги, тѣ купятъ себѣ землю. У кого нѣтъ, тѣхъ нечего и обязывать покупать ее. Это будетъ только разорять ихъ. Выкупъ—та же покупка. Если сказать правду, лучше пусть будутъ освобождены безъ земли.

— Вопросъ поставленъ такъ,— говоритъ Волгинъ далѣе, отвѣчая на горячія реплики своего собесѣдника, — что я не нахожу причинъ горячиться даже изъ-за того, будутъ или не будутъ освобождены крестьяне; тѣмъ меньше изъ-за того, кто станетъ освобождать ихъ — либералы или помѣщики. По-моему, все равно. Или помѣщики, даже лучше [2]).

Волгинъ, очевидно, перегибаетъ палку, желая охладить энтузіаста Соколовскаго, не всегда видящаго вещи въ настоящей перспективѣ и часто не въ мѣру кипятящагося по пустякамъ. Такъ и въ данномъ случаѣ онъ горячо принялъ къ сердцу одинъ изъ шахматныхъ ходовъ „прогрессистовъ“, вся тактика которыхъ представлялась для Волгина бьющею мимо цѣли и не возбуждала въ немъ ничего, кромѣ брезгливаго презрѣнія.

Волгинъ слышитъ о переполохѣ въ либеральномъ лагерѣ: „измѣнилъ“ гр. Чаплинъ, отъ котораго ждали какого-то шага въ другомъ направленіи. „Да, любопытная штука,—говоритъ Волгинъ пріятелю, принесшему ему это извѣстіе.—Всѣ у Рязанцева повѣсили носы... То-то же и есть, видите, какой народъ эти ваши господа либералы: какъ щелкнули ихъ по носу, они и по-

[1]) «Прологъ». Романъ въ двухъ частяхъ. Изд. М. П. Чернышевскаго. Спб. 1906 г., стр. 91.

[2]) Ibid., 163—164.

вѣсили его. Пріятная компанія. Но опять и то сказать: это было давно извѣстно, какой они народъ. Стало-быть, нѣтъ ничего особеннаго. Я вамъ говорилъ: одинъ Соколовскій какъ слѣдуетъ—человѣкъ; имѣетъ свои страпности, можетъ ошибаться, но человѣкъ, а не чортъ знаетъ что“ [1]).

Не лучше, конечно, и другой лагерь. Волгинъ на политическомъ обѣдѣ, на который собраны съѣхавшіеся въ Петербургъ помѣщики-крѣпостники.

Онъ не былъ мастеръ наблюдать и былъ близорукъ. Но развѣ слѣпой не видѣлъ бы, что такое на душѣ у этихъ людей; не за два десятка шаговъ—за полверсты можно было бы разгадать это, хоть бы и не разбирая ихъ лицъ, по самымъ фигурамъ ихъ.

„Безсмыслiе, безсиліе, безпомощность.

„Такъ должны глядѣть, стоять, двигаться приговоренные къ смерти.

„Нѣкоторые старались показывать, что они бодры, въ хорошемъ настроеніи. Говорили, шутили—были очень развязны... Но огромное большинство было не въ силахъ и заботиться скрывать свое уныніе: „мы агнцы, обреченные на закланіе; что жъ мы можемъ сдѣлать противъ такого жестокосерднаго рѣшенія?“

Волгинъ никогда не имѣлъ сношеній съ этими людьми. Но онъ съ дѣтства зналъ, что это люди буйные, наглые... Теперь они присмирѣли, будто разбиты параличомъ. Волгинъ предвидѣлъ заранѣе то, что онъ встрѣтитъ. Но „представляющееся глазамъ дѣйствуетъ сильнѣе воображаемаго“. Онъ „расчувствовался не весело: хоть и не любилъ ни вообще дворянства, ни магнатовъ въ частности.

„Жалкая нація, жалкая нація!—нація рабовъ, снизу доверху все сплошь рабы...“ думалъ онъ и хмурилъ брови.

„Онъ не любилъ дворянства. Но бывали минуты, когда онъ не имѣлъ вражды къ нему. Можно ли ненавидѣть жалкихъ рабовъ? И теперь на него нашло такое настроеніе“.

Ему мечталось теперь, что „эти жалкіе люди не виноваты въ нищетѣ и страданіяхъ народа, и что не было бы надобности уменьшать ихъ доходы ни на одну копейку, пусть бы себѣ благоденствовали попрежнему, ни на минуту не прерывая своихъ возвышенныхъ наслажденій псами и новыми каретами, попойками и цыганами“...

И „какъ легко было бы не огорчать ихъ! Стоило бы только гарантировать имъ ихъ доходы. Подобная гарантія тяжела, быть-можетъ, и неудобоисполнима у націй, гдѣ поземельный доходъ уже высокъ и не можетъ подыматься быстро. А у насъ? Въ пять лѣтъ удвоились бы, въ десять—учетверились бы средства націи, лишь бы освобожденіе было полное и мгновенное, по мыслямъ народа, который говоритъ: „господа пусть уѣзжаютъ изъ дере

---

[1]) Ibid., 162.

вень въ города и получаютъ тамъ жалованье“, нѣсколько лѣтъ, небольшіе займы, съ каждымъ годомъ все меньше, и черезъ десять лѣтъ, что значило бы государству выкупить эти нищѣшія жалкія ренты?“

Такъ фантазировалъ Волгинъ, когда на него находило настроеніе, подобное тому, какое навела на него картина пришибленныхъ крѣпостниковъ, собравшихся у Илатонцева. Въ другое время онъ разсуждалъ иначе: онъ не забывалъ, что исторія—борьба, что въ борьбѣ нѣжность неумѣстна. Правда,

Карикатура Степанова: („Искра“, 1863 г.).

онъ не считалъ себя борцомъ за народъ: у русскаго народа не могло быть борцовъ, по мнѣнію Волгина, оттого, что русскій народъ не способенъ поддерживать вступающихся за него; какому же человѣку въ здравомъ смыслѣ бываетъ охота пропадать задаромъ? Такъ или нѣтъ вообще, но о себѣ Волгинъ твердо зналъ, что не имѣетъ такого глупаго желанія, и никакъ не могъ считать себя защитникомъ народныхъ правъ. Но тѣмъ меньше и могъ онъ дѣлать уступки за народъ, тѣмъ меньше могъ не выставлять правъ народа во всей ихъ полнотѣ, когда приходилось говорить о нихъ.

„Потому то онъ и улыбался съ угрюмою ироніею, размышляя о томъ, какую буколику строитъ онъ въ пользу помѣщиковъ, и какъ несходно съ нею то, что они не имѣютъ права ни на грошъ вознагражденія; а имѣютъ ли право хоть на одинъ вершокъ земли въ русской странѣ, это должно быть рѣшено волею народа.

„Должно—и, разумѣется, не будетъ“...

Волгинъ начиналъ злиться. „Ему противно становилось смотрѣть на этихъ людей, которые останутся безнаказанны и безубыточны; безубыточны во всѣхъ своихъ заграбленныхъ у народа доходахъ; безнаказанны за всѣ угнетенія и злодѣйства; противно, обидно за справедливость,—и онъ опускалъ, опускалъ нахмуренные глаза къ землѣ, чтобы не видѣть враговъ народа, вредить которымъ былъ безсиленъ...“ [1]).

„Прологъ пролога“, какъ мы говорили, несомнѣнно, заключаетъ въ себѣ автобіографическія черты, но, конечно, не фабула романа или отдѣльные факты и фигуры дѣйствующихъ лицъ придаютъ ему такое значеніе. Центръ тяжести лежитъ въ настроеніяхъ Волгина, отражающихъ переживанія самого Чернышевскаго. Въ романѣ они отнесены еще къ самой порѣ, къ первымъ шагамъ освободительной работы, такъ захватившей вначалѣ Чернышевскаго. На самомъ дѣлѣ, мы знаемъ, что ему предстояло еще перенести прежде не одно разочарованіе. Жизнь скоро и безпощадно разбила иллюзіи, пробивавшіяся въ первыхъ статьяхъ Ник. Г—ча по крестьянскому вопросу. Но чтобы прійти къ горькому убѣжденію, что „у русскаго народа не могло быть борцовъ, оттого, что русскій народъ не способенъ поддерживать вступающихся за него“, нужно было переступить и чрезъ болѣе серьезныя и тяжелыя испытанія...

Полвѣка отдѣляютъ насъ отъ той эпохи, когда осуществлялось дѣло освобожденія крестьянъ. Мы видимъ теперь, что учесть итоги реформы гораздо трудпѣе и сложнѣе, чѣмъ это могло казаться современникамъ и участникамъ борьбы, происходившей около этой реформы. Само собою разумѣется, что попытка такого учета даже и приблизительно не можетъ входить въ задачи настоящей статьи. Не будемъ мы разбирать и того, какое вліяніе на выполненіе преобразованія могли оказать тѣ или иныя работы Чернышевскаго. Несомнѣнно, участіе „неорганизованнаго“ общественнаго элемента, общественнаго мнѣнія и его представительницы—печати, сослужило большую и важную службу дѣлу освобожденія. И не столько, конечно, дѣловой разработкой разныхъ подробностей переустройства крестьянскаго быта, сколько созданіемъ той общей нравственной атмосферы и того идейнаго теченія въ обществѣ, которыя являлись могучею поддержкою освободительной работы. Каковы бы ни были итоги этой работы, они во всякомъ случаѣ бы-

---

[1]) Ibid., стр. 170—173, passim.

ли бы много меньше, если бы не существовало этой поддержки. Но какъ измѣрить долю, которая принадлежала въ общей суммѣ полезной работы печати, тѣмъ или другимъ участникамъ этой работы? У насъ нѣтъ для этого точнаго аршина.

Но значеніе статей Чернышевскаго не исчерпывалось тѣмъ, что онѣ давали для злобы даннаго дня. Ихъ полезная работа шла гораздо дальше. Намъ нечего говорить о томъ большомъ, опредѣляющемъ вліяніи, какое оказалъ Чернышевскій на развитіе русской общественной мысли. И несомнѣнно, что въ ряду его работъ, заложившихъ прочный фундаментъ того здороваго демократизма, который, несмотря на временныя отклоненія въ ту или иную сторону, красною нитью проходитъ чрезъ всѣ фазы литературной эволюціи послѣдняго полувѣка, крупное и видное мѣсто принадлежитъ статьямъ его, посвященнымъ крестьянскому вопросу. Въ этомъ ихъ непреходящая и неоспоримая цѣнность.

Н. Анненскій.

СПИСОКЪ РИСУНКОВЪ, ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ IV Т. НА ОТДѢЛЬНЫХЪ ЛИСТАХЪ.

1. Крестьянская свадьба (лубочная картина изъ коллекціи Бахрушина въ Ист. Музеѣ).
2. Офеня (картина Кошелева).
3. Т. Г. Шевченко (портретъ Ярошенко).
4. Н. А. Некрасовъ (портретъ Крамского).
5. М. Е. Салтыковъ-Щедринъ (съ фотографіи).
6. Пріѣздъ гувернантки (картина Ѳедотова).
7. Шикарный балъ на Нижегородской ярмаркѣ (музей П. И. Щукина).
8. Мальпостъ (музей Щукина).
9. Группа крестьянъ Коротоякскаго уѣзда (альбомъ Павлова).
10. Праздникъ въ Малороссіи (картина Трутовскаго).
11. Роды въ полѣ (картина Соколова).
12. Великороссіяне Новохоперскаго уѣзда (альбомъ Павлова).
13. Ремонтныя работы (картина Савицкаго).
14. Крестьяне Воронежскаго уѣзда (альбомъ Павлова).
15. Крестьянская свадьба (картина Рябушкина).
16. Хоругвь, вышитая бывшими крѣпостными дѣвушками въ память 19 февраля (Ист. Музей).
17. А. И. Герценъ (портретъ Ге).
18. Деревенская лавка (картина Васнецова).
19. Н. Г. Чернышевскій.
20. Самосудъ надъ конокрадомъ (картина Пимоненко).
21. Великороссіяне Бирюченскаго уѣзда (альбомъ Павлова).
22. Объѣздъ епархіи (картина Ковалевскаго).
23. Великороссіяне Бобровскаго уѣзда (альбомъ Павлова).

Поправка. Въ III т. подъ картиной «Встрѣча иконы въ деревнѣ» ошибочно поставлена фамилія Попова, надо Савицкаго.

Портретъ Григоровича принадлежитъ Крамскому, а не Рѣпину.

РКМ
АП

2007056889